

НАСТОЙКА ОТ ХАМСТВА

СЕРГЕЙ СОБОЛЕНКО-БАСКАКОВ

НАСТОЙКА ОТ ХАМСТВА

*Во имя Отца, Сына и Святаго Духа.
Аминь.*

Киев
2007

УДК 133.2
ББК 86.42
С 54

С 54 Сергей Соболенко-Баскаков. Настойка от хамства.
Под редакцией Ю. Дикарева

ISBN 978-966-96538-5-7

Отец, Сын, Святой Дух, вера, надежда, любовь, а три кита...

В первых книгах я говорил – дракон не проигрывает потому, что не сопротивляется. Но разве не интересно как это происходит?

Учитель научил меня самому сложному – прощать. И если сильно больно, но понимаешь – от чего, то, поверьте, боль остаётся, превращаясь в другую, а смена боли – это уже движение. Потому, что жизнь – постоянная борьба, ведь для этого мы и пришли на Землю. Пришли посмотреть – чего стоим. В мире почти нет философских учений, начинающегося с физического здоровья учеников. Не с хороших лекарей, а с учеников. Начинаясь с учеников – учение начинается с Создателя.

Сергей Соболенко-Баскаков

ISBN 978-966-96538-5-7

© С. Соболенко-Баскаков
© Издательство “Вольф”, 2007

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	8
Пролог	10
Глава 1	13
Глава 2	26
Глава 3	40
Глава 4	56
Глава 5	73
Глава 6	86
Глава 7	109
Глава 8	127
Глава 9	141
Глава 10	155
Глава 11	169
Глава 12	184
Глава 13	204
Глава 14	217
Глава 15	230
Глава 16	248
Глава 17	258
Глава 18	274
Глава 19	290
Перед поскриптумом	303
Поскриптум	303

Часть первая

КРУГ ДЕМОНОВ

*Благословен, кто
помогая – отдает, а
отдавая – помогает.*

ОТ АВТОРА

Огромная просьба ко всем, захотевшим написать комментарии или какие-либо пояснения к моим и без того запутанным изложениям. Это мое личное восприятие Школы и Учителей, – другого быть не может. Взгляд через взгляд – еще одно добавление к огромной толпе слепых. Еще не хотелось бы плодить хамство, которое вместе с безумием и невежеством грызут нашу Землю. Мне и без того не легко далась эта беспокойная жизнь.

Я встретил на своем пути хранителей древних знаний. Земля, много раз измученная отступлением от Космических Законов, начинает все заново. Я счастлив, что мне разрешили написать об этом, и горжусь знаниями, которые доверили. Каждый раз, когда Земля подходит к апокалипсису – изменению, Хранители Космических Законов пытаются достучаться до глухих человеческих сердец. Создатель ждет, когда его дети закончат этот бессмысленный круговорот. Я свято верю во все это потому, что в своей жизни соприкоснулся с Воинами Света.

Первую книгу “Рецепт от безумия” написал по поручению Патриарха тайной корейской родовой общины – он мой первый и единственный Учитель. Вторую, “Прививка от невежества”, разрешил написать Патриарх Северо-тибетской Школы, который на данный момент является Хранителем Земных Знаний. Я прожил рядом с Ним полгода, – так родилась вторая книга. Сейчас эти книги живут, проходя лабиринты безумия, невежества и хамства. Клянусь, что свято сохранил и выполнил доверенное мне. И вот, снова белый лист бумаги.

Пришло время ехать в общину, потому, что там братья и старый Патриарх, заменивший мать с отцом, отказавшихся от меня не желая понять. Жаль, ведь дети в этом мире даются для испытания. Я очень люблю своих родителей.

Учитель научил меня самому сложному – прощать. И если сильно больно, но понимаешь – от чего, то, поверьте, боль остается, превращаясь в другую, а смена боли – это уже движение. Потому, что жизнь – постоянная борьба, ведь для этого мы и пришли на Землю. Пришли посмотреть – чего стоим.

Сделано и пережито многое, но этим листам бумаги придется принять самое сложное. Они вберут в себя то, что было пропущено в первых книгах. Книг должно быть три, ведь с магического числа три начинается многое. Разве треугольник не самая жесткая конструкция в материальном мире. А вспомните: Отец, Сын, Святой Дух, вера, надежда, любовь, а три кита, а то, что знающему далеко до любящего, а любящему до радостного. В этом мире есть трое, способные говорить правду, – действительно, несусветная роскошь. Первый тот, который уверен, что говорит по секрету. Второй – обычный сумасшедший, как и первый, а третий тот, который может себе это позволить, когда захочет. Все как бы одинаковые, но все же нет... Поэтому книг должно быть три. А чтобы быть честным до конца, очень хочется объяснить – почему дракон не проигрывает. В первых книгах я говорил – не проигрывает потому, что не сопротивляется. Но разве не интересно как это происходит? Бумага примет в себя тех, кто был рядом в полной уверенности, что помогают, и превратится в третью книгу.

Все знания по медицине, полученные от Учителей, изложены в книгах “Рецепт от безумия” и “Прививка от невежества”. В мире почти нет философских учений, начинающих с физического здоровья учеников. Не с хороших лекарей, а с учеников. Начинается с учеников – учение начинается с Создателя.

*Благословен, кто
помогая – отдает, а
отдавая – помогает.*

ПРОЛОГ

Черная, горячая, душистая ночь. Такое обычно случается после раскаленного дня. Сосновый лес проваливает в сладкий запах каждого, который отважился зайти в него.

– Может, мы заблудились, что же ты хотел нам показать? – испуганно спросила одна из девушек, идущих за мальчиком. Девушки были смешные и тоненькие, поэтому мальчик чувствовал себя очень важным.

? Сейчас придем, – ответил мальчик, указывая вперед тусклым, с умирающими батарейками, фонариком. Двое курносых девушек и их проводник подошли к сломанной березе. Мальчик выключил фонарик.

– Ой, зачем? – заволновались девушки.

– Тише, в стволе сидит птица, потому, что там гнездо, – строго ответил мальчик. – Сейчас включу фонарик и мы посмотрим какая она.

– Здорово, – прошептали девушки.

– Ну что, готовы? – с тревогой в голосе спросил мальчик.

Три головы прикоснулись лбами над серым в темноте, сломанным стволом березы. Фонарик вспыхнул, и они увидели три, в голубую крапинку яйца. Птицы не было. Мальчик всхлипнул и упал на сухие сосновые иголки. Мальчик плакал. Девушки испуганно стояли, схватившись за руки. Фонарик в последний раз мигнул единственным глазом и погас. Горячий сосновый лес, сломанная береза, плачущий ребенок, почти невидимый в темноте. Двум девочкам стало понятно отчего он плачет. Мальчик нашел гнездо с тремя крошечными яйцами, наверное это было его первое гнездо в жизни. Еще он знал, что птицы спят по ночам. Мальчик хотел показать свою первую птицу, живущую на свободе. Он выбрал девочек, потому, что доверял им. Чьи-то злые руки унесли птицу. Из трех в голубую крапинку яиц никогда не появятся веселые птенцы. А птица умрет, ударяясь грудью о железные прутья своей тюрьмы. Две девушки поняли, почему так горько плачет одинокий маленький мальчик.

– Мальчик наш! – одновременно вырвалось у них. – Мальчик наш, – причитали они, прижимаясь губами к его мокрому лицу. –

Мальчик наш, – целовали они его. Вместо одной маленькой птицы к мальчику с неба спустились два нежных ангела.

Этот сон меня преследует каждую ночь, он из тех снов, которые будут приходить всегда.

Темнота, далекое и успокаивающее дыхание океана прокрадывается в мою келью. Я понял, что больше не усну и с трудом выбрался из-под тонкого одеяла. Боль жестко ударила по всему телу, напомнив о прошедшем дне. Не ощущался даже дальневосточный холод.

“Ох, и одевание, – подумал я, с трудом напяливая теплую школьную форму. – Это настоящая пытка”. Солнце медленно, как будто чего-то боясь, выходило из океана, заполняя мою комнату едва ощутимым кровавым светом. Пройдя длинный коридор, я направился к светящемуся выходу.

Твердая от ног воинов площадка была пустынной, станки для отработки техники боя одиноко стояли среди высоких сосен. Община без монахов – непривычное и тягостное зрелище. Солнце неудержимо выходило, оглядывая землю, каждый раз удивляя своим постоянством.

Последнее время меня часто мучила мысль: “А вдруг не выйдет, что будет с нами, глупыми и напыщенными?” Мы, люди, стали пренебрегать своим Создателем.

Я шел, задевая пушистый папоротник, вспоминая о вчерашнем. Острия сосновых иголок медленно начинали светиться, предсказывая ясный день. Океан подкрадывался все ближе и ближе, его кроваво-черные утренние волны медленно и тяжело облизывали серый песок. Дыхание уходящей за горизонт воды уже не успокаивало. Никогда не привыкну. Ведь я раб и дитя железобетонных городов, давших мне эту беспокойную жизнь.

В корейской общине, затерявшейся в сосновых волнах Дальнего Востока, случилась какая-то беда. Последний раз эти места я видел десять лет назад. Учитель проводил меня, отдав одну из святынь Дракона, и посвятил в следующую степень мастерства. Я плакал, откнувшись лицом в дальневосточную траву. Ну год, ну два, и я снова приеду. Приехал через десять лет. Перевалило за тридцать. Десять лет скитаний по черным городам, десять лет метания по законам, придуманным сходящим с ума человечеством.

Вот они, сосновые волны, затаившие какую-то непонятную тревогу. Мне иногда кажется, что мы, люди, снова теряем нашу Землю. Неужели опять апокалипсис, опять катастрофы и умирающие дети. А потом все снова? Бесконечный круг мучительных рождений и смертей, Земли и людей. Когда же мы победим черного демона, оседлавшего нашу Землю? Неужели Создатель опять

вызовет Верховного разрушителя, для того, чтобы его дети не разрушили Землю?

Лапы папоротника выпустили меня на поляну, в центре которой был вкопан сосновый ствол. Поляна Учителя. На бревне, с поднятыми к небу руками и закрыв глаза, стоял высокий седой человек. Его длинные волосы вздрагивали от набегающего ветра. При одном взгляде становилось ясно – океану непросто найти силу, перед которой может дрогнуть мастер. Я выполнил Школьный ритуал абсолютного признания. Знающему легко было определить, что в общину пришла опасность, угрожающая знаниям, накопленным за тысячелетия. Учитель вышел из тела, оставив его в предельном напряжении, демонстрируя Верховному Дракону Ссаккиссо, что он может принимать решения и, несмотря на возраст, все еще остается одним из самых выдающихся воинов на Земле. Внезапный порыв ветра подхватил седые волосы мастера, хлопнув широкими и длинными рукавами рубахи – так хлопает крыльями испуганная птица. Это было одно из величайших таинств Школы.

Каменный дракон – земля, водяной – вода, воздушный – воздух, огненный – солнце. Из этих четырех стихий, когда они объединяются, рождается пятая – Верховный разрушитель Ссаккиссо – ураганы, смерчи и землетрясения. Но, объединившись, эти стихии могут еще и созидать, ведь исчезни хоть одна из них, исчезнет и жизнь на земле. Верховный разрушитель, посланный Создателем, начал апокалипсис для своих детей.

Патриарх Ням разговаривал с Драконом Ссаккиссо. Время летело неудержимо: ясный и теплый день, вечер и ночь. В темноте казалось, что Учитель застыл над землей. Я не мог даже пошевелиться. Я увидел то, о чем когда-то рассказывал Патриарх.

ГЛАВА 1

Тысяча девятьсот пятидесятый год. Город Находка.

– Пэн, ты рано пришел, – сказала молоденькая китайка, похаживая на лисичку.

– Я прихожу тогда, когда мне приказывает то, чего не могу постичь.

– Ты выдумщик, – засмеялась лисичка.

– Я верующий, вот и все. Главное скажи, что мне делать?

Красивая лисичка засмеялась и объявила, что сделает все сама.

– Я могу заварить чай, – смеялась девушка. – Еще могу подмести пол. – Разве это дело воина?

– А ты считаешь меня воином? – поинтересовался Пэн.

– Что ты, – испугалась девушка. – Я не считаю, я знаю.

В дверь постучали, девушка и парень вздрогнули.

– Я открою, – девушка кинулась к выходу.

В дверь снова постучали, – стрельнув несколько раз замком, лисичка распахнула ее. Старый хромоу Чжоу ввалился в дом, затащив с собой неповторимый запах уходящего лета.

– Милуетесь, лисята? – свирепо спросил мастер.

Молоденькая лисичка взвизгнула и исчезла за высокой ширмой. Молодой воин упал перед Чжоу на правое колено, подставив ему голову и вытянув вперед правую руку, как бы отдавая ее своему Учителю. Это было полное признание, – так себя ведут только перед тем, кому доверяют свое тело и душу. Огромная тяжесть и честь для молодого воина-ученика.

– Милуетесь, лисята? – грозно переспросил один из сильнейших бойцов древнего Шаолиня. И вдруг громко расхохотался, уходящее лето ударило по вискам даже ему.

На окраине города, в крошечном домике вершилось таинство, изменившее нашу страну. Мудрость Земли, перебродив, выплеснулась из древнего Срединного государства на Дальний Восток, ее выбрал в себя Уссурийский край.

А было это именно так.

– Чем помочь? – снова поинтересовался Чжоу. – Может подмести пол? Или заварить чай? – За ширмой снова завизжала девушка.

– Ладно, – усмехнулся старик. – Я пришел рано потому, что желаю знать первым, действительно ли в Поднебесной еще остались Великие Учителя? Разве Мао не раздавил всех? Скажи мальчик, это правда, что сегодня в этот дом придет сам Фу Шин и еще многие?

– Я не умею говорить о таком. Мастера – это то, чего постигнуть мне не дано. Я могу подмести пол, убить врага и заварить чай.

Хромой Чжоу, развеселившись окончательно, хлопнул Пэна по затылку.

– Ты, сынок, хороший ученик. Так дальше и живи. – Чжоу упал возле стены в лотос.

В дверь снова постучали. В дом, поклонившись, вошел еще один воин. Его внутренняя тишина никого не потревожила. Все чего-то ждали, и даже хромой Чжоу молча сидел в углу.

В дверь постучали. Дом, уже вобравший в себя несколько знаменитых воинов, вздрогнул. Девушка открыла дверь. Порог переступил Патриарх Корейской общины. Старый Чжоу зарычал. Присутствующие вскочили и пали ниц. Хромой Чжоу, не любивший излишних церемоний, все же поклонился корейскому Дракону, который в свою очередь сделал жест отказа от дальнейшего этикета и устало сел опершись спиной о стену. Воины безошибочно определили, что появился один из величайших Земных Учителей. Через мгновение дом затаился, как перед ураганом. Ждали того, в которого мало верили.

В дверь постучали. Все в одно мгновение оказались на ногах, даже корейский Дракон вернулся из глубины своих мыслей. Лисичка дернулась открывать. Ее что-то отбросило в сторону. Девушка, тихо пискнув, начала медленно сползать по стене. Пэн, пытаясь помочь ей, кинулся вперед. Ломая пальцы и замок, он рванул дверь на себя. “Лишь бы не потерять сознание, не потеряй сознание, – покрываясь ледяным потом, сам себя умолял молодой воин. – Не потеряй лицо, – мысли бились в голове как сумасшедшие птицы. – Я не переживу этого, ведь я воин”, – кричал внутри себя Пэн. Молодость и глупость навсегда останутся самыми главными врагами человека.

Перед Фу Шином в глубоком поклоне стоял корейский Дракон, в ногах валялся без сознания Пэн, остальные, как и положено, пали ниц. Воины даже на мгновение не усомнились – они оказались перед Лицом Верховного Учителя Земли.

Когда Пэн очнулся, то увидел, что лежит за спинами воинов, которые сидят на полу скрестив ноги. Мысленно поблагодарив братьев, молодой воин тихо сел. У него появилась прекрасная возможность рассмотреть тех, которые, облокотившись спинами

о стену, закрыли глаза. Все понимали, что Учителя дают возможность придти в себя и подготовиться к чему-то.

Лицами к собравшимся воинам сидело трое. В центре Фу Шин, справа от него корейский Дракон Ням, слева старый Чжоу. Никто не усомнился в правильности такого расположения. Мастера впервые видели легендарных Земных воинов, собравшихся вместе.

Фу Шин был похож на измученного тигра, у которого остались силы лишь для последнего броска. Даже глубокие морщины на лбу напояли черные тигровины. Уставшее лицо, широкий нос, плотно сжатая щель рта казалась без губ. Закрытые впавшие глаза.

Рассматривая Учителей, Пэн понял, что они не зря дали глубокую паузу. По комнате медленно растекалось умиротворение.

Патриарха корейской родовой общины годы тоже не пощадили, но Ням был менее уставший, в нем отражалось время. Слишком высокий для корейца, с тонким горбатым носом и длинными волосами. Старик напоминал затаившегося иссушенного дракона, белые волосы которого густым водопадом падали на широкие худые плечи.

“Какая страшная и старая обезьяна”, – вспыхнуло в мозгу у Пэна, когда его глаза всмотрелись в хромого Чжоу. Лицо великого мастера боя, который прославился своей неуязвимостью, действительно было все в шрамах и морщинах. Поговаривали, что в молодости у него был очень строгий и даже дикий Учитель. Чжоу уходил на свои уроки глубоко в джунгли, к кому, не знали даже в Шаолине, на ворота и стены которого он легко взбирался без помощи ног, удивляя и пугая монахов. Он вольно жил возле монастыря под открытым небом, постоянно тренировался, часто вступая в ссоры со стаями обезьян, которым почему-то сильно не нравился. Крикливые братья швыряли в него с деревьев всем, чем только могли. В те далекие времена Чжоу приставал ко всем входящим и выходящим из монастыря, предлагая вступить в бой. Но так как не хулиганил и строго придерживался этикета, предъявить ему было нечего, поэтому монахи долгое время страдали от неугомонного молодого мастера. Чжоу в своей жизни не проиграл ни единого боя.

Пэн внезапно сорвался с места, за ним еще несколько молодых воинов, они заскочили за цветную ширму. Пришло время чаепития. Молодежь быстро, без суеты, раздала пиалы с зеленым чаем, который приготовила Лисичка. Пэн дрожащими руками протянул пиалу Фу Шину. Глаза Верховного Патриарха вздрогнули и начали медленно открываться, выплескивая ледяную силу. На этот раз Пэн устоял.

Чай пили не спеша. Когда пиалы были отставлены, каждый услышал внутри себя голос. А как еще мог говорить Верховный Учитель? Ведь его окружали люди Земли, говорившие на разных наречиях и языках.

– Дети, – голос успокаивающий и глубинный. – Воины, – голос Верховного Патриарха! – Вы наверное помните летоисчисление этого народа, на земле которого мы собрались? Все выстраданное нами примет именно он. Почти за мгновение вберет в себя тысячелетия. Последняя рана Великого Срединного государства будет долго гнить и может уже никогда не затянуться. Древняя мудрость часто переходит в полное безумие. Оно уже скоро наступит. Мао, мертвые монахи и монастыри, демоны-хуэньбийцы, раскалывающие святыни прикладами ружей. Дети, забывшие отцов. Лавина начала двигаться и скоро захлестнет Тибет. – Патриарх надолго закрыл глаза.

– Теперь пришло время этой земли. Шаолини, давшие начало мудрости, уже растерзаны. Из неушедших от людей в пещеры великих гор, а значит ушедших от себя, осталось вот что, – и Фу Шин обвел комнату рукой. – Тысяча девятьсот пятидесятый год, пять чувств на распятии, идущие в себя перед нулем, Божественным числом. Ведь ноль – состояние Будды, ноль – показатель качества пройденного. Я тот, которому много десятилетий назад было от дано право распоряжаться Земной Силой. Стальное Облако Фэй – сказал. – Все присутствующие, вместе с Патриархом, при имени Будды вскочили и рухнули ниц. Воины знали, что много десятилетий назад приходящий на Землю бессмертный Учитель Фу Шина передал ему Земные Знания и право на них.

– Воины, я говорю от Фэй, – все снова сделали высший этикет, – вы имеете долг, и поэтому отдавайте свое, но только тому, кто может взять. Благословен берущий, ибо он возвращающий Богу.

У Патриарха вздрогнули воспаленные веки и закрылись уставшие глаза. Воины, получив наставление, стали бесшумно расходиться. В доме остались Пэн, Лисичка и три Учителя. Фу Шин с трудом поднялся с пола. Затем Верховный Учитель, не спеша вышел за дверь в ночь и начинающуюся осень. Ням и Чжоу последовали за Ним. Пэн с Лисичкой снова остались вдвоем.

Три старых воина уже далеко отошли от дома. Впереди, под звездами показался упруго опирающийся на землю и колышущийся океан.

Начался город. Рваные, грязные улочки, нелепые деревянные строения. Патриарх Фу Шин остановился возле знаменитого городского притона, сделав жест ожидания, он вошел в большой серый дом. Ням и Чжоу сели на разбросанные вокруг деревянные ящики.

– Ну почему же Татария? – задумчиво произнес Чжоу.
– Вижу, что выигранных боев в твоей жизни гораздо больше, чем попыток осознать их, – усмехнулся кореец.

– Поздно меня учить, – недовольно пробурчал Чжоу.

– Я и не собираюсь учить, – ответил Ням. – Но если хочешь, могу рассказать. И давно уже не Татария, а СССР.

Хромой Чжоу повернул голову и внимательно посмотрел на корейского Дракона. Ням понял, что Разящая Обезьяна слушать согласен и готов.

– Я не буду рассказывать только одними словами, больше расскажу цифрами.

– Как? – удивился воин.

– Языки и слова со своими значениями много раз менялись на земле. А цифры всегда оставались, ведь они магические знаки. Люди сделали математику из древнейших символов, зачем придумывать что-то новое? Да и леньность один из главных пороков. Давно пришло время говорить цифрами. – Чжоу слушал, затаив дыхание.

– Единица, – улыбнувшись, объявил Ням. – Это точка, начало, зерно и зародыш возможностей. Рост, движение, изменение и только один раз вверх и низ, может лево и право, но только один раз. Двойка – черное и белое, право – лево, кто не с нами тот против нас. Кто не с нами тот против нас, вот она двойка. Крайности, куда же от них денешься? А теперь тройка, троика, триединство, Триада, треугольник. Самая жесткая конструкция на земле. Даже Бог пожелал быть триединым, но в одном лице. Это срединное состояние – де Дао. В двойке всегда появляется тройка и от этого никуда не денешься. Потом появляется четверка, возможность движения во все стороны. Четверка – это крест, два креста – роза ветров. Куда двигаться? Что добро, а что зло? Распутье, а на этой земле еще называется и распятые. Пять – это пентаграмма, пятиконечная звезда. Главный символ этого народа. Это пять пальцев и еще много разного. Но главное – пять чувств. Зрение, слух, обоняние, осязание и вкус. Появляются умники, придумывая предчувствие, ощущение и ясновидение. Какая разница? Ногами можно идти, ими можно скакать, но они все равно останутся ноги. Вот и появляется на распутьи-распятыи мученик, страдающий за пятерку чувств. А вот и шестерка, истинно страшный символ. Попробуешь жизнь и себя на вкус и остальные чувства, войдешь во внутрь самого себя – тут может появиться целых три шестерки. Самая жесткая конструкция – треугольник из шестерок! Да и пишется она против часовой стрелки, во внутрь себя, а значит – против солнца. Почему шесть, шесть, шесть? Да потому, что не шесть, семь, восемь. Если человек

осилил и прошел шестерку, тогда будет семь. Семь – Божественное число. В этом знаке четко видно движение по солнцу. Четыре семерки – чудесный символ, движение солнца. Часто люди, все это путают с фашизмом. Но как их обвинишь, если фашизм был и есть?

– Знаю я этот знак в обратную сторону, – прошипел хромой Чжоу, и шрамы на его лице потемнели.

– Слушай дальше, – усмехнулся кореец. – Восемь. Мебиус был такой мудрец, который посвятил этому знаку жизнь. Знак без начала и конца, без видимого перехода из внешнего во внутренне. О восьмерке можно говорить бесконечно. Это то, что выходит за рамки понимания обычных людей. Девять – личность, познавшая себя с помощью знаков, четыре – пути, пяти чувств, к тому же пройдя $6 + 7 + 8 = 21$, а $2 + 1$ – это 3. Архат несущий в себе триединство Знания. Поэтому $8 +$ одна личность рождает девять. Можно и треугольник $9\ 9\ 9$ – три раза по часовой стрелке из себя в Космос. Десять – такого числа нет, как и нет ненужных повторений, единица уже была. Ноль – магический круг. Самое сложное число, не показатель количества, а показатель качества. Качество может показать только Будда. Кто из людей понимает качество? Вот так, непобедимая обезьяна, – усмехнулся корейский Патриарх. Двое мастеров надолго замолчали.

– Но все же, почему Татария? – упрямо повторил Чжоу.

– Сейчас все объясню, – улыбнувшись продолжал Дракон. – На Земле по магическим законам часто появляются треугольники. Скажу о последних, тем более, что эти треугольники из шестерок. Вот тебе первая тройная шестерка. Маркс, Энгельс, Ленин.

– Да, что-то слышал, – скрипнув ящиком, на котором сидел, задумчиво произнес хромой Чжоу.

– А сколько пытались продолжить и стать четвертым, но разве пойдешь против Земных законов. Вот так и появилась еще одна, – продолжал Ням. – Сталин, Гитлер, Мао.

При упоминании о Мао Цзе Дуне, старый Чжоу громко заскрипел всеми оставшимися зубами.

– А принесло все это, – вздохнул кореец, – такие умные изречения как: “Учиться, учиться и учиться” – это сказал один, другой сказал: “Сколько не учишься, Императором не станешь”, “Чем хуже, тем лучше” и еще много безумного. Вот что значит бездумно относиться к великим символам и словам. Ведь Слово равняется силе небесного меча, дающего свет или уносящего жизни. Сейчас ты знаешь в каких руках этот меч. А ведь Создатель задумал Океан Любви и доверил его нам – несущим свет.

– Хорошо же мы его несем, – растеряно пробормотал Чжоу.

– Вот поэтому Верховный и пришел с беженцами, а не спрятавшись в каком-нибудь тайном монастыре, которых еще хватает в бесконечных древних скалах.

– Но почему же все-таки Татария? – упрямо повторил мастер.

– Потому, что СССР самая пострадавшая страна.

– Как?! – поразился Чжоу, – а мы?

– Представь – одно одеяло на всех.

– Как? – снова удивился старый боец.

– Полное смешение национальностей, перемещение целых народов с одного географического места на другое. Любой Император возвышал свой народ, хотя бы для видимости, но ни один не уничтожал его физически в открытую. Даже фамилии, несущие в себе ничтожность, стали в большом почете.

– Как же это? – развел руками Чжоу.

– Попробую объяснить, – сказал Ням. Представь себе почетные имена Безродный, Бедный, Сирота, Горький и еще много подобного.

– Я знаю, – жестко произнес хромой Чжоу, вскакивая с ящика, на котором сидел. – Рабство порождает рабов и героев.

– Да, – согласился кореец, – к тому же, на этой земле очень юные люди, поэтому они на распутье и распяли доброго человека. И у них это будет продолжаться тибетский век, а как ты знаешь – это шестьдесят человеческих лет. Мудрость Земли в хаосе Космоса, поэтому мы здесь.

– Я готов вырвать Небесный меч из рук демонов, – сверкнув глазами, гневно произнес воин.

– Твоя сила нужна, – вставая, торжественно произнес корейский Патриарх.

Воины низко поклонились друг другу.

Так или примерно так на Дальнем Востоке, на окраине города Находка, возле древнего океана, под грязным портовым притоном, разговаривали Учителя, несущие Знания Земли.

Я родился только через десять лет, но мне это рассказал мой Учитель – корейский Патриарх Родовой Школы Дракона. Приходится прерывать мастеров и сказать от Учителя. Пустое знание этих цифр – это первый шаг в сумасшедший дом. Сейчас нужно подойти к цифрам, которые несут объяснение и продолжение в конкретной школе. Все школы на земле имеют свои магические знаки – цифры. Я знаю только одну Школу. Шестерка – начало истины и демона, живущих в нас.

1. Философия – стремление понять окружающее нас.

2. Психология – стремление понять, что движет поступками людей.

3. Медицина – стремление понять биологический механизм человека.

4. Владение собой – понимание собственного движения в движении окружающего. Движение в движении.

5. Оккультизм – понимание того, что выходит за рамки понимания общества.

6. Истина –

В соответствии с философией Школы чувства возникают не на основе страха перед смертью, а на основе страха повторить ошибки прошлого.

1. Отличие человека от животного.

2. Любовь.

3. Совесть.

4. Добро и Зло.

5. Счастье.

6. Истина.

Человек отличается от животного тем, что только он способен пожертвовать собой во имя чего-то, этим побеждая самое сильное на Земле – инстинкт самосохранения.

Лечение в человеке отдельных функциональных расстройств в Школе считается абсурдом. Из больного в течение одиннадцати дней делается чистый сосуд, выводя естественным путем гнильные и бродильные продукты, благодаря которым разрушаются органы, и происходит рост плюс-тканей. В последующие 21 день образуют новую здоровую микрофлору. Все это приводит к повышению иммунитета, который справляется с заболеванием. Школа утверждает, что вылечить нельзя только двоих: мертвого и того, кто не хочет.

Основные символы – вращение свастики, дерево и падающий лист.

1. Земляной Дракон.

2. Водяной Дракон.

3. Воздушный Дракон.

4. Огненный Дракон.

Эти основные четыре стихии, на которых держится все живое, еще рождают две:

5. Верховный Разрушитель.

6. Истинный.

Дракон – это падающий с дерева лист, на который влияют четыре стихии. Земля тянет к себе, лист влажный – падает тяжело, ветер подхватывает, а Солнце сушит и взрывает легкостью в полете.

Дракон – стихийная Школа, сила которой не сопротивляется и оттого непобедима. Полное описание в первых двух книгах.

В основной цифпрограмме единица – это начало. Разве философия не начало. Двойка – дуализм, разве это не психология. Троица – это тройка, которая достигается благодаря медицине – законченная тройка. Четверка – распутье, разве это не школьная четверка, которая символизирует владение собой. Пятёрка – чувства, появление оккультизма. Шестёрка – истина. Тот, кто выходит из шестёрки – идет дальше, а кто остается – тот остается.

– Мастер, говорящий цифрами, где наш Верховный? – спросила старая обезьяна.

– Ты боишься за него? – усмехнулся Ням.

– Дом плохой, сперва громко, потом тихо.

– Я думаю, что Верховный не убил их.

– Попробуем зайти? – спросил хромой Чжоу.

И вдруг огромная ветка, как бы прощаясь с уходящим летом, треснула и повисла зеленым маятником.

– Наверное стоит зайти, – согласился корейский Дракон.

Оплеванный пол, окурки контрабандных сигарет, марихуана, вбитая в папиросы, сумасшедшие лица. В центре грязного деревянного стола стояла девочка, похожая на любимую наложницу императора. На нее устало смотрел Фу Шин, который почувствовал, что ее затащили в этот дом. Он что-то рассказывал, все слушали измученного Тибетского Тигра.

Когда зашли Дракон и Обезьяна, Верховный встал, громко засмеялся и объявил: “Красота – дар демонов. Красота – меч, разрушающий жизнь пополам”.

Испитые, прокуренные матросы повернулись. Перед огромной протухшей человеческими телами залой стояли два старика: Обезьяна, подобная дьяволу, и Патриарх, вышедший из глубины сосновых волн. Ням знал, что творится на его родине, знал о войне, которая стирала сокровища, вышедшие из корейского Лабиринта, но он должен был оставаться возле Фу Шина.

– Это моя дочка, – представил Фу Шин тонкую тень с лицом императрицы. – Вы не знали, – усмехнулся он. – Я пришел с ней на руках, но через пару лет из девочек получают острые женские мечи.

– Патриарх, – прорычала старая обезьяна Чжоу. – Мы Вас долго ждали, очень много говорили, а потом решили прийти.

Фу Шин снова засмеялся. Ни леденящего ужаса, ни пугающего страха, ничего подобного не выкатилось из его уставших глаз.

– Братья, – глубоко вдохнул и выдохнул Верховный. – Красота – это дар демонов. Я знал, что она будет такой.

– Вы хотели красивую женщину, – обратился он к окружающим, – а получили старика. А вот еще и старый Дракон с такой же Обезьяной.

– Давайте спорить, – предложил Верховный, – или, может, давайте драться, ведь вы все равно собирались этим заняться, чтоб выяснить, кому она достанется первому.

Тишина, страх, удивление, перед непонятными стариками. Но драться, почему-то не хотелось. Хотелось слышать каждое слово мудрости, она здесь была, и в этом никто не сомневался.

– Красота – это дар демонов, меч, разрушающий жизнь пополам, звезда упавшая с неба, рождающая раздоры. Что делает сильнее, сильнее, слабее, трусливого трусливей? Все та же красота. Ведь она неуправляемая в руках вода. Разве не каждого хоть раз мучила жажда? Однажды в тишине возле серой скалы у озера мой Учитель рассказал о старой собаке, которая вырвалась на свободу.

Матросы, грузчики, проститутки и прочий портовый народ, с удивлением открыв рты, слушали Верховного.

Собачья жизнь не менялась за человеческое время. Старая собака уже полжизни бегала на цепи по кругу, возле своей грубо сколоченной будки, дома и убежища. Мыска любой похлебки радовала ее, потому что она всегда боялась, вдруг не принесут. Хозяин – угрюмый, вечно чем-то недовольный человек, мог испугать ее громким криком, выказывая свое недовольство, или больно ударить ногой. Он слишком привык, что она стережет все, что у него есть. Человек часто забывал ее кормить, и даже вода порою становилась редкостью в деревянной миске. А старая собака все бегала и бегала по кругу, охраняя человека и все то, что он нажил.

И вот однажды Создатель сжалился, а может, старая собака заслужила все это. Веревка пересохла и лопнула. В то время хозяина не было дома, а собака все продолжала бегать по кругу, хотя голод довел ее до отчаянья. Вдалеке ей часто виделась давняя мечта, такая же старая, как и она сама, – сверкающее под солнцем голубое озеро. По привычке, ни на что не рассчитывая, собака рванулась в сторону сверкающего чуда, которое часто снилось ей в старой будке, и побежала вперед.

Она вдруг стала молодой, прыгала и резвилась как щенок, гоняла крошечных кузнечиков и боящихся всего птиц. Но голод и на этот раз победил. Лохматая вдруг почувствовала, что у нее под лапой что-то шевелится – это была лягушка, беспомощная, наверное, съедобная. И вот, набитое брюхо, вкусными, как ей показалось, лягушками. Собака задумалась, зачем же был нужен этот хозяин, пугающий и так редко дающий еду?

Еще несколько прыжков и можно напиться, а не ждать деревянную миску. Она подбежала к озеру, уже высунув язык, и вдруг испугано взвизгнув, отпрыгнула от воды. Там кто-то жил, ведь в миске всегда была просто вода. Она вспомнила, как возле дома на цепи грозно защищала хозяина и снова бросилась к озеру. “Оно” было страшное, зубастое и лохматое, а самое главное огромных размеров. Собака снова с визгом отскочила в сторону. Язык прилип к гортани, хотелось вернуться к хозяину, но деревянная миска на фоне голубого озера пугала еще больше. В отчаянии, из последних сил, она разбежалась и прыгнула в солнечное озеро. Собака плыла, смеясь над своими страхами, вода была сладкая и холодная.

Другой берег еще больше удалил от ненавистной будки и хозяина. После чудесного купания собака бегала, сбивая цветы и задевая боками деревья. Но тут снова случилась беда, а ведь она почти забыла о своих страхах. За освободившимся животным погналось что-то черное и огромное. Собака бежала от своей тени, теряя последние силы. Раньше была только цепь, будка и бесконечный круг. Тень догоняла, мчалась по кустам, травам и деревьям. Собака упала, истратив последние силы, и закрыла глаза.

Еще через мгновение случилось новое. Открыв глаза, она увидела, что того, который гнался за ней, нет, но сверху появилось что-то готовое упасть на землю. И собаке показалось, что не она защищала своего хозяина, а он ее. Надвигались обычные грозовые тучи. И они тоже прошли после дождя, капли которого она радостно ловила, прыгая и щелкая белыми клыками.

Тишина была долгая.

– Объясните, – прохрипел один из протрезвевших матросов и вдруг неуклюже поклонился.

– А разве кто-нибудь может быть твоим хозяином кроме тебя, или тобою придуманного? Это могут быть и желания, и страхи, привычки получать все, что хочешь, либо существовать, ожидая миски, как собака, бегающая по кругу. Может стоит прислушаться к себе, иначе самое прекрасное или обычное будет казаться чужим и опасным. Непознавшие мира всегда остаются собаками. Даже собаки и те иногда понимают это. – Тоже с поклоном ответил Фу Шин. – Разве тебе не хочется что бы эта девочка без страха прижала твою голову к своей груди?

– Еще, – взмолился огромный матрос.

– Великие мудрецы уходят высоко в скалы, чтобы спокойно завершить свои труды, которым посвятили жизнь. После они возвращаются и отдают их тем, кто может взять.

Мысли, лежащие на пергаменте, были прерваны молодым нетерпеливым мастером, который проделал нелегкий путь к пещере

уединившегося Учителя. Мудрец отложил кисть. Дерзкий воин объявил, что он ненадолго и мучает его только один вопрос, – что такое врата ада и врата рая. Учитель, усмехнувшись, поинтересовался, – зачем ему это. Молодой воин заявил, что он силен и не хочет нарушать законы Неба. Мудрец рассеялся и сказал, что даже законы Земли при всем желании наглый юноша, зашедший с мечем в келию, где главное оружие кисть для письма, не сможет нарушить. И отвернувшись от нарушившего покой, старец начал снова что-то выводить кистью. Это было слишком для непобедимого воина, и тот обрушил меч на старца. Клинок прошел сквозь него и со звоном ударился о каменную стену, вырвав сноп искр. Мудрец повернулся и с улыбкой сказал, что это и есть врата ада. Юноша выронил меч и упал ниц, осознав величие мудреца. Старец, не отрывая глаз от пергамента, пожал плечами и сказал, что теперь это врата рая.

Долгая, очень долгая тишина.

– Это старые легенды, – тихо сказал Верховный. – Чжоу, покажи, – попросил Фу Шин.

Хромая обезьяна проковыляла к столу и раздавила двумя пальцами толстую дубовую доску, из которых он был сколочен.

– Мы увидимся, – обращаясь ко всем, пообещал Верховный Патриарх.

Потом вздохнул и взглянув на красавицу, все еще стоящую в центре стола, показал ей что-то глазами. Девушка легко спрыгнула на пол. Оставшись одни, люди еще долго смотрели на покосившуюся, закрытую дверь.

Пэн с Лисичкой открыли с раскрасневшимися лицами, а когда увидели, что впустили в дом Верховного и красавицу китаянку, испугались и вовсе. Хромая обезьяна Чжоу ушел в свое убежище, а Корейский Дракон отправился в долгий путь к сосновым волнам.

– Нам нужна одна ночь, та, которая началась, потом мы уйдем, – сказал Фу Шин.

– Это ваш дом, – рухнув ниц, произнес Пэн.

– Потом мы уйдем, – спокойно повторил Фу Шин.

Пэн вскочил и поклонился. Верховный повернулся к красавице, которую вырвал из портового притона, и вдруг обратил внимание, что в доме уже никого нет.

– Отец, – испугалась красавица, – я знаю, что виновата. – Ресницы, похожие на крылья ласточки, вздрогнули и выкатили блестящие слезы. – Ты будешь наказывать меня, да? – спросила красавица.

– Да, – ответил Верховный, – ты мне не дочь. Ты девочка, которую я подобрал по дороге, уходя со своим народом на эту землю.

– Не дочь, – крикнула потрясенная китаянка так, что наступающая за дверью осень вздрогнула.

– Не дочь, – усмехнулся Фу Шин, – и это для тебя самое большое наказание.

– Я счастлива, – дрожа, заявила девушка.

Фу Шин впервые на ее памяти так громко и расхохотался.

– Я счастлива, – снова уверенно заявила девушка.

– Может и счастлива, но это тяжелое счастье, хотя оно вряд ли бывает легким. Легкие обычно заблуждения, приносящие пустоту. А это счастье принесет тебе наполненность, которую иногда захочется сбросить, но это будет невозможно.

– Я хочу, чтобы ты жил всегда, – вдруг смело, глядя уже не на отца, заявила девушка.

– Я права не имею на твой страх и страх своих учеников. Я ваш, только для каждого по-разному.

Девушка глубоко вздохнула, выдохнув радость, желание и несбыточную мечту, которая взяла и вот так сказочно сбылась. Большого ей было не нужно, да и быть большего не могло. Из этого дома Патриарх не выходил много дней, юная девушка берегла сон старого тигра.

Когда Фу Шин отворил дверь, то увидел, что осень уже ударила по уходящему лету своей желтой тигриной лапой. Деревья с желтыми листьями и черными тигровинами ветвей застыли, чтобы дать собой налюбоваться, перед тем как почернеют. Огромный небесный тигр лишь на мгновение запрыгнул на Дальний Восток.

ГЛАВА 2

Маленькая старушка ведет на поводке мерзкую, гавкучую собачонку, на которую напялена теплая детская кофточка. Я абсолютно уверен, если б волк увидел такого родственника, то сразу бы издох от стыда. Метрах в ста от этой парочки рыскает небольшая стая выживших и выдавших виды дворняг. Кто знает, что могут надумать они? Но собачонка дура, а старушка тоже, ничего не боится. А вот появляется важный дяденька с огромным и гордым догом, который старается, не теряя достоинства, потихонечку увести хозяина от диких собак. Дяденька падает, высоко задрвав свои толстые ноги, оттого, что скользко и оттого, что большой и сильный дог все-таки перестарался. И вот первый идущий в одиночестве, его вывела на собачий холод не собака, а работа. Представляю себе этот путь: один троллейбус, затем другой, потом еще, наверное, и трамвай, – сплошная борьба. Через время двор наконец-то оживился. Знакомые и незнакомые, молодые и старые, орущие дети, спешащие в ненавистную школу. В общем зимнее утро и до двухтысячного несколько дней.

Я просидел всю ночь и конечно же возникает вопрос, почему не описал восход. Мое окно как раз выходит на восток. А разве можно начинать главу с апокалипсиса?

Конечно мне, как любому пишущему, хочется описать рождение. Когда спрашивают, какая у меня степень мастерства, я всегда четко и безапелляционно заявляю, что мастер-монах седьмой степени, прошедший два монастыря. Обычно мне почтительно кланяются и на эту тему замолкают. Но бывают и такие, которые интересуются, в отличии от тех, кто спрашивает, что же это за степень? С интересующимися я более откровенен.

Вот сейчас как раз о рассвете. Мастер седьмой степени потому, что живу на седьмом этаже, ну а с двумя святынями действительно соприкасался. С моего седьмого этажа, четко и бесповоротно виднеется кладбище, живу пока напротив него. Оно огромное и заросшее, даже в наше время там запросто можно увидеть зайцев. Старожилы, наполовину выжившие из ума дедушки, особенно дед

Вова по кличке Дай сигарету, он вообще рассказывает, что видел двух косуль. Его недавно парализовало, но вылежал, старый хрыч, и сейчас сидит у подъезда, выпрашивая сигареты. Это бабка спасает его изо всех сил, ведь люди в белых халатах сказали, что курение приближает к деду Вове смерть. Крепкий дед, как может переживает это издевательство. У нас с издателем он не просит – что мы, совсем идиоты, не понимаем, – даем сразу и даже иногда по несколько, если в этот момент богатые.

Так вот, о рассвете. Живу я на седьмом этаже и мне с него видно все. Почта со спешащими пенсионерами, которые очень осторожно ходят по льду. Они также осторожно ходят по асфальту и траве, но по льду идущий старый человек – это соль Земли. Почта, мистическое место – место ожидания, место надежды и несбыточных желаний, место, где старики могут выжить, если получают свои прожитые и пережитые деньги. Место, от которого они идут в магазин, для того, что бы один раз поесть, или обратно в свой ненавистный дом, чтобы выброситься из окна.

Все никак не могу настроиться на восход солнца! За кладбищем аэродром, а между ними – рассвет. Розовая, потом кровавая полоса напоминает собаку, Академик дедушка Павлов распинал таких на цементных хирургических столах. Он пытался чего-то добиться от них. Почему выходящее солнце напоминает мне распятую собаку? Представьте себе розовый горизонт, истыканный заводскими трубами. Как пластмассовые катеттеры в подопытной собаке. Все вокруг серое – это хирургический стол и он, восход, розово-кровавый.

Еще скажу два слова о закате, ведь они с восходом так похожи. Тоже самое, так же распят на дымящихся заводских трубах. Рождается в мире день и умирает одинаково. Потом ближе ко мне кладбище, почта и мой блочный дом – это все, что я заслужил за двадцать лет работы передатчиком – так называл меня Учитель.

Восход, смешанный с безумием и невежеством человечества. Я не плакальщица, Учитель сказал что делать, но как все это сделать без вас?

Примерно такое утро я встретил на своем седьмом этаже, перед двухтысячным. И именно так я пишу третью книгу, первая уже живет два года, вторая на подходе. А я, сошедший с ума шизофреник, пытаюсь писать третью. Это обычная человеческая память, а может и человеческая жадность. Хочется встретиться с настоящим учеником и поделиться своей болью и радостью, ведь я знающий для чего живу. Восход, делящий жизнь пополам. Третья книга – недописанная, первая – такая же, да и вторая. Оказывается, я

обнаружил новый закон. Если начал писать – это до тех пор, пока жив. Ведь я живу в живой Школе, и даже после ухода буду принадлежать Ей. Очень хочется вспомнить, чего не дописал в тех двух. Значит эта книга о них.

После двухтысячного мне исполнится сорок. Это серьезный возраст, все люди, живущие на Земле и идущие, в это время могут создавать семьи. А я ее создал в двадцать. Многие мастера, даже зная, совершают ошибки, за которые расплачиваются всю и без того тяжелую жизнь.

Мастерство в молодости – это самый опасный период и очень часто его не удается пережить. Все думают внутри себя, что они не такие. А какие? Разве можно нарушить законы Космоса? Признаюсь, мой Учитель предупреждал. Но я не понял этого.

Путь в Школе для меня жизнь, которая началась тогда, когда появилась Школа. И я уверен, что будет продолжаться всегда – во всех остальных жизнях, сколько бы раз я не менял в конце Пути свое измученное тело. Ну не понял, но все же стал передатчиком.

Передатчик, или мусоропровод, как иногда в порыве братских чувств говорил мне мастер Юнг – первый ученик Корейского Патриарха. Меня отдали в свое время в полное его распоряжение. Почетно и очень тяжело, особенно, если в период войны. Да, мне повезло – трагедия на Дальнем Востоке легла на плечи общины и немного на мои. Тяжелый груз. Это была не моя Родина. Я оказался обычным передатчиком, попавшим в войну между корейцами и японцами.

А кто мне отдал знания Земли? Моя община, давшая в этой жизни все то, чем был обделен, и чего не было вообще. Мы – Древняя Татария и никто кроме нас не сделает продолжения. Знания, идущие через земной Хаос, остановились на наших душах. Хотим мы этого или нет, но продолжать должны.

Хаос – это высшая форма гармонии, наверное, не все знают, но я уверен, многие чувствуют, что сверхмягкое порождает жесткое, а сверхжесткое порождает мягкое. Мир разделился на две половины, и это знают все, даже невежды. С этим боролись, как могли. Предпоследняя была святая инквизиция. Ложные мудрецы пытались понять суть материи и постепенно забывали о Создателе, который создал своим духом эту материю. Человек объявил, что он хозяин, так и не объяснив чего. Хозяин, вот и все, то могли они ответить перед сожжением на кострах? Вот и горели ярким пламенем, пожирающим любое безумие, невежество и хамство.

Все куда-то спешили, забыв, что постоянно возвращаются на изуродованную ими же Землю. Еще немного и она лопнет, ударившись о звезды.

Как хочется верить, что это моя последняя книга, а если нужно буду писать бесконечно. Я человек знающий куда иду, вот только если б в пути появился тот, молодой и сильный, которому, не боясь, можно отдать главное, а имя его – Ученик. Это бесконечный страх передатчиков, так получилось, такая у них жизнь.

Может быть, к третьей книге кто-нибудь прислушается, хотя никогда и никто не скажет, что те первые два раза совсем были никакие. Они возбуждали в людях либо ненависть, либо любовь. Вот почему восход и закат живут во мне распятой на заводских трубах собакой.

Мальчишка, измученный раздорами родителей, болезнями и необъяснимой слабостью духа. Учитель объяснил, что это все и есть ненаправленная сила, которая съедает изнутри. А со знаками рождения у меня вообще проблема, сплошной жертвенный огонь. И если б жизнь потекла по-другому, чего, впрочем, и быть не могло, ведь потекла именно так, то огненная сила без направления разорвала еще б до двадцати пяти лет.

Учитель продлил мне жизнь, заставив взамен нести непомерный груз хаоса, а значит знаний, которые я как передатчик должен пытаться передавать. Нет, я не пристаю к людям как сумасшедшие, уверовавшие в бога, которого придумали сами или в бога, которого им навязали. Я ищу начало передачи, наверное, нет ничего труднее этого. Хотеть страстно и сдерживать желание, боясь отдать на поругание, – это и есть не сумасшествие. И ни один излеченный мной не скажет, что это не Школа, потому, что они и через десять лет приходят за советом о своих близких и появившихся детях.

Определение Школы – это, прежде всего видимое и осязаемое действие, а не словоблудие. И я, не страшась, заявляю, что освободил от болезней тысячи. А это значит тех, которые заслужили, других не вылечишь, потому, что не положено. Кому положено, их нужно было увидеть, и это является основным действием. А сколько было любителей праздно поговорить...

Вот и получается, что двадцать лет назад, когда все это начинал, был один и, как мне кажется, заканчиваю тоже один. Ведь любое действие – это труд. А кто любит трудиться? Ведь сразу хочется быть кем-то, только не учеником. Ученик – это тот, кто учится. А кто скажет, что даже лежучение дается легко?

Сколько раз в общине Корейский Патриарх шутило, но, все же вздыхая, тыкал меня пальцем в грудь. Он говорил, что уготовил

мне страшную судьбу. В своем мире я стану инструктором по подготовке Учителей. Одни будут любить, другие – ненавидеть. Это оказалась истинной правдой. Медики ненавидели за свое незнание медицины, историки – за незнание истории и так далее и тому подобное. Родители отвернулись тоже, они совершенно не верили, что я хоть чем-то занимаюсь. Убегая от непонимания близких, я женился, и совершил одну из самых огромных ошибок прошлого, а ведь они ранят в самое сердце. Я вложил в женские руки топор дровосека, который впоследствии обрушился на мою голову. Это не сложный образ – это, наоборот, самое четкое определение, на которое я только способен.

Мужчина и женщина, такие разные, но переходящие в одно целое. Космос четко определил: женщине – женское, а мужчине – мужское.

В течение книги я попробую описать законы, которые мне объяснил Патриарх. Древняя мудрость гласит, что есть законы, которые нельзя преступать. Их нужно тщательно изучить и жить по ним. Никто не знает когда придет понимание, что никаких законов нет, но это понимание приходит всегда. Если сказать себе заранее, что и так понятно, то навсегда останешься безумным невеждой, разрушающим все вокруг себя. По этим законам нужно жить! Только они уничтожают обволакивающий нас туман иллюзорных желаний. Я кланяюсь Создателю за такое мудрое решение и человеческий отбор.

Человеческое невежество плотным коконом уже давно окутывает Землю. И происходит то, что должно произойти – апокалипсис. Это, наверное, даже страшнее того, что предрекают нам все религии. Конца света не будет, да и апокалипсис – это изменение, а не конец. Невежи и уроды не должны порождать себе подобных. И нарушение баланса женского и мужского Земля решает просто и надежно. Всевозможные неизлечимые болезни, огромное количество лесбиянок и гомосексуалистов, транссексуалов и транссеститов, алкоголиков и наркоманов, а как еще можно очистить Землю? Ведь они не порождают себе подобных, они не способны иметь детей, а значит после них – ничего. Земля долго терпела надругательство, а сейчас решила снова все расставить на свои места.

Я попытаюсь описать, как принимались людьми первые две книги, людьми, которые живут в своих непробиваемых коконах, созданных из нарушенных законов космоса. А сейчас доскажу о главной ошибке прошлого, той, которая ранит в самое сердце.

Моя жена занималась не женским, она занималась знаниями и законами Школы, которые ее поразили в самую душу. Вот это и есть топор дровосека в тонких женских руках. Разве мало у женщины дел? Семья, нежность, дети, любовь, очаг. Вот так из меня и не получился ведущий, которого изначально так жаждет женщина. Хотя и предупреждал Учитель, но я не смог уберечь женщину от не женского. Молодость и глупость, так и останутся самыми главными врагами человека. Первое проходит, второе может остаться навсегда.

В жизни очень много женского, чего не понимает мужчина и мужского, чего не поймет женщина. Ведь женщина живет любовью и только любовью, мужчина – любовью и идеей, порою, идея стоит на первом месте. Женщина должна захотеть детей от мужчины, который рядом, а хочет именно от него она тогда, когда уверена, что этот мужчина способен объяснить окружающее детям. Только тогда появляется гармония женского с мужским. На хрупкие плечи женщины уже давно легло непосильное, а непосильное – это значит все.

Жена так и не поняла, почему глупые, хотя, как ей казалось, и добрые люди не могут избавиться от болезней. Она плохо определяет невежество и поэтому мучается и не может понять, почему так происходит – это и есть женское. Разногласия медленно вырастали между нами как непробиваемая стена. Они росли девятнадцать лет и продолжают тревожить все больше и больше. Я не один такой, вспомните, сколько любящих друг друга отчуждались на почве знаний. Я имею в виду астрологов, медиков и еще многих. Но это отчуждение по собственной глупости всегда порождает мужчину, разделяя с женщиной мужские знания.

Хочу полслова оправдания. Мне было двадцать, а ей пятнадцать и жили мы тогда в уже изуродованном Космосе. Сначала судьба распорядилась так, что в общине я прожил три года. Потом Патриарх приказал вернуться туда, откуда пришел. Ням приказал посмотреть на привычную жизнь через призму священных знаний и разрешил вернуться снова, постигать Школу. Черные объятья города приняли меня, а иллюзии, которые я наконец-то увидел в его лабиринтах, испугали чуть ли не до смерти. Я пренебрег многими предупреждениями Учителя. Город зажал меня в железобетонные тиски и отпустил к Патриарху только через десять лет. Ням удивился, что встретились снова и так быстро, всего лишь десять лет человеческой жизни. Я вырвался или город отпустил, не знаю, но ворвался в клановую войну. Значит, так было нужно. Я выжил в черном городе, значит, так было нужно, я выжил даже в этой войне. А самое важное, что еще пока выживаю

в самой главной войне, в войне под названием жизнь. Может, поэтому Патриарх и позволил писать такие книги. Но до конца жизни у меня останется боль, которая пытается разорвать сердце на тысячи кусков. Эта боль называется женщины – раненые моей глупостью белые птицы.

Ням отдавал мне знания, наполняя силой Школы. Учитель предупреждал, что сила притягивает демонов, он называл их имена. Я помню глаза Учителя, когда он увидел во мне того, с которым я безуспешно боролся.

Иногда меня захлестывала злоба: “Зачем же вы дали мне эту силу, – сквозь сон выкрикивал я. – Вас бы, монахов, сюда, – причитал, просыпаясь среди ночи, я. – Похоть? – выкрикивал я, кого-то пытая в черной ночной комнате. – Вы знаете, что такое похоть, святые монахи?” – выкрикивал я хулу.

Похоть – это что-то мерзкое, что-то отвратительное, похоть – это не благоязычно и не благозвучно, похоть – это не женщина, похоть – это что-то чужое и грязное. А женщина так умеет просить и разве возможно ей отказать? Мужчины, вспомните глаза молчаливо просящей женщины. Истинные женщины по другому не просят. Кто назовет это похотью? Или я оправдываю себя?

Не получилось избавиться от женских глаз, умоляющих рук, уходящих в молчаливый залом. Да, я согласен – это демон, это похоть, но навверное – это самое красивое из самого запрещенного. А разве красивое может быть неправильным? Я знаю, что хотели женщины не меня, да и меня всего ничего: маленький, неприметный, вообще никакой. Они любили и любят во мне Школьную энергию, которая способна породить здоровых детей. Это Школьная сила, даденая Патриархом, сила для Школы. Если есть смелые, объясните, прошу. Объясните силу женщины. Ну что, сможете мужчины объяснить то, чего не могут объяснить даже сами женщины?

Очень хочется выполнить тебе, женщина, самый низкий поклон, который только существует во всех ритуалах бешено летящей Земли. За то, что Она – женщина, хотя бы иногда признает свою жестокость и понимает, что живет самым непостижимым на Земле, название которого – Любовь. Еще кланяюсь за то, что иногда, но все же умеет признавать свою неправоту. Женщина, Мать, отдающая свою любовь, не требующая ничего взамен. Знаю: есть и такие, я видел их.

Что обычно делаем мы, мужчины? Мы отвергаем Бога от себя, когда нас предают, как нам кажется, когда нам изменяют, как нам кажется, когда нам делают больно, как нам кажется. Где же взять силы от такого безумия?

Я воин и не призываю вас к слабости. Но разве вы забыли, что сверхмягкое порождает жесткое и наоборот? Разве светлое не может быть ослепляющим? Разве темное не может быть черным от своей глубины? И пока нас обижают близкие, значит любят – бесконечная война, которая всегда кончается пустотой.

Я возьму на себя смелость рассказать о едином смысле всех религий, вышедших из чего-то одного, ведь в начале всегда бывает только Одно. Религии со временем сильно изменились, а может их попросту кто-то изменил для собственной выгоды?! Патриарх Ням не сделал меня слишком доверчивым, но я воспользовался Его предложением – провести все, с чем сталкиваюсь, через древнейшие священные Законы и цифры. Чтобы потом понять: чем более разное, тем более одно. Я был во многих храмах и учил их подлинные языки. И понял – все они едины и об одном. Эта война придумана Создателем Космоса для того, чтобы выжил тот, кто поймет простую и Священную Истину. Она и только она спасет человечество, ибо его разум – это самое агрессивное, что есть на Земле. Если кто-то из близких (давайте начинать сначала, а значит с них) придет вас обидеть, найдите в себе Божественную силу правильно принять обиду и остаться человеком, созданным по подобию Бога. Такого в вашей жизни еще не было, не обольщайтесь и дочитайте эти строки. Потому, что сейчас попытаюсь объяснить, что такое Бог – так, как мне объяснил Патриарх и так, как понял Его сам.

Когда-то Будда сказал: “Знающему далеко до любящего, а любящему далеко до радостного”. Это и есть объяснение Бога, которое мне расшифровал Патриарх.

Да, великие часто забывают, что мы, люди, не так легко понимаем их слова и мысли. Это объяснение не сделает сразу легко, но может подвести к Господу. Когда знаешь и понимаешь, то можешь и полюбить, а любить бывает иногда радостно. Ну а радостный – это Бог, любой человек сотворен по подобию Его. А ведь во всех религиях отчитываешься перед Создателем, так разве не перед собой?

Еще это называется совесть – состояние между желаемым и содеянным. Так может человеку давно уже пора перестать жить в такой отвратительной иллюзии? И стоит походить на того, который создал его по своему подобию? И он, Человек, возрадуется. Разве человек совершает какой-нибудь поступок заранее не оправдав его перед собой и объяснив его себе, после действия еще больше укрепляясь в своей правоте? Был хоть один поступок, совершая который человек знал, что этот поступок не правильный?

Может не об этом говорят все древние религии. Будда вообще предлагает, чтобы все стали подобны ему. Не спешите судить, да

несудимы будете – это ведь христианство. А кто сказал: “Никто тебе не друг, никто тебе не враг, но каждый тебе Учитель”. Попробуйте осудить Учителя или осудить кого-нибудь, вот уже целых две религии. Вот вам и начало нашего Живого Бога, а значит и нас самих. Иисус говорил, что один раскаявшийся грешник дороже, чем семь праведников.

Одна из самых древнейших легенд гласит, что Бог оленя отослал в ад за то, что он не задумываясь ел траву, загубив на ней тысячи малых жизней ни в чем неповинных насекомых, которые не отработали свою нелегкую жизнь. А волка Господь отослал в рай за то, что тот однажды осознал свои убийства и три дня давясь ел траву, что полностью противоречит его сущности. Не одно ли это и то же? Конечно одно, но только в более древней легенде и смысла больше и многограннее она во много раз. Было бы странно, если б древнее оказалось проще – это мы, люди, упрощаемся до бесконечности, только бы не до пустоты.

Я не корчу из себя умного, постоите пока со своими амбициями, ведь это объяснил сам Патриарх Ням или вы уже собрались осуждать и Его?

Есть и еще некоторые не мелкие детали – нужно знать значения слов, которыми пользуетесь. Видите: знать, вот мы и опять вернулись к началу, к слову “знающий”. Оно, как и слово “трудолюбивый”, имеет значение. А ведь трудолюбивый это не тот, который тупо копает яму, а знающий и понимающий трудность своей любви.

Значит мы отчитываемся прежде всего перед собой, а потом, как вам угодно, можно считать, что и перед Богом. И спать по ночам не дает нам наша Божественная сила, под названием совесть. Попробуйте отчитываться не перед Богом, а перед собой, и вы поймете много нового. Ведь именно осознание этих законов, а значит умение пользоваться ими освобождает вас от всех существующих на Земле законов. Вы можете стать сперва знающим, потом любящим и, если повезет, то и радостным.

Единственное о чем хочу напомнить, что неправильное понимание изложенного довольно часто рассыпалось по Земле ростками фашизма. Скажу еще – это наводит на мысль о том, что нет темных и светлых Школ.

ДА НАПОЛНИТСЯ ПЕСКОМ РОТ ДАЮЩЕГО СОВЕТЫ.

Поэтому я пишу о своих близких, любящих, понимающих и всех остальных. При этом стараюсь ничего не выдумывать. Единственное в чем признаюсь, не описываю всего, ведь вряд ли

кто поверит. В нас, людях, давно отрофировался главный орган – орган веры, доверия, орган, который отвечает за умение различать правду от неправды. И, не дай Господь, что бы я начал когда-нибудь, что-нибудь, кому-нибудь советовать.

От себя скажу... Мне очень жаль нашу Землю и ее магические знаки – цифры. Человеческий разум действительно оказался самым агрессивным и жестоким созданием на Земле. Даже одну живую единицу он разорвал на части, давая всему четкие определения, не желая понять, что тоже может ошибиться.

Эры, века, годы, дни, часы, минуты, секунды, мгновения (или – это не единица?), градусы, углы, граммы, килограммы, миллиграммы, чуть-чуть, пинты, квинты, сексты, септимы, унции, аршины, джоули, омы, амперы, лютты, беры, децибелы, дебилы (разве дебилами никого и ничего не меряют: один дебил, два дебила?), рубли, копейки, шекели, серебрянники (а им какая мера и цена, сколько стоят те знаменитые серебрянники и сколько их еще будет?), караты, кретины, локти (которые иногда пытаешься кусать, один локоть, второй), бляди, (огромная просьба не путать душевных блядей с телесными, вторые имеют свою неоспоримую прелесть хотя бы за то, что искренни), пяди (вот бы тем всем первым блядям выдать по пядям, хорошая арифметика: каждой бляди – по пяди, чтобы успокоились и не пили чужую кровь, а обратили б внимание на свою, порченную. Ведь не все потеряно, можно полечиться, глядишь и поможет. Вот только кто признается, что он такой? Так вы и не признавайтесь, главное – признайтесь себе, а там и другим полегчает, потом и вам, поверьте), руки, ноги, мили, гектары, куски (кусок – интересная единица меры, не правда ли?), ары, акры, твари, мрази, атмосферы, кванты, парсеки, стада, калории, рентгены, биты, быдло, лопаты (жаль, что на тех, которые перед лопатами этих же лопат и не хватает) и еще многое другое.

Для меня же в цифрах существует только три главные единицы – величайший треугольник, и если мы поймем его смысл, всем сразу станет легче. Первая единица – Бог, она сама по себе треугольник, поэтому она и Божественная и человеческая единица, которая всегда распадается надвое, женское и мужское, такое разное и такое единое. Бог, женщина и мужчина. Бог – три, человек – два, вот и получается пять чувств, за которыми идет та опасная шестерка, из которой может не захотеться выбираться.

Примерно так я умничаю перед своим стареньким компьютером, сидя уже после двухтысячного, возле любимого биотелевизора – обшарпанного кухонного окна. Иногда приходят воспоминания об Учителе, я сразу закрываю глаза: так они становятся осо-

бенно яркими, как-будто заново проживаешь уже один раз прожитое. И если никто в этот момент не приходит, оборвав самое дорогое, иногда даже остаются силы, чтобы записать свою память.

Мокрая, черная зима. Я убежал от всех под плачущий кедр. Серый снег и прозрачные слезы на блестящей под солнцем, коре. Я сидел прямо на снегу и глядя на эти слезы тоже плакал. Сплошная сырость. Солнце на зимнем синем небе было ослепительным. Оперевшись спиной о жесткую кожу дерева и закрыв глаза я пытался делать дыхательное упражнение, которое совсем недавно разучил.

В то время в корейской общине, скрытой в глубине Уссурийской тайги, у меня были большие проблемы. Я выпросил у Патриарха Няма технику боя, вернее, сперва у Юнга, а он уже у Учителя. После этого меня начали бить все кому не лень, в воинской общине это любят, особенно если ты не кореец и не понятно, почему сам Патриарх с тобой нянчится. Да и чего бы не учить бою, если чужак новенький, да еще к тому же и слабак, не дающий серьезного отпора.

Вот примерно так я грешил в мыслях на ни в чем неповинных монахов, которые пытались по приказу Патриарха помочь мне изо всех сил. Помогали они от всей души, кто как мог. Конечно не стоит грешить на всех, были и такие, которые с жалостью смотрели на мои муки и после даденных мне уроков давали советы. Вот так один из пожилых монахов и передал мне свою родовую технику “Драконьей пасти”. Это работа сдвоенными руками, именно та, которая больше всего приводит в восторг моих учеников.

Все равно нашли. Монахи всегда появлялись и исчезали внезапно, как привидения.

– Учитель зовет, – произнес один из них.

Только позже я узнал, что братья по общине всегда спорили, кто быстрее меня найдет – это был тот период, когда я убежал куда-нибудь спокойно поплакать от боли. Наплакивался я вдоволь, если конечно никому не был нужен. На этот раз зачем-то звал сам Патриарх.

“Учитель зовет”, – повторил я про себя. После чего скрипнув опухшими суставами, вскрикнул и встал. Это были мои первые три года в общине, самые прекрасные и мучительные.

Однажды меня так же позвали к Учителю перед этой сырой зимой. Такое же влажное и отвратительное лето, первое время не везло даже с погодой. Туманы из гнуса, который начинаешь вдыхать, как только приходит усталость во время боя, незаживающие раны и прочие неудобства.

Патриарх отсутствовал несколько лет, постигая что-то непостижимое нам. Он жил в одиночестве в маленькой келии и даже еду, которую изредко приносили ему оставляли на почтительном расстоянии. Несколько лет Учителя не тревожил никто, по крайней мере из общины – это мне рассказал Юнг.

Но вот он появился и занялся воспитанием молодежи – нас было четверо. Мы с Учителем расположились в его келье – это была огромная честь. На невысоком столике стоял старый китайский термос, кто-то уже заварил чай. Патриарх впервые завел речь о шестерке и гексограммах. Четверо молодых монахов попали в волшебную келью, в котрой была невидимая дверь в такой же загадочный и волшебный мир. Мы были потрясены, потому, что отлично понимали, этот мир дано увидеть не каждому. Вдруг меня что-то ударило изнутри и переполненный чувствами я бросился к термосу, чтобы налить Учителю чай. Патриарх взял у меня из рук полную деревянную пиалу и неспеша вылил раскаленную жидкость мне на голову. Клянусь, я даже не вскрикнул, несмотря на ослепляющую боль. Я так и остался сидеть на прежнем месте.

Ням посмотрел на меня, усмехнулся и неодобрительно покачал головой. Учитель объяснил, что так было нужно, иначе обычное замечание не вошло бы в меня. Ням объяснил, что такие качества нужно выжигать каленым железом. Они называются лже-культура, лже-любовь, лже-традиции и так далее... Он объяснил, что ему незачем обжигаться, рассказывая о серьезных вещах, а если подождать, пока чай остынет, священный напиток станет обычными помоями. Лишние эмоции не нужны никому, особенно если они выливаются в лже-любовь. Я понял, если б налил совсем чуть-чуть и Патриарх выпил, можно было налить еще столько же, потом еще и еще. Вот и получилось: хотел сделать от души и быстренько от этого отделаться.

Хороший урок. А сколько подобного мы делаем в нашей жизни, только в более серьезных масштабах, порою даже играя человеческими судьбами. Вот только ожоги гнили долго в то особенно долгое и мокрое лето.

– Патриарх зовет, – озабоченно пробормотал я морщась от боли, когда начал подниматься на земляной вал, поросший соснами, еще немного и главный вход в центральное жилище монахов.

Длинный коридор, а может нора, но в человеческий рост, по крайней мере совсем невысоким корейцам и мне хватало. В самом конце печь, которая добросовестно отдает свое тепло во все монашеские келии. Я одним махом заскочил к Патриарху и забыв о своей боли рухнул ниц.

– Поднимись, Грэй, – глубоким голосом произнес Ням.

Если Грей, значит обращение было официальным. Только гораздо позже я узнал, что “грэй” по-английски – “серый”. Патриарх всегда немного подшучивал. Рядом с ним сидел отшельник – это я понял по его необычной одежде. Чувствовалось, что он очень стар, но из под надвинутого на глаза капюшона выходила, как мне показалось, какая-то синеватая энергия.

– Мы с Югаем решили сегодня напиться, – весело и совершенно серьезно заявил Патриарх.

Услышав такое от Няма, я опешил.

– Иди, – засмеялся Учитель. – Тебя ждут возле котлов.

Возле двух, всегда наполненных горячим, котлов меня уже ждали.

– Пойдем, – вздохнул один из молодых монахов. – Это наш проводник, – он стрельнул взглядом, на рядом стоящего такого же молодого.

Мы трое были зелены как свежие сосновые шишки и от этого мне стало не по себе. Мокрый, грязный и глубокий, почти по пояс, снег. Ох уж этот проводник, которому, как оказалось, пятнадцать лет. Мы протопали с ним пятьдесят километров и промахнулись еще на десять. Разве кто-нибудь сомневался, что Учителю и его гостю отшельнику захотелось напиться. Наш проводник поклялся Создателем, что больше не промахнется. Мы шли на большом расстоянии друг от друга. Так получилось само, зачем смотреть на измученного, грязного, мокрого, еще и плачущего рядом. Вокруг все черное с белым, которое сливаясь, начинало становиться серым и давящим на сердце – это был страх. Тогда мы еще не умели ходить.

И вот наконец небольшая нора. Забыв об этикете мы вползли в нее, завалившись на выстланный сухим и теплым мхом пол. Согнутый, маленький человечек в одежде отшельника, скрипуче рассмеялся. Насмеявшись вдоволь он подошел к железной бочке и с противным скрежетом открыл крышку. На меня навалился неопределимый запах, там были конфеты, спирт с хлебом и, как показалось, даже табак. К тому времени занятия в Школе меня уже достаточно очистили, поэтому каждый запах ощущался очень отчетливо. Еще немного и я почувствовал, что облюю все келью вместе со святым отшельником. Отшельник долго набирал из бочки в пластмассовую канистру, а я продолжал лежать на полу, борясь со своими позывами.

И снова пятьдесят километров. Сам не знаю, на кой я вцепился в эту канистру, даже не представляю как дотащился вместе с ней. По дороге снова были горькие слезы и сладкий, трещащий на зубах снег.

Только позже я понял: это напиться была для Патриарха и его гостя единственное, что их связывало с далекой цивилизацией. Трое молодых, бредя по мокрому и грязному снегу плакали не зря. Просохнув и отдохнув, мы слушали раздававшиеся из кельи, сперва непонятный гомон и бормотание, потом немного тихого смеха и длинные с необыкновенными вибрациями заунывные песни. Такое я слышал в первый и последний раз. Это были древние легенды о Драконе Ссакиссо, которые вспоминаются нарарспев.

ГЛАВА 3

А кому хорошо, – громко говорю я себе и снова гляжу в биотелевизор.

За кухонным окном ветер, кружит колочий и густой снег, люди перемещаются короткими перебежками, от укрытия к укрытию, из подъезда в подъезд, липнут лицами к деревьям, растущим возле троллейбусной остановки, и усердно расталкивая друг друга, сердито пыхтя залезают в подошедшего рогатого и кривобокого монстра.

Я живу на седьмом этаже и все вижу. Из подъезда вылетает здоровенное черное чудовище и с невыразимо радостным визгом в одно мгновение зарывается в сугроб – это мой друг водолаз Бени. Его хозяин, сверкая лысиной, выглядывает из подъезда. Можно не бояться, что добрый, но огромный пес напугает какую-нибудь нервную старушку или ее собаченку.

Григорианский Новый год порадовал настоящей зимой, поэтому все мелкое и слабое старается пока не вылезать. Становится немного смешно, я вижу в себе предсказателя и не боюсь даже заявлять об этом.

Скоро хозяин моего друга Бени замерзнет окончательно и начнет безрезультатно, хоть и грозно зазывать его в подъезд. Бени очень серьезный и послушный пес, но какая зима – такой он еще не видел.

Очень хочется выйти и помочь погоняться за другом Бенией, но чувствую, что не хватит сил. Вот уже много месяцев как меня все покинули, только некоторые ученики иногда заходят, незаметно оставляя крупу, масло, лук и морковь. Все это обычная благодарность окружающих за книги, но так и положенно, поэтому я спокоен.

– Эх, – снова громко говорю я сам себе, – а кому легче.

Эта книга третья и поэтому она будет самая тяжелая. Патриарх Ням предупреждал, а я ему верю абсолютно.

Разве легко моему знакомому бомжу Вове? Однажды летом дождавшись рассвета я вышел погулять возле кладбища и увидел как из люка вылезает какойто замызганный мужичек. Конечно же мы

подружились. Вот так у меня и получился Учитель из-под земли, закатанной в асфальт. У него было скромное хозяйство: три метра в длину, метр в ширину и вечно горячая толстая труба, от которой летом были некоторые неудобства. Раньше он был майором-танкистом и поэтому не страдал от размеров своего убежища, боялся только одного, что когда-нибудь выгонят.

А разве легко было тому главврачу из онкологического отделения, которого я лечил от рака? Ведь он лечился у меня тайно, а потом шел и зная, что это все бесполезно, делал вид, что лечит своих больных.

Или легко тому бизнесмену, который приезжал на своем “Мерседесе” с целой кучей жирной и неповоротливой охраны? Максимум, на что бы их хватило, так это донести его тучное тело до морга и он все прекрасно понимал. Поговорив с ним я понял, как ему не легко и наверное из жалости помог. Через месяц, чуть повеселевший и немного пришедший в себя пациент сказал, что очень доволен и решил временно остановить лечение, так как накопилось очень много серьезных дел. Тогда я понял, что заниматься двумя делами он не в состоянии, может лечение и его работа, в которую я естественно не вдумывался, оказались несовместимы. Скорее всего так, ведь вряд ли он занимался нормальным бизнесом.

Так кому же легко в нашей загадочной и удивительной стране? Дядя из “Мерседеса” поинтересовался сколько должен за лечение, а я ответил, как и завещал закон древних, что за лечение брать деньги нельзя. Бизнесмен развесилился и хлопнув меня по плечу пообещал, что весь мир узнает какой я крутой доктор. А жрать ведь хочется, ему ли этого не знать. Тупые какие-то эти бизнесмены. Мне деньги брать конечно нельзя, но разве им нельзя их давать?

Эх, вас бы сюда, мои мудрые общинные братья. Конечно, это кощунство, но я досих пор не могу войти в срединное состояние в нашем железобетонном мире, который дал мне жизнь и в который вы меня снова выгнали.

Почти за двадцать лет я вылечил (и горжусь этим) наверное несколько тысяч человек. В основном это были те, от которых отказалась медицина. Уверен, что если бы каждый принес хотя бы по пять рублей, я без труда б напечатал свои книги, которые они так любят.

Так почему же мои книги любят, а меня покинули все, кроме нескольких человек? Наверное, нужно начать с самого начала, о Драконе, который не сопротивляется.

Ну вот, в дверь уже давно кто-то назойливо трезвонит, наконец-то услышал. Если звонят, а не тихо стучат, значит чужие, пойду открывать.

Я живу в летящем космическом корабле. Пятнадцать лет назад вместе с женой мы переселились в этот корабль и он на огромной скорости летит в плоскости, которая привлекает и одновременно пугает людей. Маленькая однокомнатная квартира с огромным еще никому не отданным грузом, грузом Знаний, зародившихся однажды на Земле и не меняющихся, Знаний, которые свято хранили Патриархи Земли, дожидаясь изменений.

Эти Знания не дают материального богатства, потому, что сами являют духовным богатством нашей Земли. Лишь бы их вовремя заметили, до того как апокалипсис полностью очистит нашу искаленную Землю. Конечно, они встречают непонимание и настороженность, а порою жадность, но это случается у совсем глупых людей, ведь Знания невозможно обратить в собственную выгоду. Знания и выгода не встречаются в этой жизни. Мне тягостно от того, что я передатчик, мне страшно, от того, что я передатчик, я счастлив от того, что я передатчик.

Еще Патриарх Ням предупреждал меня, что придется вести этот переполненный космический корабль, в который на ходу будут заскакивать разные люди и пробыв какое-то время испуганно выпрыгивать в свой привычный мир. Но последнее время я ярко вижу, правда, в своих тревожных снах, что скоро буду не одинок. Я знаю: по-другому быть не должно, ведь так говорил Патриарх. Я допишу эту третью книгу и не выпущу пульт управления корабля из рук. Вот так много можно вырвать из слов Учителя о том, что ты несчастный мусоропровод.

Своего Учителя я встретил на Дальнем Востоке, мне было восемнадцать и встретил я его неслучайно, потому, что случайность в нашем Мире – это слишком большая роскошь. Три года я пробыл в общине, спрятанной в сердце Уссурийской тайги. Три года готовили из меня передатчика, а потом отпустили на время, дав возможность посмотреть на все глазами общины. От ужаса глаза ослепли на десять лет, но я всеравно вырвался к Учителю, пройдя безумие людей и тюрем.

После общины я слишком смело начал лечить. Результат – четыре года усиленного режима. Жена встретила меня уже став полностью седой. Меня же по-прежнему спасают огненные знаки и сила даденная Учителем.

– Ну вот, Анатольевич, – сказал мой товарищ по Кунг-фу. – Сейчас полный разгул демократии и поэтому все боевое наконец-то

разрешено. Держи бумагу и тренируй сколько влезет, только в философию сильно не лезь, рановато еще.

“Действительно, свобода – это сладкое слово, – подумал я. – А эти, страдающие за дешевой колбасой, ничего, потерпят и не умрут”.

После многих лет в подполье, наконец случилось то, что обещал Патриарх – уродливая, но все же свобода.

Чистый, огромный зал, сто пятьдесят человек. Молодежь заинтересовалась моими знаниями. Здоровенные уроды, которые мечтали часами стучать по груше не приходили, либо уходили сразу, поняв, что это совсем не для них. А как можно что-то делать, не зная зачем, и от чего берется сила? Жизнь подарила мне золотую молодежь госуниверситета. Но она оказалась еще сложнее, чем я думал.

Студентов оказывается ничему не учили, поэтому в них развивались только амбиции и особая самооценка. Впрочем, мы довольно быстро нашли общий язык и начали постигать знания, выходящие за рамки понимания общества. Но внезапно появились трудности: многие решили бросить, как им казалось, не нужную учебу. Но слава Богу я сумел объяснить, что каждая уважающая себя личность должна знать все стороны своего окружения. Так я и познакомился с этой женщиной, которая по прошествии стольких лет вдруг настойчиво начала звонить в мою дверь. Я пытаюсь рассказать об этой женщине и невероятно боюсь тех, которые не читали моих первых книг.

Если кто-нибудь думает, что община – это очень святое место, то он не ошибается, более святого места я не видел никогда. В этом месте проявляется все, на что способен человек – оттого и святое. В общине я пережил даже катающегося в мокром снегу, обезумевшего монаха.

– Бог, – кричал он. – Что Бог, он поступил Божественно, У Него нет недостатков и именно для этого Он создал демона, в которого и вбил свои недостатки, назвав их чужим именем. Вот он, ваш Бог, – монах, не вернувшись в себя умер, но он ушел мучеником и никогда не вспомнил о нем недобрым словом.

Да, Бог действительно создал нас всех, он хотел, что б мы были лучше всех на Земле. Ведь Будда даже предлагает стать такими как он. Не требуя как другие священники многого за ключи от рая. Забудьте, священники такие же передатчики, а не Иисус, который наказывал за торговлю, или желание что-нибудь получить взамен. Великая шестерка, идущая в себя, давайте войдем в себя. А потом, выйдя, разберемся в других. Но как можно не зная себя понять окружающих? Или не зная окружающих понять себя? Давайте про-

сто не осуждать, а понимать и чувствовать. Давайте поищем в этой жизни что-нибудь для всех.

Каждое лето я собирал учеников: тех, у которых получалось оторваться от города, и забирал в лес. Сам я всегда старался уезжать еще весной и жил с женой в палатке до осени. Мы собирали травы, делали упражнения, которые доверила мне корейская община.

Медицину и травы мы с Патриархом перевели на наш климат и землю, ведь человек должен лечиться тем, что находится вокруг него. Хотя многие из-за своей глупости почему-то метаются в поисках чужого. А как это чужое может помочь, если оно чужое и росло, набираясь чужой силой, к тому же не на той земле, на которой росли мы? Травник – это труженик, знающий, когда и как собрать силу, выросшую на Земле, знающий как соединить ее и для кого, знающий, когда отдать эту силу страждущему. А страждущий должен поверить и не отступая даже на пол-шага все исполнить. Какая же сила убеждения должна быть в лечателе? На самом деле – все просто, обычными словами, которыми пользуется сам больной, лечащий должен объяснить, что с ним произойдет, куда и как уйдут его беды. И если больному не понял, то этим он не дал тебе права себя лечить. Лечение болезни – задача интеллектуальная, поэтому всегда найдутся немногие, которые не поймут. Но великий врач отличается тем, что у непонимающих он может пробудить веру и это уже называется словом, которое начинается с большой буквы – Учитель. волновался. Ученики стояли затаив дыхание, дисциплина является основой для постижения знаний. Не я им, а они платили деньги за обучение, выдерживая при этом физические и психологические нагрузки, к тому же почти все были студенты, а это уже немалая победа. Я гордился своей первой пережитой в зале зимой и весной.

Впереди было еще одно непростое испытание – испытание летом, а это значит еще большей дисциплиной, скудным, но абсолютно правильным питанием и попыткой понять самое сложное – окружающие травы.

Я верил в своих студентов, но все же боялся. Тем более, что тренировать в таких крупных масштабах еще не имел права. По законам общины настолько серьезно заниматься Школой с учениками можно только с тридцати лет, тогда, когда энергия в человеке выросла почти до размеров тела и устоялась. Мне только исполнилось двадцать девять, но что я умел тогда и умею сейчас? Город никого не кормил просто так и мы с женой дожидаясь этой демократии сильно изголодались.

– Ну что, ребята, – бодро улыбаясь объявил я. – Всех конечно взять не смогу, но самых лучших взять постараюсь.

Это был элементарный, но хитрый прием. Кто себя считает плохим? Из строя вышла, сделав этикет, самая из смелых девушек. Если б я знал, что она такая смелая, может все было бы по-другому. А чего стоило приучить гордых студентов к этикету. Но они все же поняли, что кланяются, выполняя мягкое дыхание, сопровождающееся глубоким и красивым движением рук, не для меня, а для одновременного пробуждения пяти чувств.

– Сергей Анатольевич, – громко и четко произнесла она. – А девушек в лес вы брать будете?

“Милая моя, – подумал я. – Я взял бы всех вас и ваших родителей, я взял бы весь мир, если б вдруг он захотел разобраться в древней Школе Ссакиссо, ведь секреты есть только у мертвых и у тех, у кого нет ничего”.

– Ну-у-у, – я сделал вид, что глубоко задумался. С девушками всегда проблемы, а тем более в лесу. – Ладно, – махнул я рукой. – Девушек мы берем всех, если наши мужчины дадут слово, что будут их оберегать.

Мужская половина зала одобрительно засопела. Да и как же их не взять, если женщины всегда делают из мужчин еще больших мужчин.

Она была одна из самых интересных девушек моего спортзала. Выше своего тренера почти на голову, ноги от прелесного курносого носика, тонкая талия, переходящая в широкие и круглые бедра. Ее отец, один из крупнейших поэтов СНГ, и мне было очень интересно какие стишки пописывает это курносое, длинноногое и белобрысое существо. Она была страшно гордая, с легкой придурью, которая впоследствии оказалась очень даже тяжеловесной.

После тренировки, когда все уже переодевшись потихоньку разбредались, это юное существо сунуло мне в руку тетрадь и исчезло за спортзальной дверью. Я шел в начинающимся лете и читал первое стихотворение, которое родилось благодаря великой Школе Ссакиссо.

*Вы безумно красивы...
Вы чертовски мудры...
Вы явились как диво
Среди смутной поры.
Вы и грешны, и святы,
Вы – вне связи времен.
Вот и сбился – проклятье! –
Позабывший мной сон,*

*Тот, где рыжая грешница
С плачем падает ниц,
Где великая нежность
В безнадежьи глазниц,
Мной все лучшее спето...
Что могу я сказать –
Вам – высокому свету,
Вашим быстрым глазам?
Буду я молчалива,
Пусть во взгляде – миры...
Вы безумно красивы...
Вы чертовски мудры...*

Как я перепугался тогда, ведь Школу принимали через меня и я конечно же казался необыкновенным. Но ведь это я объяснял почти на каждой тренировке. Я говорил, что являюсь передатчиком и если вам во мне что-то не нравится, то ведь я не заставляю любить себя, а прошу, чтобы прислушались к знаниям. Как мало я перепугался тогда!!! “Ведь это – обычная поэзия”, – уговаривал я сам себя. Думаю, что по прошествии стольких лет курносая простит за то, что я не спросившись напечатал ее стихи. Да и разве без нее была бы эта книга честной?

*Ночные кухни,
Страсти, разговоры,
Дым сигарет,
Прощанье в коридорах,
Смятение мыслей пьяной Коломбины –
Картина жизни... Мрачная картина!
Но, неужели миром правит похоть?!
Закройте занавес! Сейчас мне станет плохо.
Хватило б силы вытолзти за двери,
Хватило б разума мне осознать потери...
Мы лицемерим, мы играем фарсы.
Ни кто иной, а жизнь нас учит драться...
... Холодные предутренние звезды.
В душе давно все выжжено и пусто.
И думается мне, что слишком поздно
Постигну боевое я искусство.*

“Вот это да”, – подумал я и все равно очень мало испугался. Это действительно было похоже на поэзию. Сколько же лет этой девочке, начал вспоминать я. Двадцать пять, впрочем не так уж и мало.

Тридцать человек, десять девчонок и двадцать парней вывалившись из электрички и согнувшись от тяжести за плечами, искали подходящую стоянку в лесу, сперва напугав одно, а потом и другое село. Густой сосновый лес, в глубине которого большая цветущая поляна.

– Вот здесь и остановимся, – отдал свое веское распоряжение я, одним движением освободившись от груза на спине.

– Красиво, – заявило курносое существо и подойдя поближе заглянуло в мои глаза.

Светлая растрепанная грива и огромные, как две синие фары, глаза. Мне показалось, что ими она может кусаться.

– Ставим палатки, – повернувшись к только что родившейся на целое лето общине, громким голосом объявил я.

Какое-то время ее глаза царапали мне спину, но потом, когда выяснил, чего умные студенты напихали в рюкзаки, то сразу потерял чувствительность. Они взяли все, только не то, что необходимо. Хоть у меня оказались топор и пила.

Девочки взяли с собой, как им казалось, самое необходимое, моя поэтесса прихватила даже несколько цветных полупрозрачных платьев, которые меняла каждый день. Белобрысо-рыжее существо, пока мы ставили палатки, порхало по поляне, плело венки и растревало остальных девушек. Мужская половина уже три часа ставила палатки, которые, как оказалось, видели впервые. Зато у каждого из парней красовался на голове венок из лесных цветов. От венка, предназначенного мне, я ловко увернулся, оставив рыжую с печальными голубыми фарами на краю поляны.

“Ничего, – сердито думал я. – Подышат лесом, аклиматизируются и начнем работать, ведь они приехали именно за этим”.

Я сидел на пне и думая о своем, смотрел, как очень медленно, но все же появляется на свет община, чем-то напоминающая бабочку. Она так же проживет только одно лето, хотя есть бабочки с еще более меньшим сроком жизни – пять дней.

Вспомнив о несчастных бабочках я вдруг понял, что все давно хотят есть. Ребята вырвали руками траву, приведя поляну в менее дикий вид, притащили несколько бревен и очистили их от сучков, почти все было готово. Усевшись на бревнах, мечтающие постигать мудрость древних, жалобно и жадно смотрели на два ведра с закипающей гречневой кашей. Съев кашу и половину запаса овощей, студенты тупо смотрели на догорающий костер и не надо было быть предсказателем, чтобы понять, кто из них нарушал Школьное питание.

В тот вечер все засыпали голодными и мне стало ясно, что завтра снова придется говорить о мудрости древних, о правильном

питании и великой Школе Ссаккиссо, способной их вернуть к пониманию окружающего. Из тридцати человек, почти никто не придерживался питания, на которое я так рассчитывал, а ведь мы живем за счет того, что едим. И только правильное питание, вместе с правильным движением тела может заставить работать голову. Что толку говорить о душе, если она живет в разваливающемся и гниющем теле.

Наступила летняя ночь и комары загнали меня в палатку. Завернувшись в спальник возле свечи, отбросившей мою рваную тень, жена листала тетрадь с какими-то своими записями. Я завалился рядом, голова казалась растревоженным ульем, ведь это была первая поездка с людьми, чьи души и тела взял на себя. Страх не часто тревожил меня, но в тот раз в палатке нас оказалось трое: Татьяна, я и нещадящий никого страх. Я медленно проваливался в сон, рождающийся из памяти и прошлых ошибок.

Я лежал в уютной будке, крепко прижавшись к большой пушистой собаке. Дворовая сука, которую все почему-то называли Тузик, ласково трогала меня шершавым языком. Нам наивно казалось, что спрятались от всего мира и поэтому двое в будке были счастливы. Я любил Тузика, и наверное потому, что любил не требуя ничего взамен, она любила меня. Я воровал еду, прятал незаметно свою и неизменно бежал к подруге, чтобы отблагодарить за доброту. Тузик от меня тоже ничего не требовала, конечно же не требовала, приносимая еда – это была человеческая причина, об этом я догадался гораздо позже. Ничье прикосновение не могло сравниться с прикосновением ее шершавого языка. Сейчас я знаю почему. Потому, что после она снова гладила по голове и опять ничего не требовала взамен. Это то, чему так и не научились мои близкие.

В детстве я рано начал бояться проявления доброты по отношению к себе. Если мама что-то давала, я сразу пугался, что не смогу ответить, а даже если и отвечу, то вдруг не так. А ведь действительно, даже сейчас как не отвечаю, все равно не так. От отца мне вообще не хотелось никакой похвалы, одна лишь мечта – проскочить незамеченным. Все всегда чего-то требовали взамен.

Я начал помнить себя с трех лет, когда мы с Тузиком выглядывали из будки. А ведь действительно, хоть и ненадолго, но все же спрятались от всего мира.

Я смотрел и удивлялся, почему же из-за меня такой переполох. А ведь все до того как я пропал наперебой твердили, что я ничемный, глупый и непослушный, да и вообще сплошное никому не нужное горе. Может это только так казалось, думал я. Нет, по всему видно, что еще чуть-чуть и все без меня умрут.

– Ой, умираю, – именно так и закричала моя мама, хватаясь двумя руками за сердце.

Дедушка, истошно вопя, бегал вокруг своей любимой клумбы с белыми хризантемами.

– Серега, Серега, – грохотал он голосом, которым частенько вызывал свою сестру, живущую на другом краю поселка. – Серега, Серега, ой, шож теперь люди скажут, где ж ты, Серега.

Эти последние слова я запомнил, но понял только через много лет.

– Что ж теперь люди скажут, – часто причитала моя мама, когда я делал не то, чего ей хотелось.

И мне казалось, что живем мы по приказанию каких-то загадочных и невидимых людей. И пришло время, когда у меня родилась мысль, а если б люди ничего не узнали, может меня и вовсе не стали б искать? Страшное время, способное породить в начале человека уродство.

А когда моя бабушка и вовсе упала в белую клумбу, я разрыдавшись выскочил из будки. Тузик со мной даже не попрощалась, не смотря на свою доброту. Она почувствовала возможные последствия и не ошиблась. Я бежал к своей родне, улыбающийся, счастливый, с протянутыми вперед руками, я был абсолютно уверен, что впервые в жизни наконец-то осчастливил их. Они невероятно обрадовались моему появлению, но сразу почему-то начали сильно лупить сперва меня, а потом и Тузика.

Я помню себя с трех лет, с собачьей будки, с того момента, когда абсолютно перестал понимать своих близких. После у меня появилась надежда, что все же пойму, пусть даже через тайные знания, но пойму, ведь это самый близкий и дорогой мне космос. Родные мои, я конечно же вас очень люблю, но в чем была виновата сука Тузик? Неужели так тяжело нагнуться и определить пол собаки? Может быть и со мной вы так же поступили жестоко. Вглядывайтесь, хотя бы иногда, в своих детей.

Вот так я и жил в своем большом дворе, в котором, к тому же, были еще и запреты, нарушишь, не поздоровится.

За клумбой стоял высокий деревянный забор, за забором жил дедушка Ваня – герой войны, он тоже приносил родным непомерные хлопоты. Плохо помню, что именно, орден или медаль, но эта награда всегда висела у него на груди: летом на грязной майке, зимой на фуфайке. Старый воин, который почти всю войну промаялся в партизанах, потом за это же и отсидев, ненавидел все, что напоминало ему войну. Наш высокий забор, в который он часто с криком: “Огонь!” метал обломки кирпичей, мою любимую суку Тузика, которую окончательно запутавшись называл, то ментов-

ской, то фашистской овчаркой и конечно почему-то меня, которого старый партизан даже несколько раз пытался взять в плен.

Старый инвалид наверное просто устал от одной сплошной войны, под названием – жизнь, в которой ему досталось не самое лучшее. Вот и стрелял дед Иван лежа под забором из молотка, выплевывая автоматные очереди искривленными слюнявыми губами, в своих родственников.

Эта война вовсе не укрепила мою психику, а спасался я от кирпичей и земляных комьев, которые между прочим воинственный дедушка метал снайперски, только благодаря суке Тузику, она всегда чувствовала приближение старого разведчика. Может именно она и спасла мне жизнь в окруженном высоким забором дворе.

Родные были совершенно спокойны, мое детство оберегалось изо всех сил. За забор выходить запрещалось, в школу меня водила мать – это было несложно, благо она рядом, а во дворе Тузик и горы разных книг. Я медленно превращался в хилого и тупого уродца, живущего в иллюзиях. Все, что знал о жизни было вычитано из книг. Утонув в своих проблемах родители считали, что этого достаточно. Я маялся среди белых хризантем не понимая, что со мной происходит. Я рос честным и благородным, трусливым и слабым. Я засыпал и просыпался с мыслью, что скоро увижу хотя бы одного живого человека из тех, о которых так много написано в толстых и умных книгах. Он не появлялся, но я все равно верил в сотворенного кумира.

От школьных учителей отказался сразу, ведь ни один из них не был похож на графа Монте-Кристо или хотя бы на хитрого Дарта-ньяна. Они не тянули даже на отрицательных героев, просто усталые и равнодушные, не понимающие даже самих себя.

Уже тогда я стал на путь передатчика, на Путь, с которого в этой жизни не суждено сойти никому и только лишь осознание его может привести к состоянию знающего, потом любящего и только потом радостного.

Иногда мне становится очень страшно от того, что родители не желают понимать своих детей. Человеческие амбиции проявляются даже в воспитании собственных детей. Неужели тяжело задуматься и попросить помощи у людей знающих и любящих, остались еще такие на нашей Земле. Великие Учителя говорят, что время тайных знаний уже давно прошло. Так чего же ждут родители, которые в отчаянии ухитряются кусать свои локти. Неужели демоны себялюбия так сильны? Найдите Учителя для своих детей, вы взрослые люди и всегда сможете отличить ложное от истинного, эти различия даже слишком явны. Поверьте в свой родительский инстинкт, он не подводит, и не бойтесь, что кого-то ваше ча-

до полюбит больше чем вас. Это совершенно разные любви. За Учителя ребенок полюбит вас еще больше. Вспомните, что дети даются для испытаний, вот оно – одно из самых сложных ваших испытаний в мире.

Я удивляюсь, как не умер в детстве, сколько же жизненной энергии было в перепуганном мальчике? Меня воспитывали кто и как хотел: учителя среднеобразовательной школы говорили одно, мама, отец, бабушка с дедом и остальные родственники – совершенно другое, когда заболел – врачи лечили, каждый по-своему. Но ангел все-таки обергал.

Четвертый клас был особенно тяжелым. Мама с папой все время что-то бурно выясняли и только тогда отвлекались на меня, когда происходили неприятности. На меня настолько никто не обращал внимание, что я не выдержал.

Во время урока, заведомо зная, что учитель все видит, я показал язык своему обидчику, потом повертел лезвие, которое выкрутил из дедушкиного бритвенного станка, засунул его в рот и смачно захрустел. Лезвие конечно скользнуло в рукав, а хрустел я леденцом, который на перемене дала мне сердобольная бабушка-техничка. Все слабые меня жалели, потому, что я был слабее даже их, а сильные презирали, с брезгливостью обходя стороной. Что тут началось. Бедная престарелая учительница ботаники схватилась за сердце и упала в обморок, девочка, сидевшая рядом со мной, заверещала так, что у всех заложило уши. И зачем я это сделал? Даже если б меня начали пытать, то объяснить свой поступок все равно бы не смог. Я вытряхнул лезвие из рукава и подбежал к лежащей на полу учительнице. Рыдая и искренне раскаиваясь, я начал трясти ее за руку, поднеся к глазам, на которых у ботанички были очки, лезвие. Глаза старой учительницы медленно открылись, какое-то время она наводила резкость, а когда увидела меня и перед лицом еще одно лезвие, истошно закричала, снова потеряв сознание. Конечно, сейчас я все понимаю, что она могла подумать: либо я собрался есть второе, либо резать ее. После этого случая, родители начали серьезно подумывать о том, чтобы сдать меня в интернат для умственно отсталых.

– Ты готов к школе? – грозно крикнула мама.

Мы жили в маленьком гнилом сарайчике, который мой дедушка не пожалел для своего сына и его семьи. Я вздрогнул, выпрыгнув из мыслей, которые уводили в сказочные миры с какими-то особенными людьми. Уже тогда я точно знал, что-то произойдет в моей никчемной жизни. А как я ненавидел школу с ее неинтересными знаниями – это сейчас я понимаю, что не интересного нет, а тогда...

– Ты готов к школе? – снова закричала моя мама.

“Готов”, – пробормотал я сам себе.

– Я с кем разговариваю? – ворвавшись в комнату закричала мать.

Я не помнил, чтобы она когда-нибудь со мной спокойно разговаривала. Наверное совершенная когда-то в жизни ошибка сделала ее такой, а может и я сам, в чем она была уверена, поэтому очень часто, совершенно не стесняясь говорила об этом всем. Я очень мучился, что приношу столько проблем своей маме, но ничего поделать не мог.

Прошлым вечером мать обучала меня таблице умножения, которую так и не выучил до четвертого класса. Мы повторяли ее, проклятую, и повторяли, я рассказывал, но через пятнадцать минут забывал напрочь. Мать плакала, кричала, лупила меня, потом мы начинали учить ее снова. Может нужно было спросить, что и на кого в этой жизни я буду умножать? Но я не спрашивал, а объяснить никто не догадался.

– А ну-ка, повтори таблицу умножения, – грозно потребовала мать.

Помолчав несколько минут я горько заплакал, заплакала и она, после чего, продолжая плакать начала лупить меня своими горячими материнскими ладошками.

– Все, собирайся, пора идти, – переходя на рыдания приказала мать.

Я тоже громко завыл с ней в унисон, мы плакали, собираясь в дорогу. Впереди была ненавистная школа, где меня никто не понимал, учителя не спрашивали домашнее задание, ученики с упоением издевались на переменах. А как можно не лупить слабое и несчастное существо, если это можно делать безнаказанно. Я не умел жаловаться и давать сдачи, а ведь это предел мечтания всех озлобленных в мире.

– Ну гад, ну паразит, что ты теперь скажешь? – вдруг истерически завопила мать, когда мы подошли к школе.

Мать начала опять лупить меня, собирая вокруг веселых зрителей. До школы лупила и запугивала она, в школе лупили и запугивали учителя и учащиеся, после снова она и остальные родственники.

– За что? – верещал я, безрезультатно пытаюсь увильнуть от натренированных на мне ладоней.

– Портфель. Кретин, дебил, идиот, – переходила на истерический вопль моя родительница. – Ты же портфель, придурок, дома оставил, УО несчастный.

“Подумаешь, портфель, – думал в тот момент я. – Тут нужно пережить саму школу, а если переживу, то все равно забуду в ней этот чертов портфель”.

– Почему же ты голову не забыл, – громко вопрошала мама.

С удовольствием забыл бы, но ведь она не отстегивается. Забыл бы, чтоб не видеть своих мучителей и учительницу ботаники, которая при виде меня всегда хватается за сердце и твердит, что оставшийся год до пенсии не протянет. Так я думал внутри себя, опустив голову и перестав уворачиваться от тяжелых материнских оплеух.

– Все, – опустив руки и тяжело дыша объявила мать. – Интернат, и все.

Потом появились две девочки, мы не нашли птицу в сломанной березе, но они поняли и пожалели меня, дав необыкновенную силу. Я перестал бояться людей и животных, потому, что девочки ласкали ничего не требуя взамен, как моя старая знакомая из далекого детства, сука Тузик.

– Да чего же ты так дергаешься? – испугано тряхнула меня Тая.

Просыпаюсь всегда очень долго. Ошибки прошлого ранят в самое сердце и поэтому мне нужен почти час, чтобы придти в себя.

Прошло совсем немного времени, а рыжая уже начала скрести своими прозрачными ногтями о мою палатку. Наверное нужен еще один ее стих, из тетрадки, которую она подарила. Подарила перед тем, как попрощаться навсегда, по крайней мере говорила так. А потом взяла и пришла, через много лет, напомнив об ошибках прошлого. В тонкой коричневой тетради это был последний стих.

Луна, деревья, камни и трава...

Я слушала гандхарвов в поднебесы.

Хотелось в мир. Я знала. Я ждала

Мгновения, когда душа воскреснет.

Оно пришло. Нет на руках оков.

И близость губ твоих, как навожденье.

Начало лета. Новое рождение.

Я вновь живу... Прощай, гандхарвов тень.

И искупление не моих грехов.

После общины мне всегда везло на прекрасное. Еще я с удивлением заметил, что за него всегда платишь.

– Сергей Анатольевич, мы вас ждем, – пропищало рыжее создание.

Неспеша одевшись я вышел. Костер уже дымился, вокруг него сидели печальные студенты.

– Сергей Анатольевич, – тогда они еще не называли меня Учителем, решились гораздо позже, но все же решились, сделав меня счастливым.

– Сергей Анатольевич, – подошел ко мне один из самых смелых, а значит и самых талантливых и конечно же самых наглых.

– Сергей Анатольевич, у меня сегодня день рождения и я впервые отмечаю его не дома.

И что я мог ему сказать? Студенческий день рожденья. Студент, если он нормальный, готовится к нему год.

“Нормальная адаптация”, – решил я.

Море дешевого вина, и все остальное, чего не доели вчера.

– Ребята, – объявил я. – Есть такая древняя восточная традиция, – все в ожидании чего-то особенного перед студенческим бардаком аж открыли рты.

Насчет традиции я не обманул – это была действительно она.

– Впрочем так, – хлопнул я в ладони, скрывая свою слабость и смущение. – Если день рождения, то все капризы новорожденного исполняются с полу-слова.

Студенты радостно зашумели.

– Эй, Жорик, быстро налить мне вина, – сразу нашелся новорожденный.

Ребята радостно приняли эту традицию и пошел обычный бардак. Я прекрасно понимал, что завтра будет плохо, но ведь это будет только завтра. Ребята пили вино, выполняли все капризы новорожденного, в общем дурели как могли. Ко мне не приставали, я вдыхал запах хвои, потом решил пройти сто метров к огромному полю гречихи.

Я сидел в ярких цветах, что-то непонятное тревожило душу.

– Запомни, – торжественно сказал Ням. – Мы даем тебе силу передатчика, ее много. Ты можешь стать кумиром, тем самым божком, которых так любят демоны.

Я стараюсь передать слова Учителя точно, в общении со мной он выбрал такой язык.

– Ты можешь стать мужем всех жен на земле.

Тогда я не понял этих слов.

– Сереженька, Сереженька, – навалилось на меня рыжее создание.

Желтая гречка, желтые волосы, горячие руки и плачущее лицо, знающее, что ничего не будет. Она была искренней и поэтому ее страх сводил меня судорогой. Сумасшедшая и рыжая говорила и говорила. Я тоже пытался что-то объяснить.

– Мне много лет, понимаешь? – плакала она. – Я знаю, что сумасшедшая, прошу тебя, помоги. Должно же это хоть когда-ни-

будь произойти. Помоги начать, мальчик, я прошу тебя. Пойми, если и начинать, то хотя бы с тобой. – Она сидела сжав двумя руками свою рыжую копну. – Я хочу твоего ребенка, – прошептала она и я испугался.

– Ты больше сумасшедший чем я, хочу такого же черного и нахального. Я знаю, ты боишься этого мира, боишься по настоящему и поэтому такой сумасшедший.

Рыжая начала рвать на мне одежду, я ударил ее по мокрому от слез лицу и ушел с желтого поля в зеленые деревья.

“Ты можешь стать мужем всех жен на свете”, – так говорил Ням.

В лесном лагере студенты перепились почти насмерть. Именинник, придерживаясь новых правил, комадовал как мог, но его уже никто не слышал. Татьяна ушла в темнеющий лес. Я забрал последние три бутылки вина и выпил их в палатке. Сны были такие же безумные, как и всегда. Проснулся от тяжести, кто-то душил, навалясь всем телом.

– Вот так тебе, вот так тебе, – шептала, больно кусая за плечи, рыжая. Стряхнув ее с себя и подняв голову я увидел, что мои ноги и живот в крови.

– Уйди, – умоляюще попросил я.

– Конечно уйду, – фыркнула она, тряхнув рыжей гривой.

“Ты можешь стать мужем всех жен на свете”, – так говорил Ням.

ГЛАВА 4

Я по-прежнему сижу на седьмом этаже и тупо смотрю на свою окровавленную руку. Только что ко мне приходила моя мать.

Сегодняшний день начался очень бурно, наверное потому, что скоро придет долгожданный двухтысячный. Уже отмечены и Старый новый год и Новый год, остался последний – Восточный и единственный. Год дракона, год моей Школы.

Школе Ссаккиссо я посвятил двенадцатилетний цикл и скоро закончится второй. Посвятил – это значит занимался только Школой и ничем более, не торговал пирожками или жвачкой, не занимался бизнесом, а тренировал и лечил. В наше время так жить почти невозможно, вот мы с женой и старались, как могли, не нарушать законы Школы, а значит и законы Космоса.

Двухтысячный год – это серьезно. Двойка и три магических круга. Две крайности: туда или туда, и все это закрепит самая жесткая конструкция в мире – треугольник из полей. Это значит, что начинается апокалипсис, тот, о котором столько говорят религии всего мира. Мы, человечество, в который раз начинаем медленно и уверенно умирать от собственной руки. Сказочный конец света – это было бы гораздо проще, раз – и никого, и ничего. Но увы, все будет умирать медленно и мучительно. Слабеющее человечество, что может быть печальнее этого?

Мир давно разбился на личные апокалипсисы и каждый из людей живет в своем крошечном мирке, сотворенном по собственному подобию и желаниям. Создавая для себе удобства люди запутались и создали для себя мучительную жизнь и смерть. Мне иногда бывает страшно среди людей, которые считают, что после смерти ничего нет и они живут только один раз. Какое страшное восприятие жизни влито в кровь наших поколений. Какое невероятное усилие приложила к нам темная сторона космоса.

Неверие – одно из самых опасных суеверий. Тяжело представить этого человека и его мысли, а ведь таких большинство. А что говорить о нашей Татарии. Но все великие Учителя – хранители Земных Знаний верят, что живой тонкий луч истины вспыхнет

Божественным светом именно в наших, бьющихся во мраке невежества сердцах, и разольется по Земле океаном любви.

Рабство порождает рабов и героев. У наших людей чистые и нетронутые души, на которые обрушился шквал информации. Ведь перед бедой всегда приходит время лжепророков, и только чистые души смогут принять истинное, открыв глаза бьющимся в теле сердцам.

Сейчас я печатаю одним пальцем, после успокаивающего дыхания кровь остановилась, еще немного – и смогу работать в полную силу. Действительно день начался особенно тяжело. В семь зазвонил будильник и я, оторвавшись от памяти, заорал своему издателю, что пора вставать на работу.

Сон я потерял еще с того времени, когда советская власть за общину, Учителя и за лечение безнадежных больных, определила меня в колонию усиленного режима. Это было почти двадцать лет назад, но сон так и не вернулся. Ворчливо обругав весь мир сразу, мой несчастный издатель собрался и ушел на работу, а я остался один перед своим биотелевизором. Он показывал все тот же снег и бегущих куда-то по своим важным делам людей. Потом пришла моя мама. То, что это стучит она, ошибиться было невозможно.

– А ну открывай, – громко затарабанив в дверь сразу же закричала мать.

Я вздрогнул. Страх, примчавшийся из детства, мгновенно сковал по рукам и ногам.

– А ну открывай, я кому говорю, – еще громче потребовала она.

Как-будто я когда-нибудь прятался от нее или не открывал. Наверное мать считала, что я должен всю жизнь стоять у дверей и ждать ее прихода, чтобы мгновенно открыть. Глубоко вдохнув и выдохнув я побрел к неизбежному.

– Я знаю, что ты дома, – громко заявила она через дверь.

– Да я, ма, и не скрываю этого, – пробормотал несчастный сын, щелкая дверным замком. “Держись, Серый”, – умолял я сам себя, – “держись, ведь ты воин, а не какойнибудь там...”

У меня очень необычная карма или судьба, можно все это называть как угодно, но от этого факта никуда не денешься.

Когда человечество было чуть помоложе, а значит умнее, существовали астрологи. Люди, над которыми сейчас большинство искренне потешаются, совершая непростительную ошибку. А почему бы над ними не смеяться, если те люди, которые сегодня называют себя астрологами, действительно смешны. Представьте человека, к которому приходишь со своей душевной болью и он облегчает ее. А ведь это были в свое время самые уважаемые и необходимые люди.

Молодые перед тем как связать свои две судьбы всегда шли к астрологам, дети и родители просили помощи, когда непонимание друг друга заходило слишком далеко. Астрологи не творили чудес, они объясняли – почему происходит непонимание и по каким причинам. Ведь все люди принадлежат разным стихиям и знакам, и порой совершенно ничтожные вещи приводят к непониманию и раздорам. Есть даже знаки, которые несут опасность друг для друга, все это легко высчитывается по древним таблицам и гексограммам. И если два любящих сердца – опасные для жизни знаки, но не могут без друг друга, бывает и такое, то мастер, понимающий звезды, расскажет как обходить во имя любви опасности.

Я, огненный знак, открывал дверь знаку воды, опасному для собственной жизни, – своей матери. Мать, не понимая что делает, всю жизнь пыталась уничтожить меня. Примерно так, соединившись огонь с водой взрывают паровозные котлы. Я много раз пытался это объяснить, но она взрывала меня насмешками и абсолютным нежеланием слушать. Я понимал, что так и должно быть, но взрывался все равно. Мать смеялась, объясняя, что я должен быть более покорным и послушным, потому, что являюсь ее сыном.

Говорить такое огненному знаку... Но о знаках она ничего слышать не желала и весело объявляла, что я дурак и неудачник от того, что начитался всякой ерунды. Конечно родителям тяжело принимать помощь и мудрость от своих детей, ведь все это они сами должны давать им. Порою мне казалось, что все демоны, живущие на земле и на небе, вселились в мою маму и я снова взрывался и взрывался.

Порой мне удавалось уговорить ее принимать сделанные мной травы, она выздоравливала, сразу же заявляя, что это произошло совсем не из-за той гадости, которую я ей дал. Я взрывался и взрывался внутри себя, боясь порою натворить чего-нибудь немислимого. Ах, если б хоть раз мама вслушалась в астрологию. Вот до чего мы люди довели себя, слушая только себя, считаясь только с собой.

Человек ухитрился свои знания, приобретенные за крошечный промежуток жизни, ставить выше знаний, приобретенных человечеством за тысячелетия. “Что ты можешь мне рассказать, ведь я прожила больше чем ты”, – это самые убийственные слова, которые я слышал в своей жизни, жизни передатчика. Вот он, личный апокалипсис. Личное мнение ничтожно и никому не нужно, пока оно не соединилось с истиной и не обрело личную силу. Вот так мы с мамой и спорили, рождая ненависть, потому, что ис-

тина рождается в истине, а в споре – ненависть. Все же хорошо, что другого не дано.

Я перестал приходить к матери, она жила с добрым и любящим мужчиной, старость и дряхлость были пока еще впереди. Мать тоже приходила очень редко, только в том случае, когда считала, что пришло время проверки, самое страшное для меня время. У нас с Татьяной по звездам такое же, опасный для жизни знак. Но в наших руках Школа и мы это понимаем, хотя от этого ненамного легче.

Щелкнув замком еще раз я наконец открыл дверь.

– Ну что, сынуля? – жестко пихая меня в бок поинтересовалась мама. – Сдохну, так и не узнаешь где моя могилка, – начала она перекладывать на крик.

“Держись”, – снова приказал я себе.

Я, мастер шестой степени, прошедший через раздоры корейских и японских кланов, выживший на Тянь-Шане среди дунган и уйгур, стоял, трясясь от страха перед собственной беспомощностью. Хотелось плакать от слабости, первые две книги отняли много сил, третья втянула в мистическое окружение.

Последнее время сильно досаждали своими невинными выходками, на фоне мамы, элементали, а по-простому Барабашки и всякие шкодливые сущности. По-настоящему страшна была конечно же мама, ведь демоны могут сильно ранить только через близких. В какой-то степени было и приятно, ведь это является доказательством того, что работа делается правильно. Но как бывает больно за то, что ничего не можешь поделать с людьми легко поддающимися. В данный момент, самый нужный помощник – жена, вышла из моего корабля и пришла мама.

– Я два раза была при смерти в реанимации и только оклыгала, сразу к сынку-уроду, – осуждающе рыкнула на меня мама. – Держи, старый дурак, – она сунула в мои ослабевшие руки тяжеленную сумку, которую я сразу же выронил.

Если старый дурак, то это серьезно, мама пришла, чтобы еще раз изменить мою жизнь. К реанимациям и остановкам сердца я уже привык. Кроме нее об этом мне еще пока не рассказывал никто. Тяжело сдерживать слезы, когда такое говорит мать, родителей изменить невозможно – это они должны менять нас. Вот за этим и пришла моя мама. Но меня совершенно не прельщало то изменение, которое она хотела.

– Что ж ты, гад здоровый, делаешь? – завизжала мать. – Я со своей нищенской пенсии принесла тебе пожрать, а ты все банки, паразит, побил.

Да, мама всегда чувствовала когда мне плохо и нечего есть, но лучше бы в этот момент не приходила. Тем более, что голодать мне, жене и издателю совсем не привыкать. Татьяна и я голод переносили легко, был опыт, а издатель Терентьевич, борясь за идею, вообще замечал его только тогда, когда падал как старая измученная лошадь.

Сын и мать оказались людьми из разных миров. Я стоял и молча крепился, а она с плачем собирала рассыпавшуюся еду. Собрав все и расставив на кухонном столе, мать повернулась и жестко полоснула меня чужими глазами. Я вздрогнул.

– Ты опять не на работе, вот поэтому и подыхаешь с голода. Мне стыдно, – сквозь рыдания закричала она. – Стыдно, когда спрашивают – кем работает мой сын и какое у него образование? Что люди скажут!?

“Опять эти люди”, – с горечью подумал я. Но все же понимал, ведь я был единственным ребенком, а значит и показателем ее прожитой жизни.

– Устройся на работу, умоляю тебя, – мать медленно опустилась на колени. – Видишь, на коленях умоляю, – рыдала она.

Мне захотелось как когда-то в детстве завывать и упасть рядом, прося прощение, хотелось как в детстве давать любые клятвы, только бы мать успокоилась, но я уже давно разучился лгать. Порою завидую тем, которые умеют это делать. Вряд ли, Правда – это достоинство, но какой смысл оттягивать неизбежное?

– Мама, – я присел рядом с ней, – Ты ведь знаешь, что я не работаю уже почти двадцать лет, неужели не привыкла? Да и что я умею?

– Ничего сынок, – горячо забормотала она. – У меня есть знакомства и куда-нибудь тебя устроим.

Такого уже не было давно, какая-то мерзкая сущность ковырнула в ее душе надежды прошлого.

– Тебя опять посадят, а так все будет нормально, – обнимая меня горячо зашептала мать.

К ней вернулся страх прошлого, страх перед ушедшей и воспитавшей ее безумной системой. Со стороны Барабашек это был даже слишком подлый удар.

“Нужно заново почистить квартиру”, – решил я.

– Все нормально, – с надеждой шептала мать, обнимая меня. – Сейчас хорошо платят водителям троллейбусов, и на заочный поступишь.

Мне показалось, что мать бредит, я еле сдержался, чтобы не расхохотаться сквозь набегающие слезы, представив себя за рулем троллейбуса. Почти за двадцать лет у меня накопилось не-

сколько тысяч больных, которых вылечил и учеников. “Здравствуйте, Сергей Анатольевич”, – кланяясь при входе будут говорить они, и: “До свидания, Сергей Анатольевич”, – с поклоном при выходе. От смеха я конечно удержался, потому что руль от троллейбуса был более чем матерьялен и понятен для матери.

– Это ненадолго, – продолжала мама. – Закончишь заочно медицинский, хотя бы училище, – умоляла она. – Ты ведь умеешь лечить.

Вот уж действительно смешно, меня будут учить незнающие медицину и предавшие клятву Гиппократу. С городскими медиками я был не в ладах. Первое, что я им рассказал приехав из общины – это древнейшее правило медицины. Если лечащий хоть незначительно болен, то он подлежит смертной казни, ибо меняет одну болезнь на другую, навязывая жаждущему и верующему свою карму. Медики ругали меня, распространяя немысленные сплетни, но все равно прибегали лечиться, очень смущаясь, когда сталкивались друг с другом. Вобщем все было нормально, разве имел я право им отказать, хотя порой очень хотелось.

– Мама, – не выдержал я. – Мне ведь сорок лет.

– Да, ты – старый дурак и мой позор, – опять закричала она. – Не вздумай даже приходиться на мою могилу, потому что я перевернусь в ней. – Мать вскочила яростно засверкав глазами.

– Ну ты все же и дура, – не выдержал я. – Как ты не можешь понять, ведь в этом мире, если сыну трудно, мать всегда должна поддерживать его, с того самого момента, когда поддерживает слабую голову новорожденного.

– А что сделал ты мне хорошего? – зло потребовала ответа она.

– Да, – не выдержав заорал я, – тебе не повезло, твой сын – несчастный неудачник, твой сын не способен ни на что, но кто забрал у тебя право любить за это его еще больше?

– Ты сумасшедший негодяй, – закричала мать заламывая руки.

Я знал, что за этим последует, у меня просто не было сил. Первая тарелка в моих руках треснула удачно – надвое, вторая, самая большая, разлетелась на несколько кусков. Я давил и давил руками тарелки, последнее блюдо треснуло и острым краем глубоко вонзилось в мою ладонь. Кровь фонтаном ударила в стену, мать завизжала так, что задрожали стекла и выбежала, хлопнув дверью. Я выгнал ее из своего дома, демоны радостно и громко забряцали оружием, висевшим на стене. Дрожь от разгоревшегося внутреннего огня, я мысленно начал делить еду, которую принесла мать, – на троих.

Мама... Как я ее понимаю. Но у меня всего лишь шестая степень мастерства, а этого слишком мало для всех мам на свете.

Мама – женщина, которая любила моего отца и потеряла. Отец был для нее опасным для жизни знаком. Эти знаки никогда не уживаются вместе, как бы не любили друг друга, и никто не в силе противостоять звездному небу. Стыдно признаться, но я только совсем недавно попытался разобраться в своей жизни. Хотя лично мне это мало чем помогает, разве только не перестаю удивляться новым препятствиям, которые постоянно обнаруживаю на своем пути.

Однажды я уже выбрал свой путь и поэтому сворачивать с него некуда, да и незачем. Невероятно тяжелая задача заставить человека к чему-то прислушаться. На земле произошло нечто и люди начали вслушиваться только в себя и верить только себе.

Милая мама, разве я не понимаю, что очень похож на отца, который был твоей первой любовью. Звезды в моей жизни уравновесили все идеально, дав моему огненному знаку большой выбор. Отец несет моей матери знак опасный для жизни, мать такой же знак для меня, а я в свою очередь этот знак несу своей жене. С Татьяной мы прожили два десятилетия и это доказывает, что во имя Школы бывают и такие чудеса, но как нелегко они даются. Я низко кланяюсь перед женой, положившей себя на мой алтарь. Мы прожили жизнь в постоянной борьбе, не забывая о Школе – и это главное.

В моем корабле очень часто бывает невыносимо и меня покидают все. Вот и сейчас я смотрю в свой биотелевизор, в ожидании, что принесет полнолуние.

Полная луна благотворно действует на травы, их нужно собирать за неделю до и еще неделю после. Луна тянет вверх все соки, которые земля пробудила и вырастила в травах. Есть знаки, на которые полнолуние так же влияет положительно, пробуждая их жизненные силы. Но в основном полнолуние пробуждает в людях беспокойство, неуверенность в себе и порою заставляет совершать самые невероятные поступки. Большая часть преступлений, проявлений садизма и автодорожных происшествий выпадает на полную луну.

Лично со мной в это время происходят невероятные вещи, поэтому близкие, даже те, которые не верят во “всякую там разную мистику”, бегут с моего корабля, как с тонущего. На огненные знаки полная луна действует угнетающе. Они пытаются вырваться из иллюзорной депрессии, впрочем любая депрессия – это иллюзия, и очень часто взрываются. А если огненный знак в полную луну позволит себе напиться, что, впрочем, чаще всего и происходит, вот тогда действительно жди беды.

Алкоголь – это самое коварное изобретение человечества, если все остальное одуряющее сознание выросло из земли, то алкоголь придумали мы – умные люди. Есть конечно знаки, которые алкоголь в небольших дозах расслабляет, но как можно потушить огонь спиртом? Если овны, львы и стрельцы хотят бед для себя и своих близких, то могут смело заливать в полнолуние свой огонь спиртом. После этих знаков, око черного дракона, так называют полную луну, соединившись с алкоголем может уничтожить следующих – тельца, как самого чувственного знака, вместо расслабления его чувства вспыхнут с большой силой. Есть еще и скорпион, который и без вина периодически пытается убить сам себя и так далее. Скажу главное, уважайте дракона, который раз в месяц просыпается по ночам, открывая свой мистический глаз для того, чтобы увидеть Землю и уничтожить все слабое или слишком агрессивное, которого в последнее время так много стало на нашей многострадальной Земле. Пришло время Дракона разрушителя, вершащего апокалипсис.

Последнее столкновение с полнолунием до сих пор приводит меня в ужас.

Уже более десяти лет, услышав стук в дверь я почти всегда знаю кто за нею стоит. На этот раз стук был родным как никогда. “Кашия”, – сразу догадался я.

Это был действительно он, мой любимый грузин из далекого города Ткебули, выросшего прямо на скалах. Я знал его более пятнадцати лет. Отсидев за шарлатанство и чужую культуру (представьте, культура может быть своя и чужая) на усиленном режиме, я устроился сторожем на стройку, чтобы снова не посадили за тунеядство. Вот и сторожил кирпичи разбросанные вокруг, которые при сдаче дома зарывали тысячами, разбухшие от дождя оконные рамы и двери, валяющиеся под открытым небом. Это было третье и последнее дежурство, подарившее мне друга с удивительно чистой душой.

В дверь моей сторожевой будки постучали. Передо мной стояла измученная женщина неопределенного возраста и четверо маленьких детей.

– Вот, начальник, решила тебе свой выводок показать, – усталым голосом произнесла она.

Выводок оказался очень даже симпатичным. Три с небольшой разницей в возрасте девочки и еще совсем маленький мальчик, внимательно глядевший на меня своими круглыми черными глазами.

– Хорошо, – усмехнулся я. – Вот этого можете даже оставить.

Мальш спрятался за мать, продолжая рассматривать меня.
– Самой нужен, – ответила женщина, тоже внимательно разглядывая сторожа.

– Ну хоть ненадолго, – я подмигнул карапузу.

Карапуз оказался смелым. Подмигнув сразу двумя глазами он подошел и схватил меня руками за палец.

– Как зовут? – поинтересовался я.

– Силеза, – пропищал он.

– Ну вот, еще и тезка, – засмеялся я.

– Не, я Силеза, – замотав головой и дернув меня за палец не согласился мальш.

– Слушай, начальник, – подошла ко мне женщина, положив руку на голову карапузу. – Пойми, – она смущенно опустила глаза, взъерошив волосы малышу.

– Ах, а плическа, – возмутился он и усердно поплевав на руки, стал приглаживать волосы.

Я не выдержав рассмеялся.

– Ну так что ж, говорите, – меня начало разбирать любопытство.

– Да ты ведь, начальник, и сам понимаешь, – печально вздохнула женщина. – Пойдем к нам, вдруг предложила она.

– Зачем? – испугался я.

– Что-то ты начальник странный какой-то, – усмехнулась она.

– Посли, посли, – начал тянуть меня за палец тезка.

– Так как же, – смутился я. – Я ведь охраняю тут.

– Рядом совсем, в новом доме.

Вот так впервые я увидел, какие квартиры сдают для жилья. Ободранная, свистящая под ветром железобетонная будка из двух комнат, для матери с четырьмя детьми. Женщина была счастлива, как никогда. Думаю, что доски, стекловата и кирпичи хоть как то помогли. В ту ночь сторожа, преступившего закон, почему-то совсем не мучила совесть, даже тогда, когда ему заплатили за воровство бутылкой самогона, а тезка Серега выдал здоровенный соленый огурец.

Я сидел, попивая самогон, похрустывая Серегиным огурцом, как вдруг в мою обшарпаную будку снова постучали.

– Заходи, – громко приказал я.

Дверь отворилась и перед моими глазами появился он. Это был необыкновенно красивый грузин. Наверное именно такими они и должны быть. По крайней мере, для меня он – самый лучший грузин на свете. Если вы думаете, что он огромен, волосат и с большим носом, то это совсем не так.

Мой грузин оказался с длинными и тонкими пальцами, стройный, с аккуратным профилем и с невероятно, даже слишком, для нашего времени аристократическими манерами. Еще долгое время после нашего знакомства, когда он начинал говорить, хотелось плакать.

Неразрешимый секрет – как появляются такие люди? Хотя если подойти к уже изложенным в этой книге магическим знакам – цифрам и соединить с законами, пока еще не расшифрованным и что обязательно сделаю через несколько глав, то получается примерно такая схема.

Самое первое, с чего корейский Патриарх меня учил постигать окружающие – это были конечно же дети. Я слушал и поражался логике и тому, что совершенно не имел желаний спорить, даже во имя принципа. Вот такой был он, мой первый Учитель. Первое, что я сделал, когда приехал из общины, так это бросился проверять именно эту теорию, которая потрясла меня до глубины души.

Жил был один преуспевающий адвокат. Из-за мощи своего характера тем более, что до адвокатуры он успешно в течение десяти лет работал судьей, то есть Господом Богом, этот адвокат не уживался с мужьями, да и вообще со всеми мужчинами. Если очень захотеть, то его конечно понять можно. Десять лет судить людей, привыкая к тому, что ты Создатель, и видеть каждый день только одно – как тебя боятся, как не могут смотреть в глаза. Это серьезно. Вот и приходилось сначала судье, а потом адвокату одной растить свою дочь. Но она была преуспевающей женщиной, к тому же рядом мама, тоже очень строгих правил, а если что, к дочке приставлялся добрый и строгий воспитатель. Адвокат был совсем не глупый, к тому же еще когда-то давно закончил консерваторию.

Я взял для примера этот случай потому, что он уникален, а адвокат женщина, которая в своей жизни привыкла быть самой-самой, больно ударилась о Школу Ссакиссо.

Девочка Настенька росла в строгости и правильности. Я сам лично видел, что ее никто не баловал, но никто и не мучил. Добрая мама собирала детишек, играла им на пианино, пела песни, одним словом окультуривала как могла. Очень строго следила за правильной речью, что является обязательным у всех нормальных людей и шла на работу выносить приговоры. Кому пять лет, кому пятнадцать, а кому и жить не стоит. Но вот пришло время, когда Настеньке исполнилось пятнадцать лет и она по велению мамы начала самостоятельную жизнь. Это означало, что девочке нужно самой ходить в школу и приходить из нее. Прошел год полного

доверия, мать с дочерью встречались, перебрасывались умными фразами и были довольны друг другом.

Адвокат ударился в зарабатывание денег, ведь раньше дочь отбирала много времени, а теперь можно собрать денюжку и счастливо зажить в ожидании молодого зятя и, чем черт не шутит, вдруг мужа. Действительно, почему бы и нет, ведь всего сорок пять и очень красивая, не считая всего прочего.

Но вот однажды, когда адвокат уже стал заведующим кафедры права, да еще и в Академии при президенте, в дверь его огромного и светлого кабинета неуверенно заскреблась старенькая класная руководительница Настеньки. Я лично по просьбе горемычного адвоката, чтоб никто не знал, помогал разобраться в случившемся.

– Вынюхали, суки, – это были первые слова Настеньки.

Она отказалась разговаривать с матерью. Несчастный адвокат рвал на себе волосы, рыдал и даже бился головой о стену.

– Да ну ее, Серый, лошицу, – заявила мне Настена.

Горжусь тем, что Школа дала мне определенную силу и поэтому нормально поговорить могу даже с такими.

Вот тут-то и начинается настоящая мистика. Настя ничего кроме доброго и хорошего в своей жизни не видела. Она говорила на правильном языке, читала книги, и даже писала без ошибок. Что же за черное чудо произошло с этим ребенком? Все то, что должно было напугать ее чуть ли не до смерти, прилепилось в одно мгновение. Она начала писать с недопустимыми ошибками, речь стала уродливой и безграмотной до неузнаваемости. Что произошло с этой несчастной девочкой, ведь абсолютно все были уверены в самом лучшем. Куда делись пятнадцать лет идеального воспитания? Что потянуло ее в самые низы общества? Ведь все непонятное, чужое и тем более грязное, как мы понимаем, должно отпугивать, а не притягивать за такой короткий срок. Я сидел с ней на кухне и с ужасом смотрел, как она гордо демонстрирует дырки на своих голубых венах под тонкой, еще совсем детской кожей.

– Притарим? – вдруг улыбнулась она, доставая пачку сигарет и вытаскивая из нее маленький пакетик с травкой. – Кобыла все равно не зайдет, пока мы вдвоем, думает, что ты правильный и меня воспитываешь, – захихикала девушка.

– Ну почему же кобыла? – не выдержал я.

– Тебя б так всю жизнь затрухивали, цыганула бы я, – снова хихикнула взбунтовавшаяся дочурка.

“Эх, девочка, – подумал я про себя. – Знала бы ты, какая у меня была жизнь, что бы сказала тогда”. Но говорить об этом уже было поздно и я конечно молчал. Мне стало совершенно ясно, что про-

изошло нечто необъяснимое и другого образа жизни и восприятия мира эта девочка не желает.

“Что же будет дальше?”, – с ужасом подумал я. Жалко до слез стало с надеждой ждущую в комнате красивую и не глупую женщину.

– Знаешь, я внатуре всю дорогу хочу тебя, – заявило маленькое чудовище, сидящее напротив меня.

– Уже? – поинтересовался я, когда понял, что она имеет в виду.

– Еще и как, – заявила Настенька. – Я тащусь, но только с такими как ты.

Ее язык действительно изменился за кратчайший срок, она была все, что выучила за пятнадцать лет. И я решил немного поговорить с ней.

– Ну теперь у нас вряд ли что получится, ведь мать отныне всегда будет на стороже, – ответил я.

– Да, лажа, – согласилось маленькое чудовище. – Сейчас лифт пашет и можно спуститься между этажей, – вдруг осенило ее и в карих глазах мелькнула радость.

Об этом можно рассказывать бесконечно, может быть что-то и заставит по ходу книги вернуться к остальным ее выходкам, которые сыпались на нас с адвокатом в огромном количестве.

Так что же это, как объяснить? А ведь я знаю достаточное количество других семей. Семьи с постоянным пьяным бредом и пьяными извращениями, с морем дешевой водки и с драками в кровь.

Дешевый алкоголь – наркотик жирного ряда, который с трудом и то не всегда организм выводит из крови. Зачастую, отпив таким образом несколько лет, человек не в состоянии, даже если и хочет, вернуться к нормальному образу жизни. Так и остается неотрезвевшим дебилом с поступками, на котрые способен только человек в содружестве с демоном, который под прикрытием алкоголя проникает в мозг и начинает руководить им. Не дремля мечтают демоны о сотворенном по подобию Господа. Ведь это самая сладкая победа для всевозможной окружающей нас дряни.

И вот в таких семьях я видел удивительных детей, нежных и непримиримых, заботящихся о своих безумных родителях, иногда даже непонятно как тянущих на себе младших братьев и сестер.

Сашенька была удивительной девочкой, трехлетний братишка, папа – спившийся инвалид, которого бросила пьющая, но еще молодая и симпатичная мама. Исчезла, заявив, что надоела постоянная нищета, дурак муж и его дети, забыв почему-то, что они и ее тоже. Наверное ей подвернулось в этой жизни что-то лучшее. Са-

ша за свои пятнадцать лет ничего другого не видела, но у нее была мечта. Александра хотела, чтобы младший брат не болел и чтобы отец как можно дольше продержался, она любила его и жалела. У нее не было никаких иллюзий, с ними девочка просто бы не выжила.

– Отца не выличить, – глядя на меня печальными глазами объясняла девочка.

– Почему? – спрашивал я, удивленный ее абсолютной правоте.

– А как можно вылечить того, кто не хочет? – удивляясь тому, что я не понимаю таких простых вещей, объяснила Александра.

А я удивлялся еще больше, ведь девочка за свою короткую и сложную жизнь сама подошла к многим правильным решениям, которые совершенно забыли люди и которые остались только в храмах, хранящих древнюю мудрость.

Однажды, когда Патриарх посвящал меня уже не в ученическую, а мастерскую степень, в лабиринте дракона я вычитал много законов, с которыми теперь часто сталкиваюсь.

Лечащий не в состоянии вылечить только двоих: первый – это тот, который не хочет, второй – это мертвый. Если для лечащего существует третий, значит он не имеет права называть себя лекарем и за это преступление подлежит смертной казни. Да, суровые законы когда-то были. Тогда человечество было молодое и мудрое, потом совершив ошибку, вместо того, чтобы и дальше набираться мудрости, оно начало дряхлеть и выживать из ума. Это одно из преступлений, которое каралось смертной казнью. Сейчас наш знакомый судья не удостоил бы это даже вниманием, а если бы лекарь убил доверившегося ему, все равно продолжал бы уродовать и убивать дальше.

В классе Саша училась лучше всех, учителя и одноклассники обожали ее, ребята-старшеклассники обхаживали с невероятной настойчивостью и никогда никому даже не приходило в голову обидеть девочку. Она не была раздавлена жизнью, несмотря на все трудности, не ходила с опущенной головой, какой-то таинственный луч света жил в этой тоненькой девочке. Но все же были в ней свои печальные особенности. Саша никогда не ходила в гости, кто-бы не приглашал и, конечно, никого не приглашала к себе. В доме у нее всегда был порядок и чистота, если бы не убогость обстановки и вечно варякающий, выживший из ума, отвратительного вида отец-инвалид. Можно было подумать, что девочка воспитана в окружении любящих и дорожащих ею родителей. Отец почему-то боялся ее и поэтому не распускал руки, он только страшно выли и матерился, требуя выпивки, без которой давно уже не мог жить. Мне тяжело было представить, с какими мыслями она

берет в руки его нищенскую пенсию. Однажды Саша так просто и спокойно отказалась от моей помощи, что я даже не отважился настаивать.

– Вот и все, – с удивлением констатировал я, почему-то со стыдом пряча деньги обратно в карман.

– Правда не надо, пожалуйста, – снова попросила она, когда я внимательно всмотрелся в ее глаза.

– Вот и все, – все оказалось просто и понятно.

Тогда в ее глазах я увидел что-то еще, приведшее меня в смятение, там, в этих черных озерах, было столько всего прекрасного и непонятного, что я действительно ничего не понял.

Позже узнал, что не только я один такой умный, а еще многие пытались помочь этой девочке.

Саша допоздна читала книги, я был очень счастлив, узнав, что моя первая книга стала ее настольной. Она много читала, даже не представляю – когда спала, потому что восход встречала, собирая в посадке на набережной пустые бутылки, а потом школа.

Наша дружба оборвалась мгновенно, раз и навсегда.

Летом, если никуда не уезжал, то часто выходил в посадку, где молотил по станкам, которые для меня поставили ученики. Делал дыхание, отрабатывал технику дракона, особенно скошенную пасть, которую мне лично подарил Патриарх корейской общины. После очередной отработки, я сел в лотос для восстановления дыхания и вдруг (у меня чуть не остановилось сердце, потому, что мгновенно понял кто это) ее дрожащие руки легли мне на плечи. Я вскочил, а она, оступившись, упала в траву. Какое-то время мы не отрываясь вглядывались друг другу в глаза и когда я все понял, она громко и жалобно зарыдала, закрыв лицо руками. Потом вскочила и прижалась ко мне с такой силой, что у меня перехватило дыхание.

– Вот беда какая, – сквозь плач шептала девочка. – Вот беда какая, – ее причитания казались бесконечными, а я все никак не мог придти в себя.

В какое-то мгновение мне захотелось бросить все то, к чему привык в этом мире и провалиться навсегда в ее глаза.

– Мне всегда достается какая-нибудь беда в этом мире, – шмыгнув носом с грустью сказала она.

– Ты любишь меня? – спросил я.

Мы всегда были откровенны друг с другом.

– Если бы, – абсолютно по взрослому ответила она.

Ничего не понимая я заглянул в ее строгие уже просохшие глаза.

– У меня в этом мире ничего нет кроме тебя, – просто ответила Саша. – А ты – это самая большая моя беда, вот и все.

Мне вдруг невероятно сильно захотелось, чтобы она говорила о своей любви. Саша молча смотрела в мои глаза. В тоненькой, хрупкой девочке была та сила, которая делает мужчин в тысячу раз сильнее – это сила истинной женщины, знающей, что живет для любимого мужчины. Та первобытная сила, которую современные мужчины истерически боятся, потому, что нужно отвечать тем же. Передо мной стояла настоящая женщина, я мог протянуть руку и прикоснуться к ней.

– Помоги мне, – взмолилась она.

– Что? – не понял я.

– Ты сильный, я знаю, – снова жалобно попросила Саша.

Я понял ее. Мы застыли в бесконечном поцелуе и оторвавшись друг от друга расстались навсегда. Путь сжалился над нами и ни разу, даже случайно, еще не сталкивал нас.

Вот такие два (магическое число два) совершенно противоположных случая были в моей жизни.

Я часто думал, что же произошло, почему после общины моя жизнь так резко изменилась и начала состоять из самых невероятных происшествий? До сих пор не могу понять, то ли Патриарх Ням изменил меня и мою карму, то ли еще что-то, скорее всего – он сделал меня зрячим.

Патриарх в беседах со мной часто сетовал, что люди забыли главное: детям они дают только похожее на них тело, а душу вкладывает Создатель. Дети в этой жизни даются родителям для испытаний и за грехи, а сами они становятся такими, какими заслужили в своих прошлых жизнях. Когда это мне объяснил Ням, я пришел в неопишуемый ужас от того, что ничего не понял. Ням рассмеялся и сказал, что я все пойму, а так страшно потому, что все непонятное, особенно если касается собственной жизни, вызывает подобный ужас.

Я хочу в этой книге объяснить то, что исходя из законов Космоса объяснил мне Ням.

Через несколько минут видя, что страх у меня не проходит Учитель решил притупить его.

– Смотри, – сказал он, подняв руку на уровень своей груди. – Это человек. Совершая отрицательные поступки он падает вниз.

Его рука чуть вздрогнула и начала медленно приближаться к земле.

– И так он будет опускаться всегда, во всех жизнях и даже сбросив свое тело, будет продолжать опускаться. Земля – это великая

сила, только на ней человек может понять свои ошибки и испустить их, начав подниматься вверх.

Его рука опять вздрогнула и начала подниматься вверх.

– Земля для осознания себя и своих грехов, на которые подбивает тело, отданное Создателем на растерзание демонам, и только прошедшие это испытание перестанут возвращаться в земное чистилище. Ведь созданные по подобию Его должны быть рядом с Ним. А что такое Истина тебе объяснят законы Школы. Первые ступени тебя сделают знающим, следующие – любящим и дальше, может быть, радостным, – сказал Патриарх и поклонился своим словам.

Учитель понял: и этого мне слишком мало для того, чтобы успокоится.

– Слушай, – вздохнул он. – К этим знаниям ученик приходит сам, но я не учел твой огонь. Поэтому ты первый, кому я лично от себя объявляю о смерти.

У меня перехватило дыхание, а боязнь пропустить хоть одно слово сковала мысли.

– Когда мы умираем, то есть, когда наше тело застывает, потеряв необходимую гибкость и температуру, – это значит, что мы его оставили по каким-то причинам из-за невозможности более находится в нем. Наша душа реагирует на все, в зависимости от религиозного либо интеллектуального развития. Религиозное развитие приводит к тому, что она видит обещанное в зависимости от религии. Интеллектуальное видит так как все есть и даже свои похороны, хотя и в легком шоке. А тот человек, который был абсолютно уверен, что смерть – это смерть и более ничего, приходит в себя медленно, в падающем режиме привыкая к действительности. Но всегда приходит время, когда человек полностью осознает, что произошло и что будет происходить дальше.

– Что дальше? – само вырвалось у меня.

– Все это называется полным избавлений от зависимости тела, – не обращая на меня внимание продолжал Патриарх. – Когда человек полностью приходит в себя, он начинает снова просматривать свою жизнь, но к тому времени он подобен тому, кто создал его по собственному подобию. И поэтому человек сам себе выбирает место, где ему ждать следующее тело и какое оно должно быть: счастливое или нет, красивое или нет. Порою человек способен очень сильно наказать себя в следующей жизни. Вот и живет он, мучаясь и проклиная кого угодно, только не себя самого.

Патриарх задумался, мы стояли очень долго, но были вне времени.

– Я рассказал тебе то, что на Земле за все ее существование знали только Высшие Мастера, независимые от религий. Но на этой Земле уже навсегда прошло время тайн. Если эти знания не помогут людям, то появится новая земля, какой она будет – не знаю даже я, но больше всего мне нравятся эти зеленые волны, – Патриарх пробежался взглядом по колышущимся соснам.

Я попытался рассказать, откуда берутся люди совершенно не соответствующие обстановке, в которой живут или выросли. Поэтому не судите их строго.

ГЛАВА 5

В течение дня больше от биотелевизора меня никто не отрывал. После мамы приходила только лишь какая-то злобная тетка с угрозой отключить свет и газ за неуплату. Это хождение по квартирам явно приносило ей удовольствие. Что ж, каждый его получает как может. Вообще-то она права – не плачено давно, даже слишком, целых четыре года.

Последний раз уплатили ученики, когда был в Чуйской долине и получил еще одно разрешение – от Фу Шина на свои книги. Тогда для многих учеников я был обычный тренер, но после последней поездки все изменилось.

Многих испугали изменения во мне. Жесткая и страшная – из-за своей простоты философия, осознание того, что всю свою сознательную жизнь занимались не тем, и еще то, что все это оказалось не экзотическим бредом, как многим того хотелось. Не бредом потому, что мои книги начало печатать одно из самых крупных издательств в стране. Раньше для многих все это была игра в Восток, которая вдруг переросла в жесткую правду. Наверное я сумел оживить красивые сказки, вот и разбежались все слабые и не способные воспринимать суровую действительность.

И все-таки я горжусь, что отсеял ненужных, хотя и удивляюсь, как мало осталось в этой жизни настоящего. Но их можно понять, ведь до этого жили в своих коконах, отключившись от мира. После того как побывал в самом удивительном месте на земле, а ведь это именно так: Памир, Тянь-Шань, Тибет – волшебный узел и Чуйская долина – крупнейшая артерия, сконцентрировавшая и спрятавшая в себе мудрость Земли.

Люди давно уже все разрушили, превратив Шаолинь, сперва уничтожив монахов-воинов, – в место для туристов. Ухитрились даже разрушить Лхаский Тибет, убивая прикладами ружей истощенных аскетов, хранящих Землю. Я не обвиняю в этом только китайцев, как-будто Тибет стоял не на нашей Земле. Вот и разбрелись остатки хранящих знания, кто чуть ли не на самые вершины

Тянь-Шаня и Тибета, кто в бесконечные зеленые волны Уссурийской тайги, а первый Воин Света в Чуйскую долину.

После этой поездки близких учеников осталось совсем мало и я абсолютно уверен – это лучшие. Но как тяжело порою бывает с ними. А разве легко им? Ведь приходится принимать знания от уставшего от жизни, сварливого и недоверчивого человека.

Советская власть усердно поработала надо мной, изматывая в лагерях, тюрьмах и городах. А после Чуйской долины элементарно и всякая остальная дрянь начала мучить просто безжалостно, пугая конечно-же не меня, а несчастных учеников. И как не объясняй своим орлам, что нет ничего страшнее и сильнее человека, ведь он соединение всего, что есть в Космосе, все равно пугаются они до чертиков.

Иногда кажется, что все это бесполезная затея. Наверное нужно вспомнить о прекрасном грузине Олеги. Уж очень соскучился за красивыми людьми, вышедшими из рыцарских романов.

Навремя меня отвлек шум в комнате. Оторвавшись от компьютера, в полумраке комнаты я увидел огромного паука-птицеяда, который залезая на стол сбросил вместе с собой журнал. Я сел на пол и начал соображать, откуда он мог взяться?

Паук был красавец, неспеша шевеля хелицерами он перебирал одеяло. Самка или самец – определить почти невозможно, но из-за его огромных размеров решил, что самка, она всегда больше. Полюбовавшись пауком, я начал прикидывать – откуда он мог взяться.

Не скажу, что крупный специалист, но за свою жизнь никогда не отказывался от животных и держал их в большом количестве. В основном это были отобранные у любителей экзотики, многих приносили умирающих или больных, вся экзотика очень нежная.

Я всегда любил драконов и змей, а насекомых, таких как пауки и скорпионы, – просто обожал. Благодаря Школе, не боялся их и чувствовал – это то состояние, которое сложнее всего объяснить ученикам. Ведь человечество давно забыло, что можно жертвовать, восхищаться, чувствовать, любить, возносить, дорожить, преклоняться. Люди сейчас усердно думают, вот и додумались, и так понятно до чего, стоит только оглянуться вокруг.

Вобщем, любил я этих ползучих гадов без памяти: за их необыкновенно красивые движения, за независимость и за глубокие тяжело доступные чувства. Они понимали меня, а я их. Этим часто приводил в неопишуемый ужас окружающих, особенно тогда, когда какой-нибудь страшный, с их точки зрения двухметровый ва-

ран или с суповую тарелку паук, своим ядом могущий свалить верблюда, лазили по мне или спали рядом. Последнее время этих животных я начал чувствовать даже лучше чем людей, особенно их мучения из-за не свободы.

После Чуйской долины почему-то не смог жить рядом с животными, хотя и понимал, что у меня им лучше всего. Я надолго задумался глядя на мохнатого красавца, который начал неспеша заворачиваться в одеяло. Последний раз у меня такие жили перед долиной, но уезжая всех животных отдал специалистам. Откуда же этот красавец мог появиться? Я даже начал вспоминать как они размножаются и как такой мог вырасти и сохраниться. Но обернувшись, увидел, что из-под стеллажа, стоящего возле стены, начали выползать еще и еще.

Сразу вспомнил, как Олеги при виде того, как разбился террариум и от него в полуметре стал на дыбы разъяренный паук, чуть не потерял сознание. А ведь я об этом и собирался писать. Значит как всегда элементарно проверяют на прочность. Интересно, что бы было с человеком непривычным к таким проявлениям внимания? Сейчас наверное, не трудно понять, каково бывает моим ученикам, хоть я и объясняю, что столкновение с другими плоскостями – это показатель уровня.

Вернувшись на кухню я увидел в раковине крупную прозрачную ромашку, из крана выкатилась капля, разбившись о ее лепесток. Ромашка была, похоже парафиновая. Наверное действительно нужно вспомнить Олеги Кашию. Забросив в мусорное ведро развалившуюся в руках ромашку, я снова сел писать.

В дверь постучали и я понял, что это грузин.

– Олег, – радостно завопив бросился я к двери.

Распахнув ее я увидел сияющего грузина. Наши судьбы каким-то загадочным образом сплелись и казалось ничто не в состоянии, даже огромные расстояния, разделить их.

Олег появился почти сразу после той многолетней матери с такими же проблемами. Жена, двое девочек и только что полученная трехкомнатная – свистящая на ветру всеми щелями будка из трех комнат.

Он оказался удивительным человеком, с идеально правильным русским языком, увлекающимся всем запретным по тем временам и даже Кунг-фу, которое уже начало просачиваться сквозь “железный занавес”. Человек, тонко чувствующий окружающее, не перестающий удивляться черствости и жестокости людей. Но самое интересное то, что он свято верил в их исправление и искал лучшие проявления там, где искать уже давно было нечего. Жизнь да-

ла ему наверно одно из самых сложных испытаний на Земле – испытание отцовством.

Мы подружились мгновенно и, если попытаться вспомнить как, то это скорее всего окажется невозможным.

Приехав из Ткебули в наш город, в котором жили его какие-то дальние родственники, он поступил в Горный институт. Учился и женился, отучившись поступил работать в тот же Горный и родил почти подряд двоих очаровательных девочек. Потом с помощью своих родных и родных жены купил трех-комнатный кооператив. Жить бы и жить, но как часто бывает с женщинами, с женой что-то произошло. Причем это что-то получилось очень серьезно.

Жена начала буквально терзать бедного грузина. Вечно всем недовольная, она мучила Олега за маленькую зарплату, как будто из-за этого она могла стать больше, и даже за то, что он грузин. В тот момент, когда мы встретились, их отношения накалились до предела. Грузин мучился от того, что подростки девочки видят, как мать оскорбляет отца. А рывкнуть на мать своих детей он был не в состоянии, тем более попытаться что-то жестко выяснить или по-простому – треснуть в ухо, чем обычно и занимаются все остальные грузины.

Олег честно признался, что и до женитьбы она частенько давила на него, но как все влюбленные мужчины он был уверен, что со временем это пройдет.

Но однажды младшая дочка, за что-то погрозив пальцем сказала, что пожалуется маме, а та ему задаст. Вот именно это чуть и не убило моего доброго грузина: что есть страшней, нежели потеря авторитета, да еще и перед девочкой?

Этот факт окончательно убил в нем остатки чувств к жене. А когда я объяснил законы Школы и то, что если с самого начала с женщиной было не очень, то дальше может быть только хуже, но уж никак не лучше. Грузин расклеился вообще и потребовал полного объяснения.

Законы инь-ян утверждают, что каким женщина восприняла мужчину с самого начала, таким для нее он останется навсегда. Ничто не в состоянии сломать первое восприятие женщины и если она восприняла мужчину как идиал, даже если после этого он полностью опустится или сопьется, она будет обвинять кого угодно, только не его. А если на ее глазах произойдет небывалое чудо и мужчина поднимется, то в ее глазах таким же убогим и останется, каким увидела его впервые.

Страдалец грузин долго вдумывался в мое объяснение... и согласился, обьявив, что легче ему от этого не стало. А когда я спро-

сил, что держит его, то увидел в черных глазах такую любовь к своим девочкам, что испугался вместе с ним. Я еще раз спросил, как думает он жить дальше? И услышал в ответ, что он не может с женой и не может без детей. Не говоря уже о маме жены, я даже боюсь говорить, как теща мучила грузина, тем более, что родная мама была далеко в горах.

И вот пришло время, когда исхудавший и почерневший Олег попросил у меня совета. Если бы это попросил кто-нибудь другой, я бы ответил, что не стоит искать прохладного места в кипящем котле, потому, что меня совершенно не прельщает роль прохладного места. Но я полюбил беспокойного грузина и впервые, со страхом совершить ошибку, дал ему долгожданный совет. Заодно расшифровав древнюю славянскую сказку о трехголовом Змее Горыныче.

В дожившей до нас славянской культуре остались сказки, но истинный смысл, который они несут, к сожалению давно утерян.

У Горыныча три головы, а ведь треугольник самая прочная фигура и в материальном мире и в духовном. Эти три головы означают предельно прочный образец тупости и противоречий. В русском фольклере у бедняги, в отличие от всяких разных Баб-ег и прочего сброда, нет даже малейшего шанса на исправление. Если вдруг Баба-Яга костяная нога проявляет какую-то мудрость и доброту, а анчутка с лесшим – честность с искренностью, то злобный Горыныч летает, тупо ненавидя всех и все, теряя одну голову за другой.

Мой дорогой грузин даже на время пришел в себя, заинтересовавшись что же такое с бедной древнерусской рептилией.

А дело в том, что этот треугольник символизирует действительно самое тупое образование, которое только существует на нашей земле: мужа, жену и тещу, которые как извесно еще не разу за существование человечества ни о чем не договорились.

После этого объяснения мой печальный грузин даже на время развеселился. После чего помрачнел еще больше и снова искренне попросил совета. Но я уже приготовился к роли прохладного места в кипящем котле.

– Понимаешь, Олег, – не спеша и четко начал я. – Как можно воспитать твоих дочерей, если они видят, что мать всецело понукает мужчиной, а тем более их отцом? Найдут ли они в последствии себе достойных мужей, на которых можно опереться? Как они вообще будут относиться к мужчинам? Вряд ли, через силу, ради своих девочек оставаясь с нелюбимой женщиной, принесешь какую-то пользу. Даже если двое живут через силу по согла-

сию, они все равно создают нездоровую атмосферу, которая отрицательно влияет на формирование ребенка. Разве можно ребенка обмануть? Я уже не говорю о той отрицательной энергии, которая со временем спускается вокруг такой семьи. А семья – это вообще сложное понятие, не только в русском фольклоре, но и в китайском. Тем более, что в китайском иероглиф “семья”, при совсем незначительном изменении, означает “свинью” и это, поверь, не случайно.

Грузин задумчиво и очень внимательно слушал.

– Ты попросил у меня совета, поверь – это нелегко, но я сейчас попробую его дать. Хочется верить, что ты все же сделаешь так, как подсказывает тебе твое Божественное начало. Вот тебе и совет на правах доброго друга, – на мгновение замолчав и сбравшись с духом снова продолжал я. – Здесь мало что возможно сделать и поэтому придется обратиться к самому древнему способу, к числу три. К состоянию между двумя крайностями, учитывая еще и твои возможности, то есть твои возможности в том обществе, в котором ты живешь.

– Вот черт, здорово говоришь, – не выдержал грузин.

– Тебе нужно уехать в родную Грузию, прижиться там и ждать.

– Чего ждать? – в отчаянии вырвалось у Олега.

– Просто ждать. Я знаю твою тещу, даже знаю твою жену и понимаю как это нелегко. Я прекрасно понимаю твои чувства и уже вижу как ты мучаешься, представляя, что рассказывают они подросшим девочкам о тебе.

Несчастный Олег всхлипнул.

– Но пойми, сперва девочки все это будут слушать и даже верить. И если ты периодически будешь набегать в семью с чувством вины и конфетами, то только укрепишь их веру в твою убогость. Тем более ты должен понять – перед женой придется прогибаться еще больше, чтобы она отпустила девочек погулять с тобой. Как тебе такая перспектива?

Грузин аж застонал.

– Ты просил у меня совет, что ж, получай. Знаю, семья жены легко обеспечит девочек. А станешь крепко на ноги в своей родной Грузии, будешь для очистки совести посылать деньги. Лишь бы не идиотские письма, над которыми жена будет смеяться вместе с девочками, и которые в их памяти останутся навсегда.

Еще немного, и казалось Олег разрыдается.

– Если все сделаешь по человеческому закону, будет и должная радость.

– Какая? – с надеждой вырвалось у грузина.

– Запомни, – не обращая внимания на него продолжал я. – По этому закону, сложнейшему из законов свободного движения – дочка вырастет не зная тебя вообще. Потом придет время, когда они начнут думать сами и захотят узнать – какой ты есть.

Грузин вздрогнул так, что под ним скрипнул стол.

– Вот тогда ты придешь поговорить с ними и они увидят нормального любящего отца, а не того монстра, которого видели всю жизнь. Я думаю у тебя хватит ума объяснить, как ты их любишь и как долго ждал этой встречи. Посмотришь, девочки будут благодарны тебе за мудрость.

– Нет! – грузин встал, выпятив свою благородную грудь. – Я скажу, что это мудрость не моя, а твоя, и покажу им тебя.

– Спасибо родной, но думаю мне будет не до этого, тем более к тому времени эта мудрость станет твоя, как и наверное перестанет быть мудростью, а станет обычным жизненным этапом, который ты уже прошел. Вот так это будет, либо иначе. Поверь Олег, лучшего совета я не придумаю, даже если очень захочу.

– Учитель, возьмите меня в ученики, – торжественно попросился грузин.

И я не смог отказать. Разве мы вправе отказывать ученикам? Тем более тем, которые давно стали ими, даже не подозревая об этом. Мы выполнили этикет. Прошло более десяти лет, Олег встретился со взрослыми дочками и показал мне свою сказочную Грузию.

– Привет, грузинище, – радосно заорал я, обнимая Олега.

– Сергей, Сергей, – обнимал меня за плечи в порыве дружеской нежности высокий грузин. – Сережка, мы не виделись два года, а ты уже успел побывать у Патриарха. Что же я так застрял в своих горах, ведь только ты один знаешь, как я хочу быть рядом с тобой и с дочками.

К тому времени Олег стал знаменитым на всю Грузию пчеловодом, расположившись на высокогорном озере Хариствали.

– Успокойся Олег, – оторвавшись от него я махнул рукой. – Кого же я буду так ждать? У меня что, не станет друга с самого Хариствали? – усмехнулся я.

Олег был очень серьезный и деятельный грузин. Однажды в Чуйской долине после тренировки ко мне подбежал перепуганный китаец и сказал, что Учитель немедленно зовет к себе. Я как угорелый бежал вдоль арыка, лихорадочно думая – в чем провинился? Хвалить было не за что, значит, кое-какие Чуйские похождения стали известны самому Фу Шину. Я залетел в дом и столкнувшись с Учителем рухнул перед ним ниц.

– Возьми, – Фу Шин протянул мне телефонную трубку. – Тебе, Сергей, какой-то грузин звонит, – усмехнулся он и вышел в другую комнату.

– Алло, – диким голосом заорал я в трубку.

– Не кричи, Сережа, я тебя прекрасно слышу, – спокойным голосом, прямо в ухо ответил мне Олег.

Поговорив немного я извинился и сказал, что нужно бежать.

– У тебя не все в порядке, – догадался умный грузин.

– Что ты Олег, у меня все отлично, просто здесь дисциплина и у каждого свои дела.

“Почувствовал все же, чертяка” – подумал я. Он позвонил в самое тяжелое для меня время.

– Хочешь, я приеду? – спокойно спросил Олег.

“Вот только грузина сейчас мне и не хватает”, – ужаснулся я про себя, особенно, если учесть его полное незнание традиций. Именно из-за этого у меня были крупные неприятности: один из моих учеников нарушил святыню и я изо всех сил старался, чтобы с ним ничего не случилось, мусульмане способны прибить без зазрения совести.

– Не нужно, Олег, – попросил я, и поговорив еще несколько секунд, мы попрощались.

– Да, кстати, объясни-ка, дорогой, как ты нашел меня в долине? – искренне поинтересовался я.

– Ну как, как, – настороженно засмутился грузин. – Очень просто. Ты же сказал куда едешь, вот я и позвонил в Бишкек и спросил, как дозвониться к Учителю?

– Ну? – удивленно спросил я.

– Что ну? – тоже удивился Олег. – Что они, своего Учителя не знают? Вот и дали телефон, вот и позвал тебя.

– А что, из оставшихся учеников никто не дал? – поинтересовался я.

– Сказали, что не знают, – ответил он.

“Вот это да, – подумал я. – Впрочем, понятно, секреты есть только у мертвых”. Да, оказывается хотели быть причастнее всех, а стали мертвыми. Действительно печально.

Ну а грузин, а что грузин? Его непонятно за что любили все, даже не видя, просто по голосу. И когда нужны были какие-нибудь документы, а это значит – мучительное хождение по мерзким, сошедшим с ума от своей иллюзорной значимости бюрократам, я сразу же все поручал Олегу. У него получалось все, несмотря на то, что приезжал раз в год. Делал искренне и радостно, понимая что делает это не для меня, а для Школы. Грузин был настолько умен, что в эти моменты его кавказский менталитет ку-

да-то исчезал. Но зато появлялось скрытое очарование, от которого бабушки сходили с ума, а девушки зверели окончательно, но положительно. Даже мужчины считали своим долгом помочь. Жаль было только одного, что это чудо природы все никак не могло пробиться к Школе и вплотную заниматься ею. Значит еще было не время.

После этого грузинского ответа я окончательно понял, что произошло после моего приезда. Оставшиеся впали в безумие, проходящее через невежество, и начали, вместо того, чтобы поддерживать Школу, выяснять – кто из них главный.

Ох уж это стремление к несуществующему в природе главенству. Разве не понятно, что человек определяется деяниями своими? Какая простая Истина. А может она действительно сложная? Ведь живой отличается от мертвого. А если живой поступает как мертвый?

Однажды Патриарх Ням, когда я зашел в полный тупик и практически погибал от собственной глупости, появился передо мной. Я погибал, страх почти задушил меня, но рядом всего лишь на мгновение оказался Учитель. Я знал, что он за тысячи километров и такое появление увидел впервые.

– Делай хоть что-нибудь, – приказал Учитель.

И я выжил, впитав это навсегда.

Учитель умел заставить вслушиваться в обычные слова, которыми мы все пренебрегаем. Я навсегда понял, что самое сокровенное заложено в самом обычном, в том, на которое меньше всего обращаешь внимание.

Первое посвящение я получил, когда прожил в общине три года и на время прощался с Учителем.

– Я должен открыть тебе на прощание основную силу, которая соответствует твоей второй ступени, – положив ладонь мне на голову тихо произнес Патриарх.

Мне стало не по себе. “Вот оно, – подумал я, – то, чего столько ждал”.

– Эта сила, – продолжал Учитель, – сделает тебя владеющим словом и даст право на слово, а сила слова, ты знаешь, равняется Небесному Мечу. Потому, что вначале было Слово. Никогда не говори того, чего не знаешь и в чем абсолютно не уверен. Если не знаешь – молчи, даже если молчать придется годы.

Я рухнул ниц, как подкошенный, поняв, если Учитель сказал мне такие простые слова, значит поверил, что пойму их. Понял, и поэтому молчу уже двадцать лет, а если говорю, то не от себя, а от Школы, которую мне доверил Патриарх. Конечно, порою

безудержно хочется сказать что-нибудь свое, но кому это будет нужно?

– Ладно, грузинище, проходи, – сказал я, вспомнив, что слишком долго держу Олега в прихожей и то, что он хоть и виноват в моей розыгравшейся памяти, но уставший и голодный.

Грузин был как всегда нагружен не меньше Владимирского тяжеловоза. Он знал куда приехал. Вечно голодные ученики, то на системе – это когда есть долгое время ничего нельзя кроме риса и зеленого чая. Грузин знал, что когда они заканчивают систему, то способны съесть живьем даже пару слонов. Олег любил все эти проблемы и поэтому привозил грузинские деликатесы. Вот он каштановый мед, сладкий вначале и горький, когда наешся.

– Слюшай, дорогой, – окончательно переходя на роль веселого грузина, громко завопил Олег, – смотри, что привез, – и он тряхнул пятилитровой канистрой.

– И что же это? – искренне поинтересовался я.

– Самый лучший грузинский коньяк, лучше “Наполеона”!

– Да ну?

– Не веришь? – грозно спросил горец.

– Верю, верю, – замахал я руками, чтобы не обидеть его.

– Пошли, попробуешь, – затащил он меня на кухню и вывалил на стол одну из своих торб.

Мы начали пить, больше я не помню ничего.

Создатель создал Землю, но демоны мешали, и быть по-другому не могло, ведь и их создал Он. Чего бы без демонов стоил человек, кто бы мешал человеку? Демоны разбросали по прекрасной Земле печаль: одну назвали опий, другую – конопля, третью – кока и много еще имен. От этих имен умерли многие, даже те, которые были нужны на Земле. Но демона по имени алкоголь создал сам человек, который искал бессмертие, а нашел безумие. Выпей, и все узнают кто ты!

Когда пришел в себя, то перед глазами предстало печальное зрелище. Я лежал на полу, рядом пустая канистра, в руках окровавленный Школьный меч, технику которого Учитель давал из рук в руки. Из-за полного обалдения только через несколько минут повернул голову и с облегчением вздохнул, увидев живого грузина.

– Убил кого-нибудь? – прохрипел я.

Олег молчал, как грузинский памятник.

– Говори, – застонал я. – Да говори же, – язык еле ворочался.

– Не-а, – тоже еле выдавил из себя Олег.

– Хух, – сказал я. – А кровь чья? – и сразу понял, что моя.

В моем доме на первом этаже уже давно торговали “ширкой” и на мои скромные просьбы господ наркоторгаши совершенно не реагировали. Вот и дождались проявления сущности. А какое могло быть проявление у человека, отдавшего всю свою сознательную жизнь Школе. Ведь у меня на глазах они убивали молодежь, среди которой попадалась и мои ученики. Поэтому я и погулял своим мечом в невменяемом состоянии по окнам и дверям этой знаменитой квартиры. Впрочем, придя в себя, даже обрадовался, что потянуло не куда-нибудь, а на справедливое возмездие. Через несколько дней старший участковый, встретив меня на улице, только покачал своей седой головой.

Оказывается, пил эту канистру всего лишь сутки, но и гулял без остановки. Поэтому, когда мы с Олегом полностью очухались, он заявил, что мастер и в Африке мастер. Вот такое назидание о вреде алкоголя.

Олег жил у меня уже целый месяц, бегал по делам и помогал как мог. Первую книгу зачитал почти до дыр, благо качество бумаги отменное. Он встречал и провожал приходящих больных, учеников и просто любопытных. Жены в такой трудный момент, как выход книги, не было. Далеко не каждый мужчина мог бы выдержать в раскаленном корабле.

Первая книга только начинала входить в силу и, к сожалению, совсем не так, как мечталось. В ней я дал много рецептов и опираясь на примеры из жизни, описал случаи выздоровления. Я очень рассчитывал, что книга поможет справляться с потоком больных, но все же ошибся.

Теперь кроме страждущих начали приходить разные умники и спорить со мной о чем-то непонятном. И только через какое-то время я понял, что есть такие люди, которым все равно о чем бы ни говорить. Они были злы на меня за мою книгу. Каждый, после разговора ни о чем, смеялся и говорил, что тоже мог бы написать. Потом, небрежно усмехаясь, добавлял, что это никому не нужно. Это сильно ударило по сердцу, ведь среди них были даже близкие друзья.

Я впервые попал в водоворот безумия, а ведь книга называлась “Рецепт от безумия”. То было время отчитаться за имя книги.

В мой однокомнатный корабль приходили даже такие, которые заявляли, что книгу не читали. Но после такого заявления спорили до хрипоты о каждой главе.

Это было настоящее время безумия. Несчастный грузин стал походить на сумасшедшего. И вот однажды с диким воплем: “Всех ненавижу”, – он схватился за мой меч. К тому же бедняга был абсо-

лютно трезв, все уже давно было выпито, день. Олег не был серьезным соперником и я легко забрал меч.

– Почему? – орал он, грохоча кулаками об пол. – Почему? – катились слезы из его черных выразительных глаз.

– Что почему? – не без ехидства полюбопытствовал я. – Почему меч забрал?

– Нет, – еще громче заорал сын кавказских гор, вдруг переходя на настоящий грузинский акцент.

И тут он поразил меня окончательно. В течение нескольких минут мой друг быстро и четко что-то выкрикивал на грузинском – красивый язык.

– Это какой? – спросил я.

– Менгрельский. Серый, почему они все такие суки и бляди? – тихо прошептал Олег.

Ну такого от своего культурного друга я не ожидал.

– Потому что люди, – ответил я.

– Я хочу их всех убить, – искренне признался Олег.

– А теперь, слушай, – предложил я. – Знающему далеко до любящего, а любящему до радостного. Это фраза из великого треугольника и ты это знаешь. Отец, Сын и Святой дух. Знающий – это Сын, любящий – это Отец, радостный – это Дух, все вместе – Бог. А значит человек, в котором душа. Она и называется совесть, которую нам вдохнул Бог, Бог вдохнул Себя. Поэтому мы и созданы по Его подобию, но со страждущим телом для демонов. Знающий – это начало и он может легко убить. Любящий убить не может, потому, что понимает. Есть такие как незнающие и их изменить нельзя, поэтому их можно только жалеть и любить. Как можно дать тому, кто не может взять? Какое требование может быть к тому, кто не понимает и не может стать другим? Я знающий, потому что работаю над Школой, которую дал Патриарх. Всего лишь навсего знающий, а это самая опасная ступень – шестая ступень. Но иногда приходит состояние любящего и удивительное понимание, но увы, только иногда. Когда уходит, боюсь своей ненависти по отношению к тупости. Что такое радостный – не знаю, поэтому сказать тебе ничего не могу. Боюсь одного, что не успею стать радостным никогда. А вобщем-то, я тебе сейчас снова рассказал о единице, ведь все это Бог в триедином лице.

Олег молча слушал, трясясь, как в лихорадке, потом упал предомной ниц.

– Учитель, прости меня, – глухо прокричал он в пол, тут же вызвав во мне прилив ненависти за то, что такие простые вещи его пригибают к полу.

– Встань, грузинище, – как сумашедший заорал я, борясь с желанием пнуть его в бок.

Олег как всегда оказался на высоте, не дожидаясь действия он с визгом выкатился на кухню.

– Жрать, собака, будешь? – через пять минут с акцентом раздалось из кухни.

ГЛАВА 6

Я пришел в себя и увидел густое фиолетовое небо. Патриарх все так же стоял на сосновом столбе спиной к океану. Утро. Тренировочные станки, оцетинившиеся заостренными колями, без монахов казались беззащитными. Мертвая община, что может быть тяжелее этого зрелища? Ветер утих, оставив в покое широкие рукава белой рубахи Патриарха. Ням вздрогнул. Постарчески охнув, он прыгнул на грешную землю. Не спеша, потянувшись и оглядевшись, воткнул в меня свои глаза. Океан – старое зеркало Земли, гладко отражал фиолетовое небо за спиной Учителя. Ноги корейского дракона были обуты в высокие и плотные кожаные носки. Беспощадно сокращая расстояние и время он направился в мою сторону. Я пал ниц.

– Тюрьма, тюрьма, дай мне кликуху! – вцепившись в решетку, почти шепотом прокричал пухлый белобрысый парень.

– Эй, Крест! – заорал снизу пахан. – Ты че, по жизни Крестом хочешь остаться? Давай, красавец, погромче!

– Тюрьма, тюрьма, дай мне кликуху! – не выдержав напряжения, диким фальцетом завизжал парень.

Ночная тюрьма мгновенно проснулась. Несмотря на то, что камеры были переполнены, слышимость оказалась исключительной. Весь двор взревел как динамик. Тюрьма хохотала, орала и бесновалась.

– Проси! – снова грозно рявкнул пахан.

– Тюрьма, тюрьма, дай мне кликуху! – такого страшного и обреченного голоса я еще никогда не слышал.

– Пидор! – раздался вопль со двора.

– Ну, как? – спросил Кот, – такая подходит?

– Нет! – затряс головой белобрысый.

– Проси дальше!

– Тюрьма, тюрьма, дай мне кликуху! – на этот раз голос был смертельно испуганный.

– Чума! – снова раздалось из-за решетки.

И так – битый час.

У белобрысого уже не было голоса. Он хрипел до рвоты, выпрашивая кликуху. Разве тюрьма могла дать ее?

– Фуся! – вдруг раздалось из-за решетки.

– Ну, а эта как? – поинтересовался Кот.

Парень был полностью обессиленный и с равнодушным согласием кивнул головой.

По кружкам в камере уже переговаривались, радостно обмениваясь информацией.

Быть теперь толстощекому до конца срока, а может и на свободе – Фусей, и никем другим, а от Фуси до петушатни – два шага. Да и что такое Фуся? Уже почти педераст!

– Ну, Фуся, садись пока на лавочку. А мы разберемся с твоими друзьями, Вовиком и Петечкой. Вот ты, Вовик, что за преступление сотворил?

Вовик был крепким пареньком лет двадцати двух. Было понятно, что просто так он не сдастся. И это веселило первую семью больше всего.

Вовик, набычившись, смотрел исподлобья.

– Что ж ты сердитый такой? – спросил пахан.

– Ничего я не сердитый!

– Ну что, Вовик, кликуху зарабатывать время пришло!

– Не буду!

– Ну хоть о своем преступлении расскажешь?

У Вовика на свободе осталось двое близнят-пацанов трехлеток и жена, которую он очень любил. А преступление – самое смешотворное, о каком я даже не мог предположить.

Студента Вову поддерживали родители. Благо имели эту возможность. А когда сын женился на такой же студентке, они только обрадовались. А тут еще и такое прибавление в семействе...

Но Вова оказался слишком веселым студентом. У них была компания из четырех человек. Уже целых два года, когда уставали от занятий, набирали водки, поесть и шли к одной знакомой одинокой тетеньке лет тридцати с мелочью. Она жила в однокомнатной квартире и всегда принимала с радостью. Водка, молодые мальчишки – это ей нравилось. Вот так наши студенты любили расслабляться.

Но однажды веселую тетеньку взяла тоска. У всех ребят были семьи, у Вовика даже дети, целых двое. А она, сирота, была одна и раз в две недели принимала эту веселую компанию. На кухне пили водку, жрали колбасу и через небольшие промежутки времени добрая женщина то с одним, то с другим заходила в комнату отдавать свою накопившуюся любовь.

– Вообще так, мальчишки! – объявила тетя Клава. – Надоели вы мне. И толку от вас никакого.

На самом деле совсем недавно Клава делила любовь с одним пьяным, но очень умным милиционером. И, между прочим, до нее дошла одна интересная вещь. Да и милиционер понравился больше, чем эти студенты. У Клавы появился шанс. Да и деньги она любила; кто ж не любит?

– Завтра чтобы каждый мне по триста рублей! И все у вас будет хорошо. Надоели вы мне! – пьяно растягивая слова, повторила она.

Уж очень ей обидно спустя два года стало от такого бесцеремонного пользования. Долго просыпалась Клава совесть, и проснувшись в очень интересной форме.

– Заявление подам! – продолжала она. – За изнасилование, вчетвером!

– Ты че, Клава, с ума сошла? – поинтересовался Вовик.

– Завтра по триста с носа! Я все сказала! – она грохнула кулаком по столу.

– Да пошла ты! Все настроение испортила!

Студенты поднялись и, покачиваясь, вышли, хлопнув дверью. А через два дня их забрали. “Групповое изнасилование”. И как мудрая Клава это все придумала, с чьего совета? У нее появился обширный синяк на лице. Может пьяная мордой об холодильник? Но половые органы были тоже надорваны. Соседи видели четверых, которые в этот день заходили к ней.

Вот и вся история... Можно верить, а можно и нет. Но факт был налицо. Дрожащий Вовик, рассказывающий свою жизненную трагедию.

– Ой, не могу! – ржал Кот. – Так ты ж насильник! Тебе и кликуху не надо. Ты же все это придумал. Во гады какие! Бабу зашваркали, а теперь этот пидор, – он указал на Вовика, – отмазывается! Да за это ж вам минимум по семерке влепят! А ты, небось, паровоз? Вот тебе где-то около пятнашки и прицепят! Выхарить нас хочешь?! Не выйдет, пидор! Вот и мы сейчас групповушку с тобой сделаем!

Вовик стоял, обреченно опустив голову.

– Да поймите вы, я правду говорю!

– А кому нужна твоя правда! – Кот усмехнулся, и в его глазах блеснуло что-то садистское. – Пойми, дружок Вовчик, тебе дадут больше десяти лет.

Я с удивлением отметил, что на момент этого разговора у пахана полностью пропала фея.

– Тебе, Вовчик, будут попадаться такие подонки, что и не снилось! А может быть, и такие же ЗеКа, у которых были изнасилованы матери, дочери и жены. Ты подумай своей головой. Тебе боль-

ше десятки жить, жить в зоне. И где-нибудь в каком-нибудь месте тебе переломают руки, ноги, будут топтать, как последнюю собаку. Все, дорогой, у тебя сто семнадцатая. За групповое изнасилование. Началась у тебя, Вовчик, тяжелая и страшная жизнь.

На парня было больно смотреть. Слезы текли по щекам. Колени дрожали. Прыгали скривившиеся губы.

– Да и знаешь ли ты, что такое зона? – продолжал Кот.

– Не знаю, – судорожно вздохнул парень, дернув плечами.

– Ну, а что такое пидор, слышал?

Вовчик утвердительно кивнул головой.

– Вон, видишь? – и пахан показал в сторону параша. – Там лежат одиннадцать человек, которые заслужили свое. И твое место тоже там. Сегодня, завтра... Какая разница? Жить тебе там.

Парень почернел на глазах. “Как грозовое небо!” – подумал я. А разве бывает такое – на мгновение даже расхотелось жить.

– А тебя ведь ждут дома? – усмехнулся Кот.

Парень чуть заметно кивнул головой.

– Двое детей, да? Жена хорошая? Она ведь не поверила, обещала ждать, да? Ну вот, что теперь с тобой делать? Тюремные законы очень строгие.

– Не знаю, – заплакал парнишка.

У меня на глазах был сломан, как ветка, живой человек. Он напоминал человеческое месиво, побывавшее в какой-то безумной катастрофе. Даже руки надломились в суставах.

– Так что же теперь делать? – судорожно выдохнул Вовик.

– А что делать? Вон, видишь, под умывальником стоит тазик? Набирай из крана воды, бери мыло и мойся. А потом, так уж и быть, я сделаю тебе одолжение. И, чтоб не затрахали насмерть где-нибудь, загоняя в стойло, я это сделаю сам, чинно и красиво.

Я почувствовал во рту привкус крови и понял, что насквозь прокусил язык. “Что же это? Что я сейчас увидел? Кого обвинять? Систему, в которой живем, породившую тюрьму? Этого Вовика, оказавшегося еще слабее, чем можно было предполагать? Подонка Кота? Или самого себя? А что я могу сделать?”

В камере семьдесят человек – они считают, что правы. Давила какая-то непонятная вина. “Но в чем же я виноват?” – бесконечно спрашивал я себя, глотая густую кровь из прокушенного языка.

Не половое воздержание заставляло подонков совершать все это. Были они такие на свободе? А, впрочем, скорее всего, были. Разве можно найти место, где в большей степени один поработает другого, унижает и уничтожает? В природе существует соединение мужчины и женщины; один владеет другим, и тот, кем владеют, по своей природной сущности хочет этого. Но как, наверно,

ужасно, когда тобой владеют без желания, особенно если это происходит у однополых!

Животные инстинкты разгорелись ярким пламенем. Демоны оживали на глазах. И у людей, и у животных есть возможность: когда двое чувствуют какую-то неприязнь друг к другу, один из них может уйти. Но здесь идти некуда! И те, которые должны разойтись, сталкиваются, после чего остается один.

Вовик никогда уже не будет нормальным человеком. Нормальный, наверное, убил бы себя либо умер, не выдержав всего. Но потом стало ясно, что он действительно умер. В каком-то месте его мозг размягчился, не выдержав напряжения. И, если дождется его жена на далекой свободе, то сильно испугается, увидев, каким стал тот, кого она ждала годы.

Парень, стоя в тазике, не спеша, с абсолютным спокойствием намыливался. Смыв грязь, он засунул ноги в ботинки и совершенно голый вышел в центр камеры.

– Готов, – улыбаясь как идиот и прикрывшись руками, объявил он всей камере.

Я лежал на наре и глотал слезы. Все до единого были вовлечены в это безумие. “Они уже убили его! Уже поздно. Что же делать? Как с этим смириться? Куда я попал? Не верю! Не может такое огромное количество людей веселиться от всего этого!” Наверное, кто-то смотрит со страхом за себя, наверное, кому-то противно. Здесь действительно всех поработила первая семья. Не верю, неужели человеческое существо способно стать таким равнодушным! Но что могу сделать я? Бедный сумасшедший мальчик!

– А ну-ка, – радостно распорядился Кот, – быстренько организовали мне купе!

Мужик, прислуживающий первой семье, и еще несколько откуда-то взявшихся добровольцев, кинулись на нижние нары соорудить из одеял заслоны.

Неужели за несколько месяцев в концентрации людей рождается подобное? С потерей простейшего и элементарного.

Кот погладил Вовика по голове, провел ладонью по спине, ласково, как женщину, похлопал ниже и, взяв за руку, утащил за одеяло, которое держали на весу трое шнырей.

– Вот видишь, – слышалось из-за одеял, – тебя никто не будет бить. Ты ведь симпатичный мальчик. Если будешь хорошо работать, будем даже подкармливать.

“Лишь бы с ума не сойти!” – думал я.

Перед моими глазами этой ночью свершилось то, что не могло присниться в самом кошмарном сне.

Когда пахан вылез, то из первой семьи сразу же поднялся второй подонок.

– Ну как? – поинтересовался он.

– Да отличный мальчик! Еще не научился, – засмеялся Кот, – но старается изо всех сил. Но, по-моему, мама его родила именно для этого.

Я укусил себя за пальцы. Очередное чудовище нырнуло за одеяла. Время остановилось. Вот и второй оказался из-за одеял.

– Ну как, Длинный? – спросил пахан.

– Пацаны, – объявил Длинный, – я его кое-чему научил. Кто хочет проверить – давайте!

Перед завтраком все закончилось. Жив парень или нет, было неясно.

Я лежал в непонятной прострации, подобное остояние было впервые в жизни. “Сколько же человек. Что с ним?” Я приподнял одеяло и посмотрел во внутрь купе. Парень то ли спал, то ли был без сознания. Его тело было в крови и сперме. В другом конце камеры хлопнула кормушка, выплевывая горячие миски с баландой.

Спустившись с нар, вся первая семья села за стол. Еда была очень разнообразная. То, что меньше всего портится. Другого в тюремных передачах не принимали. Первая семья дружно чавкая уничтожала сало, галетное печенье и всевозможные конфеты, запивая водой из-под крана.

Этим утром почему-то выварку с чаем через дверь не принесли. Когда кормушка проглотила обратно пустые алюминиевые миски, шныри тщательно протерли стол и доели остатки. Пахан подошел к укрытому одеялами Вовику.

– Вставай, – постучал он его по спине кулаком. – У тебя теперь своя комната и жизнь спокойная.

Шнырь сдернул с парня одеяло, постелил его под нижней нарой первой семьи. Отныне, до суда, там будет жить Вовик, вылазя только на парашу и на пользование. Он будет там и спать, и есть. Наверное, сам он избрал себе эту жизнь. А может быть, судьба уготовила такую. Кто может это знать?

Теперь Вовик стал особенным петухом, самым безвольным, несопротивляющимся, петухом, который старательно выполняет все, что от него требуют. Его действительно будут беречь, он будет часто мыться в тазике и получать хорошую еду. Но есть будет мало, потому что десять-пятнадцать человек будут почти каждую ночь скармливать ему свою сперму. Его не стало. Мозг жил, но уже какой-то своей, никому не понятной жизнью.

За дальний сарай меня заманили какие-то незнакомые птицы. Вокруг – зеленая конопля. Птицы тоже были зеленые, но их перламутр вспыхивал и не терялся.

За самым дальним сараем стоял патриарх Фу Шин и курил. Лукавые, и все же вороватые глаза. Я увидел и убежал. Он не заметил меня.

Зеленая конопля безжалостно душит запахом и мохнатыми листьями. Где бы я не был, я всегда узнаю ее. Так, как вздрагивает конопля своими растопыренными листьями, не вздрагивает ни одно растение. Даже если нет ветра, она все равно вздрагивает, ее не возможно не заметить.

Безжалостное человечество, требующее знаний от Патриарха. Оно требует понимания от Патриарха, оно придумало себе Патриарха, оно загнало его за дальний сарай курить обычную сигарету.

Человечество приезжает в его крошечный дом, требует и требует, и желает видеть нечто святое, оно ждет нимб и лебединые крылья, а он, накурившись табака за дальним сараем, выходит и решает проблемы людей, в которых нет даже пера от этих крыльев, даже луча от придуманного ими нимба.

Ах люди, как же беспредельна и неразделима ваша искренняя жестокость. Наверное имя всему этому – хамство. И нет у вас страха. А вдруг Патриарх отрастит себе крылья и улетит, к чертовой матери. Что же вы будете без него делать?

Удивительное зрелище – лукавый тигр возле дальнего сарая, затянувшийся дымом сигареты с фильтром. Сигареты, которая оставляет Его с нами, удерживая на земле своим тяжелым дымом.

– Ах вы, дети чужие, – крикнула Зульфия и топнула ногой. – Ах вы, дети чужие. Ну, придет этот черт старый, я ему ноги повыдергиваю.

Ахмед стоял, опустив глаза, как и положено на Востоке.

– Когда же он заберет с собой эту толпу?

– Мама, – всплеснул руками Ахмед. – Учитель...

Перед моими глазами произошло чудо из чудес. Пожилая злая женщина вдруг выпрямилась и изогнула бедро. “Как восточное кино”, – подумал я. Глаза широко открылись и стали черными как у лани, улыбаясь она мягко развернулась. За спиной никого не было и только убегающий сын.

– Ну, я тебя поймаю, – завопила Зульфия, – и тебе ноги повыдергиваю.

Как же нужно любить и уважать Фу Шина, как же нужно понимать его тяжесть. Дети отца называют Учителем. Я думаю, что это главное.

Мы прожили в долине четыре с половиной месяца. Андреич нам верил, а получил – ничего. “Эх вы, – сказал он, опустив огромные сумки с едой. – А каково было Пржевальскому?” Мои нервы сдали, я упал на пол и заржал как лошадью великого путешественника.

Зульфия часто ругала меня за то, что Андреич привез нас.

– Вот я ему выскажу, – всплескивала руками она. – Вот выскажу.

Каждый раз, когда перед ней появлялся Гриша, она улыбалась и я видел, как по-матерински со вздохом, обнимала его. Зульфия прекрасно понимала, что Андреич берет на свои плечи часть тяжести Учителя.

Я видел много удивительного. Все тот же прапорщик, приехавший из России, в которой продал дом и все что было, оставив родных и близких; прапорщик, привезший в долину свои пожитки и огромногрудую жену. И чего она поперлась за ним? Кто его знает? Он упал ниц перед Патриархом и рассказал свою короткую историю.

Прапорщик решил перенимать Вселенские Знания из первоисточника. Так сказал он сам. Фу Шин вздохнул и поселил в доме одного из сыновей. Еще через несколько дней обалдевший от счастья прапорщик решил снова обрадовать Патриарха, объявив, что в России его жена успела пройти трехмесячные курсы массажа. “Мы каждый день”, – восторженно объявил Первоисточник (такое я придумал ему имя), – “будем Вас ждать. Если Вы придете на ночь, то жена обязательно сделает массаж”. Первоисточник был счастлив, он очень любил показывать Учителю те приемы, которые изучил в Армии. Первоисточник был искренен и беззащитен. Не было сил у Патриарха отказать, да и убил бы, наверное, отказом. Вот и ходила, колыхая своей огромной грудью, жена Первоисточника делать массаж Патриарху.

В дверь постучали, я проснулся. Стук выгнал из головы безумие, часто приходящее из прошлого. Я понял кто за дверью и кинулся открывать.

– Привет, Серый, – ввалился в комнату измученный и мокрый издатель.

– Ты чего такой мокрый? – поинтересовался я.

– Ну ты и записался, бедняга, – хихикнул Саша. – Я же тебя в окно видел, ты сегодня хоть раз в него смотрел? Небось об Учителе опять начал. Ничего, не опять – так снова начнешь, если Родина прикажет, – куражился он.

Хочешь-нехочешь, а нужно рассказать о нем, но возможно ли о невозможном? А все же придется, ведь издатель он так себе, а друг настоящий – из тех, которых не бывает. Можно сказать, ми-

стический. Много ли вы видели друзей, которые уважают ваши знания и даже защищают их? Ведь Создателем душа вкладывается.

Поэтому однажды и попала в руки юному Саше запрещенная литература, потрепанная книжица самиздата. Заглянул он в нее и понял, что все это правда. Вот так и стала Елена Петровна Блаватская, а не кто-нибудь его первым Учителем. Ох и натерпелся он за своего Учителя, многим монахам и не снилось. При жизни великую женщину-Аватара донимали, а уж после смерти – каждая собака укусить норовит.

Вот и метался Шурик по жизни в поисках понимающих, а где их возьмешь? А чуть позже, мчась в одиночестве к далекому свету, ударился он о слезы Будды. А проще, от отчаянья на иглу уместился. Торько о нем заплакал Будда, даже горше, чем мог, ведь для крепости его слезы с разной гадостью смешивают. Наркотики, всякие блатные и нищие, вообще метался Шурик как бешенная собака в поисках того, чему учила Елена Петровна.

Он прекрасно понимал, что без живого Учителя никак, а где его взять? А знакомств сколько завел, даже в Азии побывал и все не то.

Ни блатные, ни нищие загубить не смогли, даже “Дедушка Опий” и тот не совладал. По ходу дела сыночка выродил и забрал его на воспитание. Когда по тюрьмам из-за черных слез Будды метался, сыночка бабушка воспитывала – мама моего горемыки. А когда на свободе маялся, сам старался как мог. Где была та, которая этого сыночка Шура родила? Да рядом жила, в том же городе, только сыночек маленький к папе ручки протянул, а не к ней. Бывает и такое.

Да, о самом главном. Физиономию ему Боженька такую подарил, что описать невозможно. Совершенно не советскую. Какие-то добрые казаки в кровушку влились и поэтому очень не хватает его на Мосфильме, а может и в Голливуде. Только вот в улицы родного города не вписался, и ни один милиционер мимо него спокойно пройти не мог. А как пройти мимо длинноволосого и горбоносого, с пронзительными непокорными глазами? Вот и дергают они его до сих пор, на пятом десятке. Впрочем, если бы хоть один страж порядка хоть раз всмотрелся в знаменитую картину “Запорожцы пишут письмо турецкому султану”, то сразу бы все понял. Так нет же, не любят они картин и в музеи ходят только по принуждению.

И вот, долгожданные ростки демократии. Возрадовавшись, уже Александр Терентьевич, организовал и даже зарегистрировал кооператив по спасению человечества. Название серьезное выбрал “Сатья юга”. Книжки возил отличные, из белогокаменной ма-

тушки, тогда еще полуподпольные. А через время даже Московское теософическое общество имени Елены Петровны Блаватской доверять ему начало. И случился Терентьевич его представителем в нашем городе.

Шло время, Шурик просвещал как мог людей, боролся с непониманием окружающих и со слезами Будды. Репутацию себе конечно нажил, представить страшно. Ну так ведь оно: чем лучше – тем хуже, а чем хуже – тем лучше. Прав все же в чем-то был старик Мао.

Терентьевич знал конечно, что есть такой я. Но демоны старались изо всех сил: то кругами водили, то в тюрьмы забрасывали, то просто голову задуривали. А я потихонечку тренировал, обрастал учениками, больными, завистью, хамством и непонятной человеческой ненавистью, которая порою переходила в откровенное безумие. Разве демоны дремали когда-нибудь на нашей Земле?

Встреча конечно же произошла. Могло ли быть иначе? Мы долго присматривались друг к другу и подружились. Подружились, как мне показалось обычно, но нет... Терентьевич оказывается задумал грандиозное и практически невозможное.

– Да что ты!.. Как рахит скривился? – толкнув меня в плечо поинтересовался Шурик.

– Не знаю как кривятся рахиты, но только чему радоваться? – парировал я.

– Все тебе не так, – отойдя на всякий случай на пару шагов, хмыкнул Саша.

Было тепло, несмотря на позднюю осень. Огненные, еще неупавшие листья с высоты деревьев роняли на нас тяжелые ледяные капли.

В моей жизни многое было позади. Первая поездка к Учителю, вторая и даже Фу Шин. Все вроде хорошо но, что-то не так. А как я умею страдать, никто не в состоянии растормошить, конечно, кроме Шуры. Он такой, и мертвого достанет.

Я страдал, уворачиваясь от холодных капель, которые все равно больно жалили. И вдруг на меня обрушился ослепительно ледяной дождь. Через мгновение я совершенно мокрый стоял в облаке из пара, это добрый и старый Шурик стукнул ногой по молодой акации. Поймал я его одним движением.

– Что ж ты делаешь!?! – зашипел я.

– Я делаю все то, что могу, – захрипел Терентьевич. – Все, – снова подчеркнул он.

– Что, все?

– Все.

– Если не все, я тебя убью.

– Подавишься, ручки отсохнут, – нахально хихикнул Шурик.

– Да я!

Я ударил Сашу прямо в нос, в казацкий и горбатый. Он залился кровью и засмеялся.

– Давай, красавец, давай, отбей мою дурную голову, желающую того, что должно случиться.

Огромная ледяная капля запрыгнула мне за уже слегка подсохший шиворот.

– Учитель, позвольте мне написать книгу о том, что я видел, – попросил я Фу Шина.

– Пиши, – усмехнулся он. – Но только знай, что это видел ты, другие видели другое. Пиши, если сможешь. Но помни слова своего Учителя. Ведь любая литература существует только для того, что бы как можно дальше увести от Истины. Ибо книги пишут только бездарные ученики. Для славы или богатства.

– Ты же сам говорил, что Учителя – и первый, и второй, разрешили написать книгу, – заорал Шура. – Так пиши, сволочь!!!

– Ты что, не знаешь как это тяжело?

– Так ведь разрешили!

– Ты соображаешь?

– Так ведь разрешили! Сам знаешь, это значит – приказали.

– Отцепись, – взмолился я, когда Шура повис на мне как охотничья собака на подранке.

– Нет, – не успокаивался он. – Нет, ты ожиревшая свинья, к кому я обращаюсь, если не к тебе? Наверное, ты забыл как умирала моя мама, как у меня забрали издательство, да и хрен с ним, не тех печатал. Пиши, ведь разрешили, или ты забыл как мы прощались?

Вот этим он меня и достал. Мы действительно прощались тяжело.

– Забыл? – выл мне в лицо Шура, – забыл, сумасшедшая свинья? Мне хотелось его ударить, но почему-то не было сил.

– Или я не поехал бы с тобой? Или может ты бы не взял меня? Или может я не верил тебе? Вспомни!!! Умирала мама, я обнял тебя на вокзале, облил Шампанским твой дурацкий зеленый вагон и попрощался. Умирало все вокруг меня, я прощался с тобой навсегда. И ты и я, мы знали, что больше не увидимся в этой жизни, а ты сумел приехать и не доволен всем миром. Но я уверен, что ты, старая свинья, не совсем сошел с ума и сделаешь то, что тебе дано, а я напечатаю этот бред.

– Издатель, – с трудом выдохнул я.

– Ага, – задыхаясь согласился Терентьевич.

Да, всякое было. Его мать умерла, издательство забрали, сыну перевалило за двадцать, а мы ничего в этой жизни еще не сделали.

Жизнь шла своим чередом, который невозможно остановить. И мы решились попробовать вписаться в нее.

– Серый, я ведь знаю, что у тебя есть записи, которые ты начал семнадцать лет назад. – успокоившись, тронул меня за плечо Терентьевич.

– А это ты откуда знаешь, издатель дорогой? – удивился я.

– Да сам зачитывал, лет шесть назад, забыл, что ли?

– Все ты знаешь, только не летаешь, – делая сердитый вид буркнул я.

И пошло начало рецепта от безумия. Слава Аллаху, рядом был Шурик, влюбленный в литературу и на удивление прекрасно знавший ее. Он глубоко верил, что родился издателем.

Первый день лета.

Я горе-писатель, но уже на чистом листе бумаги выведенно имя автора и название будущей книги. Жены конечно рядом нет, да и кто, кроме Терентьевича, способен выдержать начало книги? Наверное даже он тогда пожалел.

На столе три пустые бутылки из-под водки, для меня это мелочи, но демоны начинают потихоньку слетаться. Вечереет, уже исписаны три листа. С.А.Соболенко “Рецепт от безумия”, С.А.Соболенко “Рецепт от безумия” и так далее, мелким почерком на трех листах. Мучает одна и та же мысль – как написать, чтобы поверели.

Искусство вышло из религии, да будет вновь религией оно. От этих слов хочется выть, потому, что это абсолютная правда. Одна крошечная мысль о том, что выстраданное и прожитое могут воспринять как фэнтэзи, рвет мозг и сердце на тысячи кусков.

В дверь громко постучали. На пороге стоял, обалдело глядя на своего пьяного Учителя один из горе-учеников.

– Может чего нужно, Учитель? – жалобно и испуганно спросил он.

– Бутылку водки, через полторы секунды, – объявил я.

Ученик исчез. Через полминуты в дверь снова постучали. На пороге с бутылкой водки стоял все тот же обалдевший ученик.

– Может еще что? – еще более перепуганно спросил он.

– Исчезни, – приказал я, и он исчез.

С.А. Соболенко “Рецепт от безумия”, С.А. Соболенко “Рецепт от безумия”, стал продолжать я уже на четвертом листе белой бумаги.

В дверь постучали, за ней стоял Терентьевич. Я не спеша побрел открывать.

– Бедненький мой, очаровашечка моя, котеночек несчастненький, мальчишечка, – как-то похоронно подвывая и одновременно ухитряясь шнырять руками по всему моему телу в прихожую заплыло невысокое тоненькое существо женского пола.

За ним появился, противно хихикая, тоже не совсем трезвый Шурик.

– А он и правда пусечка, – снова пропищало существо и вдруг начало стягивать с меня брюки.

– Ай, – мгновенно протрезвев испугано пискнул я.

– Иди пока, погуляй, – Терентьевич поддев женщину двумя ладонями под круглую попку, впихнул ее в комнату, а сам, хихикая, невозмутимо направился на кухню.

“Все, схожу с ума”, – думал я, ковляя за ним.

– Да-а-а, очень даже неплохо получается, – задумчиво протянул он, разглядывая мой шедевр на четырех листах бумаги.

– Ой, какие бабочки! – раздался из комнаты радостный возглас непонятного существа, которое наконец-то разглядело мои колллекции. – И жучки! – продолжало радоваться оно.

– Что это? – поинтересовался я.

– Женщина, – невозмутимо ответил Шура.

– Вижу, что не мужчина, – окончательно разозлился я.

– Да ты посмотри, на кого ты похож, а Танька где твоя?

– Ну? – снова ничего не понял я.

– Это тебе.

– Что, женщина?

– Конечно, – теперь разозлился Терентьевич. – Тупой какой. Пить меньше нужно, – сказал он, глотая из моей бутылки.

– Так, а где ж ты ее взял?

– Где взял, где взял, купил.

– Кого, женщину?

– Так тебе что, мужчину, идиоту, покупать нужно было? – заорал вдруг на меня Шура. – Может ты на своем Тибете нормальную ориентацию потерял?

Наконец-то до меня все дошло. Пока я ездил к своим Учителям, время неумолимо шло вперед. Демократия ударилась в полный разгул.

Однажды Терентьевич свозил меня под центральный памятник Ленину.

Детство вспоминаю так. Самая большая радость и ответственность – это гуляние с мамой и папой возле огромного монумента. Ильич даже сейчас мне кажется стометровым, а тогда? Тогда – два мента на страже, буд-то Ильича кто-то может украсть, а между ними живые цветы и тихо-тихо плывущие торжественные люди.

В юности всегда старался пройти по другой стороне проспекта и как можно быстрее. Скажу честно, всегда почему-то боялся и очень стеснялся огромного памятника.

Потом началась другая жизнь: Учитель, Община с монахами, Чуйская долина с Патриархом, Лабиринт дракона. Памятник на проспекте начал потихоньку забываться. Добрый Шурик конечно же напомнил.

Такси с визгом остановилось. Вот он, величественный и огромный, вот он, наш знаменитый поцреализм, стоящий в полукруге такого же здания. Ни ментов, ни цветов. Одни лишь толпы орущих и оборванных придурков, завонявших бедного Ильича со всех сторон коноплей самого низкого качества. О качестве судить конечно мог, ведь только приехал из долины Чу.

– Что это, Шура? – испугавшись спросил я.

– Это твой любимый памятник, – горько усмехнулся тот.

– А эти кто? – я указал на орущих уродов.

– Хиппи, дети цветов, – хихикнул Терентьевич.

А эти дети пили, курили и мочились, не сходя с места и не стесняясь никого на свете.

– Суки они, а не дети, – зарычал я, ужасаясь просыпающемуся в себе патриотизму.

– Успокойся, Серый, они дети, только конечно не цветов а своих родителей, – дернул меня за рукав Терентьевич.

Я надолго засмотрелся на памятник “Солнцу в глыбе льда”. Так называли Ильича Учителя из Гималаев.

– Эй, братишка, на, лучше, пивка попей, – толкнул кто-то меня в плечо.

Прийдя в себя я увидел рядом грязное, вонючее существо с зеленым гребнем на лысой голове. Оно было непонятного пола и к тому же протягивало мне бутылку с пивом. Из-за его спины мне показывал язык Терентьевич.

– Ага, сейчас, хух, – с трудом выдавил я.

– Вижу, что весь переживаешь, поделись, может облегчу, – дружески похлопало оно меня по правой щеке.

Терентьевич ликовал, прыгая старым козликом на одной ножке.

– Да вот, пятнадцать лет под этим памятником не был, – честно признался я.

– Я тебе скажу так, – отхлебнув глоток пива, начало учить меня чудовище. – Главное в этой жизни не быть ни к чему привязанным, отвяжись, сразу от всего освободишься и станешь радостным.

От такого объяснения божественного состояния меня чуть не хватил кондрашка. Передо мной стояло безумие мира в образе молодого, лысого, с зеленым гребнем на голове.

– Отвяжись от всего, как я, – улыбаясь, снова предложил гребнеголовый монстр.

– Ты радостный? – придя в себя поинтересовался я.
 – Еще бы, – трянуло оно своей зеленью.
 – Ра – это Бог солнца, – спокойно начал я. – Дость – это значит вдоволь. Значит в тебе вдоволь солнца, вдоволь солнечного, вдоволь чистого. Ты радостный, значит знающий как любить, сжигающий своим солнцем все тягостное, спасающий окружающее? Так значит, ты Учитель? Не понятно только одно: как при этом ты ухитрился оторваться от всего, от матери, от любимой, да и от всех близких. Знаешь что, ублюдок, – посоветовал я ему, – оторвись хотя бы от пива.

Я медленно отошел от зеленого и сел у ног памятника.

– Прости, Серый, – присев рядом, извинился Шура.

– Да ну, старый, ты что, – махнул я рукой.

Сидели мы долго, молча разглядывая окружающих. Гребнеголовые и остальные, собравшись в огромную кучу, о чем-то совещались. “Ну вот, еще и драка будет”, – подумал я, но вставать с нагретого весенним солнцем гранита совсем не хотелось.

– Не, эти не дерутся, – покачав головой, ответил понявший меня Шура. – Эти только умничают.

Толпа, напоминающая разношерстных зомби из фильма ужасов, медленно двинулась к нам. Не подходя метров шесть от нее отделился старый знакомый и, трясая своей немислимой прической, направился к нам.

– Вы не думайте, – подойдя в упор сказал он. – Мне не все похер, я не такой.

– Дальше? – поинтересовался Терентьевич.

– Вы понимаете, – обратился зеленый ко мне. – Нам лидера не хватает.

– А-а-а-а, – захлебываясь завопил Терентьевич, упав на гранит.

– Вот тебя панки и лидером выбрали, растешь, старый.

– И где же ты ее купил? – поинтересовался я у всемогущего Шурика.

– Ну ты и даешь, совсем уже отупел. Их вон на проспекте через каждые пятьдесят метров пачками стоят.

– И сколько это удовольствие стоит?

– Чепуха, всего лишь червонец, – радостно объявил Терентьевич.

– Да, интересно, как же это без чувств, – задумчиво произнес я.

– Ох ты мой чувствительный и неблагодарный, – возмутился Шура.

Как же это без чувств? Занималась бы она этим, если б не нравилось.

– В принципе, да, не любимым делом заниматься не заставишь.

– Ну вот, видишь, да и понравился ты ей, – обрадовался Шура. – Вперед, родной, расслабляйся, а то на тебя страшно смотреть, перетрудились малость.

– А как ее зовут?

– А я откуда знаю? Иди и познакомишься заодно.

– Эй, красавица, готова? – крикнул Терентьевич.

– Еще бы, – в кухню залетела женщина в двух перламутровых лоскутах, под названием купальник, который являлся ее спецодеждой. – Моя пупусюсечка, – полезла она ко мне, явно тщательно структурированная заботливым Терентьевичем.

– Сидеть, – жестко приказал я.

Женщина, испугавшись, хлопнулась на табуретку.

Ей было за тридцать, но опиум, как это часто бывает, пока хранил для того, чтобы в одно мгновение состарить до неузнаваемости. Она была очень красивая и еще не опустилась. Черные волосы, едва тронутые сединой, синие, как летнее небо глаза, натруженные узорчатые губы. Наркоманская бледность еще не подернулась зеленой и пока очаровывала. Остренький курносый носик задорно торчал вверх. Густое созвездие веснушек редая разбегалось с него по всему лицу, подернутому какой-то едва заметной паутиной печали. Тонкие руки были почти детские, бока и бедра еще не потеряли свою крепость, но свежесть уже отошла навсегда. Изящные, длинные, с маленькими босыми ступнями ноги слегка вздрагивали. Став вдруг серьезной, она тоже внимательно начала разглядывать меня и вдруг зарыдала.

Еще раз взглядевшись, я увидел всю ее жизнь.

– Колешься в пах совсем недавно, – сказал я.

Продолжая рыдать, она затрясла головой в знак согласия.

– Муж подлец, на такой дозе, что уже с кровати встать не может.

Она перестала рыдать, испуганно уставившись на меня.

– Младший сын дома с мужем, а старший сидит на малолетке, пожрать возить нужно. Работу не найти, да и не хочется ничего делать, вот и делаешь самое более менее приятное. Пока мордаха еще симпатичная, человек десять в день пропускаешь, – продолжал, глубоко глядя в нее говорить я. – Да, пока денег хватает, – выдохнул я последние слова.

– Да кто ты такой?.. Выродок херов, – переходя на животный визг, заорала она, протянув ко мне свои когтистые пальцы.

– Я просто понял тебя, потому, что вижу такую впервые, поверь. – спокойно сказал я. – У меня всю жизнь было только по любви, понимаешь?

Она вскочила и шмыгая носом исчезла в ванной. Терентьевич медленно покрутил пальцем у виска.

– Ну и придурок, – вздохнул он.
 Через несколько минут из ванной появилась умытая и успокоившаяся женщина.
 – Пошли в комнату, – потянула она меня за руку.
 – Не, ты извини, а деньги оставь себе, – попросился я.
 – Пошли, – потянула она за руку еще сильнее.
 – Деньги оставь, – повторил я думая, что она не расслышала.
 – Пошли, – из ее синего глаза снова выкатилась слеза.
 – Ну пойми, не хочу, – взмолился я.
 – Да ну что ж тебе, денег дать, что ли? – умоляюще запричитала она.
 – Ну все, пока, – усмехнулся я.
 – Какой пока, – взвизгнула она. – Я хочу, понимаешь, хочу. Вот ты, ты это понимаешь? – подскочила она к Терентьевичу.
 – Ну это, сделай человеку приятно, а, Серый, – засмутился обалдевший Шура.
 – Сделай, а? – попросила женщина. – Это тоже любовь, понимаешь, – продолжала просить она. – Как там, у поэтов, внезапная, – проститутка начала наливать злостью.
 – Да дай ты ей. Что, жалко, что ли, а то соседи от этих воплей сбегутся, – заорал Терентьевич.
 – Ну не хочу я, не могу я все время хотеть, – заорал уже и я, понимая, что комедия переходит в психоз.
 – Пошла вон! – рявкнул я на проститутку.
 Она ахнула и схватив платье с туфлями исчезла, хлопнув входной дверью.
 – Ну вот, червонец пропал, – печально констатировал перепуганный Терентьевич.
 “Ты можешь стать мужем всех жен на свете”, – говорил Учитель Ням. Я сел за стол оперевшись челюстью в два сжатых кулака.
 – Пойми тебя, – устало усмехнулся Саша. – Ты еще дурней чем я.
 – Оба мы дураки, причем одинаковые, только знаешь, давай помогать друг другу, – попросил я Терентьевича.
 – Давай, – согласился он. – Лишь бы получилось.
 – Ладно, – решил я, – пойду за женщиной.
 – Здрасьге, – встрепинулся Шура. – Наша красавица уже давно сбежала, а денег, чтоб ты знал, больше как всегда, ни копейки.
 – Дурак ты, Терентьевич, – махнул я на него рукой. – За деньги не интересно и противно. Есть тут одна у меня на примете, вон в том киоске сидит, – я указал глазами в сторону двух киосков, стоящих у дома.
 – Ой не могу, умираю, – засмеялся Шура. – Ты действительно отстал от жизни. Кто в наше время бросит киоск и попрется к те-

бе, да еще и за просто так? А если хозяин нагрянет? Вы, мастер, действительно сошли с ума, – снова развеселился мой издатель. – Может поспорим? – предложил он.
 – Давай, – согласился я. – На десять шалобонов.
 – Э, нет, знаю я эти твои штучки, ты конечно пожалеешь, но пять выпишешь и ходи потом с больной головой.
 – Боишься все таки? – усмехнулся я.
 – Да кто тебя знает, – пожал плечами Терентьевич.
 Приметил я однажды в синем киоске молодого розового пупсика. Это был выходец из самой глубинки села. Лет восемнадцати, с большой, как две подушки, грудью, круглой картошечкой носиком, здоровенными серыми глазами, смотрившими на мир с наивной придурью. Все это окружали естественные и до ужаса смешные серовато-рыжеватые кудряшечки. Что дальше, я не знал. Ее, наверное, пухлый животик закрывал металлический лист, служивший пупсику прилавком. Нужно было срочно помогать, еще немного и пупсик развалится, любоваться будет уже нечем. А пока в синем киоске сидел очаровательный поросенок и конечно же страдал от нехватки углубленного мужского внимания.
 – Пошли, будешь очевидцем, – предложил я Шура.
 – Ну, так тем более ничего не получится, – начал хорохориться Терентьевич.
 – Спорим?
 – Ладно, пошли, – все же заинтересовался он.
 Хлебнув водки и не закрывая дверь мы направились к синему киоску. Пупсик оказался на месте и явно скучал. Был первый день лета, а в огромных глазах юной прадавицы была полная нехватка любви.
 – Как вас зовут? – сразу без вступления начал я.
 – Надя, а что? – отопырил нижнюю губу пупсик.
 – Слушай внимательно, – предложил я, глядя ей прямо в глаза. – Эта жизнь поступила с тобой не очень хорошо. Мужчины в основном негодяи и от этого никуда не денешься, думаю, мама рассказывала. Они долго пристают, а потом, бездарно сделав свое дело, убегают и прячутся. Вот так получилось и у тебя, когда ты жила в ближайшем от этого киоска селе. Когда получилось? – поинтересовался я.
 – Прошлым летом, – хлопая совсем одуревшими глазами пропещал пупсик.
 – Удивительно, и ты терпела столько времени? Ставлю пять баллов. Тем более, что это было у тебя всего лишь один раз.
 – Да, а как..? – снова пискнул перепуганный пупсик.

– По глазам вижу, – перебил я. – Я многое вижу. Вижу, что ты очень красивая, вот только булочки сильно любишь. А вообще, увидел я тебя несколько дней назад и не могу успокоиться.

У пупсика от жадности и вождления из орбит начали вылазить глаза.

– Живу вон там, – я указал на свой седьмой этаж. – Гарантирую море любви без обмана и пошлости. Тем более, тебе этим уже давно пора заниматься, а то совсем с ума сойдешь в ожидании принца. Кстати, они давно вымерли, вместе с мамонтами, да и просто мужчин, добрых и честных, почти не осталось. Ты очаровал меня, пупсик, и поэтому мои объятия открыты для тебя как никогда.

Пупсик с опаской посмотрел на Терентьевича.

– А этого я отправлю гулять, – успокоил я девушку. – Потому что устал от всех до безумия и хочу только одного, прижаться к твоим пухлым губам, тем более, что страдаю по ним уже целых три дня.

– Да, я здесь работаю три дня, – все больше и больше обалдевал пупсик.

– Вот видишь, мы так долго общаемся, а я ни разу не обманул.

Пупсик решительно вдохнул, потом так же выдохнул и вышел из киоска. Терентьевич, махнув рукой, побрел гулять в сторону кладбища.

– Запомни самое главное, – немного помолчав сказал Ням. – Самое сложное у тебя будет с женщинами. Они чувствуют Школьную энергию как высшее проявление мужской, природный инстинкт заставляет их безудержно хотеть детей от этой энергии. Мы вложили в тебя силу Школы не для того, чтобы ты стал мужем всех жен на свете. Но и обращаться с энергией в сексе ты должен уметь. Иди в свою келью, а завтра будем прощаться, тебе нужно ехать в свой мир.

В мужской общине, в монашеской келье, тусклый светильник выхватил из черноты двух ждущих женщин – последний подарок Патриарха.

“Значит, так нужно”, – решил я и смело шагнул им навстречу.

Большая и горячая грудь, в густую крапинку веснушек. Я сжал ее руками и понял, что сегодня действительно первый день лета. И от того, что встречаю лето не с покупной проституткой, стало особенно приятно. У пупсика оказалась большая пухлая попка, круглый животик и даже талия не совсем заплывла жирком. Из кудряшек выпали шпильки, и волосы рассыпались облаком, пропахшим жвачками из киоска и молоком из села.

– Я всегда буду ждать тебя, – обливаясь слезами умиления обещал кудрявый пупсик.

– А я всегда буду помнить, что рядом со мной в маленьком синем домике живет пупсик, пахнущий весной и началом лета, – целуя девушку ответил я.

Мне очень повезло с детством. Не дай Бог кому-нибудь такое. Наверное, я просто жадничаю. Клумба, ровно пять шагов во все стороны. Квадратная и густо заросшая белыми хризантемами. Она – это мое детство. У всех было хоть что-нибудь. Пупсик гонял по огромному сельскому двору веселых и юрких поросят. Терентьевич бегал со сверстниками на рыбалку. Моя жена ссорилась, дралась и играла с сестрой.

А у меня была сука по кличке Тузик и белая клумба с кудрявыми хризантемами. И еще то, чего не было ни у кого – полное одиночество. Мне никто не мешал думать и обращаться к самому себе. Очень редкое чудо в жизни человека. Я страдал от этого, а понял и оценил только через десятилетия. Я общался с самим собой более десяти лет. Глядя на собаку, в свои четырнадцать я не знал, что есть подлость и предательство. Трогая хризантемы и наблюдая за пчелами, я не знал, что есть некрасивое. В редко появляющихся родных не вдумывался, ведь они должны быть. Я общался с книгами, которые учили придуманно возвышенному. Из-за серьезной болезни редко ходил в школу, не воспринимал ее вообще. Я действительно был счастлив, ведь до четырнадцати лет общался с неиспорченным собой. Так долго общался с Богом.

Увы, всему приходит конец. Вот, он и пришел, через четырнадцать лет. Но все равно эти годы слишком сильно застряли в сердце. Поэтому каждый раз до сих пор удивляюсь, когда сталкиваюсь с человеком. И до сих пор верю, что снова Господь обратит на меня внимание, хоть и стал совершенно другим. В ту черную ночь, когда сошедшие с ума от ничтожности мужчин, две нежные лесбиянки душой и телом вдруг полюбили четырнадцатилетнего мальчика, которым оказался я. Непонятный для них и почему-то не испорченный жизнью.

Для двух девочек навсегда останется тайной, как можно плакать о погибшей птице и непооявившихся птенцах? Но я клянусь, что несмотря на прожитую жизнь, при виде убитой птицы плачу и сейчас. Не вдумываясь – первая она или последняя, ведь плачу над убившим ее. Я низко кланяюсь Создателю: за умение плакать, за слезы, смывающие с глаз слепящую ярость.

В дверь трезвонили и стучали уже несколько минут. Зная, что это Шура, я не отрывался от созерцания второго дня лета. Во рту было мерзко, а в печени тяжело.

– Серый, Серый, – раздавались из-за двери стенания Терентьевича. – Серый, ты живой?

Вдалеке за окном в синей металлической будке, тряся кудряшками, копошился счастливый пупсик. Шурины стенания за дверью прекратились. Немного ковыряния в замке и Терентьевич начал печально разглядывать меня.

– Ты и по замкам специалист, – хмыкнул я, выдохнув в Шуру так, что тот отшатнулся.

– Ну, Змей Горыныч, ты даешь. Мало того, что киоскершу заманил, так еще и половину ее водки выпил. – Он начал считать бутылки.

– Да, мастер он и в Африке мастер, – завистливо вздохнул Шура. За дверью кто-то закопошился и послышалась азиатская речь.

– Да, ты не ошибся, мы приехали за тобой, – трагически развел руками Александр Терентьевич.

О мусульманах писать сложно, но в дальнейшем придется. Лишь бы читатель правильно понял. Не прошло и двух недель как я приехал от Фу Шина, мусульмане нашего города уже отправили ко мне свою делегацию. Они чинно посидели, попили чаю, заинтересовались как там поживает великий отец мусульман. Потом так же чинно обкурились гашишем, поклонились и сказали, что будут захаживать к своему брату и аксакалу. Вот так я стал еще и аксакалом.

– В смысле? – не понял я.

– Что, в смысле? – начал злиться Шура. – Собирайся, машина внизу ждет.

– Какая машина?

– Мусульманская, – злобно прошипел Терентьевич и начал собирать мне сумку. – Что тебе положить? – раздался из кладовки его приглушенный голос.

– Да ничего мне не нужно, – ответил я, со страхом чувствуя приближающуюся головную боль. Казалось, что голову зажали в тиски и кто-то не спеша вращает ручку.

Азиаты сочувствующе смотрели на нас.

– А что, это только мне одному надо? – вдруг заорал Терентьевич, бросая в меня сумку.

Я даже не шелохнулся, сумка гулко шлепнулась об мою начинающую и так отказывать голову.

– Вай, вай, зачем уважаемого так по голове бить, – искринне забеспокоился один из каракалпаков.

– Убить вашего аксакала – и то мало будет, – ответил Терентьевич.

Я понял, что он тоже не железный. За рулем сидел каракалпак, заслуженный афганец. Который по каким-то неизвесным мне причинам прижился в нашем городе и даже обзавелся женой и ре-

бенком. Его старенький “Жигуль” пару раз натужно хрюкнул и покатился вперед. Терентьевич сидел сзади. С левого боку его придавил могучим плечем азербайджанец, а с правого еще один каракалпак, на которого в свою очередь навалился тоже совсем не маленький узбек.

– Куда едем, бек? – поинтересовался я у вырulingающего на трассу каракалпака.

– Савсэм нэ знаю, спрасы у сваего, – кивнул он на зажатого со всех сторон Шуру.

– Какого черта мы такой толпой прем? – задыхаясь между могучими азиатами застонал мой издатель.

– Уважение, нада, аксакала праважаем, – спокойно объяснил немаленький узбек.

– Я от вашего уважения скоро совсем плоским стану, – пробурчал Терентьевич.

– Ничего, старик, жить будешь, – успокоил его азербайджанец. – А уважаемого человека с почетом провожать надо.

– Куда же это вы меня провожать собрались? – забеспокоился я, забыв о большой голове.

– Значит так, – внезапно твердым голосом произнес мой издатель.

– Сейчас выезжаем за город и выгружаем тебя на ближайшей турбазе. И ты, вдохновляясь природой, к осени должен написать книгу.

– Ну ты и рахит, – не выдержал я.

Азиаты громко заржали.

– Я не рахит, – вдруг истерически заорал Терентьевич, больно хватая меня за уши. – Это ты рахит недоделанный и мерзкая жирная свинья.

Каракалпак-афганец чуть не выпустил руль.

– Успокойся, бек, – остановил я его. – У русских, если друзья, то ругаться так можно.

– Савсэм дикий народ, вай, – покачал тот головой.

– А ты знаешь, дорогой мой издатель, – окончательно разозлился я, – что для этого нужны хоть какие-то деньги.

– Не волнуйся, позаботился, пока ты со своим бело-розовым пупсиком развлекался.

– Ага, обидно, что не с твоей шировой красавицей? – собрав все свое ехидство, которое только мог, ответил я.

– Да, да родной, обидно и завидно, я из-за этого целую ночь не спал, ворочался, – не менее ехидно ответил Шура.

Обшарпанные пустые домики, приютившиеся между высокими, зелеными соснами. Недалеко от сосен густой камыш, сквозь кото-

рый блестит под солнцем река. Между яркими лесными цветами не спеша летающие бабочки, в зеленых ветвях хвой громко кричащие птицы, все дикое, заросшее и заброшенное. Пока Терентьевич, размахивая руками о чем-то говорил с красномордым и пузатым хозяином базы, я увидел зайца.

Вокруг было еще несколько турбаз и все лесные твари прижились на этой маленькой территории, где можно не бояться охотничьего сезона. Они не обращали внимания на людей, которые в свою очередь также не обращали внимание на них. Разве что пьяный падал на ежика, которые толпами сновали вокруг. Двухногие приезжали только вечером в пятницу, чтобы упиться до полу-смерти, а в понедельник с трясущимися руками и большой головой снова окунуться в рабочую неделю.

– Через три дня буду, – заявил подошедший ко мне Терентьевич.

– А почему через три? – спросил я.

– Потому, что заплатил только за три, – объяснил Шура.

– Точно будешь? – жалобно переспросил я.

– Точно, – подтвердил мой издатель.

Азиаты, громко разговаривая, что-то заносили в домик под номером шесть.

ГЛАВА 7

Я пришел в себя и увидел густое фиолетовое небо. Патриарх все так же стоял спиной к океану. Утро. Тренировочные станки, ошестинившиеся заостренными кольями, без монахов казались одинокими и незащищенными. Мертвая община – что может быть тяжелее. Ветер утих, оставив в покое широкие рукава белой рубахи Патриарха. Ням вздрогнул. По-старчески охнув, он прыгнул на грешную землю. Потянувшись и оглядевшись, воткнул в меня свои глаза. Океан – старое зеркало Земли, гладко отражало фиолетовое небо за спиной Учителя. Ноги корейского дракона были обуты в высокие и плотные кожаные носки. Беспощадно сокращая расстояние и время, он направился в мою сторону. Я пал ниц.

– Встань, ученик, – прикоснувшись к моему плечу, приказал Учитель.

Я встал и внимательно взгляделся в человека, с которым познакомился тринадцать лет назад. В человека, ведущего меня по жизненному пути, в Учителя.

Патриарх был очень стар. Его кожа казалась твердой как сосновая кора и почти такого же золотисто-коричневого цвета. Годы не пощадили даже Верховного Дракона.

Ням тяжело опустился на песок.

– Слабею, – признался старый воин, простоявший целую ночь спиной к океану на вкопаном в землю трехметровом бревне.

Вряд ли он менял ноги, при общении с Разрушителем двигаться нельзя.

– Пришло время отмены этикетов, – продолжал Ням. – Наверное знаешь, что это?

– Да. Это время войны. Неужели правда?

– К сожалению, правда. – Патриарх тяжело вздохнул. – Поэтому община и не смогла с почетом встретить тебя.

– С каким почетом? – удивился я.

– С должным, – усмехнулся корейский дракон. – Ведь ты остался передатчиком, а значит выполнил даденное Создателем. За три года, а это жесткий треугольник, взял вторую степень мастерства, а двойка – это крайности, но ты сумел увеличить ее до шестой.

– Как? – поразился я.

– Так как и положено ученику родовой общины Ссаккиссо.

– Но ведь шестая степень – это высокий уровень, да ведь это же шестерка! – дошло до меня, и я испугался. – А я? Что я, – мне стало не по себе.

– Ты тот, который пронес этот уровень через десятилетие, – Патриарх поднес к моим глазам свои ладони. – Пять и пять, пронес через место отрицательной силы и снова приехал в свое начало. Пять чувств два раза подряд и получил единицу с магическим кругом – десять, значит уверовал в того, кто создал шестерку – в Создателя. Мы не ошиблись в твоем пути, поэтому осталось добавить самую малость. Но вместо почетного посвящения и торжественного входа в лабиринт, тебе выпала война – высшее посвящение на Земле. Ты воевал десять лет, столкнувшись с магией двойственности – два раза по пять чувств, и победил, получив срединное состояние. После поспешил в лабиринт Дракона, но теперь попробуй не погибнуть в войне кланов и тогда шестая степень твоя. – Патриарх встал и трижды поклонился океану. Я тоже поклонился зеркалу Земли.

– Слушай о себе, – приказал Ням. – Ты уже должен начинать понимать о самом себе.

– Постойте, Учитель! – я закричал так, что на мгновение оглох. – Постойте, – я вскочил и снова пал ниц.

– Постойте, – продолжал вопить я. – Я не понял ничего из тех цифр, о которых вы говорили. Я не понял, какой лабиринт дракона? Я не понял ничего.

Мой рот наполнился песком и я, поперхнувшись, замолк.

– Поэтому я и говорю, слушай, – снова повторил Ням. – Сейчас все поймешь, ведь буду говорить о тебе. Сядь нормально, – приказал Патриарх, – и слушай. Ты знаешь, основные магические знаки – цифры. Каждый знак имеет свое значение, но ни о чем не говорит и если их попытаться как-то связать, используя окружающие даты, – это прямой путь либо в сумасшедший дом, либо во все разрушающую софистику. Но тебе это не грозит потому, что у тебя есть Школа и цифры, выходящие из нее. Ведь главный знак твоей Школы – это цифра шесть. И если цифры Школы соединяются с основными космическими цифрами и их значениями, значит ты на правильном пути. Повторяю, если основная космическая нумерология не связана с живой развивающейся Школой – это безумие. Главный и последний знак Школы, самый опасный в нумерологии, но именно он – число шесть в нашей Школе и называется знаком Истины. Почему?..

– Да, почему? – сорвалось у меня с губ.

– Вспоминай, что означает Учитель, – тихим голосом произнес Патриарх.

И я понял, что это один из важнейших в моей жизни экзаменов, открывающий путь в загадочный лабиринт дракона.

– Учитель, – повторил за Патриархом я и почувствовал пришедшую откуда-то из-за океана дрожь.

– Ладно, слушай, – перебил меня Ням. – Сейчас очень дорого время, потому, что день с ночью меняются местами. Истинные кланы воюют по ночам, ведь если понимать ночь, она становится на твою сторону и оборачивается твоим лицом к врагу. День охраняет со спины.

Однажды я увидел, как старый монах, уперевшись горбатой спиной о ствол кривой и такой же дряхлой как он сосны, острым ножом вырезал из дерева фигурку. Обиды целого дня сразу улетучились из меня при виде еще незаконченной рыжей обезьянки. Старик успел вырезать только скривившуюся от напряжения мордочку и цепкие, как у человека руки. Обезьянка упиралась в грубо оструганный кусок дерева, из которого еще не успела вылезти.

Старик спешил. Он был корейцем, живущим в общине, а значит монахом. Старик спешил, монахи вырывали из его рук еще не готовые амулеты, он ворчал, но все равно отдавал. Я часто слышал как братья по общине шептались о том, что он святой и его амулеты приносят спасение. К нему была длинная очередь и старик каждому вырезал амулет, но только такой, какой считал нужным. Он видел монахов по-своему и они верили его видению. Я давно хотел иметь от мастера амулет, но очень боялся посмотреть на себя его глазами.

– На, – старик протянул мне недоделанную обезьянку и хитро засмеялся.

– Бери, – снова ухмыльнулся он. – Сам освободишь ее, – приказал он.

– Освобожу, – пообещал я, поняв, что он искренне хочет, чтобы я почувствовал окружающее и освободился от сомнений вместе с этой рыжей, капризной обезьянкой.

Старик мог быть спокоен, я не посмел бы сделать ее некрасивой, у меня это просто б не получилось.

Через много лет я просидел над ней без остановки целую ночь. И вдруг утром, перед тем как идти в какую-то коммунистическую газету и в роли журналиста собирать по заводам разную чушь, ко мне наведалься мой старый друг Вова. Великий поэт, по крайней мере так считаю я.

Все резчики, особенно такие нетерпеливые, как я, щедро поливают стружки кровью, чуть ли не в прямом смысле рожая пальцами фигурки.

– Ну как? – поинтересовался я.

Он долго и тупо смотрел на кровавые стружки, а потом, вытащив из своей умной коммунистической папки лист и ручку, написал слова. Махнул рукой и двинул на работу. Я бережно храню эти стихи.

Другу

*Не сти, не сти, художник,
Не предавайся сну, –
Ты вечности заложник,
У времени в плену.*

ПАСТЕРНАК

*Под глазами два черных круга...
Показалось, разлились глаза.
Как спасти от бессонницы друга,
Как взглянуть, как помочь, как сказать?*

*Вижу, как беспощадно плаваются
Губы, в шепоте: "Говори..."
На полу, как обрезки пальцев, –
Стружки, красные от крови...*

В. Стрельников

– Учитель, это начало, – продолжил Патриарх. – Значит, единица и все, следующее за ней.

Школьная шестерка тоже начинается с единицы. В Школе она означает философию. Что же такое философия? Это начало начал, с нее начинается действие, любой поступок ты сперва продумываешь, значит философствуешь и этим отличаешься от животного.

Космическая двойка означает противоположности, а школьная – психологию. Разве эти двойки не одно и то же? Только вот Школьная двойка приводит кроме рассуждений еще и к фундаменту. Психология – это высший дуализм, приводящий к явному и доказуемому результату.

Космическая тройка означает срединное состояние. Состояние, к которому должен стремиться каждый человек – ибо человек крайности уже заранее обречен на ничто. Тройка в Школе означает медицину. Что может быть жестче этого треугольника? По-

пытавшись понять философию, психологию и медицину, ты обретаешь достаточно жесткую платформу для дальнейшего развития. И это уже не просто абстрактная и сложная троичность, а основанная на реальных Школьных знаниях.

Четверка в космическом понимании – это крест, распутье, распутье. В Школе – это владение собой, а значит с этими знаниями ты уже готов стать на крест дорог.

Пятерка в космосе означает пять чувств. В Школе она означает оккультизм, который так же тщательно изучается.

Оккультизм конечно же уводит в стремление познать самого себя – зайти во внутрь самого себя. Вот она – шестерка, а значит истина.

На этом – на Истине, знаки Школы конечно же заканчиваются. Школа сделала свое и теперь решать только личности: оставаться в себе или идти дальше. Если оставаться в себе, то вряд ли кто лучше подскажет, чем ты, а если идти дальше, то тем более вряд ли кто подскажет. Главное – это правильно зайти в себя и подойти к шестерке. Почти все заходят в нее сразу, забывая о первых магических знаках. Вот и вся твоя Школа вместе с тобой.

ПЕРВАЯ ШЕСТЕРКА ШКОЛЫ ССАККИССО

1. ФИЛОСОФИЯ.
2. ПСИХОЛОГИЯ.
3. МЕДИЦИНА.
4. ВЛАДЕНИЕ СОБОЙ.
5. ОККУЛЬТИЗМ.
6. ИСТИНА.

1. Философия – стремление понять окружающее.
2. Психология – "-" "-" что влияет на поступки человека.
3. Медицина – "-" "-" человека как био-механизм.
4. Владение собой – "-" "-" себя в трех предыдущих знаках.
5. Оккультизм – "-" "-" законы выходящие за рамки общества.
6. Истина – "-" "-" вход в шестерку.

– Я понял, Учитель. Я готов отдать себя Школе. Хочу знать эту войну.

– Обычная война, – вздохнул Патриарх. – Но она очень много хочет, как любая война, а это значит ничего. Но ты приехал вовремя и я попытаюсь тебе объяснить эту беспощадную войну. И поверь, здесь она настоящая, с приходящей невовремя ночью. Ведь Юнг рассказывал?

– Вы же знаете Юнга, – ответил я Патриарху.

– Да, Юнг молод, но он будет великим мастером. Потому, что достался мне крошечным и кричащим.

Я молчал, у Учителя спрашивать бесполезно, нужно ждать. И я решил ждать.

– Серый, кстати, как твои руки? – с интересом спросил Ням.

“Ну вот, дождался”, – с отчаянием подумал я. И вспомнил, все что у меня есть – это от Учителя. Даже знание русского языка и лучших русскоязычных мастеров.

– Да что руки, нормально, – ответил я.

– Ну тогда давай работать, – предложил Ням.

Клянусь, даже не охнул. Встал в стойку. В самую любимую, а кто учил? Наверное, после общения с верховным Разрушителем Ням стал такой аккуратный. Не знаю, но не верю, что старый воин мог ослабеть. Нет, я просто ошибся, через несколько мгновений я начал летать как бабочка. Патриарх ни разу меня не ударил. Но выводил из плоскостей так, что приходилось падать бесконечно. Через полчаса я вдоволь наелся и океанского песка, и папоротника, и даже золотистой коры древних сосен.

– Хватит, – пытался выкрикнуть я, но крик отказался выходить из меня.

Стало понятно, еще немного и умру. Впервые я увидел мягкую смерть. За сорок минут Учитель ни разу не ударил.

– Хватит, – с кровью выплюнул я в сторону Няма.

Когда пришел в себя, он сидел напротив и улыбался. Его дыхание было обычным, как всегда, тяжелым дыханием человека, прожившего жизнь.

– Учитель, расскажите о войне, – как всегда не выдержал я.

– Слушай, – улыбнулся Патриарх. – Твой слух сейчас спасет тебе жизнь.

Учитель громко и заразительно рассмеялся. Я все понял, но все равно испугался и напрягся.

– Не делай этого, – посоветовал Ням.

Я пообещал.

– Мы живем среди азиатов, которые ссорятся между собой уже много сотен лет и вобщем-то уже приссорились. Демократия запустила на вырубку леса выгодных японцев и их умные машины. Вот и все, старым лесорубам стало нечего есть. Получилась драка, но когда в драку вступают азиаты, которые не прижились, появляются тайные кланы. И начинают решаться не проблемы голодных братьев, а клановые проблемы на фоне своего народа. Ученик, мы вступили в войну с японским Лепестком Черного Лотоса. Вот и все. Дойдешь до лабиринта дракона – ста-

нешь мастером шестой степени, нет – станешь героем родовой Школы Ссакиссо.

– Ну а зачем эта война и кому она нужна? – поинтересовался я.

– В этот приезд ты узнаешь все, что сможешь, но сейчас нам нужно идти, – остановил меня Патриарх. – И не забывай, что объяснение основных космических знаков, соединенных со Школьной шестеркой, я только начал.

Переночевав в древнем коридоре пустынной общины и попив чая, мы собрались в дальний путь. Я не спрашивал куда, да и зачем, ведь приехал на священную землю, к которой стремился десятилетие. Несмотря на осень, теплая Школьная форма, высокая кожаная обувь, у каждого по короткому, очень острому ножу и небольшому, похожему на кисет, мешечку жаренной сои. Вода сама приходила с неба, если нет – заменяли нехватку ее “влажным дыханием”.

– Сегодня пойдем под солнцем, – объявил, хлопнув меня по плечу, Ням. – Не переживай, сегодня можно. Сегодня Дракон хранит нас.

Сделав несколько дыхательных упражнений и бросив прощальный взгляд на пустынную общину, мы пошли сквозь влажный и густой лес. Мои легкие работали как кузнечные меха, не в состоянии переработать такое количество чистого и влажного воздуха. В печени колело как после долгого бега, Патриарх все понимал и поэтому не спешил.

Продравшись сквозь молодые смешанные деревья, мы вышли на открытое место. Оно напоминало неглубокое, давно высохшее озеро, поросшее густыми и высокими кустами, стоящими на расстоянии пятнадцати-двадцати метров друг от друга. По такому месту идти было легко и приятно. Далеко впереди, казалось, что даже за горизонтом, виднелись какие-то остроконечные то ли горы, то ли скалы. Приглядевшись к пышным кустам я поразился – это были какие-то молодые деревца, сдавленные лимонником. Редкий, великолепного качества лимоник, обрел в этом месте такую силу, что полностью убил молодую рощу. Я понял, Патриарх привел меня к священному месту.

– Ты знаешь, что я не приветствую такие вещи, – вдруг жестко произнес Патриарх. – Тем более, учитывая твою невероятную молодость, хоть и отравленную городом. Но сейчас разрешаю. Ягоды тебе не нужны, да они сейчас еще и не готовы. Впрочем готовые, набравшиеся сил ягоды этого лимоника, даже в количестве двух-трех штук, могут разорвать человеку сосуды головного мозга.

Я с опаской и уважением посмотрел на окружающую меня силу.

– Такое скопление силы на Дальнем Востоке только одно. Когда разрушатся деревья, держащие лимоник, он снова уйдет под землю и неизвесно где и когда выйдет. Ты спрашивал о войне, вот она. Созревшие ягоды упадут на землю, монахи не будут собирать их – война стала на пути.

Только после этих слов Патриарха я понял, на Земле может случиться еще одна непоправимая беда.

– Может быть мы с тобой последние, кто видит одно из немногочисленных на Земле мест силы. Вдруг Верховный Разрушитель больше не выпустит эту силу, спасающую людям жизни. И останутся на умирающей земле уродливые, сморщенные ягоды, которые наивные люди будут называть плодами китайского лимонника. Уродливые плоды, если их разжевать, приносят бурление крови на пятнадцать минут и ложную бодрость, за которую приходится расплачиваться вдвойне. Ладно, жуй, – прервал свои тихие причитания Ням.

– Возьми самую мягкую поросль, скатай в руках до твердости и размеров ядра лещины, потом жевани пару раз и глотай.

Я со священным трепетом нарвал самых мягких листиков и начал изо всех сил мять их двумя руками.

– Никогда не привыкни к этому чуду, – вдруг громко и радостно вскрикнул Патриарх.

Я резко повернулся, но для того, чтобы увидеть Няма и чудо, так обрадовавшее его, нужно было обойти куст.

Патриарх стоял, улыбаясь во все лицо. Метрах в тридцати от нас под солнцем сверкало перламутровое озеро, вспыхивая то яркой зеленью, то синевой, переходящей в непередаваемую желтизну. Я вспомнил, что однажды, много лет назад уже видел такое, но из-за страха перед неизвестным и усталости – не разглядел. Озерцо было не совсем круглым и размером с две или три баскетбольных площадки.

– Пойдем, только не спеша. – приказал старый Дракон.

Мы начали медленно подходить к одному из красивейших чудес на Земле. Мы были уже так близко, что я мог разглядеть каждую бабочку в отдельности. Махаоны Маака, перламутровые, сине-зеленые, с непонятно откуда берущейся желтезной. Каждое крыло чуть меньше моей ладони. Они сидели на высохшей луже, которая оставила после себя влажную землю и тыкались в нее своими тонкими хоботками, вздрагивая крыльями. Вздрагивали одновременно и под одним и тем же углом. Наверное поэтому сверкающее перламутровое озеро иногда внезапно полностью исчезало и пе-

ред глазами вновь представляла обычная серая земля. Озеро вдруг ярко вспыхнуло, превратившись в летающее, сорвалось с земли и, обдав нас ветром, умчалось в небо.

– Давай, Сережа, у нас не так много времени, – услышал я голос Патриарха.

Я глянул на свои руки и увидел, что зеленый шарик уже готов.

Так вот почему только два жевательных движения, Ням пожалел меня, ведь я попытался бы сделать больше. Лицо полностью окаменело. Мне стало стыдно за его, наверное, идиотское выражение, которое не мог изменить. Знал бы, сделал умное. Глотнуть пытался несколько раз, но все же глотнул. После глотка лицо отпустило, но сразу сковало тело. Я медленно сел под куст.

– Ляг, – приказал Патриарх.

Я лег.

Высохшее озеро начало медленно расплываться перед глазами. Густые кусты лимонника превратились во многоэтажные дома и я узнал свой район. Мрачные блочные дома, такая же серая осень. Я взлетел над старым озером и оказался на крыше своего девятиэтажного дома. На влажной, покрытой смолой крыше, дрожа от холода и прижавшись к технической будке плакала молоденькая девушка. Почувствовав это я выскочил из-под одеяла и, мгновенно одевшись, выбежал из квартиры.

“Нет, – закричал я сам себе. – Ты не для этого лежишь в старом озере”.

Лимонник начал вдруг резко вырисовываться из полупрозрачного тумана. Он задрожал листьями как дрожат крыльями перламутровые бабочки. Из листьев начали капать мне на лицо яркие изумрудные капли. Они отрезвляли, одновременно затуманивая.

Я одним движением снова взлетел на крышу.

– Ну чего ревешь, девка? – в отчаянии спросил я.

– Хочу и реву, – ответило маленькое разъяренное существо.

Я схватил ее за руку и втащил в свой сумашедший космический корабль. Жена только проснулась и с удивлением смотрела на происходящее.

– Танюша, – попросил я ее, – свари этой девке чаю. Она замерзла.

– Еще очередная, – устало усмехнулась жена. – Ну, ну, – усмехнулась она еще горше.

– А что с ними делать? – поинтересовался я. – Может гнать или начать лупить? А может вообще от Школы отказаться, а?

– Думаешь, чая жалко? – хмыкнула жена. – Уже варю.

– Ну так и вари, – зашипел я.

Внимательно оглядевшись и обсохнув, девочка хлебала раскаленный чай, как холодное молоко. Я понимал эту охоту за тем, что сидит у меня внутри. Жена от всего этого уже давно устала.

“Нет! – опять заорал я сам себе. – Ты не для этого в старом озере”.

– Сереженька, – умоляюще протянула руки ко мне мать. – Пожалей меня, – обратилась она ко мне без капли жалости.

“Не для этого!” – снова я рывкнул на себя.

– Ты такой несчастный, мне тебя так жалко, а ведь я нашла работу. И, поверь, самую лучшую, не веришь?

– Верю, какую? – прохрипел я.

– Ты, ты ведь любишь животных. А у меня старый знакомый – ветеринар. Специалист по пороссятам. Он проверяет их на здоровье перед забоем.

“Ты не за этим лежишь в старом озере, – снова заверещал я. – А зачем?” – вдрызг осенило меня. – Действительно, зачем Патриарх накормил священными листьями? И почему от них возникают такие яркие и четкие картины прошлого?” И тут меня наконец-то осенило, как молнией ударило по взбудораженным мозгам. “Что тебя сейчас волнует больше всего?” – спросил я у себя. И тут такое количество проблем пронеслось передо мной, что я чуть не умер с перепугу. Но я уже четко знал, если сумею осредоточиться на чем-то, получу ответ: “Что же это за война?”

Длинное, с низким потолком помещение. Сквозь небольшое окно виднеется рожденный месяц – сощуренный глаз спящего дракона. Возле каждого спящего на полу лежит меч. “Казарма самураев”, – наконец-то дошло до меня.

Тишина, только иногда раздаются сдерживаемые даже во сне стоны, болят натруженные в бою тела молодых, ноют раны старых самураев. Один из воинов, лежащий недалеко от выхода, вдруг просыпается, долго и не спеша трет уставшие за день глаза. Молодой месяц тускло высвечивает лицо пожилого самурая. Он не спеша садится и долго потягивается, устремляясь жилистыми руками к потолку. Потом встает и легко набрасывает на себя какую-то длинную одежду.

За казармой обрыв, на краю которого сидит человек. Месяц светит тускло и сидящего разглядеть не легко.

– Есико, – ласково, как ребенка, позвал вышедший из казармы.

Сидящий перед обрывом медленно положил руку на меч и повернулся.

– Не спится?

– А разве мы можем спать?

Лицо старого самурая, сидевшего над обрывом, испугало меня своей свирепостью.

“Ты этого хотел, вот и смотри”, – откуда-то издали раздался голос Няма.

– Есико, мне кажется, что молодежь взбунтуется.

– Да, это наша ошибка.

– Я рад, что мы еще можем признавать свои ошибки.

– Радуйся, но помни, что наша долгая жизнь и свирепые войны порождают ненужную жалость.

– Есико, пойду спать.

– Счастливый, ты можешь спать. Иди.

Самурай сгорбился, и опустив плечи устало зашел в казарму.

Старые самураи действительно ошиблись. Дети солнца живут за счет солнца. Есть – это всегда было стыдно, этого даже не должны видеть другие. Охрана Императора проходила между двух котлов: в одном – рис, в другом – каждый раз разная приправа к нему. Они имели право только на то, что помещалось в двух горстях. Непривыкшая молодежь всегда вначале слабела. Впервые, старый самурай лично попросили у Императора добавить им еще одну горсть. Это и была ошибка совета старых самураев. В стремлении помочь молодежь ощутила жалость, даже мертвый воин не бывает жалким. Жалкий только трус, потерявший лицо.

Глаз дракона уже открылся, Отец Солнце набирал свою силу. Молодые самураи ждали главного. Он вышел.

– Трава, которую уже потеряли, – прошептал Есике.

– Чего ждем? – спросил старый самурай у сидящих как каменные изваяния молодых самураев.

– Мы требуем урезать дневную норму на половину, – проговорил один из молодых воинов.

– У императора больше дел нет, – пытаюсь спасти молодежь, грозно прорычал старый самурай.

Самураи не меняют своих решений. И я впервые увидел хакири. Шестнадцать молодых воинов.

Дальневосточное небо и зеленые листья лимоника снова оказались перед глазами. Я встал, раскачиваясь как пьяный.

– Пойдем, – коротко сказал Ням и мы не спеша направились к противоположному берегу высохшего озера, за которым снова начинался смешанный лес.

Я брел за Учителем в тревожном ожидании, когда же пройдет слабость. Мысли о виденном постепенно отвлекли от всего. Я наконец-то начал осознавать насколько серьезные неприятности вспыхнули в священных сосновых волнах.

Заночевали в небольшой землянке. Утро принесло продолжение. Мягкое медленно начало переходить в режущий холод. Желтая осень умирая, становилась черной, хрупкой, а потом белой. Белизна приходила сверху, обсыпая все тающими при прикосновении кристаллами, снова уходящими в небо. Днем, как-будто ничего и не было, влажно и тепло.

Ближе к вечеру с дерева с какой-то птицей в пасти на меня упала толстая и длинная змея. Это оказался двухметровый дальневосточный полоз – черный, с яркими желтыми полосами. Ням одним движением оторвал ему голову, пообещав мне незабываемое удовольствие. Запеченый над углями, он оказался таким жирным и вкусным, что я чуть не проглотил собственные пальцы.

Перед тем как стемнело, мы успели подойти к нескольким деревянным домикам. В них жили лесорубы с семьями, из-за которых и разыгралась война, разрушающая общину.

– Ну вот, сейчас все и узнаем, – усмехнулся Ням.

Мы зашли в один из деревянных домиков.

– Учитель, – ахнули в нем.

Из домика кто-то с грохотом выскочил, чуть не вырвав за собой дверь. Все находящиеся в доме распростерлись у ног Няма. Легендарный Учитель пришел сам, чтобы понять начало беды. Мне было совершенно непонятно, как люди узнали старого Дракона. Вряд ли у них были его фотографии, да и описать так четко невозможно. Для меня это навсегда останется загадкой.

– Учитель, – впервые это священное слово я услышал в таком объеме.

– Учитель, – чернеющая тайга наполнилась священным звуком, как-будто за дверью маленького, построенного лесорубами дома больше ничего не было.

– Учитель, – мы вышли вместе с Нямом из принявшего нас дома.

За дверью не было деревьев, за ней были люди и слово Учитель. Несмотря на несколько горящих костров, наступившая чернота проглотила большую часть лежавших на земле людей.

– Встаньте, – приказал Ням.

– Учитель, – снова загудела ночная тайга.

“Наверное, эти люди действительно в чем-то провинились”, – подумал я.

– Встаньте, – повторил свой приказ Ням.

Никто из лежащих даже не вздрогнул.

– Учитель, – этим звуком наполнились дрожащие ночные листья.

– Останьтесь те, которых я назвал своими учениками, – громко приказал Ням.

Все распростершиеся ниц вскочили.

– Если я Учитель, где же мои ученики? – усмехнулся Ням.

В центре поляны горел высокий костер. Эти дальневосточные костры будут сниться всю жизнь.

Спиной к костру сидел Учитель, перед ним лесорубы, ставшие учениками.

– Скоро придется идти в лабиринт Дракона, – сказал мне на рассвете Ням. – Еще немного времени, и мы можем потерять эту возможность.

Ням уже тогда понял, что конфликт японских и корейских лесорубов приведет к серьезным неприятностям.

Нанимая японцев, советская власть обрекала коренных корейских лесорубов на голодную смерть. Этим конфликтом воспользовался японский клан Лепесток лотоса. И снова вспыхнула война, которая зародилась много сотен лет назад.

Японцы – самый непонятный народ Азии. Бережно хранящий свои знания и уничтожающий чужие. Но по рассказам Няма, Лепесток лотоса однажды поставил себе цель – найти и постичь лабиринт дракона, главную святыню корейского народа.

Лабиринт дракона – дающий мудрость и силу тем, кто хочет постичь путь света, путь любви. Поэтому Корея перенесла и переносит столько страдания. Ведь ее народ хранит в лабиринте дракона тайну света, который ведет к свободе духа. Учитель свято верит, что придет время и воины света выведут к людям из лабиринта свет. “Времена тайных знаний прошли”, – говорил Учитель, и поэтому то, что сохранил Лабиринт, сейчас нужно отдавать.

Воины Света – это новая, только появляющаяся среди людей сила. Я также верю, что время черного воина на исходе, хоть и долго миром правило невежество, порождаемое демоном безграмотности. Знающему тяжело быть воином, потому что он начинает любить, любящему еще тяжелее – потому что он становится радостным.

Но что делать, если последнее время Землю заселили народы, плодящиеся со скоростью крыс, не дающие своим детям ничего, кроме ненависти к окружающему и первобытной любви к себе и своему. А своим они считают все.

Пришло время воинов знающих, любящих и радостных – Воинов Света. Только лишь чистым огненным мечом знаний можно убрать черное невежество. Но Воин Света может поднять не только меч знаний, но и стальной разрубающий меч.

Прошло время всеобщей любви и тайных знаний. Дракон Ссакиссо вышел очищать Землю апокалипсисом, но Воины Света из последних еще чистых лабиринтов Земли, не теряют надежды. Ведь столько мудрого накопили люди, что лютый голод проснулся у демонов. Пришло время меча знаний и стального меча, время начинать все заново.

Ударили по правой щеке, подставь левую, но впереди левой щеки можно выставить острие стали. И если острие не остановит бьющего, то пронзит его. И если это для вас слишком жестоко, ну что ж – будьте растерзаны правящим на земле демоном.

Лабиринт Дракона. Позже я понял почему лабиринт, в нем действительно легко запутаться не подготовленному. Запутаться не в бесконечной кривизне коридоров, а в прямой линии растущих знаний, выводящих к океану Любви.

Пришло время тайных знаний, хранившихся тысячелетиями в недоступных местах. Я счастлив, что я передатчик.

– Лепесток Лотоса нарушил спокойствие, – грустно произнес Учитель. – И поэтому в лабиринт придется идти через войну, не порождающую ничего, кроме смерти. Юнг подготовит тебя к пути.

С жадностью, но все же лабиринт отдал мне знания трав и космические законы шестерки – числа, уходящего в себя.

В этой жизни мы все делаем по законам: считаем по законам математики, пишем по законам своего языка, а от законов человеческой жизни совершенно отказались, потом их и вовсе забыли. Животные живут по законам и поэтому оказались лучше нас. Но ведь нам дан разум и этим даром мы должны были совершенствовать данные нам законы, себя и нашу Землю. Создатель научил нас жертвовать собой, любить и быть счастливыми. Знающий, любящий, радостный.

– Сегодня отдыхаем, а завтра найдем Юнга и он займется тобой, – сказал Учитель и направился к одному из домов.

А я решил осмотреться.

Долгий протяжный звонок – так звонит только один единственный человек на этой Земле, имеющий право нарушить мой глубокий покой, так звонит только моя жена.

Двадцать лет в Школе: бесконечные знания, бесконечные трудности, любовь, которая была сначала и перешла в Школу. Женщина взяла огромный, тяжелый топор дровосека, которым начала рубить мою голову. И виноват только я. Не знал, так получилось. И вот, длинный звонок в дверь.

Кто может так звонить? Ученики – нет, больные – они вообще скребутся, либо безжалостно стучат кулаками, поднимая то ли из глубокого сна, то ли из временного забытья.

Длинный и протяжный звонок, который способен даже выбить лабиринт Дракона, разрушить память о священных сосновых волнах. Жена, решившая, соблаговолит в этот день зайти на мой летящий корабль.

Да здравствуют все неправильные жены по нашей вине. И дай Бог, чтобы мы это понимали.

Звонок был действительно долгий, и я не мог ошибиться – за дверью стояла седая тридцатипятилетняя женщина, пробывшая со мной ровно двадцать лет. Замок щелкнул раз, потом два и три, руки запутались бегая туда-сюда. Дверь наконец-то открылась.

– Здравствуй, – сказала она.

– Здравствуй, – сказал я.

Мы не виделись очень долго, больше чем полгода, но мы с ней прошли Тибет. Обшину Дальнего Востока проходил один, но однажды поделился с ней. Вот и получил этот звонок.

– Ну и как ты, – продолжала она.

– Тяжело, – ответил я.

– В смысле? – удивилась она.

– Хочешь правду?

– Хочу, – ее глаза яростно блеснули.

Тупая ярость, агрессивная любовь – это ее знак, данный ей астрологией и ничто никогда не изменит этого.

Я бесконечно лечу, и, если никому не нужен, до сих пор не могу понять – почему лечу. Но иногда мой корабль ломается, рассыпаясь то на блоки, из которых построен дом, то на песок, из которого выращена Создателем пустыня.

– Здравствуй, Таня.

И вдруг она начала медленно бесшумно раздеваться. Джинсы упали возле двери, прямо под свастикой, нарисованной на ней, все остальное дальше – и в мою комнату, окруженную коллекциями бабочек, старыми камнями, раковинами, морскими звездами, китовыми усами зашла обнаженная седая женщина, красивая как начало и страшная как конец.

Она прижалась ко мне и сказала, что ненавидит меня. Нам изначально нельзя было быть вместе, но кто же знал эти законы? Мы не можем быть и не можем не быть – кто не знает этого закона? Вы, многие, живете именно так, и мы с женой точно такие же.

– Милый, что ты хочешь? – самый подлый вопрос.

– Я хочу забыться.

– Но ты ведь заешь, что не забудешься.

– Хочу, – отвечал я.

Наше безумие проще простого, мы знаем тайны Дальнего Востока и древнего Тибета, но у нас нет сил вырваться из бегущего по плоскостям корабля.

Мы пьем дешевое вино и любим друг друга. Она тоже мастер, но уже не женщина. Я обнимаю не женщину, я целую не женщину. Мы пьем вино, плачем и обливаемся безудержным соком, исходящим из уставших, но сильных от Школы, тел. Демон, он повис над нами, мы сильные, лишь бы не умереть.

– Милый, – говорит мне моя выстрадавшая и уже потерянная женщина. – Что ты хочешь еще?

– Хочу спать, – отвечаю я, хотя и знаю, что это невозможно.

Мы пьяны, мы выполнили три нормы по выручке ближайшего от дома киоска, мы выполнили три нормы Кама-Сутры, но легче почему-то не стало. Сколько прошло? День, два, три, а может неделя?

– Я хочу спать, – снова повторяю я.

– Сейчас, – отвечает она и исчезает надолго.

Вот такая она, и я до сих пор не могу понять: этот звонок, прервавший основные волны, был или не был, но ведь кто-то меня прервал.

Длинный звонок в дверь, по моему к ней я так и не подходил.

Иду. Компьютер стоит на кухне. Окно смотрит вниз. Я встаю и иду, огромная свастика, нарисованная на двери. Сперва был звонок, потом стучат в дверь, бьют по ручке, снова звонят, снова стучат и снова бьют. Терентьевич.

Я возвращаюсь обратно к компьютеру и вместе с окном долго смотрю вниз на блестящий снег. В дверь звонят, стучат, а я смотрю вниз. Была жена или нет – не знаю, но дверь скоро выпадет, а это значит, за ней Терентьевич.

Я не подхожу, еще раз не подхожу и еще. Уже иду. Если так стучит, значит живой и значит что-то принес: то ли новости – добрые и бесконечные, то ли кого-то привел, чтобы появилась еда, то ли просто принес денег, то ли бутылку вина, то ли с кем-то договорился, что наконец-то у меня будет монастырь. Терентьевич считает, что я его давно заслужил. Я тоже так считаю, я готов быть. Я знаю, нужно быть передатчиком до конца. У меня есть еще и мама, кому это нужно? Но ведь у всех есть мамы. Все мамы одинаковые, но я объясню свою, чтобы было понятней мне.

Моя мама решила прожить мою жизнь вместо меня. Милая мама, красивая, потерявшая все и моего папу. Она решила, что я должен быть таким-то и таким-то. Я бы и хотел, но жизнь, судьба, рок, фатум, карма, неизбежность, и просто никуда не денешься, все это распорядилось нашими отношениями.

Мать – сильная, слабая, сумашедшая и самая здоровая женщина в мире. Мы ругались бесконечно, целовались и обнимались. Однажды она сказала: “Ты мне такой не нужен”, и в этом была ее высшая сила.

Животные, вырастив и выкормив своих детей, кусают их, прогоняя в жизнь. Человек должен делать также. Ребенок придет всегда, в самый трудный момент, подаст воды, накормит и проводит в последний путь – это и есть человек. Вот еще одно различие между человеком и животным.

– Серый, я тебе такое привел, ты со мной не рассчитаешься никогда. – Я все понял.

Когда у Терентьевича совсем нет денег, он делает невероятное. Ведь он издатель, а я писатель, а все это вместе – комедия с трагедией. Он старый и дряхлый, ему всего лишь за сорок, но он во что-то еще верит. Пусть в абсурд, пусть в Школу, которую не понимает, а вдруг поймет. Я кланяюсь своим друзьям, господам дружбы.

– Серый, смотри, – и снова широкий жест и за сумашедшим другом входит женщина, но она на этот раз не дорожная проститутка.

Она – одно из величайших преступлений моего издателя, она – мой читатель, съевший книгу, а теперь желающий сожрать и меня.

Терентьевич приводил многих. Медики благодарили за медицину, женщины благодарили за чисто женскую книгу, разные войны благодарили за смысл, философы говорили о своей философии, психологи и все остальное – каждой бляди по пяди. Были и такие, которые ругали и учили. У меня есть мечта, чтобы осуждали безгрешные, а советовали друзья.

– Ну вот, Света, – торжественно объявил Терентьевич. – Вот, это он.

Да, это был я, уставший и засохший, желающий только одного – как минимум два стакана водки. Мой издатель имеет особый талант – приходиться тогда, когда начинают отсыхать ноги.

– Я привел твою женщину, – сказал он. – Есть такие, которые плачут, читая твои книги.

Серые волосы, серые глаза, белая кожа, длинные розовые ногти, тонкие руки, длинная шея, грудь бесстыдно торчащая вперед, светящееся имя Света, и все остальное: дрожащее, хотящее, уставшее от безнадежности. Я не пишу о сексе, я пишу о жизни, но разве в жизни нет секса, а может в сексе нет жизни. Она нашла издателя, через него писателя, а может быть я все выдумал?

Моя книга о океане любви, вышедшем из древнего лабиринта, взорвала в ней желание. А впрочем, это был секс, но она его

приняла за любовь. Любовь искренняя, телесная, переходящая в животное безумие, тогда, когда хочешь тела, забывая обо всем, тела в тело, переливающееся, уходящее в шестерку, из которой нет выхода.

И вот, после каких-то ненужных фраз я, уныло опустив голову, поплелся с ней в комнату доказывать, что я еще лучше, чем она себе представляла. Разве можно разочаровывать ждущую женщину.

Выполняя долг перед читательницей и перед ждущим на кухне издателем я увидел, что край бамбуковой занавески отодвинут. Значит жена действительно была и сейчас наблюдает за мной с крыши ближайшего дома, это был любимый прием ее агрессивной любви. Как же она должна замерзнуть.

“Бедненький”, – подумал я о себе, и горько заплакал.

ГЛАВА 8

Да, денек был еще тот. После него на несколько дней задумался – как жить дальше.

Если будет продолжаться в таком же духе, то по третьей книге можно изучать психиатрию. Неизвестно, какой диагноз несчастному передатчику придумают мудрые медики? У них ведь все реально, попробуй рассказать о элементах и их невинных проказах. Если в Барабашек начали верить, то о тех Барабашках, которые живут среди нас, меняя ход событий, подстраивая всякие невероятные ситуации, наверно пока и не слышали.

Психиатрия вообще загадочная штука, а врач-психиатр – самый несчастный человек. Он со временем, из-за того, что осознает непостижимость, которую сам на себя взвалил, сходит с ума. Но сходит обычно тихо, не причиняя окружающим, не считая, конечно, своих больных и близких, особого вреда.

Мне повезло. Однажды, очень давно, я познакомился с тремя психиатрами. Они по очереди приходили ко мне лечиться. Общение с ними навело на очень интересную мысль. Психиатры, не зная друг друга, были как однойцевые братья-близнецы. Я не имею в виду внешнюю идентичность, но диагноз у них был единый, как гранитный монолит. Название ему я так и не придумал, но зато понял одну очень важную вещь. Все психиатры, по крайней мере мужчины, сходят с ума одинаково. Ведь если число три, то для совпадения – это уже не годится.

После них у меня появилась навязчивая идея – познакомиться с психиатром-женщиной. И вот, наконец-то она сидит в моей комнате на кане.

Мистического здесь нет ничего, особенно, если учесть коллоидальные массивы дурдомов в нашем городе. По этой части он в свое время занимал одно из ведущих мест в Советском Союзе. Но самое удивительное то, что будучи когда-то дисидентом, пострадавшим от советской власти за светлые идеи, о которых распространялся слишком открыто, я чудом избежал коридоров психиатрических больниц. До знакомства с женщиной-психиатром,

я даже немного завидовал испытанным и это. Появление Ирусика заполнило последний пробел в моей жизни.

А сейчас мне хочется сделать маленькое отступление.

Многие, прочитавшие первую или вторую книгу и ни разу не видевшие меня, глубоко убеждены в моей неизлечимой мании величия. Поэтому обращаюсь к тем, которые разносят эти обидные слухи. Очень прошу, перечтите книги и обратите внимание не только на секс, от которого, впрочем, в жизни никуда не денешься.

Женщины тянутся не ко мне, а к той прожигающей энергии, которую во мне выростила Школа. Когда правильно понимаешь и делаешь упражнения, даденные Учителем, то становишься носителем энергии, которая способна создавать жизнестойких детей. От этого и происходят все приятные и неприятные столкновения с женщинами. Но я передатчик, и все это приходится переносить, не только мне, но и жене, и женщинам, зодиакально совпадающим со мной.

А для распускающих слухи о моей мании величия, напомним о своей внешности. У меня метр с кепкой и невероятная склонность к полноте. Короткие ручки и ножки, маленькие противные глазки, разбитые кулаки и нос, на котором периодически то появляется, то исчезает бородавка средних размеров. Но Школьная энергия мастерски скрывает все это безобразие и для многих женщин я просто красавец.

Так вот, этот самый психиатр Ирусик, лучше б я ее и не видел никогда. Но куда денешься, если после прихода жены вспоминаются психиатры.

В те далекие времена Терентьевич уже имел ключ от моей квартиры, а первая книга начала жить в полную силу. Я сидел на кухне и стучал по раздолбанным кнопкам компьютера. Жара была невероятная и все остальное, вытекающее из нее. В дверном замке кто-то заковырял ключом – это мог быть кто-то из двоих: либо жена, либо Терентьевич. Но так как жена была совсем недавно, то, по логике, это мог быть только Терентьевич, но неизвестно с кем.

Последнее время мне казалось, что он проверяет меня на прочность. А впрочем, я наверное ошибался, ведь познакомиться с писателем, отдавшим всю свою сознательную жизнь Школе, а значит пресловутой восточной философии, удобнее всего через издателя.

Вот Терентьевич и привел ее. Чтобы показаться круче, она прихватила с собой из дурдома двух могучих санитаров. Причем, как я узнал позже, эти были из числа, так называемых выздоровевших, что практикуется в психбольницах.

– Пошли, Серый, – прошептал почему-то мне на ухо Терентьевич. – Я тебе такой подарок притащил, даже не представляешь.

– Какой? – злобно прошипел я, истекая потом.

Тем более, последнее время элементарно обнагтели до такой степени, что в компьютере из файла начали пропадать главы. Приходилось снова и снова залазить в свою память и безжалостно ковыряться там. Рядом не было человека, который бы мог пере-страховываться дискетой. Барабашки позаботились и об этом, все знающие хоть чуть-чуть компьютер, забыли дорогу в мой дом. Приходили толпами, но не те.

– Ты же хотел психиатра-женщину? – снова прошептал мне Терентьевич. – Вот и получай.

– Где же ты их выискиваешь? – поинтересовался я.

– Нет, дорогой, это они меня выискивают, а она вообще самая настойчивая.

Я махнул рукой, натянул валяющуюся на столе футболку и обреченно побрел в комнату. Психиатр-женщина, это конечно интересно, но именно сейчас было почему-то не до нее.

Зайдя в комнату я надолго остолбенел. Наверное впервые в жизни я был так близок к кондрашке.

На кане сидели, скрестив ноги по-восточному, два огромных, с детскими лицами, существа, отдаленно напоминающие мужчин, с явно выраженными признаками гигантизма и акромегалии. Между ними, полулежа, опираясь правым локтем на небрежно брошенную подушку, лежала она – мой долгожданный психиатр.

Я поздоровался, дебилы ласково улыбнулись, она вздрогнула левой рукой, лежащей на круглом бедре, и все опять замерло. Стало ясно, что в мой дом снова пробралось нечто необычное.

Я сел напротив и начал рассматривать уникальную тройцу.

Сперва испугался, потому что широко открытые глаза психиатра были белыми, но потом полегчало, когда понял, что она просто их томно закатила. Белые волосы, белые глаза. Огромные белые груди по случаю нестерпимой жары были втиснуты в смелое декольте таких размеров, что казалась, если она шевельнется, они выпрыгнут и закатятся за одного из идиотов.

Я понял, что сидящие рядом несчастные парни истерически боятся этого психиатра-женщину и полностью подчиняются ей, хотя иногда и сверкают в сторону ее оголенной груди своими крошечными косыми глазками. Ее охрана была абсолютно одинакова: как внешне, так и внутренне. Чтобы понять это – не нужно было быть специалистом. Но что меня удивило больше всего, они сильно напоминали мне тех трех психиатров-мужчин. Напоминали многим и совершенно неуловимым.

Стало ясно, что книга откладывается на неопределенное время.

Я сидел и терпеливо ждал, когда женщина психиатр проявит признаки жизни. В дверной проем с виноватым видом, запоздало осознавший свою ошибку, просунул голову Терентьевич.

Еще через несколько секунд до меня дошло, как же ей тяжело лежать в такой позе. Она упиралась только лишь одним локтем, коленом и внешней стороной правой стопы. Все остальное было стремительно изогнуто вверх. Если бы я не знал, что передо мной врач, то подумал бы о трансе, столбняке или какой-нибудь коме. В моей комнате между двумя огромными и, наверное, опасными дебилами лежала, закатив глаза, явно ненормальная, но достаточно красивая женщина. Мне стало не по себе. По всему психиатру прошла легкая судорога и, опершись уже на всю правую руку, она выкатила из подо лба свои широкие зрачки. Голова медленно приняла стоячее положение.

– Какая прекрасная энергетика в этом доме, – певуче выползло из ее, как оказалось, огромного и хищного рта.

“Ничего себе, хорошая”, – мелькнуло у меня в голове. Какая же она может быть в комнате, в которую в течение стольких лет приходят больные, друзья и даже любовницы. В комнате, из которой я никуда и никогда не выхожу. В нее и так приходят все те, кому нужно. Это обычная жизнь передатчика, потому что приходящий передатчик может даже без собственного желанья повлиять на чужую судьбу. Да и куда ходить, дверь и так не закрывается.

Первое время совместной жизни жена с ужасом ждала, когда придет очередная женщина объясняться и мне и ей в любви. Но больше всего она пришла в ужас, когда посчитала мою жизнь по Школьной и космической цифrogramмам. По ним, оказывается, я не могу и даже не имею права быть собственностью одной женщины. Это при том, что она, по расчетам, абсолютная собственница.

Разве я знал эти законы, когда мы нашли друг друга? А разве я знал, что женщина, допущенная к Школьным знаниям, в лучшем случае станет почти демоном? Которая положит все силы, что б сделать своего мужчину несчастным, а потом придти к брошенному всеми и говорить ему, что он бедненький, глупенький, но она все равно его, урод, любит. Вот такая она, агрессивная любовь, даденная большинству людей для испытаний всемогущим Космосом.

Я сейчас вспомнил один неординарный случай агрессивной любви матери и не могу пройти мимо.

Сын – молодой наркоман, мать – врач-нарколог, спасающий свое чадо. Она была нужной ему и не щадя своих сил шла вперед сквозь кровавые слезы. Это был классический случай агрессивной любви и все было бы нормально, но увы...

Парню повезло, я ему многое объяснил и он понял. Наркотики ушли, парень женился и удачно устроился на работу.

Однажды он обнаружил в своей постели наркотики, удивился и конечно же сорвался. Мать снова стала нужна. Она лечила его сама и у лучших специалистов. Он умоляюще протягивал к матери руки, чтобы та для облегчения мук принесла в отделение хотя бы крошечную дозу. Она была счастлива, она была нужна больше жизни.

Я снова помог ему избавиться от наркотиков и все объяснил. Испуганный парень ушел с женой на квартиру. Мать приходила часто, стараясь быть самой нужной в его жизни, тем более родилась ребенок.

Однажды в его квартире появилась милиция и, долго не рыская, достала из-за ковра наркотик. Неужели мама? Но ведь больше было некому.

Жена, как могла, растила маленького сына, а мать опять стала самой нужной на свете. Прощения о помиловании, передачи, свидания и просто надрывные письма.

Отсидев свой срок, поумневший парень снова живет с женой и сыном. Маму к себе не пускает, в гости к ней заходит, но каждый раз, прощаясь, тщательно обыскивает свои карманы.

История, в которую поверить невозможно, но, увы от этого факта никуда не денешься.

И в этой квартире, оказывается, прекрасная энергетика.

– Боже мой! – воскликнула женщина, переведя свои глаза на меня. – У вас чудная золотая аура и я даже вижу сквозь одежду вашего безумного дракона, вон там, с правой стороны.

А что его видеть, если в первой книге я рассказал историю, связанную с ним. Мне понравилось, как психиатр сразу попытался взять инициативу в свои руки. Хотя и напомнила этим хитрых цыган. Единственное, в чем она просчиталась, на правом боку у меня был вытутаирован не сумасшедший дракон, а сын матери кобры и дракона. Он так же похож на дракона, как я на прима-балерину нашего городского Театра оперы и балета. Просто в книге я, не объясняя символики, назвал татуировку драконом.

– Боже мой! – снова взвизгнул ясновидящий психиатр, пользуясь старыми цыганскими приемами. – Вы скромняга, на самом деле вы гораздо сильнее, чем пишете о себе в книге. Я вижу это и чувствую, – колыхнув грудью она села на колени.

Беленькая, совершенно прозрачная маечка очень толково закрывала то, чего никак нельзя было не закрывать. Сидящие по бокам дебилы согласно ухнули. Я привык в общине к искренности и вдруг с ужасом понял, что она абсолютно искренне верит во все,

что говорит. Еще понял самое главное, ей достало что-то поверить и она свернет шею даже взбесившемуся быку.

– Александр, – она тряхнула крашенными волосами в сторону Терентьевича, – говорил, что вы интересуетесь психиатрией.

Я злобно зыркнул на Шуру.

– Я отдала ей более десяти лет, – она начала медленно поднимать руку, из-за чего ее левая грудь ожила и задвигалась в мою сторону. – Мы с вами напишем потрясающий труд о космической психиатрии. Вы – умница, мастер, чудо, маленький воин.

Каждое ее движение было уникально отработано и безукоризненно. Это была такая драматургия, что хотелось вскочить и начать аплодировать. Больше всего удивляло то, что во всем этом она была настоящей. Ее рука медленно подплыла к моему носу, я удержался и не укусил за пальцы.

– Знаете, малыш, зовите меня Иринкой, прошу вас. Я уверена, мы станем друзьями. Но я предупреждаю, об меня не так легко вытереть боевой топор, – вдруг заявила Иринка, из чего я понял, что она где-то вычитала о зулусских обычаях.

Акромегалы грозно задышали в мою сторону. Очень захотелось понять, что ее сделало такой.

Вобщем, она оказалась заведующей отделением, и не где-нибудь, а в самом большом сумасшедшем доме города. Практика мне была обеспечена.

Проговорив ни о чем еще несколько часов, мы распрощались, договорившись о встрече у главного входа в центральный дурдом. Я с умным видом уселся за компьютер, а Терентьевич, с кислым, потащился провожать уникальную тройцу. Он старался от души, чтобы для следующих книг у меня вдоволь было материала.

Это было мое первое в жизни посещение сумасшедшего дома. Он напомнил мне своим унылым видом обычную тюрьму.

Вспомнился дурачок из моего детства. Его все звали Васенькой.

Он радовался, смеялся и махал руками, когда видел, как светфор из зеленого превращается в красный. Большие стаи воробьев приводили его в неописуемый восторг. Васенька щедро делился с ними куском хлеба, найденным где-нибудь в подворотне.

Он жил со старенькой мамой, которая очень любила своего ласкового сына.

Васенька с раннего утра и зимой, и летом выходил в город, чтобы делать добрые дела. Женщинам подносил сумки, старушек переводил через кипящую от машин дорогу, кому-то помогал толкнуть что-нибудь тяжелое и все это делал с ласковой улыбкой.

Всегда удивлялся, если на земле находил что-нибудь съестное. Васенька подбирал конфеты и, доставая из кармана чистую тря-

почку, старательно вытирал их. Если находил хлеб, то долго дул на него, укоризненно качал головой и тихо кого-то отчитывал, поглаживая надломленный или обгрызенный кусок.

Васенька был очень красивый: голубые глаза, черные, всегда расчесанные волосы. Одет он был на мамину пенсию, а это значит просто, но всегда чисто.

Найденные конфеты и хлеб он ел сам и делился с окружающими. Васеньку все любили и почему-то сильно боялись. За хлеб и конфеты благодарили и, взяв его подарки, быстро уходили с опущенными глазами.

Государство не в состоянии было заставить Васеньку работать на себя. Он не мог заниматься тем, чего не любил. А когда ему объясняли, что каждый гражданин должен трудиться, Васенька с радостью начинал перечислять добрые дела, которые сделал в этот день. И тогда государство решило вылечить доброго Васеньку.

Один раз в год, несмотря на мольбы и слезы матери, оно определяло его на три месяца в дурдом. После чего еще несколько месяцев молодой парень ходил по городу как слепой и очень медленно, неумытый и грязный. Он даже не вытерал слезы, которые за это время прокладывали на его черном лице две печальные белые борозды.

Васенька не поднимал конфеты, не замечал валяющегося на земле хлеба. И мне, пятнадцатилетнему мальчишке, казалось, что весь город завален хлебом с конфетами. Мне казалось, что старухи перестали переходить дороги, а воробьи тоскуют о своем добром хозяине. В те тяжелые для него времена Васенька только тихо плакал, никого не замечая вокруг.

Но черные тучи проходили и городской любимец снова становился собой, веселился от воробьев и нежно поддерживал старушек.

После очередного лечения его, мрачного и заторможенного, переехал трамвай. Заболтавшиеся мамы не заметили вышедшего на рельсы ребенка, а он все-таки заметил. Васенька успел оттолкнуть девочку и остался лежать под трамваем.

Был у этого города единственный психиатр и того перерезали пополам.

Она уже ждала возле центрального входа.

Ирунчик был до не могу похож сразу на два дома: на дом скорби и на публичный. Да и вообще, в этот раз она очень сильно походила на сошедшую с ума гейшу. Трудно описать беленький прозрачный халатик, через который просвечивались все кружавчики ее умопомрачительного белья. Но то, что было на голове описанию не поддается вовсе, хотя и попробую. В центре высокого бе-

лоснежного докторского цилиндра красовалась большая белая бабочка, в центре которой, в свою очередь, был вышит шелковой гладью красный крест.

– Ну что, лапуля, пойдем, покажу свое хозяйство, – проворковал психиатр и, взяв меня за руку, потянул в решетчатую пасть, зияющую в центре унылого каменного забора.

– Это со мной, – очаровательно чирикнула она мокрому, толстому и лысому охраннику, который, казалось, совсем одурел от жары.

Пройдя несколько металлических дверей мы оказались на территории одного из крупнейших дурдомов в стране. Мрачная картина: разной высоты дома, почерневшие от времени, разбросаны по огромному пространству и какая-то необъяснимая тяжесть.

И тут до меня дошло – сколько же таких Васечек убили в этом страшном месте. Скольких сломали за чистые и добрые мысли. Общество оградило себя от гениев, от талантов и правды высокими заборами сумасшедших домов.

Я брел за сумасшедшим Ирунчиком, придавленный скорбью, окружившей меня тяжелым туманом, который медленно выползал из трухлявых, почерневших от времени домов.

Мы подошли к небольшому одноэтажному дому. Мое внимание привлекло закрытое решеткой окно. Сквозь железные прутья с невыразимой тоской смотрело небритое мужское лицо. Ирунчик тоже обратила внимание на несчастного.

– Ну что, Петров, сидишь? – высокомерно и совершенно не скрывая злобы с удовлетворением произнесла она.

– Ирочка, Ирочка, – застонал, и вдруг горько заплакал небритый мужчина. – Ирочка, подойди, умоляю, ну подойди.

– Карцер, – кратко объяснила мне психиатр.

– Какая я тебе Ирочка, – громко и надменно рывкнула она в ответ.

– Представь себе, мой дружок, эта рвань ко мне вдруг начала приставать со своим грязным сексом.

Я не знал как он к ней приставал, но, чтобы этого не начать делать нужно было быть, как минимум, престарелым евнухом. Ирунчик, казалось, жила только для того, что бы провоцировать, а потом уничтожать.

– Ирина Васильевна, умоляю, подойдите. – заплакало лицо за решеткой. – Мне очень нужно сказать вам несколько слов. Ирочка, Ирочка, – продолжал завывать мужчина.

– Извиниться решил, – громко фыркнул догадливый психиатр и, качая бедрами, подплыл к окну.

Да, я действительно плохо понимал куда попал.

Поступок небритого мужчины можно было сравнить только лишь с подвигом комсомольца, который смело плюнул в лицо врага, обрекая себя этим на еще большие муки. Небритый мужчина душераздирающе закричал, но в этом крике звучали фанфары высшего торжества.

– Держи, сука, – он перешел на захлебывающийся хохот.

Небритый поднял над головой полные горсти и дважды метнул в Ирунчика фекалиями средней консистенции, удачно забрызгав ее всю от белого цилиндра до белых тапочек.

Вопль психиатра значительно отличался от вопля небритого, который, как мне показалось, вовсе не был сумасшедшим. “Скорее всего просто доведенный до отчаяния, – подумал я. – Ведь такое придумать – это ого-го”. Да, в вопле Ирунчика не было радости, продолжая выть она на огромной скорости скрылась за одноэтажным карцером. А я, совершенно обалдевший, лег в зеленую клумбу.

– Ну и как конфуз? – услышал я голос.

Подняв голову увидел сияющую физиономию, выглядывавшую из окна карцера.

– Талантливо, – согласился я. – Интересно, чем тебе она так досадила?

– Подойди, расскажу, – предложил небритый снайпер.

– Ага, сейчас, – усмехнулся я.

– Да что ты, – искренне засмутился бомбардир. – Да и нет у меня столько. Но зато историю расскажу, закачаешься.

– Неужели? – заинтересовался я.

– Ага, расскажу как Ирка меня домогалась, а я устоял.

– Рассказывай, и так услышу, – ответил я.

– Да пошел ты, – и метатель исчез в глубине своей тюрьмы.

“Интересное начало”, – окончательно решил я. На этот раз уже безшумно возле клумбы появился Ирунчик.

Все это напомнило как я однажды покупал обезьяну.

Обезьяна была розовой мечтой детства моей жены. И как я не объяснял, что это коварный и клыкастый зверь еще и с самыми худшими человеческими замашками, перед ее глазами было умное волосатенькое существо, помогающее мыть на кухне тарелки.

Все это происходило из-за отсутствия ребенка. И действительно, она иногда спрашивала, почему его у нас нет. Я сразу соглашался, но, как и должно мужчине, предлагал ей попросить его. И тут она надолго замолкала, взвешивала, думала, что-то сопоставляла. Потом предлагала, чтобы я сделал его, а я снова предлагал попросить. Ведь когда просишь ребенка, в трудные моменты жизни вспоминаешь, что упрекнуть некого и он получился не просто

так, а от желания обоих. Вот этого моя жена и не смогла. Она тогда уже не была женщиной, мало того, ее агрессивная любовь сочеталась с определенными знаниями. Среди всего этого уже не было места для ребенка.

Мужчина, конечно, ведущий, а значит, дающий идею. Но разве абсолютно за все отвечает только он? Разве женщина не личность, берегущая и созидающая? И тогда я понял, что мужчина действительно виноват во всем. Я слишком бережно относился к жене. Мне стало понятно, почему нет в мире более коварных существ, чем женщины и дети. Они очень часто начинают считать, что ты обязан их любить и оберегать.

В госуниверситет биофаку какой-то любитель природы подарил обезьяну. Это мне рассказали ученики, да еще и в присутствии жены. Она радостно завизжала и зная, как меня любят и уважают в госуниверситете, послала нас за ней, предварительно набив мои карманы леденцами.

Пройдя учебные корпуса мы зашли на верхние этажи, где стояли клетки с разными животными. Сперва на нас презрительно посмотрели два черных ворона, потом тревожно зацокала белка, противно заверещал хорек, и тут я увидел ее. Она была чуть поменьше моей жены и с мрачным выражением лица.

Сидела обезьяна в маленькой клетке, в которой могла только встать и сделать полшага. Она глянула на нас с ненавистью и вдруг жалобно скривилась, протянув руку сквозь прутья. Изменившись в одно мгновение, перед нами за решеткой было несчастное сгробленное существо с плачущим лицом.

Я порылся в кармане и протянул ей конфету. Две ее руки сработали одновременно: правой она схватила конфету, а левой быстро и точно ударила меня в нос. Сунув конфету в рот она захрустела ею и захохотала, тыкая в мою сторону пальцем. Я вытер каплю крови, повисшую на моем носу.

Обезьяна была все-таки не человек и через полминуты обо всем забыла. Снова жалобное лицо и протянутая через решетку рука. Другой бы развернулся и ушел, но ведь я занимался Кунг-фу и поэтому очень захотел победить обезьяну. Я медленно стал в удобную стойку, обезьяна ждала. Мой нос был уже в досягаемости, но конфеты я еще не дал и поэтому бояться было нечего. Я приготовился и сунул ей в руку леденец. Результат тот же – хохочущая обезьяна и совсем разбитый нос.

Через полминуты она опять все забыла, а может посчитала меня за полного идиота, и снова жалобно протянула руку. В третий раз я попробовать не стал.

Розовая мечта жены так и не сбылась.

“Какая похожая ситуация”, – подумал я, глядя на умытого и переодетого психиатра. У нее был смущенный вид, на ней был беленький, но уже не такой сексуальный халатик и обычная докторская шапочка. “Действительно красивая”, – подумал я. Она посмотрела на меня раз, потом другой и вальяжность с каким-то необъяснимым хамством начали неудержимо возвращаться к ней.

– Пойдем в мой кабинет, – предложила она, зыркнув в сторону небритой обезьяны, скрывшейся в карцере.

Коридоры были тусклые, выкрашенные какой-то непонятной краской, но я уже начал понимать, это скорбь все делает серым, тусклым и непонятным.

Кабинет был приличным, с большим окном и солидным письменным столом, возле которого стоял с потертым сиденьем стул. Ирусик залез в удобное и глубокое кресло.

– Садись, – предложила она, но я не смог.

Это был тот стул, вставая с которого люди уходили в серые и мрачные палаты.

– Пойдем, покажу, – предложила Ирусик и мы вышли в коридор.

Там мы наткнулись на двух перепуганных наркоманов.

– А эти чего здесь? – удивился я.

– А ты быстро все замечаешь, – в свою очередь удивился психиатр. – Это, чтоб жизнь им малиной не казалась. Видишь, как боются, с дураками невесело, – она вдруг тоненько и протяжно засмеялась.

“Да уж”, – подумал я.

– Ну вот, смотри, моя работа, – мы подошли к палате под номером три.

В ней было четверо сумашедших: трое лежали молча глядя в потолок, а четвертый, огромных размеров верзила, сидел, уставившись на дверь безумными глазами. Ирусика он как-будто и не замечал. Чудовище вдруг страшно завыло и, вытянув мощные руки, направилось в мою сторону. Мне стало ясно, что бойни не избежать. “Где же санитары?”, – мелькнула мысль. – Куда же его бить? – мелькнула вторая”. Ирунчик вытащила из кармана обычного шахматного коня, выставив его перед собой. Сумашедший закричал и, в связи со своей огромностью, с трудом забился под кровать.

– Видишь, – засмеялся Ирунчик, – он мог тебя убить. Вот это, – она помахала фигуркой, – единственное, чего он боится. И, представь себе, я никак не могу выяснить, от чего с ним такое произошло. Сколько мы раньше мучились, привязывали его, пока не выяснили этот маленький секрет. Есть и более интересное. Пойдем, покажу, – она взяла меня за руку и вывела в коридор.

В палате номер восемь была только одна больная, лежащая с абсолютно отсутствующим взглядом. Рядом, сгорбившись, стоял измученный пожилой мужчина.

– Муж, – бесцеремонно начала объяснять мне Ирунчик. – И вот так уже целый год она лежит, не реагируя ни на что. Если кормить – ест. Он ухаживает – как может, убирает за ней, но раз в три-пять дней она вскакивает на несколько минут. Представь себе, чтобы спеть и снова ложится. Вот такие дела. – Ирунчик хмыкнула.

Я посмотрел на женщину: большая, красивая, и сгорбленный, уставший муж.

– Пойдем, – стиснула руку мне Ирунчик.

Мы снова прошли мимо перепуганных наркоманов и зашли в кабинет. Когда мы оказались в кабинете, психиатр быстро закрыла дверь на ключ, и вдруг заявила нараспев: “Я решила, – распевала она, – я решила”. Она кружилась по кабинету, не спеша растегивая халат, потом тряхнула головой – шапочка упала, вслед за ней рассыпались белые волосы. Мне стало страшно. Она подплыла и прижалась ко мне.

– Я решила, – прошептала она. – Твоя книга – это знак. Мы напишем космическую психиатрию. У меня есть больной, но он совсем не больной, он гений, а гении бывают разные. Он глупый, а все гении глупые. Он рассказал своим близким, что умеет летать. Хотел показать, а те удержали его, но я знаю точно – он умеет летать. Я ему пока не разрешаю. Он в десятой палате, и сегодня ночью он полетит.

Я чуть не заплакал.

Огромное отделение с людьми: наркоманами, сумасшедшими и конечно же нормальными, было отдано в руки невменяемой, сдвинутой на сексе женщине. Но больше всего поразило меня, что она нашла в моем лице соратника. Школьная энергия явно усиливала сумасшествие, и об этом стоило задуматься.

Ирусик с треском двумя руками разорвала на себе трусики из кружев, а потом и бюстгалтер. Красивая сумасшедшая женщина.

Что же делает нас такими? Неужели так мы расплавляемся за ошибки прошлого? Какое счастье, что существуют законы Космоса. Неужели, забывшие их, все по разному превращаются в Зверя. Ох, как правы во многом запутанные древние откровения, написанные сложным, уже непонятным нам языком.

– Мы полетим вместе с ним, и потом напишем космическую психиатрию, – продолжала входящая в безумный транс психиатр. – Ты войдешь в меня и дашь энергию для полета. Он тоже войдет перед полетом, и связанные нашей тайной мы полетим сегодня

ночью высоко в небо, – она уже начинала шептать. – Но для этого нужно обрезать волосы, они мешают, – тряхнула она своими длинными волосами.

Я оттолкнул ее и выскочил в коридор. Возле палаты номер восемь, хлопая в ладоши и пританцовывая, высоким голосом что-то пела больная женщина, а рядом все так же стоял раздавленный жизнью муж.

На бегу почему-то вспомнилась Тибетская сказка о человеке, который мечтал научиться летать.

Он чувствовал, что может научиться летать. Он мечтал летать. Зачем ему нужно летать, он не знал, знал только одно, что может летать, и это стало смыслом его жизни.

Она молча ходила за ним, когда ему было трудно она утешала его, когда было жарко – приносила воду, когда он хотел есть – протягивала еду.

Он выбирал высокие скалы над водой, прыгал с них, пытаясь лететь вперед, но живым камнем ударялся о твердую воду. Выползал из воды измученный, подставляя мокрое лицо под ее теплые ладони. Он так привык к ней, что она стала частью его полета.

Время шло.

Однажды, забравшись на высокую гору, и собравшись взлететь над водой, он увидел, что ее нет. Сперва он испугался, а потом вдруг понял – ему нужно, чтобы она провожала в полет и встречала, как тогда, на берегу из воды.

Он искал ее целый день.

Потом, сев на камень, задумался, что больше ему было нужно: летать или быть рядом с ней.

На второй день, истоптав все ноги, он понял, что запутался в этой жизни, он понял, что хочет быть рядом с ней больше, чем летать.

– Я хочу быть с тобой, – сказал он.

– Я хотела быть с тобой долгое время, – сказала она. – Но ты хотел только летать.

– Я не хочу летать, – ответил он. – Я хочу быть с тобой.

– Поздно, – ответила она, опустив глаза. – Я уже не твоя.

Он нашел самую высокую скалу. Под ней не было блестящей воды. Он кинулся вниз, чтобы умереть, но оттолкнулся от воздуха и полетел.

Он летал над скалами и не мог понять человеческую жизнь. Зачем тебе летать, если ты можешь любить? Почему человек не может любить и летать? Если ничего не нужно и ничего не боишься в этой жизни, то может и полетишь.

Старая китайка, которая рассказывала мне эту сказку, хрипло засмеялась. “Скоро все люди начнут летать”, – гневно блеснув глазами сказала она.

А вообще, я сижу возле своего биотелевизора и стучу по старенькой выдавшей вида клавиатуре.

Моя жена уже давно вместо того, чтобы помогать, создает трудности и в этом виноват именно я.

Мои молодость и глупость, которые уже давно прошли, оставив неисправимые ошибки прошлого, ранящие прямо в сердце.

Милые мои, родные, почему же вы такие жестокие, почему не умеете прощать? А может я слишком многого хочу? Ну что ж, тогда я прощаю всех вас, за свои ошибки, которые вы позволяли мне совершать.

Действительно, приход жены не улучшил моего состояния, так же, как и снег, превратившийся на глазах в грязь.

После последнего Нового года зима зачем-то начала умирать и водолаз Бенья, все так же радующийся жизни, бегал под моим окном мокрый и грязный до безобразия. Из подъезда тускло и печально выглядывала лысина его хозяина, который теперь совершенно не знал, что делать с огромным псом.

ГЛАВА 9

До меня вдруг дошло, что прошла еще одна ночь. День и ночь, за это время в моем корабле не было ни единого человека. Даже Барабашки махнули на меня своей астральной рукой. Бывают же настоящие чудеса, когда тебя действительно нет. Пять минут назад даже посетила мысль о каком-то просветлении. Но, увы, это была просто ночь отдыха. Отдыха возле биотелевизора над кнопками давно не мытой клавиатуры.

Мечты о собственной святости прервало утро и кровавая драма, разыгравшаяся под моим окном.

Во дворе было мрачно и грязно, люди шли на работу аккуратными шагами по колено в грязи. Из подъезда вылетел счастливый Бенья, обдав густыми брызгами двоих или троих, спешащих на работу. В сторону веселого пса так искренне изрыгнулись проклятья, что даже долетели до моего седьмого этажа. А Бенья уже в центре двора из-под своих водолазых лап выбрасывал фонтаны грязи, от которых уворачивался какой-то мужчина.

И тут, когда Бенья с радостным визгом барахтался в самой большой луже, из соседнего подъезда раздался рев и громкий вампирский хрип. Это была одна из главных бед нашего большого двора. Волоча за собой поводок, к Бене мчалось маленькое существо, чуть поболее кошки.

Этих знаменитых уродов, умное человечество сперва усердно плодило, а потом, испугавшись, издало указ об истреблении. Их истребляли как могли, постоянно доказывая защитникам природы, что если еще немного защиты, они сожрут даже своих хозяев. Выход нашелся. Невменяемые граждане из СНГ радостно начали раскупать невменяемых собак, да еще и за огромные деньги.

Навстречу несчастному Бене неслась огромная челюсть на коротких и мощных ножках. Губы у нее, как морщинистые крылья, были высоко подняты, обнажив такие кинжалы, что Бене, наверное, сразу стало плохо. Над всем этим были крохотные глазки, в которых яростно горел блек-аут.

А ведь водолазов вывели, чтобы спасти людей. Беда в том, что Бенья был большой и добрый. Хотя летящему к нему бультерьеру

Вове было совершенно все равно: большой водолаз или маленький, он был еще живой, а этого були не любят. Они вообще никого не любят, бывает, даже своих хозяев.

Да и каких нам продавали собак? Конечно же, с сорванной психикой. Ведь хороших все равно оставляли себе. А кого может воспитать далекий от понимания бойцовых собак эсенгевский человек? Ну не удержал хозяин Вову. Вот так они и встретились.

Такого собачьего вопля я еще не слышал ни разу в жизни. Вова, повиснув на Бене, усердно и грамотно отрывал ему бок. Через какое-то мгновение, разозлившись окончательно из-за того, что водолаз не сопротивляется, Вова залез ему на шею и начал жевать с еще большим усердием.

Еще через несколько мгновений к собакам на скорости из разных концов двора понеслись два человека. Это были: лысый хозяин Бени и вечно согнутый тощий дядька, завешивший на свою голову Вову.

Лысина Бениного спасителя несколько раз вспыхнула и погасла. Не рассчитав свой очередной прыжок, спаситель лихо перекувыркнулся через нее. Вовин хозяин оказался полным неудачником, его вторая попытка вылезти из скользкой канавы снова не увенчалась успехом.

Хозяин Бени с черной лысиной и свирепым выражением лица вцепился в задние Вовины лапы, доставив этим булю неопишное удовольствие. Как известно, все бойцовые собаки обожают всякие физические упражнения и дополнительные трудности, ибо для этого были выведены.

Через несколько секунд спасатель водолаза понял, что так может только навредить своей собаке. Отпустив Вовины лапы, лысый начал изо всех сил бить ногами, через мгновение поняв, что ни разу по нему так и не попал. Бени заорал еще громче, не понимая, за что его лупит еще и хозяин.

Наконец-то из канавы выбрался второй сабаковод. Лысый держал Вову за задние ноги, а его несчастный хозяин с умным видом ковырялся в стальных зубах буля.

И вдруг, злобно закричав, хозяин водолаза с размаху треснул хозяина буля в ухо. Вцепившись друг в друга, они катались в грязи. До тех пор, пока лысый не оказался сверху на худом. Хозяин Вовы хрипел, сучил ногами, шлепал руками по луже, в центре которой происходила вся эта трагедия. Но лысый оказался еще безжалостнее чем буль.

Вова с Беней сидели рядом и высунув языки с удивлением смотрели на дерущихся в грязи хозяев. Такого, я уверен, они еще не видели никогда.

Уже день и до сих пор никого нет. Боюсь я этих остановок, обычно после них происходят не очень приятные чудеса. Терентьевич где-то мотается по своим важным и непонятным мне делам.

Последние несколько месяцев у нас, летящих в этом трещащем по всем швам космическом корабле, появилось желание оставить его навсегда. Убежать от праздношатающихся, заходящих неизвестно зачем. Убежать от труб, которые еще не потекли только из жалости к нам, от железобетонных стен, начиненных металлической арматурой, от долгов за квартиру и от самих себя.

Я не на шутку размечтался о домике, стоящем возле сада. Я не на шутку размечтался о черной жирной земле. Что делать с ней, конечно, не знал. Но мой неутомимый издатель уже бегает по своим знакомым риэлторам, изобретая самые немыслимые варианты.

Старый корабль я не боюсь оставлять чужим людям, ведь мое останется со мной. Придет время и, незримо скользя по воздуху, потянутся за мной призраки, которых родил. Желанные и не желанные. А мой летящий корабль станет обычной старенькой однокомнатной квартирой, принявшей в себя чужих людей, которые начнут безжалостно скрести стены, менять раздолбанные двери и покрасят свежей краской ослепший биотелевизор.

Тусклое солнце на мгновение выглянуло из серого и мокрого неба, обьявив собой, что уже четыре часа дня. “Четыре, а еще ничего нет. Нужно вспоминать дальше”, – решил я.

Первая книга писалась без особых проблем.

Терентьевич приехал гораздо позже, чем обещал, поэтому пришлось несколько дней поголодать. Хозяин базы, толстый и противный дядька, кричал для важности, но прекрасно понимал, что буду до осени и он с меня выгащит достаточное количество тугриков. Через несколько дней приехала моя многострадальная жена и начали съезжаться ученики.

В лесу, недалеко от турбазы, выросла площадка со станками для тренировок. Жена уезжала и приезжала. В городе она лечила, как могла, и с горем пополам платила за домик, в котором я прожил все лето.

Я писал свою первую книгу, общался с ребятами, тренировался и очень часто думал, как же буду отвечать за название книги. “Рецепт от безумия” – ведь это серьезно. Но ничего более безобидного в голову не лезло.

Турбаза оказалась на редкость тихая и добрая, только начальник очень шумный, приставучий и вечно пьяный. Город был совсем рядом, поэтому все новости знал, как-будто и не выезжал из него. Людей ко мне приезжало много: и больные, и просто знакомые, и старые ученики, ставшие уже мастерами. Неутомимый на-

чальник каждый раз, когда напивался в дребезги все пытался выяснить у меня, кто я такой, ставя меня этим в серьезный тупик. Ведь я не мог объяснить этого даже самому себе.

Ну вот в дверь, наконец-то, постучали.

Это оказалась Олечка, призрачное и прозрачное, еще неразгаданное мной существо. Она садится напротив, молча и нежно смотрит как я ковыряюсь в своей жизни. Она всегда знает, чего я хочу. А может я заслужил это. В таком случае заслужил не так уж и мало. Но нужно все по порядку.

Первый день осени и первая книга.

Нет, не так.

Я помню себя с трех лет, с будки суки Тузика. Она была первая, которая ничего не требовала за свою ласку. Потом две юные девушки, они тоже, ничего не требуя, ласкали за погибшую птицу.

Я совсем недавно начал понимать своего деда. Понимать, почему, когда он напивался, то выстраивал всех по росту. “Эх вы, пигмеи карликовые”, – огорченно вздыхал он и, махнув в нашу сторону рукой, напивался еще больше.

А что мог говорить здоровенный, рыжий, под два метра Соболенко, взявший замуж однажды Баскакову – маленькую, черную и очень красивую. Дед конечно же надеялся, что сын, хоть немного, будет похож на него. Но кровь Баскаковых оказалась необыкновенной силы. И выходил Соболенко из своего дома, в свой двор, с удивлением и огорчением разглядывая родственников – черно-волосых и маленьких крепышей. Ему было глубоко наплевать на род Баскаковых и на его удивительную историю, дед просто хотел увидеть кого-нибудь рыжего и долговязого. Мне рассказали, что маленький я был рыжим, но все это прошло еще до собачей будки.

Я хорошо помню свою прабабку, старую Баскакшу, как все за глаза называли ее, а в глаза даже боялись смотреть. Она рассказывала о придворной жизни и о том, как Сталин убил ее мужа. Она в свои девяносто два подскользнулась на валяющемся обмылке и ударилась виском об угол стола.

Теперь уже боюсь я. Вдруг получится сын рыжий и долговязый, а ведь я так уже привык к самому себе. Но вот появилась прозрачная, сотканная из солнца девушка, дающая из своих ладоней силу.

Первый день осени и первая книга, со странным названием “Рецепт от безумия”.

Когда был в лесу и почти дописал книгу, то поинтересовался у многочисленных бегающих и орущих детей начальника, какие книжки они любят. Результат оказался поразительный. Младшая девочка лет восьми читать не умела вообще, девятилетний пацан – еле-еле, а остальные постарше, хоть и умели, не прочли ни

одной книги. Я сидел под кустом и плакал после четвертой бутылки самогона, а жена успокаивала как могла.

“Для кого же пишу?” – спрашивал я у кудлатой дворняжки, доедающей остатки моей закуски. “Для кого же пишу?” – спрашивал я у себя, проснувшись с больной головой.

Первый день осени и первая книга. Но ужасы, оказывается, только начинались. Пришло время правки.

Мы с Терентьевичем ругались и правили, правили и ругались. Он кричал, что в русском языке нет таких слов и оборотов и постоянно пытался переставить местами слова. Но ведь это были мои слова, я так чувствовал и так понимал. Разве в русском есть какие-то законы? Наверное, только благозвучие, да и что такое это благозвучие?

Мы шесть раз прочли вслух книгу, меняли, вычеркивали и добавляли. Каторжная работа, без денег, голодные. Деньги и книга, оказалось, вещи несовместимые.

Все знали, чем мы занимаемся, но демоны одолели и их. Знакомые, друзья и бывшие больные приходили частенько, захватив побольше водки. Сочувствовали нашей непростой работе, не верили в ее удачное завершение, а потом напивались до чертиков.

Ученики исчезли надолго – самый лакомый кусочек для демонов и они получили его. Мы чувствовали их присутствие, они летали вокруг, задевая своими крыльями. Они не хотели этой книги. Жена испугалась и исчезла бесследно. Все было плохо, а это значило – делаем правильно. Выходили на улицу по ночам собирать окурки и сладко вдыхали запах готовящейся еды, идущий от соседей.

Шли месяцы, потом голодный новый год в полном одиночестве. Приходили старые друзья, хмыкали и советовали завязать с этим глупым и бесполезным делом. Мы не винили их, ведь это были не они, это были демоны, временно поселившиеся в их душах.

И вот пришло время Володи – моего самого старого друга и, как я считаю, великого поэта.

*О чем напоминает мне
Улитка с домом на спине?
Она последний житель сада,
Где накануне снегопада,
Исчезли птицы и жуки.*

Вот такой у меня друг. Это подражание Востоку он посвятил мне.

А вообще, Володя прекрасный педагог высшей категории и когда-то преподавал язык в госуниверситете. Сейчас – один из са-

мых интересных журналистов. А в то тяжелое время безработный и сильно пьющий.

– Понимаешь, Вовчик, – устало сказал я. – Все-таки ни куда-нибудь, а в столицу повезем книженцию нашу.

Он был страшный, не похожий на себя, черный, с трясущимися руками, но работал великолепно всегда. Достали денег, закупили водки, без нее он тогда просто не мог и стали снова работать.

– Что же ты, гад, делаешь? – как сумашедший завопил я. – Ты, ты, училка проклятая, умный очень, да? – бесновался я. – Литератор, поэт хренов! Ты должен быть училкой, тебя просили смотреть за запятыми и абзацами, а ты, ты мое трогаешь!

Я озверел как одержимый, я ясно чувствовал в себе этого демона, но остановиться не мог. Окружающие оцепенели и мгновенно протрезвели. В моего поэта полетели ракушки, нецкэ и полный стакан водки, который разрубил ему бровь.

Мне стало плохо, пол провалился куда-то вниз, картины на стенах слились в одно пестрое пятно, через мгновение превратившись в черное ничто. Когда пришел в себя, в комнате никого не было, лишь в углу переливчато храпел Терентьевич. Он редко бросал меня в трудные минуты, хотя иногда не выдерживал тоже. Призрачная, всегда дрожащая рядом Олечка появилась гораздо позже.

– Все, хана, – вдруг открыл он глаза. – Допрыгался, рахит жирный. Где мы достанем теперь такого класного и бесплатного редактора.

– А что? – ужаснулся я.

– А ничего, – злобно фыркнул мой издатель. – Ломанулся наш Вовочка так, что даже я его не догнал, – объявил Терентьевич.

– Саша, – еле подняв голову простонал я. – Он ведь друг, он, наверное, все понимает, он ведь тоже писатель.

– Да ведь ты же его покалечил, – зарычал на меня издатель.

– Как? – испугался я.

– Как обычно всех и калечишь, – ответил Терентьевич.

В дверь громко затарабанили. Саша поплелся открывать.

– Что, мерзкие уроды, не ждали? – прекрасной музыкой из коридора раздался голос Вовки. – Не дождетесь, козлы, а-ну работать.

Это было высшее признание поэта. В комнату, с разбитой мордой зашел мой друг.

Время шло. Мы работали, сходили с ума, снова приходили в себя и снова работали.

Как же мне помогли эти двое ребят. Я кланяюсь им от себя и от Школы, за мир, который они подарили мне. Как нежно и трепетно

эти двое уставших от вечной войны – жизни, относились ко мне. Я не понимал тогда всего этого и кидался на них бешеной собакой, а они терпели уворачиваясь как только могли и, к сожалению, не всегда удачно. Терпели оскорбления, а порой и разбитые носы. Наверное, верели в древнюю Школу Ссаккиссо, вот и терпели невменяемого идиота. Нет, все-таки надеюсь, что любили немного и меня.

Время шло. Работа приближалась к следующему этапу. Когда исправлять уже стало нечего, Терентьевич повез ее в Киев, в издательство “София” – Господня премудрость, а мы со страхом принялись ждать.

– Буду через неделю, – с умным видом сказал мой издатель и зашел в вагон.

Мы ждали его уже второй месяц и медленно сходили с ума.

Терентьевич поехал без копейки денег, без паспорта и без сменного белья, просто поехал. Единственное, что у него было и меня это немного успокаивало – великолепный, совершенно новый, по самые пятки финский тулуп. “Только бы не сняли”, – со страхом иногда думал я.

Почему никто из нас не поехал с ним? А кто может жить без денег, кроме Александра Терентьевича? Почему отпустили без денег? Открою секрет. Нам дали бы их, проклятых, но мы не были волшебниками, мы только учились и поэтому волшебное слово “Пожалуйста” нам еще не давалось. А по-другому наши “доброжелатели” и носители водки не догадывались. Не догадывались и больные, которых когда-то вылечил, и старые ученики, ставшие бизнесменами или просто большими начальниками.

Что-то случилось с догадливостью у людей, окружающих Школу и вроде бы как не могущих без нее жить? Давайте обвиним демонов, разве не для этого придумал их Создатель. Я ненавижу демонов, съедающих души проказой тупости, жадности, обмана и зависти. Я ненавижу демонов, съедающих человеческие души проказой мстительности, за свои тупость, жадность, обман и зависть.

“София” взяла книгу. Она переводила книги старых мистиков, но не побоялась взять нового. Мать генерального оказалась моей астрологической сестрой. Мы были одного месяца и года рождения. Что было бы без нее? Не знаю. Вот так появился еще один человек в моей жизни, который каким-то чудом изгнал демона. Из таких бы делать настойку от неизлечимого хамства.

В дверь звонили так нагло и долго, что какое-то время все присутствующие недоуменно переглядывались.

Ученик запустил незнакомого человека. Это был, озлобленный до предела, средних лет мужчина.

– Здесь живет Соболенко? – с порога заорал он.
 – А что? – поинтересовался я.
 – А то, что вам, дорогой Сергей Анатольевич, звонит уважаемый Александр Терентьевич.
 – Куда? – вскочив заорал теперь я.
 – Почему-то ко мне, – с невыразимой злобой ответил мужчина. – Шесть раз трубку бросал, а он, гад, звонит и звонит.
 – А это потому, что у меня телефона нет, – объяснил я.
 – А я причем? – измучено вдруг вздохнул мужчина. – Ну откуда этот ваш Александр Терентьевич мой телефон знает?
 – Вы поймите, тут у нас такое дело, – начал было я.
 – Не надо, – замахал руками мужчина. – Я ваш проект уже наизусть знаю.

Он со своим телефоном жил почему-то очень далеко от моего корабля. Ну что ж, Терентьевич выжил, договорился о книге, и ее начали готовить к печати.

Ну а о демонах, которые мешали и пытались либо украсть книгу, либо заработать на ней деньги и говорить не стоит. Кто в этом мире когда-нибудь зарабатывал деньги на человеческой правде?

ЖАЛОБА

Я, Соболенко Сергей Анатольевич, жалею на свою тяжелую жизнь и совершенно не стесняюсь этого, потому, что жалею прежде всего себе на себя. При этом безуспешно и туго чего-то жду от самого себя. Сочувствия и помощь не принимаются, разве что от самого себя.

Соболенко С.А.

Интересно, а как самому себе жалуется ученик легендарного Фу Шина? Я очень хорошо знаю этого Мастера. Я видел то, что он способен предьявить.

Он уже гораздо меньше суетится чем я, конечно потому, что больше может и больше понял, и это его понимание с еще большей силой наталкивается на непробиваемую стену. Демоны с во-ем и в огромных количествах слетаются на него. Как же он пожалуется самому себе? А может он вообще не жалуется? В это я пока еще не верю.

Огромные человеческие знания, а суета ушла потому, что он не знает, а понимает, куда движется окружающее.

И вот у Григория Андреевича День рождения. С какими же чувствами он ждет тех, которые вспомнят о нем?

Про моего друга и учителя Андреевича скажу одно: “Я согласен с его путем, стараюсь идти таким же”. А это значит, что идем од-

ним и безусловно правильным. Тем более, что иногда встречаемся глаза в глаза с хранящими земные знания.

День рождения уже шел третий час. Поток людей, как в мавзолее. Вспомнили многие и даже те, кого очень не хотелось видеть. Но все знали, по какому пути идет Учитель, поэтому приходили смело. В День рождения это было не страшно.

В День рождения Мастер, глядя на окружающих, всегда вспоминает ошибки прошлого. Ох уж эти ошибки, которые ранят в самое сердце.

Богатые дарили подарки, дорогие и ненужные. Знаменитые мастера – свое уважение и, как принято, четки. Вьетнамцы – символы своих Школ, китайцы – ажурные палочки и умение поваров, которые суетились на кухне.

Любили Андреевича и поэтому мучили как могли.

Мастера приходили, кланялись, дарили подарки, говорили по два слова, съедали по ложке еды и, снова кланяясь, уходили. Они ведь были мастера и полностью понимали Андреевича.

А он сидел, подперев смертоносным кулаком свою уставшую голову, и слушал каждого по очереди. Сначала искренние поздравления, которые через несколько секунд переходили в жалобы на жизнь, а потом в вопрос – что делать. Все были абсолютно уверены в том, что Андреевич знает, и в свой День рождения не посмеет скрыть эту великую тайну.

Жалуется ли себе великий мастер? Мастер, который в долине Чу на моих глазах стал на высшую ступень Воинов Света. Андреевич понимает окружающее и от этого ему, конечно же, в тысячи раз тяжелее.

Окружающее не изменишь, можно лишь ждать, либо предьявить человеку путь. Если ему суждено в этой жизни столкнуться с Путем, значит спасен он и те, которых приручил, либо еще приручит. Если близкие уйдут, а другие не согласятся, значит это не их путь, или путь неумело предьявлен. Путь – это всего лишь тонкое лезвие небесного меча, солнечный луч, дающий возможность посмотреть сквозь свое безумие, невежество, и вечно голодного зверя.

Мастер, слушающий человеческие жалобы, давно уже смотрел сквозь эту тройку. Ему было тяжело, как любому знающему и любящему. Знающему, что времена тайн прошли. Но как всем объяснить, что это и есть главная тайна? Не взмах руки, творящий чудо, ни слово, поднимающее отчаявшихся. Разве можно все сделать за людей?

Природа. Мы постоянно присутствуем при родах. Все рождается и изменяется. Рождаются люди, цветы и животные. Люди меняются в мыслях своих и с каждым новым пониманием окружающего рождаются снова.

Мало кто становится трудолюбивым – понимающим трудность своей любви. А ведь главная любовь для мужчины – это выбранный Путь. Именно поэтому женщина и хочет быть замужем, а точнее стать за мужа, за воина, душу и понимание мира которого хочет видеть в своих детях.

Нить спасающего солнечного луча Андреевич по очереди протягивал каждому, но не до каждого сердца доставала его прожигающая сила.

Я не знаю, как жалуется, и жалуется ли вообще себе мастер, но уверен, что страх за пришедших в тот миг безжалостно сдавливал его душу.

Измученный своим рождением Андреевич вышел из квартиры и, спустившись на этаж ниже, сел на ступеньку. Он долгое время удерживал себя от курения, но сейчас сигарета, спасавшая в свое время от ночного холода и голода пустыни, показалась особенно сладкой. Он вспоминал сквозь дым о Чуйском дне, жгущем все живое и приходящей ночи, сковывающей долину сверкающим ледяным панцырем.

– Смотри, смотри, вышел, – донесся шепот с верхнего этажа.

– Кажись пьяный, – продолжил другой, более хриплый.

На этаж выше стояли ученики. Их просто понять, но все же какая-то молодежь стала не очень. Скорее всего потому, что сейчас можно заниматься чем хочешь, а это значит – заниматься нечем.

Государство научилось за долгое время запретов бороться со свободными знаниями. Сперва мастеров выявляли, сажали в тюрьмы, но они там оказывались еще опасней. Потому, что к ним в замкнутом пространстве тянулись еще больше. А это шаг к бунту. “Склонны к формированию группировок”, – было записано в их делах. В итоге государство разрешило все, а на мастеров якобы перестало обращать внимание, хотя и контролировало каждый их шаг. Вот так однажды Андреевич и попал в своем маленьком городишке в тюрьму.

Рано утром, как всегда, начальник тюрьмы просматривал списки попавших в его заведение.

– Какой Григорий Андреевич? – еще не дойдя до фамилии ужаснулся начальник. – Что, тот самый?

Оказалось – тот самый.

– Идиоты, кретины, сволочи, дебилы, – орал, как невменяемый, полковник. – Кого же вы в мой дом запихнули?

Подчиненные, окончательно обалдевшие, стояли на вытяжку.

Обычная драка, Андреевич, на всеобщую голову, проходил мимо. Дерущиеся разбежались, а молодые менты схватили и скрутили Мастера. Никогда еще молодые десантники не были так близки

к смерти. Андреевич вошел в их положение и никого даже пальцем не тронул.

– Немедленно выгнать его из моего дома, – орал как невменяемый начальник. – Если что-нибудь, не дай Бог, уже случилось, я вас всех, уродов, посажу, – бесновался перепуганный до смерти тюремщик.

Выбежав из кабинета он выглянул из окна, которое находилось в коридоре. Возле центрального входа уже начали собираться люди.

– Вон, вон его отсюда, – снова заорал тюремщик Андреевича, как всегда, оборвали на самом интересном, заключенные слушали затаив дыхание.

– Дослушать хоть дайте, падлы, – злобно заволновались ЗеКа. – Раз в сто лет посадите человека, так и поговорить не даете. А ну дверь закройте, суки ментовские, – заорала камера в шестьдесят глоток.

Начальнику доложили, что Андреевича не выпускают.

– Как!? – завизжал главный тюремщик города. – Немедленно выгнать его из моей тюрьмы. Мне уже такая публика звонила, ведь он оказывается еще и лечит, черт бы его побрал. Выгнать вон! – снова захлебнулся истерическим визгом тюремщик.

– Попробуйте выгнать, если не пускают, – развел руками пожилой, выдавший виды старшина.

– Андреич, Андреич. – начала скандировать под тюрьмой все прибывающая и прибывающая толпа.

– Мамочки мои, – вдруг заплакал начальник тюрьмы. – Что же теперь будет? Сидели, суки, всем было хорошо, так нет же, менты подбросили на мою голову этого вождя, – зарычал полковник и грохнул кулаком по столу.

– Все, отпустили, – радостно задыхаясь вбежал в комнату старшина.

Администрация тюрьмы со вздохами облегчения глядела со второго этажа, как вышедшего из ворот Андреевича окружили радостные люди. Один из учеников отдал ему свои шнурки, еще кто-то брючный пояс.

– Слушай, так если пьяный, может спросить о выдаче силы, вдруг расколется.

Андреевич не мог этого не слышать, да и вообще у настоящих Мастеров, пьяны они или нет, всегда хороший слух. Учитель слушал своих учеников, которые у него по пьяне хотели выгащить секрет.

Секреты, а ведь они существуют только у мертвых и у тех, у кого ничего нет. Откуда у человека такая вера в секреты? Скорее всего это придумано демонами, сеющими вокруг беспокойствие, бездействие и лень.

Время секретов давно прошло. И сколько не объясняешь это ученикам, они всегда оставляют надежду на безмозглое чудо. Мастера иногда поддаются на эти просьбы и что-нибудь показывают, но сразу объясняют, каким трудом и какими упражнениями все дается. Невежество и чудо. Разве было в нашем мире хоть одно чудо, вызванное не невежеством?

– Ну что, давай, давай, спрашивай, – продолжали шептаться на лестничной клетке.

– Учитель, – подошел к мастеру самый смелый.

Андреич поднял голову и внимательно посмотрел на ученика.

– Так в чем же смысл силы, может покажете выдачу? – с надеждой попросил ученик о том, что мастер пытался вбить им в голову на каждой тренировке в течение нескольких лет.

– Выдача силы? – усмехнувшись спросил Андреевич. – Ну что ж, смотри в глаза.

– Бежим, ребята, бежим, – вдруг надрывно закричал ученик. – Бежим, он сейчас убьет нас.

И толпа преданных орлов ринулась вниз, прыгая через три ступеньки. Андреевич горько усмехнулся, прислушиваясь к топоту ног, раздающемуся уже со двора.

Ну вот, я немного и поплакался, очень иногда хочется, просто неverterеж.

“Рецепт от безумия” появился на прилавках города в конце мая. Это появление ударило нас всех по головам. Я еще не имел авторского экземпляра, а моим рецептом уже торговали. Я еле согласился на сложную супер-обложку с тайным Школьным знаком, а мою книгу продавали без супера.

За Терентьевичем начали охотиться. Охотники разделились пополам, одни ненавидели меня и все это вываливали на Терентьевича, другие восторгались и Терентьевич, злорадно ухмыляясь, вываливал их на меня. Жена, схватившись за голову в ужасе убежала. Я забыл, что такое сон и как им спят. Телестудии приезжали внезапно и по утрам.

Больше всего подлый Терентьевич любил, когда почитатели как селедки набивались в моем корабле. В такие моменты он обожал внезапно появляться из кухни и тревожным голосом спрашивать, не знаю ли я последнюю новость. Я знал, что за этим последует, но как его останавливать, тогда еще не придумал. Шура ужасался моим неведением и всем объявлял, что какая-то секта завтра будет совершать ритуальное сожжение моей книги. После этого всегда происходил психоз. Почитатели начинали возмущаться, кто плакал, кто рвался в бой с мерзкой сектой, а кто прямо сразу признавался в любви, начиная при всех хватать меня руками.

Вот так получилась первая книга. Разве я мог предполагать, что все это безумие выльется на нас с Терентьевичем? Сейчас, конечно, все понятно, а тогда? Но поздно плакаться, ведь нужно еще пережить безумие, невежество и хамство.

Еще не началось лето, а Терентьевич с Татьяной снова отправили меня в лес. Издатель посоветовал писать вторую книгу, заниматься здоровьем и ждать очередной волны. В лесном домике я сел за компьютер и с наслаждением, переходящим то в страх, то в слезы, то в гордость, начал тыкать двумя пальцами в клавиатуру, которая оказалась связана с моей памятью.

Только что выходил в комнату, полежал на татами, размялся.

За окном уже темно и Олечка спит на боку. Очки с толстыми стеклами свалились с ее крошечного носа и тускло светятся в темной комнате. Серые как пух волосы смешно топорщатся, длинные ноги согнуты в коленях, руки прижаты к груди – девушка от кого-то защищается. Изогнувшись, она вдруг со стоном переворачивается на спину. Она смущается, если рассматриваю ее, проснется, может даже заплакать. Ну и что, плачь сколько влезет, ведь знаешь, что я пожалею своего маленького светлячка. Самый таинственный светлячок, самые нежные страницы моей третьей книги, самые красивые ноги из всех ног на земле. Она труженица, она завтра рано рано с утра идет на работу, чтобы прокормить нас с Терентьевичем и свою большую семью с кошкой и собакой. У Олечки очень серьезная должность и зарплата. Нам с Терентьевичем, изголодавшимся и измученным, хватает этой зарплаты только на один раз. Рядом лежит очень аккуратно сложенный свитерок, так складывать умеет только Оленька.

Но, впрочем, все нужно по порядку. Я писал вторую книгу и удивлялся тому, что кто-то напечатал первую.

И вот мой лес захлеснула волна очередного безумия. Вот тебе за название книги. Толпы людей, и все недовольные. Какие-то чужие и незнакомые, чего-то хотящие и злые. Пьянка, люди и никого, даже жены, один неизменный Терентьевич.

Ночь, высокие деревья, стол с водкой и жартой, чужие люди.

– Сергей Анатольевич, – ребята дышали после бега. – А Терентьевич там.

Это там меня ударило горячей волной.

– Где там? – вскочил я.

– Ну там!

История оказалась очень поучительной.

– Шарик ты, Шарик недоделанный, – уже полчаса уговаривал Терентьевич крупного, прожившего всю жизнь на крепкой железной цепи, овчара.

– Что, козел старый и, наверное, безрогий? Допрыгался, набегался по кругу? Я тебя сейчас отпущу, но, смотри, быстренько помылся в речке и назад.

Мой дорогой издатель отстегнул Шарика и когда тот с удивлением посмотрел на него, сказал: “Не бойся, я за тебя погавкаю на людей, а ты сбегай пока, помойся”. Терентьевич снял с барбоса ошейник и одел его на себя. Издатель долго ковырялся в кармане и наконец-то нашел расческу. Шарик стонал, подвывал от удовольствия и удивления.

– Я сделал все, что мог, – заявил Терентьевич куче вычесанной шерсти и лег в яму, вырытую Шариком от палящего солнца.

Злого Шарика боялись все, даже вечно пьяный начальник турбазы.

– Сергей Анатольевич, он там.

– Где там? – окончательно разозлился я.

– Лежит в собачьей яме.

– Идиоты, вытащите его оттуда.

– А что, можно? – поинтересовались идиоты.

– Вынуть из ямы и принести сюда, – приказал я.

– А это не вы пристегнули его к ошейнику?

– Да принесите же его сюда, – окончательно озверел я.

Терентьевич, скрючившись спал в яме возле будки, рядом сидел мокрый и счастливый Шарик.

Сошедший с ума шизофреник сошел с ума еще раз. Я почему-то испугался. “Наверное, к дождю”, – мелькнула тревожная мысль.

Леса хватало только на полкниги. Еще не остыло безумие, а я уже заканчивал “Прививку от невежества”.

В конце сентября в моем космическом корабле безумие вспыхнуло так, что чуть не сожгло Школу и всех нас без остатка.

ГЛАВА 10

Прошу тебя, сестра, разреши, чтобы твой мужчина, если я нужна, забрал меня, – молоденькая дунганка стояла на коленях, обняв Татьяну за бедра.

Она просила и просила, пытаюсь заглянуть жене в глаза, а когда не удавалось, силой прижималась к ее животу мокрым от слез лицом.

– Я буду стараться, буду сильно любить твоего мужа. Клянусь, сестра, ты будешь мною довольна.

Великий Тянь-Шань был совсем рядом, сверкая на холодном солнце седыми, обледенелыми вершинами, которые вонзились в застывшее синее небо. Два молодых беркута, гоняясь друг за другом, резали его своими стальными крыльями. Конопля засыпала осенним бархатом, задуривая и без того наши горячие головы. Чуйская долина рассматривала наши души.

Минуты шли одна за другой. Татьяна положила руку на голову дунганке. Тугие тоненькие косички, сбегające на плечи черными змейками, вздрогнули. Бледное круглое лицо с изогнутыми бровями, раскосыми заплаканными глазами, вздрагивающими крыльями тонкого носа, с пухлыми, крепко сжатыми вишневыми губами, испугано ждало ответа моей жены. Татьяна, вдруг заплакав, вцепилась двумя руками в длинные черные змеи и прижалась щекою к мокрому лицу девченки.

В предгорье, у самого подножья Тянь-Шаня, обнявшись, сидели в пыли и рыдали две женщины. Они рыдали из-за меня. Одна, не желающая делить любовь, другая, мечтающая хотя бы о частичке любви.

Юная азиатка поняла, что меня слишком много и Татьяне нужна помощь. Откуда ей было знать о жадности женщин, живущих за тридевять земель. Она полюбила пытающего постичь Дао. Она полюбила Ло ган кун бая, а это – самый великий подвиг, на который способна женщина.

– Да ну вас всех, ко всем шайтанам, – махнул я рукой и пошел в дом Фу Шина.

– Стой, стой, стой, – Татьяна схватила меня за руку и сильно дернула – боль ударила по позвоночнику.

Тренировки в Чуйской долине были особенно тяжелы, голод давал о себе знать.

– Стой, – снова рванула меня Татьяна.

– Пожалей меня, – попросил я.

И сразу стало необыкновенно больно.

Вчера я наконец-то решил, что можно взять небольшую, но все же способную накормить нас кучку синеньких. Она гнила под домом Учителя почти неделю. Баклажаны в Чуйской долине особенные – горькие и совершенно круглые, таких же размеров, как огромные азиатские персики. Я снял с себя куртку и всю ее наполнил круглыми плодами. Был день, тепло, в двенадцать дня – плюс пятнадцать, в двенадцать ночи – минус пятнадцать и красные розы, которых много в Чуйской долине. Полная куртка синеньких. Мы их варили в воде, ели, с удовольствием пили эту воду, густо приправленную джусаем. Это невысокая травка с вкусом чеснока.

– Не могу с тобой жить, ну не могу, понимаешь, – Татьяна хватала и хватала за отбитую руку. – Ну пожалей меня, – снова и снова требовала она. – Зачем я приехала в эту долину?

– За мной, – ответил я.

– Нет, – громко крикнула она. – Нет, ты просил меня.

– Если ты не хотела, как бы я мог упротить тебя? А если ты хотела, как я мог запретить тебе?

Жена заплакала: “Зачем тебе столько женщин?”

Я вспомнил самую плачущую женщину в своей жизни.

Рыба все видит по другому – сквозь толщу воды. Это единственный знак из двенадцати зодиакальных, который живет в воде. Рак и тот иногда выходит на землю. Рыба видит все по-своему и никто никогда ей ничего не сможет объяснить. Свинья из двенадцатилетнего цикла – золотое сердце. А теперь, представьте себе: золотое сердце, которое видит все по своему.

Золотое сердце – это нежное средце. Она обычно гладила меня по голове и тихо плакала.

– Миленький мой, – плакала она, когда я ел борщ.

– Миленький мой, – плакала она, когда я ел кашу.

– Миленький мой, миленький мой, – плакала она всегда, даже тогда, когда я целовал ее розовые пальчики, пухлые губы и синие-синие глаза.

– Таня, прошу тебя, ты ведь знаешь.

– Да знаю, знаю все, – всхлипнула жена. – Я всю жизнь тебя жду, я живу с тобой почти двадцать лет и бесконечно жду. Я ждала из Корейской Общины, из зоны, и снова из общины. Я жду и жду. Поехала с тобой в Тибет, и тут, девочки снова забирают тебя.

– Таня, – уже заныл я.

– Почему она забирает меня у тебя? – жестко глядя мне в глаза спросила жена.

“Нужно попытаться объяснить”, – подумал я и вспомнил одну из подстреленных белых птиц.

Эти белые птицы – они непонятные и нежные, они способны на все. У них большие бархатные крылья-руки, они могут подойти посреди города, они могут подойти и обнять длинными белыми бархатными крыльями. Они говорят, они просят, “Будь моим защитником”, – обычно просят они. Откуда же они знают, что я могу им быть? Белые, бедные белые птицы, вы не умеете прощать, а если найдется такая, клянусь, отдам ей всю свою оставшуюся жизнь.

Ох, сколько же их было, этих сумашедших птиц. И все они почему-то имели высшую степень агрессивной любви. Но ведь я был всегда один, но они совершенно не желали ничего понимать. Как хочется набраться силы от их безудержной любви, которая переходит в бесконечный поток. Но потом переходит в еще более сильную агрессию, которую так и не научился понимать. Почему же вы такие злые и нежные?

Милые, добрые, сильные женщины, пожалейте, прошу, защищающих вас воинов – мужчин. А если это не он, не будь с ним и никогда не посетуешь на свою трудную жизнь и глупых детей. Постарайся понять защищающего тебя, может быть после поймешь даже других. Прошу тебя, женщина.

Это не мудрость Школы – это моя личная усталость и отчаянье, безудержно проростающие между строк. Порою они заставляют хлестать жену по щекам, как в далеком детстве хлестала меня своими горячими ладонями мать, плача и целуя после. Ведь мы в отчаянии хлещем по щекам не близких, а их поступки. Мы отошли от законов Космоса, не жалея себя. И что теперь?.. Каждый играет придуманную роль. Придуманную собой и для себя.

– Таня, ведь я никогда не обманывал тебя.

– А зачем мне твоя правда? Лучше бы обманывал.

– Ты ведь знаешь что не лучше, – ответил я. – Ты ведь прекрасно понимаешь и знаешь мою жизнь. Может быть я могу сказать что-нибудь новое? Или ты не знаешь, чему принадлежит моя жизнь, я не могу пренебрегать ею в твоих интересах. Пятнадцать лет назад я все объяснил тебе. Так получилось, что живу жизнью передатчика. Жизнь, сконцентрированной до предела, и очень часто вспыхивают дни, которые равняются целой человеческой жизни.

– Но ведь я люблю тебя, и я женщина, – закричала Татьяна.

– Ну вот, вспомнила, – удивился я. – То ты врач, то мастер, то женщина. Умоляю тебя, разберись, кто ты, хотя уже и поздно.

– Изверг, – злобно выдавила из себя жена.

– Изверг – это недоношенный, извергнутый раньше времени. Поэтому древние считали, что недоношенные должны быть озлобленными и способными на самые жестокие поступки. А я нормально доношен.

– Будь ты проклят! – выплеснула свою накопившуюся боль Татьяна.

– Сам знаю, что виноват только я, и отвечу за тебя сполна.

– Я сама за себя отвечу! – потеряв все человеческое, с вызовом, замешанным на ненависти, ответила жена.

Однажды я испугался этого состояния. Теперь оно приходило к ней все чаще. В ней поселялась слепая ярость, способная на все. Я чувствовал – еще немного, и это нужно будет как-то останавливать, как – не знал. В такие моменты демоны ликовали и она могла сделать все, что им было угодно. Предо мной стояла ненависть, порожденная моей глупостью.

– Ты думаешь, я к маме ездила? – схватила Татьяна меня за руку. – Я следила за тобой с крыши ближайшего дома. Ты думаешь, я к маме ездила? – захлебываясь от ненависти плевалась в меня жена. – Я ночами подслушивала под дверью, с кем ты и как ты.

Первый знак чувств обострился до предела, инстинкт самосохранения исчез. Предо мной стояла сумасшедшая женщина.

“Неужели ради Школы нужны такие жертвы? – в отчаянии подумал я. – “Почему же Учителя за все это еще не отказались от меня?”

– Знаю, Танюша, все знаю, – ответил я и схватил ее за плечи трясущимися руками.

В такие моменты она становилась абсолютно безумной, умоляла, чтобы я все бросил и сидел дома. Она обещала устроиться на работу, только бы я был ее и ничей больше. Она ненавидела всех приходящих в наш дом, старалась заболеть, разбить себе лицо, напиться до беспамятства. Но больше всего старалась, чтобы я ударил ее. Ей это приносило неопишемую радость. В такие моменты жена смеялась и была предельно счастлива. Демоны всегда ликовали при виде моей слабости.

– Танюша, Танюша, – тряс я ее за плечи. – Танюша! Нам нужно еще вернуться из этой долины. А книга? Ведь мне разрешил Ням и нужно чтобы разрешил Фу Шин.

– Писатель, – фыркнула жена и вырвавшись побежала вдоль БЧК (Большого Чуйского канала).

Я на мгновение остолбенел, перед глазами промелькнула прозрачная картина следующего мгновения. Татьяна с криком кинулась в гудящий ледяной поток, из которого возврата нет. Создатель снова сжалился надо мной. С неба упал беркут, гулко ударив жену широким крылом по голове и снова вернулся в синюю высь. Татьяна вскрикнула и упала, закрыв голову руками. Правая нога повисла над потоком, мгновенно став мокрой от ледяных брызг. Подбежав к жене я оттащил ее от железобетонного края.

– Что случилось? – спросила она, открыв прояснившиеся глаза.

– Все нормально, – ответил я, сжимая ее ледяные ладони. – Пойдем к Учителю.

Мы шли к Патриарху, мужчина и женщина, с такими же разными мыслями. Она хотела меня – передатчика.

Еще несколько дней и Андреич с очкастым спонсором уедут, оставив нас побеждать самих себя. Но ученики, которых мы привезли этого не понимали. Долина ослепила их бархатом конопли, блеском вершин Тянь-Шаня и верой в несуществующее чудо.

Мир только начинает сходить с ума, разбиваясь на личные апокалипсисы, и как любой начинающий сумасшедший еще не чувствует слабости и верит в свою ложную силу.

Впервые я ощутил это, когда пошел на “холодную”. Так называется одно из упражнений, в которое посвятил меня Ням. Это одна из техник Школы, длящаяся без перерыва три года.

После двух лет идеально правильного питания я решил. Одна из моих женщин с любовью сшила два костюма, строгих, с шестнадцатью пуговицами, из обычного мягкого брезента. Покрой костюма и количество пуговиц были обязательны, ритуальная форма дает силы.

Это было во времена застоя, но я решил. Отсидев за шарлатанство, сразу после первого приезда из общины, я все равно решил. Не знаю, за кого меня принимали окружающие, но не смеялся никто, просто оглядывались.

Начал, как и положено, с весны. Проходил в своей форме лето, осень и насторожено вошел в зиму. Как и положено, она оказалась тяжелой, как никогда. Двадцать пять градусов, такой зимы в своем городе я не помнил.

Отойдя недалеко от подъезда я застыл, не в состоянии сделать больше ни шага. Я уговаривал себя, убеждал как только мог, ругал, напоминал себе о том, что я воин, личность, что у меня вторая степень мастерства. Но холод с легкостью проникал сквозь тело, стягивал сухожилия и застывал болью в неподвижных суставах.

Я стоял, уставившись на металлический забор, окружавший гаражи. Еле подняв руку я заткнул левую – лунную ноздрю и начал дышать правой – солнечной. Даже законы человеческого тела тогда отказались от меня. Я дышал уже минут двадцать, а спасительное тепло почему-то отказывалось приходить в заледеневшее тело.

“Я все могу, – снова начал убеждать себя. – Ведь у тебя вторая степень мастерства. Вспомни Няма”, – злился я на себя. И вдруг почувствовал – еще немного и застынет кровь, глаза уже почти застыли.

Но тут глаза сквозь режущую боль увидели толщиной с палец заостренную на конце проволоку, торчащую из щели забора. И странная мысль как ледяная молния врезалась в мозг. А что, если бы проходя мимо я подскользнулся и упал на нее?

Потом голова сама поднялась вверх, слезящиеся глаза увидели застывшее от мороза небо. Рядом, согнувшись от мороза, закутанная с ног до головы, пробежала женщина. Я присел возле ржавого забора и тихо заплакал.

Впервые я ощутил себя маленькой чешуйкой на теле Верховного Дракона Разрушителя. Мне так захотелось жить, что неизвестно откуда взявшееся теплое облако окружило меня со всех сторон.

Знание и понимание, они такие разные. Знать и забыть, понять и остаться навсегда. Я понял, нужно ничтожно мало, чтобы иметь все, и я это имел. Разве не знал, что напряжение разрушает. Я просто в тот миг вспомнил и понял Учителя, он не ошибся, я – передатчик.

Проходя по мосту над бурлящим БЧК я понимал, как будет тяжело, но разве не сам выбрал этот путь? Только одни понимают больше, а другие меньше. Что понимает ученик Фу Шина, мой старший товарищ Григорий Андреевич? Что понимает мой Учитель Няма? И что понимал я?

Когда прощался с Учителем, Он с усмешкой сказал, чтоб я передал привет Патриарху. Я удивился – это было просто невозможно, но, поклонившись Учителю, сказал, что сделаю это при первой же встрече.

И вот я на пути. Но этот путь обрывают демоны. Безумием моей жены, безумием моих учеников и учеников Андреевича.

– Ну что, Серый, завтра едем к Фу Шину, – весело улыбаясь объявил мне Андреевич.

А ведь я только неделю назад приехал от Няма, который меня полуживого вывел из Лабиринта Дракона. Едем к Верховному. Так просто звучит. Едем туда, где соединяется Тянь-Шань с Тибетом.

– Как едем? – удивился я. – Ведь ты, Андреевич, говорил, что не видел Учителя почти десять лет.

– Вот так и едем, – радостно засмеялся Андреевич. – Пока ты бегал по своей тайге, Он прислал письмо и зовет к себе. Видно пришло наше время. Институты Кунг-фу ты уже прошел, попробуй теперь Академию. Я возьму своих учеников, ты своих – и поедем с нашим спонсором к Учителю. Время секретов уже давно прошло.

Именно эти слова совсем недавно я слышал от Учителя. Время секретов прошло. Интересно, а кто-нибудь, кроме нас с Андреевичем, это понял?

Как поймут те, которые без особых трудностей в шумных городах за деньги на трехмесячных курсах получают секреты и гордятся этим. Как поймут те, которые вместо того, чтобы подышать от холода и голода в Чуйской Долине получают справки от приезжающих на “Мерседесах” гуру. Они все важные и надутые.

Ох, и рано же мы родились, рано, хоть плачь. А как же Патриархи, которые порой переживают срок положенной жизни. Патриархи, ищущие своих Учеников. Не умирает еще Земля так, чтобы все испугались.

Тяжелое звание передатчик. Он передает следующему. И преследует меня иногда жадность, вот бы родиться позже, чтобы все эти гордые и напыщенные прибежали вопя от страха, забыв о своих дипломах по магии и тибетским секретам, которые существуют только у того, у кого ничего нет. Знаю – это гордыня, и гоню от себя такие сладкие мечты.

Знал Няма, что увижу Фу Шина. Знал Андреевич, зачем бросает меня одного на съедение зверю в долине. А я все понял тогда, когда увидел как беркут бьет женщину широким и твердым крылом.

Чуйская долина, спрятавшая в себе Первого Патриарха Земли, заслонившая Его силой марихуанны и опия. Все, что должно выжить, выживает в ней потому, что слабое и ненужное сходит с ума, тонет в сладких иллюзиях, которые, как нигде легко и в изобилии выходят из непонятной каменистой земли, днем нагреваемой под жарким солнцем, а ночью покрывающейся твердым льдом. Протяни руку, вдохни в себя и забудешь обо всем, что связывает с человечеством.

Страшное место, потрясшее меня до глубины души. Все Школы мира собрались в этой Земной Артерии, вся мудрость Земли и умирающие люди, гибнущие в голоде и наркотиках. На этой земле выживали и развивались только воинские Школы, которыми правили мудрые Учителя. Но Школы разные и в воздухе, кроме бархата конопля, чувствовалась война, которая часто вспыхивает

между учениками таких Школ. Но разве не Учителя позволяют это? Возможный взрыв чувствовался на каждом шагу. Но разве не здесь живет Фу Шин – самый сильный воин на Земле?

Мы с женой шли вдоль арыков – тонких и длинных Чуйских вен и я понял, что от этой поездки зависит судьба двух передатчиков: моя и Андреевича. Фу Шин десять лет не видел Андреевича и позвал в самое трудное время, а Андреевич взял меня. Ням считает, что я могу передать поклон, мой старый друг считает так же. Я кланяюсь Учителю и другу за эту веру. В тревожных чуйских снах я часто видел, как Ням отдает Школу мне, а Фу Шин – Андреевичу.

Умирающая Азия в безумной долине, вот где нашел свое место Верховный. Он спасал окружающих как мог, пустил в долину корни и красивая китайская девушка родила ему по законам ислама больше десятка детей. Вот такие они, старые тибетские тигры.

Здесь, у подножья Тянь-Шаня Великий Учитель завершил десятый элемент “звездной пыли”. Приходящий на Землю Фей Стальное Облако мог гордиться своим учеником, который в Чуйской долине стал связующей нитью Космоса с Землей, верховным передатчиком, живущим среди людей.

Мы привезли своих учеников, которые вымолили эту поездку. Они считали себя людьми Кунг-фу. Разве мы могли запретить это испытание светом? Тогда, возле БЧК, увидел, как рушатся их мечты о мастерстве и долгожданном чуде. Они так и не поняли, что главное чудо на Земле – это сам человек, сотворенный по подобию Бога и наделенный таким же могуществом. Они не смогли увидеть это в Фу Шине. В экскурсантах, приезжавших со всего Мира поглазеть на него, в китайцах, которые поздно поняли, что потеряли, в невменяемых одиночках, приезжающих в долину, часами стоящих на коленях возле дома Учителя в ожидании несуществующего чуда.

Вместо того, чтобы понять свое предназначение, они пытались сотворить желаемое. Они даже пытались изменить чужие жизни, пытались сделать то, на что не отваживается Создатель. А разве я не был таким, разве не с усмешкой когда-то слушал Учителя? А может и остался таким? И все-таки нет. Ведь разрешили написать эти книги. Но чем станут они? Либо высшим невежеством, либо обычной работой очередного передатчика.

Мы шли, приближаясь к центральной и единственной трассе в долине Чу.

Длинная серая змея, ползущая вдоль такого же нескончаемого, сверкающего под уходящим солнцем Тянь-Шаня. И как будто в доказательство о том, что моя жизнь переполнена беспокойством,

а рядом идущая женщина тоже живет в ней, мы, даже не успев ступить на пыльную дорогу, стали свидетелями необычного происшествия.

Громкий хлопок и мелодичный звон посыпавшегося стекла выхватили меня из далеких мыслей. С правой стороны метрах в десяти от нас начало медленно оседать облако пыли. Всмотревшись, я ахнул и побежал к нему. Большой китайский грузовик ударил в бок старенький “Форд”, который я сразу узнал. Это была машина Кима, друга и заместителя Фу Шина.

Я уже успел подружиться с корейцем, молодым и очень сильным мастером. Он меня очень заужавал, узнав что я был в Лабиринте Дракона – месте мечты любого мастера. Еще он старался пропустить всех приезжающих через себя, чтобы Патриарху было хоть немного легче. Это не всегда удавалось, отчего Ким расстраивался, но все равно не сдавался.

Водитель грузовика, маленький китаец, закрыв глаза руками, застыл, упав лицом на руль. Легковой автомобиль представлял из себя жалкое зрелище. Ни руля, ни самого места для водителя не было. На всем этом лежал угол полированной морды грузовика. Но самое потрясающее – рядом в кресле сидел Ким и хохотал. Увидев меня он в знак приветствия поднял руку и захохотал еще громче. Через несколько секунд собралась толпа, все сразу узнавали хохочущего Кима, ведь в долине он был знаменитый и уважаемый человек.

– Серега, – еле выговорил он сквозь смех. – Представляешь, вчера вечером закончил седьмой элемент Звездной Пыли.

Я сразу все понял. Впрочем, это бы понял любой, занимающийся Тибетской Школой.

Его слова означали, что на протяжении восьми лет, утром и вечером, Ким в одно и тоже время выполнял упражнение. Встречая солнце и провожая его. Он рассыпал звездную пыль своей души. И если бы хоть раз опоздал по времени или бы пропустил упражнение... Вот поэтому он так и веселился. Ведь только вчера, выражаясь языком современной науки, получил энергетическую защитную подушку. А язык древности говорил, что мастер Ким не забывает Земные законы, освещенные солнцем.

В тот момент все это было не очень важно. Ким радовался, что все это не случилось сутки назад, и он не превратился в кровавую лепешку.

Но азиаты ничего этого не понимали и громко крича на всех языках, которые приютила в себе Чу, ломали заклинившую дверь. Еще через несколько мгновений прилетела, истошно воя, Скорая помощь, а кореец хохотал и хохотал, глядя на окруживших его.

Кто скажет, что ему было не радостно? Потом Ким успокоился и только тихо улыбался, нагрузка все-таки была серьезная.

– Пойдем, – сказал я обалдевшей жене, махнув рукой вслед Скорой помощи, увозящей корейца.

Идти было совсем недалеко, но за это короткое время прошла почти человеческая жизнь, а рядом идущая женщина ничего не хотела понимать. Она хотела меня, таким, какого придумала. Самая великая выдумщица на земле – Мать-женщина. Ты уже не знаешь, что придумать для сходящего с ума человечества.

Возле дворов очень редко попадались одинокие деревья – гордость каменной артерии. Деревья берегли, на них молились, за ними ухаживали, и каждый год с определенного возраста для хозяйства забирали понемногу ветвей. Нам, детям Украины, было трудно понять, как в хозяйстве может пригодиться средних размеров полусырая ветка. Я не видел в долине дерево, которое было ничьим.

По дороге к Фу Шину меня несколько раз окликали азиаты. Это были и уйгуры – выходцы из Китая, и киргизы, и даже дунгане, племя изгнанное из-за своей чрезмерной воинственности Мао Дзе Дуном. Конечно же, все были мужчины, потому, что женщины в Азии гораздо скромнее, чем где-бы то ни было.

Соединение разных кровей дало мне непонятную вешность, все считали своим. Особенно сильно на это я не обижался. А что могло получиться от Баскаковых в соединении с Соболенко?

И вот арык. Еще несколько сотен шагов, и через него будут брошенные две железобетонные плиты, ведущие во двор, в центре которого стоял дом Верховного Патриарха.

Когда, благодаря демократии, до всего мира и президента Кыргызстана дошло, кто живет в Чу, то Акаев сразу же торжественно подарил Фу Шину “Мерседес”. У Патриарха появилась прекрасная возможность переехать из сарая, в котором он прожил много лет и вырастил кучу детей от прекрасной женщины, похожей на наложниц древних императоров. По тем временам это был единственный “Мерседес” в Чуйской Долине. Поэтому самый богатый киргиз сразу же предложил за него свой двухэтажный, недостроенный дом.

Вот так и живут в недостроенном ученики, дети и разные приезжающие. Мало кто понимает, что это единственный оставшийся на Земле монастырь, не превращенный государством в музейное посмешище. Монастырь, в котором рождаются ученики, поддерживающие руками и душами Землю.

Высокий, из красного кирпича забор, и две плиты, брошенные через арык. Плиты, по которым прошли ищущие люди со всего мира. Это были и сумашедшие афганцы, и настоящие маджохе-

ды, и чеченцы, и те, которые воевали в Чечне. Американцы, приезжая, сразу же требовали чуда, ровно через секунду, как только ступали на священную землю. Чеченцы приезжали со своими несуществующими проблемами, стоя сутками на коленях возле дома. Ортодоксальные мусульмане тоже, со своими умными вопросами. А Учитель был один.

Давайте попробуем вернуться к началу, к тому самому, когда Учитель только начал вростать в каменную вену Земли.

Девочка стала женщиной и начала рожать Патриарху детей, их по мусульманским законам была уже почти норма. А кто не знает, что норма – шестнадцать штук? Но здесь стоит кое-что рассказать.

Нет и не будет в этом Мире религии, которая не несла бы в себе уродства. Поэтому именно с него и стоит начать.

Умирающая Азия, что это?

Сошедший с ума от опиума мужчина, до определенного времени что-то делающий сам. И, наконец-то, купивший себе женщину, а если богатый – то две. После этого он ложится, когда тепло – под ветвистый персик, а когда холодно – в доме на кан и делает, в перерывах от полностью неменяемых состояний – детей.

Жена – удивительное существо, бесконечно преданное, мистически покорное и счастливое, когда выпадает хотя бы одна единственная свободная минута. Я видел несколько радостных жен у одного такого мужчины. У них выпала свободная минута – и они радовались.

Ну почему же в мире должны быть такие безумные крайности: либо все, либо опять, как всегда, ничего? Нежные, ласковые и очень сильные. Что порождает таких женщин? Я побывал в каком-то уникальном запаснике человеческого безумия и одновременно в сокровищнице.

Восточная женщина тянет на себе стальной плуг через каменную землю предгорий. Она кормит вечно лежащего мужа, кучу детей и, порою даже родственников мужа. А он обростает детьми, которые по закону должны уважать отца и преклоняться перед ним как пред Аллахом. Я видел удивительных женщин, которых хотелось защитить, но Создатель не дал мне такого права. Одна, все же, долго и искренне просила этого у моей жены.

В сказочной долине было много разных чудес, но одно из них останется в сердце навсегда.

Каждый раз, возвращаясь памятью в древнюю Чу, я вижу волшебную поляну, заросшую высокими красными и синими цветами. Долина щедра на солнце и цветущие поляны. Они попадались не часто. Но когда заходил в них, каждый раз удивлялся щедрости всемиростивого Аллаха. Огромные пушистые цветы и бабоч-

ки – прозрачные, радужные никуда не спешащие. Их даже тяжело напугать.

Днем солнце, стоящее в центре холодного синего неба, ровно на полтора часа нагревало нашу тайную поляну. Даже когда исчезли цветы и когда ночной лед сковывал прижавшиеся друг к другу два высоких тополя, днем больше часа можно было лежать на теплых и влажных корнях, которые, как колени, нам подставляли деревья.

Глубокая осень, нежная – как наше лето, но очень короткая. Моя осень в Чуйской долине – мгновение, мгновение с черноволосой азиаткой, с ее тонкими и сильными руками. С вишневыми губами и пугающими своей пронзительностью глазами, так похожими на двух блестящих ныряющих рыбок.

Ровно в двенадцать, каждый день, даже зная, что я не смогу придти, она ждала, и я слышал издали удары ее влюбленного сердца. Она всегда ждала до первого холодного дыхания Тянь-Шаня. Оно, как всегда, было внезапным, мгновенно схватывая морозом теплую и живую кору тополиных колен. Она всегда чего-то боялась, она была восточной женщиной, вздрагивающей в объятиях, внезапно появляющейся и исчезающей.

Она была китайкой, а ее отец – знаменитый и уважаемый всеми мусульманин и воин. Для азиатов я был всего лишь Ло ган кун бай (странствующий монах, дунг.). Почетное звание, но значило оно – ищущий знания нищий бродяга, да еще и иноверец.

Далеко не все мусульмане понимали и разделяли законы, проповедуемые Патриархом. А Фу Шин, казалось, живет среди людей уже бесконечно долго, в ожидании тех, кому нужно отдать знания Земли. Глядя на Учителя, мне порой казалось, что нет на Земле более уставшего человека. Уставшего ни от возраста, ни от физических или психических усилий, а от ожидания. На внешний вид Верховный был великолепен. Он восстановился после встречи с мастерами на Дальнем Востоке и теперь жил среди людей.

Вот мы и прошли над бегущим арыком по двум железобетонным плитам, которые вели в один из самых таинственных монастырей. Монастырь в миру, дом главного Воина Света.

В Мире все намного сложнее, чем кажется. Истинное живет рядом с нами, его нужно только разглядеть. Главное – не придумать личного апокалипсиса, сливающегося с такими же предуманными другими. Все это вместе в скором времени превратится в единого непобедимого зверя, под названием “апокалипсис общий”.

Недостроенный дом, архитектура уникальная: тупость архитектора, помноженная на безвкусицу и на его же безграмотность.

Но зато намеки на размах. Большой, но все равно маленький дом для семьи и близких друзей Фу Шина, не считая жаждущей чуда толпы. Вдоль арыка стена из красного кирпича. Двор большой, залитый бетоном. Два вырезанных в нем окна, из которых тянется к крыше виноград. В левом углу дома лестница на второй этаж – место для жаждущих знаний.

Младшая дочка Учителя подбежала ко мне и повисла на руке. Джизгуль была так похожа на Верховного, что это казалось высшей мистикой. Я слышал от Андреича, что дети у великих Учителей рождаются уже с такими качествами, о которых многие мастера только мечтают.

– Ну что, Серега? – на русском спросила она.

Джизгуль была необыкновенной и очень уважаемой девочкой в долине. У Фу Шина были и сыновья и старшие дочери. Джизгуль взяла все самое лучшее. Она была добрая и с огромной силой. Маленькую шестилетнюю девочку слушалась вся малолетняя Чуйская банда, очень похожая на добрых бандитов из древних вед. А разве она не была дочерью самого Фу Шина?

– Ну ты, Серега, и шоз (дурак, дунг.), – сразу заявила она мне.

Как объяснишь маленькой девочке, почему опоздал на целых два часа?

– Когда же ты, маленькая хуваз (обезьяна, дунг.) научишься нормально обращаться к воинам? – поинтересовался я.

– А ты воин? – ехидно спросила Джизгуль.

Большого оскорбления и быть не могло, но мы очень дружили и поэтому я дал ей ногой подзад. И тут же понял, о каких врожденных качествах, имеющихся у детей Учителя говорил Андреевич. Было такое впечатление, что ударил ногой в рядом стоящий каменный забор.

– Ну ты и поросенок. – заявил я.

Девочка обиделась как и должна была мусульманка, но не надолго.

– Мамка с папкой поругались, – заявила она.

Это было настолько интересно, что я затаился.

– А разве мамка с папкой ругаются? – спросил я, четко осознавая, что влез в личную жизнь Верховного Патриарха.

– Ругаются так, что мамка даже перестала бояться папку.

Только Джизгуль могла себе позволить называть Фу Шина то папкой, то папаней. Другие дети кланялись и говорили Учителю. Не потому, что им запрещалось, а, как объяснил мне старший сын, у остальных это почему-то не получалось.

– Ну расскажи, – попросил я, забыв обо всем.

– Да вот, надоела мамке ваша с Гришкой толпа и когда папка сказал, что еще пусть немного побудут, она сказала, что все равно – надоела.

Да, мы действительно обнаглели. Жили уже целых две недели, и все женщины, с утра до вечера готовили для нас еду. Но так как Андреевич молчал, значит это пока нравилось Фу Шину.

– Так, а поругались как? – с любопытством спросил я.

– Как? – Джизгуль широко открыла свои хитрые глаза. – А мамка сказала, что все равно надоели.

Вот так, оказывается, ругаются в семье у Патриарха.

Еще раз попросив прощение за то, что не погонял форель вместе с чуйской детворой, так у них называется рыбалка, я пошел на второй этаж, где было отведено место для учеников. На знаменитый второй этаж, который за несколько лет демократии ухитрился принять в себя, наверное, пол-мира.

– Ну что, Серый? – улыбнулся Андреевич, когда я уселся рядом с ним на кан. – Выдержишь?

Я усмехнулся в ответ. Ведь нужно было не просто выдержать, а передать привет Фу Шину от Няма и убедиться, что долина приняла меня. Еще немного и Андреевич со спонсором оставят нас выживать и постигать долину. И если мы не потеряемся, то Чу войдет в наши души.

На следующий день Андреевич уехал, как всегда, не попрощавшись. Это означало, что через день-два мы оставим гостеприимный дом Учителя и в нашем распоряжении будет вся долина. Но я уже знал, что придется бороться с глупостью и страхом приехавших с нами. Высшая Школа, окруженная непонимающими людьми – это зверь, ставший на дыбы.

Нищета, грязь, голодные дети изъеденные непонятными язвами, наркотики, которые сами лезут в лицо, в виде вездe растущей чуйской конопли. Вот такую Азию увидели мы.

Многие из приехавших испугались демона, запустили его глубоко в себя, и стали рабами.

Чу нехотя открывала свои тайны. Она порою загоняла меня в такое отчаянье, что хотелось разбежаться и прыгнуть в кипящий поток, бегущий с Тянь-Шаня, зажатый бетонными плитами БЧК. Чу, порою, отдавала свои тайны, и я боялся уподобиться воину, которого захлеснуло счастье, и он кинул нищему свою последнюю черствую лепешку, убив его.

Я боролся со своим зверем, пытаюсь выйти из могущественной шестерки.

ГЛАВА 11

Я сидел возле биотелевизора, пытаюсь писать вторую книгу о Чуйской долине и прекрасно понимал, что еще не рассчитался за первую.

За прошедшее лето написал меньше половины, но все равно удивлялся своей живучести. Жена напоминала о себе. Она забрала больных (куда мне сейчас были они), пообещав, что будет приносить сигареты и немного еды. Ах, милые и родные, проще простого ударить по башке того, кто вам ее подставил. Тренировки еще не начались и поэтому голодал, подкрепляя себя энергетическими упражнениями. Они давали немного силы, но жрать хотелось как покинутой собаке.

От осени, которую последнее время показывал биотелевизор оторвал стук в дверь. На пороге стоял перепуганный сосед.

– Серега, – он замолк, стиснув дверную ручку.

– Говори, – ничему не удивляясь приказал я.

– По-моему, это твоя жена.

– Где? – спросил я.

– На шестом, – ответил он и быстро поднялся на совй восьмой этаж.

Она лежала на ледяном бетоне без сознания, рядом пустая бутылка из-под водки. Поднять не было сил, в квартиру я тащил ее за руки. “Начинается”, – понял я.

Такое уже было в Чуйской долине. Она не могла бороться с искушением хотя бы на время выпасть из реальной жизни. И вот демоны повторили это, потому, что в тот раз у меня чуть не разорвалось сердце.

Я нашел ее в вечереющем саду под яблоней. Солнце ушло, седые волосы и одежда уже успели вмерзнуть в застывшую землю, потому, что на ночь долина покрывалась сверкающим льдом.

Появилось неудержимое желание убить ее, освободить от этой невыносимой жизни. Голова нестерпимо заболела от осознания своей вины. Затянув ее в самый теплый угол и накрыв одеялом я снова зашел на кухню.

Осень, все уходит в себя, отбрасывает отжившее, замирает, затаив силы, чтобы за долгую зиму стать мудрее и родить новое.

Осень, даже весна не пробуждает во мне такую веру в свои силы, надежду на будущее и любовь к окружающему. Осень – уйти, чтобы вернуться с новой силой.

Татьяна пришла в себя через сутки, измученная и испуганная, абсолютно уверенная, что во всем виноват только я и никто больше в этом огромном мире. Потом жена успокоилась и долго сквозь тихий плач целовала мои руки, а я привычно ждал самого страшного.

Ей было даденно целых три дня, и ни одна рука за это время не поднялась на нашу дверь. Разве может женщина оценить три дня? Ведь ей нужна вечность. Как ни странно, деньги у нее остались целы, и я отъедался, как верблюд, готовившийся к продолжению пути.

Но вот снова крест, распутье, распутье, четвертый день. Вечером в дверь постучали. Татьяна вздрогнула всем телом и прижалась ко мне, через мгновение отпрянув. Тяжело поднявшись с ковра я пошел открывать дверь.

– А-ну, живоописатель, быстро, давай, открывай, – раздался пьяный голос Терентьевича. – Я тебе такую тетку привел, закачаешься и расплачешься. Ого, вся банда в сборе, – ввалившись в комнату и увидев нас с Татьяной весело завопил он.

В прихожей снимали плащи две женщины. Когда они зашли в комнату я предложил им расслабиться и освоиться, для этого включил яркий свет и направил его на коллекции бабочек.

– Сейчас будет чай, – объявил я и пошел на кухню, Татьяна уже была там.

– Ну вот, очередная, – злобно сказала она.

– Почему так считаешь? – поинтересовался я.

– Не считаю, а все время жду, – ответила она и понесла в комнату чай.

Пожав плечами, еще раз глянув в биотелевизор на осень и, встряхнувшись, я пошел в комнату.

Заняв места пассажиров в моем корабле пили чай трое. Пьяный Александр Терентьевич и две женщины. Одну из них я знал. Мой издатель что-то врал о второй книге, а я, незаметно, но очень внимательно всмотрелся в незнакомую женщину, которой в моей жизни суждено было сыграть роль.

Светлые волосы, едва касающиеся плеч, красивый с горбинкой нос, небольшие блестящие глаза и тонкие злые губы, смягченные легкой улыбкой. Глаза удивили – в них было контролируемое сумасшествие. Женщина увядала, яркая красота неспеша покидала ее.

– А теперь, давайте обратимся к нашему писателю, – театрально развел руками Терентьевич.

– Раскажите о себе, – попросил я незнакомую женщину.

– Ну, что о себе, – улыбнувшись начала она грудным, величественно поставленным голосом. – Десять лет проработала судьей, потом решила, что время судить прошло и сейчас защищаю. Адвокат, заведу кафедрой права, кандидат юридических наук. Мечтаю написать работу по юриспруденции, стараюсь встречаться со всеми, знающими законы природы. Книга заинтересовала и поэтому появились вопросы, вот и нашла вашего издателя, – она кивнула в сторону ерзающего Терентьевича, который в пьяном виде не умел молчать.

Все это она сказала на одном дыхании, четко, не спеша и без единой запинки. Я сразу понял, что женщина, которая выступает в роли Господа Бога, когда-то еще и пела. Как потом оказалось, первое образование у нее было музыкальное, но личные особенности занесли ее в юриспруденцию.

На мгновение вспомнился первый вокалист, которого я лечил.

Даже слишком жизнерадостный сельский парень, ухитрившийся дотянуться до Оперного театра. Правда, потом он получил в каком-то селе приход и стал батюшкой. Вот чем иногда заканчивается приработок оперных певцов в церквях.

Вокал он очень уважал и тренировал свой голос постоянно. Что вообще-то у певцов и является главным. Внезапно у него начали воспаляться голосовые связки. И он надолго замолкал. Воспаление проходило, певец снова пел, а через время воспаление приходило снова. И так повторялось уже не раз. Можно себе представить, как испугался этот вокалист, ведь голос в его жизни был главное.

Люди в белых халатах замучивали его, а он замучивал их своим постоянным страхом и надоеданиями. Медики уже не знали, что придумать: они и мазали, и грели, облучали и даже чем-то обсыпали его голосовые связки. Я вспомнил, каким несчастным и перепуганным попал он ко мне. Но это все мелочи по сравнению с тем, как измочалены были его связки.

Мы долго с ним разговаривали, я пытался понять причину, а он все открывал и открывал свою здоровенную пасть, пытаясь показать глотку. Потом он вывалил кучу систем: обливания, массажи и йоговские упражнения, чем ввел меня в тягостные размышления – как заставить его, такого неугомонного, делать то, что скажу я.

Сразу, после нападения этого оперника я вспомнил выражение итальянских певцов, – благо, что когда-то столкнулся с мемуарами Федора Ивановича Шаляпина и не прошел мимо. “Жрать как свинья, петь как соловей”, – вот так говорили великие вокалисты. Тут я вспомнил, что все оперники очень толстые, но по-настояще-

му великие почему-то нет, взять, хотя бы, того же Федора Ивановича.

Вокал – это очень сильная нагрузка, не меньше чем у спортсменов. Но работают только голосовые связки. Вот они и жрут, чтобы была энергия. Энергии хватает, а жир откладывается. Вот и получается поющая по соловьиному свинья.

У моего певца было так: когда связки перегружались, голова давала сигнал и связки воспалялись для того, чтобы отдохнуть. У него просто не хватало внутренней энергии на свои постоянные занятия. А они являются наиважнейшим, если хочется научиться петь.

Я вспомнил элементарное Школьное упражнение для накопления энергии. Еще пришлось придумать страшные секреты и тайны о том, что это сверхмонашеские упражнения и, поэтому – никому. Иначе убедить делать простое упражнение было невозможно – люди в белых халатах уже успели запугать сложностями. Впрочем, все получилось.

Женщина вдруг спохватилась и вышла в прихожую, вернувшись с большой заграничной бутылкой.

– Терентьевич, радостно хрюкнув, побежал за стаканами.

– Думаю, вам это можно? – спросила она, указывая на бутылку.

– Можно, – утвердительно кивнул я.

Все выпили, немного помолчали и Нина начала говорить снова. Я понял, что нет такой силы, которая помешала бы ей выговориться. Она говорила, что совершенно не удовлетворена нашими законами и с ними нужно что-то делать.

А я представлял, как она работала Господом Богом. Посылала людей на многие годы за колючую проволоку, ломая судьбы им и их близким. “Интересно, а скольким она присудила высшую меру? – думал я. – Скольких убила?” Ведь опиралась на свои чувства и на закон, которым была недовольна.

Передо мной сидело чудовище в образе красивой женщины с сумасшедшими глазами и уже целых полчаса зачем-то оправдывалось передо мной. “Вот он “Рецепт от безумия”, – подумал я. Ох и непросто расплачиваться за него.

– У меня много учеников, – продолжала она. – И им нравится то, что я делаю. Вот только я почему-то не всем довольна. Что-то не то во всем этом.

“Странно”, – думал я. Она отправляет на расстрел, на срока, размерами в жизнь, но все же она чем-то недовольна. Она чем-то недовольна. Ледяной страх медленно расползлся по моей оцепеневшей спине. Она не понимает, что ее выбрали учителем. Но учитель, имеющий учеников и не удовлетворенный своим учением...

Действительно, что же это? С таким я сталкивался впервые. “Да и не ученики они, а студенты”, – успокаивал я себя. Скольких же ты в своем неудовлетворении убила?

Я обратил внимание, что весь покрыт ледяным потом, внутри все застыло от напряжения. “Так вот, что самое страшное в жизни”, – понял наконец-то я. Это – собственная слабость. Сколько же нужно времени для лечения этой женщины и возможно ли это? А нужно ли? Вот это я попался. “Рецепт от безумия” начинал действовать во всю.

В дверь громко постучали. Терентьевич бросился открывать, но Татьяна его опередила. Судя по всему, ей тоже стало непонятно от разговора, и она решила хоть на мгновение развеяться.

В прихожей раздался визг жены и чмокание. Это означало только одно – приехал родной грузин. Я тоже преувеличенно радостно заорал и кинулся к ним. Навопившись вдоволь мы все ввалились в комнату. Временная остановка ужасов. У грузина в руках, как всегда, были две канистры: одна с чаечей, другая с Хванчкарой. Глянув на эти емкости я понял, что дальше будет еще хуже.

– Давайте бокалы, гость с Хариствала приехал, – громко объявил горец.

Пили уже почти час, и я со страхом ждал, когда начнется продолжение разговора. Но грузина тоже нелегко остановить, и поэтому я с радостью слушал о увеличивающемся поголовье змей и эндемичных насекомых на горном озере Хариствала.

Однажды Олеги все-таки ухитрился затащить меня к себе и после этого он немного разбирался в змеях и жуках. А я, уезжая от него, тащил за пазухой через все границы мешочек со змеями. Но, самое главное, поймал целых три карабуса – это очень редкие и хищные жуки, которые метко плюются кислотой, разъедающей кожу, и могут срезать челюстями мякоть с пальца.

Олеги ухаживал за нашей жутковатой гостьей, подливал ей вина, но она почти не видела его, думая о чем-то своем.

– Но ведь должно же быть какое-то решение, ведь вы именно об этом писали в книге, – вдруг сказала она, и в комнате повисла напряженная тишина.

“Началось”, – с горечью подумал я. Она хотела понять сразу все.

Это была женщина, привыкшая к тому, что ее все боятся, привыкшая к льстивым речам и страху в глазах просящих. Но главным было не это. Как же она сможет принять и осознать свои ошибки, которые замешаны на человеческих жизнях? Даже если и поймет, как будет жить дальше? “Вот это задачка, – в страхе думал я. – Попробуй реши, – я уже почти ненавидел себя и свою книгу”.

Как объяснить, что она по одной и той же статье выносила приговоры разным людям. Не учитывая их индивидуальность, пренебрегая астрологией и еще очень многим. Она судила за убийство всех одинаково и, если что учитывалось, так это состояние аффекта, до боли смешно описанное в законе. Увидел и убил через определенное количество минут, значит – состояние аффекта, а если чуть больше, значит – хладнокровный убийца.

А сколько всего еще. Как это объяснить ей? Да для этого нужен совершенно новый закон, основанный на элементарных знаниях астрологии, которую до сих пор отвергает человечество, пусть не все, но большая его часть. Вот когда я почувствовал свое полное бессилие – отвратительное чувство.

– Ниночка, солнышко, – сказал я и положил руку на ее плечо.

Она инстинктивно подалась ко мне, ей понравилось.

– Такой красавец, сын кавказских гор приехал, – грузин надулся и чуть не лопнул. – Мы ведь видимся не последний раз, да и за раз все-то не объяснишь. Давай гулять, я тебя умоляю.

Она согласилась. Признаюсь честно, у меня появилось подлое желание – напоить несчастную женщину. И тут началось самое удивительное.

Через час все вырубилась и захрапела, а мы сидели друг напротив друга и продолжали пить.

– Неужели на Хариствала так прекрасно, как рассказывал Олеги? – кокетливо поинтересовалась непобедимая судья.

– Еще прекрасней – видел лично, – ответил я.

– Мы обязательно с тобой поедем туда, – безапелляционно вдруг заявила судья.

“Ого, уже мы”, – подумал я. Но почему-то согласно кивнул головой.

– А правда, что ромашки там по пояс?

– Клянусь, – ответил я, – и размером с это блюдо.

– Горное озеро, – вздохнула она, придвинувшись ко мне.

– Ага, – снова кивнул я головой. – Даже водопады есть.

– Прекрасно, – прошептала она опустив свою пушистую голову мне на плечо. – Мы напишем колоссальный труд по астрологическому праву и будем купаться в водопаде.

– Он холодный, – сказал я.

– Ничего, нам будет горячо, – ответила она.

– А судьи кто? – на мгновение придя в себя громко заорал Терентьевич.

Он приподнялся, подтащил к себе пластмассовую канистру с чай и, обняв ее, снова отрубился.

– На небе судит Бог, а на земле мы, – громко и четко ответила она.

– Давай еще выпьем, – умоляюще попросил я, с надеждой, что хоть чача вырубит кого-нибудь из нас.

С трудом оторвав канистру от своего бесчувственного издателя я налил по полному стакану.

Утро было тяжелое, но не очень – в канистрах еще оставалось. Более-менее прийдя в себя мы обнаружили пропажу заместника Бога с правом на убийство.

Зажав голову руками я начал вспоминать. И вспомнил, наша новая знакомая, после очередного стакана, решила ехать домой. Вот уж, действительно, крепкая тетка. Шатаясь мы пошли ловить такси, ну а как дошел обратно не помнил и вовсе. Главное, что дошел.

Все успокоились и снова стали радоваться приезду грузина.

Алкогольному безумию всегда сопутствует безумие окружающего, по крайней мере в моей жизни. Начали появляться незнакомые люди, бесцеремонно заставляя меня отчитываться по книге. Приходили какие-то экстрасенсы, уфологи и философы.

Грузин, забившись в угол, с ужасом смотрел на все это. В своих скалах он успевал отвыкнуть от моего ритма жизни и приезжая с трудом привыкал снова. Бедный грузин с жалостью смотрел как исчезает чача и хванчкара, которые он с нежностью и трудом вез через столько границ.

И вдруг я вспомнил, что у меня в восемнадцать ноль ноль свидание с судьей.

– Терентьевич, пошли, – ничего не объясняя сказал я.

Издатель вяло поплелся за мной. Осень гоняла порывистый и холодный ветер.

– Ну и чего мы выперлись? – ежась проворчал Шура.

– А того, что у меня сейчас свидание с Ниной, – ответил я.

– Ну так это же у тебя, – злобно фыркнул он.

– А кто ее привел, а? – не менее злобно зарычал я.

– Мне так хочется видеть этого третейского судью, – заныл дрожа на ветру Терентьевич, – примерно так, как мертвому хочется секса.

– Так что, ты бросаешь меня? – окончательно психанул я.

– Ну пошли, где она будет ждать?

– Здесь, возле стоянки, – кивнул я в сторону машин.

Через несколько минут мы замерзли до ломоты в суставах.

– Ну где же она? – заныл задубевший Терентьевич.

– Девушка, милая, который час? – жалобно спросил он у появившейся из подъезда пожилой женщины.

– Так уже пол седьмого, значит не придет, – объявил он.

– Вспомнил, – я хлопнул себя по лбу. – Не возле стоянки, а возле заправки.

– Ой, куда переться, – чуть не заплакал Терентьевич.

– Пошли, – потащил я его за рукав.

Мы зашли за дом и направились в сторону трассы. Она стояла там, посиневшая от холода, но прямая, гордая и трезвая.

– Здравствуйте, мальчики, – улыбнулась наша судья. – Все еще пьяненькие?

– Ага, – честно признались мы.

– Впрочем так, сегодня понедельник, поэтому продолжаем гулять, – объявила она. – Я тут недалеко видела китайский ресторанчик, ну что, на разведку?

Возвращаясь в сумасшедший дом не хотелось и мы согласились. Пойманная судьей машина лихо подкатилась к ресторанчику. Он оказался довольно таки симпатичный. Мы выбрали столик в углу и упали на стулья. Судя по всему, нашей новой знакомой было тоже не очень хорошо, хотя она и держалась. Меню было обычным.

– А где же китайские блюда? – спросил я у молоденькой официантки.

И тут же получил другое меню. Немного попугав ее знанием китайских блюд я сделал заказ.

– А где же китайцы? – строго спросил Терентьевич.

– Все китайцы работают на кухне, – ответила девушка.

На столике появилась китайская водка и Шампанское. Мы налили себе по полному бокалу водки, а даме Шампанского.

– Ну вы и даете, – искренне удивилась Нина.

Нам принесли заказ, ресторан начал неспеша заполняться людьми. Терентьевича вдруг пробило на стихи собственного сочинения, которые он начал громко читать забравшись на стул.

– Тихе, тихе, – жалобно прошептал адвокат. – Меня почти весь город знает.

– А нас знает весь город, – громко и гордо со своего стула объявил Шура.

В зале появились китайцы, очевидно, они были студенты и пришли к другу повару, который подкармливал их. Он вышел в белом фартуке и колпаке. Азиаты сидели и о чем-то тихо разговаривали.

Я засмотрелся на женщину, которая так внезапно и жестко появилась в моей жизни. Прекрасно понимая, что это все не просто так. Она сидела опустив глаза и старалась мило улыбаться.

– Я не была сегодня на работе, – вдруг сказала она. – Ты одним движением изменил мою жизнь. Я не знала тебя, а уже ненавидела за секс, который в книге.

– Ты замужем? – спросил я.

– С сегодняшнего дня уже нет, – ответила она.

– Как это? – не понял я.

– А так, по возвращению в квартиру в ней останется только моя дочь.

– Не хрена ж себе, – вырвалось у меня. – И что, так будет?

– Конечно, – ответила она.

– И зачем тебе это? – поинтересовался я.

– А какой смысл жить с неинтересным человеком? Я и так долго терпела его.

– Муж какой по счету?

– Второй.

– Понятно.

– А что понятно? – спросила Нина.

– Все, – ответил я и снова налил себе водки.

– Слушай, Нинка, будь человеком, скажи правду, сколько у тебя вставных зубов? – спросил внезапно пришедший в себя Терентьевич.

– Ну, несколько с боку, – с круглыми глазами от удивления и испуга ответила та.

– А с какого боку? – пытаюсь дотянуться к бутылке продолжал Шура.

– С левого, – ответила адвокат. – Впрочем, Саша, в чем дело? – наконец-то опомнилась женщина.

– А спереди что, свои? – поразился Терентьевич.

– Ну конечно же, – возмутилась она.

Зубы у нее были действительно красивые.

– Ух ты, а я думал и верхние и нижние – вставные, – удрученно отопырил губу мой издатель.

– Немедленно прекратите, – приказала судья.

“Да, – подумал я. – Шура ее не взлюбил по-серьезному”. Да и вообще у моего издателя было какое-то необъяснимое чутье на глобальные неприятности. В данный момент, будучи сильно пьяным, он от этого чутья озверел.

– Глупый какой-то твой друг, – полностью прийдя в себя сказала Нина.

– Влюбился в тебя, наверное, – ответил я.

– Ой, – поморщилась она, но вдруг глаза судьи снова округлились.

Терентьевич уже по серьезному приставал к китайцам, толкая их и распивая их же водку.

– Что, – начитавшись неоконченной второй книги орал он. – Не знаете, что такое Ло ган кун бай?

Откуда им было знать, тем более это по-дунгански.

– Может еще и не знаете, что сейчас в вашей поганой забегаловке сидит настоящий Сифу?

Услышав слово “Учитель”, китайцы слегка засуетились. Я сделал такое страшное лицо, что Терентьевич обернулся. Разглядев мою жуткую гримасу он подошел к нашему столику и сел прямо на него с самым невинным видом. Но китайцев он все же достал, они толпой направились к нам. Мне очень надоели всякие проблемы и я сделал чисто азиатский ход.

– Все настоящие китайцы, – громко объявил я, – живут в Китае.

Это не могло дать осечки. Китайцы, стыдливо опустив головы, быстро вышли из рестораника. Наша публика, давно растерявшая все остатки патриотизма, открыв рты и ничего не понимая смотрела на нас.

– Ребята, тише, – прошептал несчастный адвокат. – Мои ученики зашли.

Вот тут-то у нас, при слове “ученики”, с Терентьевичем и случился психоз. Мы стали перед судьей на колени и запели гимн, который когда-то придумали сами.

– Лишь солнце восходит над речкой Хуанхе, китайцы на поле иду-у-ут, по горсточке риса зажали в руке и Мао портреты несу-у-ут, – усердно выводили мы, пытаясь воспроизвести китайский акцент и металлическую музыку.

Бедная женщина даже не пыталась убежать, она сидела за столиком, закрыв ладонями лицо.

– Видишь, Шура, ошибаться в решении человеческих судеб можно – это даже не стыдно. А когда два молодых, красивых, да еще и половозрелых юноши, стоя на коленях поют гимн в честь справедливости – это плохо.

Нина выскочила из-за стола и подхватив нас под руки с необыкновенной силой выволокла из ресторана.

– Смотри, Серега, заботится, – пробормотал слабеющий на глазах Терентьевич.

Снилась Немизида, слепая дура, от которой уворачивался, как мог. Она скрежетала зубами и махала своим спартанским ножиком во все стороны. “Вот дурная баба”, – злился я. Потом она схватила меня за плечи и начала трясти как сито. Я вырвался, хрипел, отбивался от злой тетки, сучил ногами и вдруг проснулся. У грузина были уставшие и испуганные глаза, в руках моя книга.

– Где Шура? – прохрипел я.

– Не знаю, – почти заплакал Кашия.

– А я как появился?

– Нина Сергеевна тебя привезла, – сказал Олеги.

Если у горца наши проблемы вызвали скупые слезы, значит – мы есть, и когда-нибудь скажут, что мы были. Вот так мне хотелось верить.

– Ну чего же они хотят? – кипятился сын диких гор. – Зачем тебя мучают? Из-за чего же все это?

– Хочешь, все объясню? – в тысячный раз за наше пятнадцатилетнее знакомство предложил я. – Жил был один очень мудрый суфий по имени Ходжа Насреддин.

– Ну, знаю такого, – перебил меня грузин.

– Лично? – сердито поинтересовался я.

– Все, молчу-молчу, – замахал руками Олеги.

– Так вот, – продолжал я. – Пришел он однажды домой, уставший от своих мудрых дел. Жена его накормила, приласкала и спать уложила. И тут – на тебе, среди ночи на их улице какие-то крики, драка. Жена еле разбудила своего мудрого мужа, уставшего за день. Он конечно сопротивлялся как мог и долго не просыпался. Когда проснулся, она пожаловалась, что эти вопли спать ей мешают, да и интересно: отчего люди так кричат, дубася друг друга. А что ему стоит узнать причину и успокоить их, ведь он ни кто-нибудь, а сам Ходжа Насреддин. Заспанный суфий, не одеваясь, завернулся в одеяло, и вышел к шумящей толпе. Подойдя к дерущимся он стал объяснять им, что все люди должны жить в мире. За эту известную всем мудрость сразу же был бит, вывален в пыли и оставлен без одеяла. Увидев грязного и голого мужа, жена ахнула и спросила: “Из-за чего все-таки люди дрались?”. “По-моему, это все было из-за моего одеяла”, – расстроено вздохнул суфий и снова завалился спать.

Грузин долго молчал, ковыряясь в затылке.

– А ты знаешь, что все скоро придут? – ехидно хмыкнул он.

– Знаю, – ответил я. – Ну так скажи, чтобы приходили через девять дней.

– В смысле? – не понял Олеги.

– Скажи им, что Анатолевич умер, – предложил я.

Грузин засмеялся.

– Ну не пусти, придумай что-нибудь.

Олеги снова надолго задумался.

– Нет, почему-то не могу, – удивился он своему решению.

– А я тем более. Вот так, грузинище. Мне стук в двери даже снится. Сперва это смешило, а сейчас страшно.

– Знаю, – ответил грузин. – Татьяна когда уходила, рассказывала, что последнее время, если спишь, через каждые пятнадцать минут вскакиваешь и идешь открывать.

– Да, Олеги, вот так за эту книжечку и расплачиваюсь.

– Вторую очень хочется, – заявил грузин. – Вот только про суфия твоего все равно ничего не понял.

– Ты первую дочитай, может поймешь, – ответил я и снова заснул.

Так началась одна из самых сильных волн безумия,

Людской поток захлестнул с головой, не давая даже на мгновение придти в себя. Пошла вторая неделя, а люди шли без остановки. Неделя без сна, в бесконечных и бессмысленных разговорах. Я разговаривал, поражаясь, почему не в силах разогнать всех и отоспаться. Олеги несколько дней назад взявшись за голову и ничего не говоря выскочил из моего корабля. Это было лучшее из его решений, иначе грузин попросту сошел бы с ума. Япил с проходящими, чувствовал, как теряю силы вместе со здоровьем и удивлялся, почему не могу из всего этого вырваться.

Однажды, придя в себя, я увидел, что сплю сидя, оперевшись спиной о холодную стену. В комнате было пусто, один только Терентьевич с глазами полными грусти.

– Ух ты, – поразился я окружающей тишине и пустоте.

Ноги затекли, а спина, казалось, не отогреется никогда.

– Я сижу возле тебя уже двое суток, – объявил мой издатель.

– Слушай, а как ты всех разогнал? – спросил я.

– Да они просто были испуганы. Ты застыл как изваяние и ни на что не реагировал. Правда, нашлась одна, которая начала доказывать, что я здесь никто и права не имею распоряжаться. Но ничего, справился, вместе с более сознательными, – объяснил Шура.

– Слушай, ты хоть никого не обидел? – испугался я.

– Ну вот, началось, – невесело расмялся он. – Пойди на себя в зеркало посмотри, чудовище безотказное.

Я с трудом встал и поковылял в ванную. Зрелище действительно было мерзкое. В зеркале отразились безумные глаза, длинные нечесанные волосы, впавшие небритые щеки, заострившийся нос и сухие потрескавшиеся губы. Из зеркала выглядывало совершенно дикое существо, отдаленно напоминающее меня.

– Ну как? – поинтересовался Терентьевич.

– Да живой пока, – махнул я рукой. – Вот только, что-то мне плохо.

– А когда ты последний раз ел? – хмыкнул Шура.

– Действительно, давно, – вспомнил я.

– Они же сволочи очередь тут устроили. Придут, выпьют с тобой, и давай задавать вопросы, а в подъезде следующие дожидаются. И хоть бы один нормальный, а то – все дебилы, – совсем озверел издатель.

– Прекрати, Саша, – разозлился я. – Это люди, у них свои проблемы, вдруг здесь они находят решения.

– Придурок, – заорал Терентьевич так, что задрожала настольная лампа. – Обозначиться и менталитет свой почухать они приходят, а ты, урод, стелешься, как скатерть-самобранка. Убью сейчас, скотина, – и в руках у издателя появился Школьный меч.

– Давай, – засмеялся я. – Всю жизнь мечтаю быть жертвой на халяву. Так и слышу как все говорят, что я, бедненький, столько мог написать, уже был почти гений, а тут появился подлый и жестокий убийца, прикинувшийся издателем. Сперва тормозил выход книг, а потом взял и кокнул.

Выпитая бутылка дешевого вина, которую притащил Шура, забросила нас в тревожный сон.

– Кстати, Серый, я когда всех разгонял, то одна красавица заявила, что все равно будет стоять в подъезде до последнего, – еле продрав глаза сказал Терентьевич. – Проверим?

Мое состояние было настолько отвратительно, что я даже не прореагировал. Через какое-то время перед моими глазами вырисовалось слегка размытое видение.

Золотые кудряшки, сморщенный, очевидно от жалости ко мне, острый носик и уводящие в никуда глаза. Сделав усилие для наведения резкости я увидел, что глаза синие – как кобальт, а под носиком – маленький розовый бантик.

Я захотел улыбнуться, но опять куда-то провалился.

– Сергей Анатольевич, Сергей Анатольевич, – услышал я голос издалека и снова увидел ее. – Ну идемте же, – тянул меня за руку кудрявый ангел. – Мужчина вы или нет?

Перед глазами тускло заблестела полная ванна, ангелочек тоненькими ручками стащил с меня футболку, а потом и все остальное. Блаженство от теплой воды и поддерживающих голову душистых рученок, я начал медленно приходить в себя.

– Серый, она там с тобой ничего не сделала? – с заботливым ехидством пробубнил за дверью Терентьевич.

– Молчи, несчастный, – сладко потягиваясь ответил я издалека. – Залазь ко мне, – приказал я ангелочку и он не посмел откатиться.

Белая девочка колыхалась надо мной как соломинка, за которую хотелось ухватиться, но я вспомнил, что в ванной, и что утопающий хватается даже за бритву.

Уже целых полчаса тоненькие пальчики разминали и терли мое измученное тело, лежащее на татами. Где-то, почти в другом мире, Терентьевич тархтел чайником, а я балдел и балдел.

“Прекрасно, – думал я, – что в этом мире есть понимающие и добрые люди”. Да и кто кроме женщины способен понять и по-матерински пожалеть.

Но вдруг увидел сияние розовых коленок и то, что ангелочек в моей любимой черной рубашке. Но возмутиться не успел, она белой пивявкой скользнула по моему телу и, выдохнув на меня силу молодости, начала целовать в шею. “Наверное, ее нужно отог-

нать”, – подумал я, почему-то совершенно не сопротивляясь. Обглодав меня она выбежала из комнаты. Передо мной с подносом появился Шура.

– А вот и чай приехал, – торжественно и печально объявил он.

“Бедный Терентьевич, – подумал я. – Зачем ты взял на себя все это, неужели в этой жизни ты должен тащить сумашедшего передатчика?” Но вдруг так возненавидел его за все будущие книги, что с криком стиснул ладонями внезапно занывшие виски.

Прошла почти неделя, и тут снова появился мой издатель.

– Что это? – ужаснулся он.

По комнате бегало маленькое кудрявое существо лет пяти, совершенно невменяемое и к тому же точная копия наглого ангела. Терентьевич долго с открытым ртом смотрел на все это и вдруг истерически расхохотался. Так мерзко и громко ржать мог только он.

– Это чей, неужели твой? – наконец-то заткнувшись спросил Шура. – Это ж надо, за неделю такого крупного сварганил. А ну, вон на хрен все отсюда.

Ангел, схватив за руку маленькое чудовище, испарился вместе с ним.

– Спасибо, родной, – поблагодарил я. – Ты спас меня еще и от мужа.

– Все понимаю, – пробормотал Терентьевич, – но вот почему есть моменты, когда ты не можешь избавиться от ненужного, не пойму?

И все-таки спасибо Создателю, что есть такие понимающие как Шура. История очень простая, но в тот момент она могла меня доконать.

У ангела был муж-алкоголик, после рождения ребенка запил буквально насмерть. Родители кодировали и к бабкам возили – бесполезно, он всегда находил спиртное, а потом искали его. Впрочем, это и так понятно, ведь вылечить нельзя двоих: мертвого и того, кто не хочет. Можно себе представить как все это надоело его молодой жене. Может она и пришла ко мне как к последней надежде, ну и не устояла. Вот только ребенка негде было оставить. А я, оттого, что ничем не могу помочь, не мог и выгнать.

– Вот все-таки сука конченная, – не выдержал Терентьевич, разглядывая бардак в комнате и разбросанные по полу десятки разломанных редких безделушек, которые я собирал всю свою сознательную жизнь.

– В зеркало хочешь посмотреть?

– Не хочу, – ответил я.

Несколько дней Терентьевич как мог отмахивался от прибывающей волны людей. Часто вваливался в квартиру пьяный в дребез-

ги, но как настоящий герой-пограничник еще никого не пропустил. Я потихоньку отходил, а он чернел и доходил.

– Все, не могу, – заползая в комнату простонал Шура. – Допрыгались мы с тобой, да и жрать больше нечего.

В дверь постучали.

– Убью, – шатаясь заорал Шура и рванул дверную ручку на себя.

И вдруг нежный, поставленный голос: “Ну что, мальчики, болеем?” Бананы, соки и взрослая, сорокашестилетняя, умная женщина, взявшая инициативу в свои умелые руки. Руки теплые, с длинными и, как тогда показалось, ничего не требующими пальцами.

– Чем же помочь тебе, малыши? – уже в который раз спрашивала она. – Я ведь все понимаю и вижу как тебе тяжело.

– Помоги, – попросил я впервые в жизни. – Мне нужно дописать о Фу Шине. “Она может, ну чего ей стоит, – думал я. – Умная, богатая и понимающая”.

– Хорошо, – просто ответила Нина. – Я завтра еду в Верховный Суд и думаю, что у тебя в Киеве тоже найдутся дела.

– Вот-вот, – обрадовался Шура, – как раз зайдешь к Евгении Анатольевне. Думаю, она тебе обрадуется. Развеешься, а то в издательстве автора ни разу не видели. Кстати, ей больше всех и понравилась твоя книга, а это ни кто-нибудь, а мать генерального директора – маман.

ГЛАВА 12

И снова, уже в который раз мой биотелевизор показывает восход, похожий на умирающую собаку.

Время бежит и после прихода двухтысячного в город не спеша, как бы чего-то боясь прокрадывается весна. Еще немного и ей обрадуются птицы, собаки и бомжи. Для обычных, вечно спешащих людей, ничего не происходит. До откровенной будоражающей и воспаленной еще далеко.

В дверь постучали, пришел Терентьевич с двумя мерзко вопящими тетками. Они оказались реэлтэрами. Тетки набросились на меня и стали крича что-то доказывать, считать, тыкая пальцами в мою задрипаную дверь и текущие краны. Пришлось заорать еще громче чем они и объяснить, что всем этим занимается мой драгоценный издатель. Убедившись, что опешившие тетки все поняли я снова закрылся на кухне.

Ясное утро, холодно, открытая форточка, потому что в нее вливается едва заметная весна. Этой весной мне стукнет сорок, распутье, распытье, начало.

Я прощаюсь со своим биотелевизором, который пятнадцать лет показывал деревья, растущие из асфальта, летающих над ними птиц, собак, бегающих под черными ветками зимой и под зелеными летом, людей, спешащих с почты и на почту, кладбище, горизонт, восход и закат. Все, он больше не будет показывать, как весна высасывает почки из черных, заснувших на зиму ветвей.

Все, мой старый космический корабль готовится к приземлению.

Из глубины памяти снова появляется Лабиринт Дракона. Самый прямой путь в этом мире называется лабиринтом. Я был в нем два раза. Первый раз с трудом описал в первой книге, застывая от страха, что в него не поверят и потечет он по прилавкам книжных магазинов, смешиваясь с остальным фэнтэзи. Сейчас уже боюсь только того, что его не поймут. Но мой удел крошечный до смешного – писать, а потом со страхом ждать очередного града камней. Я был в Лабиринте два раза, и если кому-то станет нужен первый, найдите первую книгу.

О Лабиринте почему-то невозможно повторяться. Первый раз живые письмена, высеченные на сером граните каменной книги, расшифровали шестерку – священное число Школы Дракона. Второй раз был прост и величествен.

В дверь постучали, за утро уже второй раз, за две с половиной книги привык, что о лабиринте и Учителях писать не просто. За свастикой, охраняющей мой корабль, стояла улыбающаяся жена.

– Ну как дела? – спросила она, поставив сумку на кухонный стол возле компьютера.

– Пишу, – коротко ответил я.

– У тебя скоро День рождения, – зачем-то напомнила Татьяна.

Я кивнул в знак согласия.

– Значит так, – наконец-то решила она. – Завтра мы поедем смотреть дом, который я нашла вместо этого сумасшедшего корабля. Думаю, там тебя не скоро найдут и у всех нас будет возможность отдохнуть.

Вот так, сумасшедший корабль. Кто способен такое сказать об огромном промежутке жизни, который столько дал и столькому научил? Милые женщины, как вы, порою, все же бываете страшны и смешны в своей необдуманной женственности. Подобное можно подумать, но сказать – это ошибиться.

Пытаясь намеренно обидеть кого то, мы выглядим очень жалкими. Пытаясь обидеть близкого, мы становимся чудовищами, пожирающими самих себя, чудовищами, которые вдруг останавливаются, выпучив глаза от боли. Человечество еще не придумало от этого наркоза.

Я постарался не применять силу слова и постарался, чтобы ей не стало больно.

– У кого, у нас? – поинтересовался я.

– У вас, Сергей Анатольевич, у вашего Александра Терентьевича и у вашей Олечки, – сузив круглые глаза ответила Татьяна.

– А у вас? – еще более ехидно спросил я.

– И у меня.

– Поздравляю всех их, моих, вас, вроде как тоже нашу, и себя, вашего, а значит нас всех, – торжественно объявил я.

– Я рада, – зачем-то сказала жена.

– А я рад, что ты рада, от того, что я рад, – не выдержал я. – Только вот никуда я не поеду, потому, что слепо доверяю тебе.

– Хочешь, чтобы потом я была виновата? – начала заводиться жена.

– Ну представь себе, девочка, ехать из Усурийской тайги в твое задрипанное село для того, чтобы посмотреть обычный дом. Не

могла же ты специально выбрать какую-то дрянь, а денег как раз на средний дом.

– Какая тайга? – не поняла Татьяна.

– Сейчас я пишу о своем Учителе, – терпеливо объяснил я.

Немного пофыркав и не найдя к чему придраться, жена исчезла, оставив меня голодного, уставшего, но наедине с Усурийской тайгой.

Как порою хочется отбросить эту третью книгу и заново написать первую и вторую. Это будет преследовать всю жизнь, ведь каждый раз вспоминаешь и понимаешь все более ясно. Может быть в этой, а может быть в следующей жизни я снова подойду к воспоминаниям о безумии и невежестве, которые в нас порожают хамского зверя.

От теплой шкуры меня оторвал жесткий толчек в бок. Рядом стоял человек, который когда-то спас меня и подарил Учителя – это был мастер Юнг.

– Вставай, Серега, – усмехнулся он. – Учитель ушел этой ночью, а мы будем готовиться к лабиринту.

Недели голодания в тесной земляной норе, изучение древних иероглифов и упражнений, которые должны не дать погибнуть в лабиринте. Это был мой первый раз. Входящий впервые, должен омыть руки кровью врага и от этого правила лабиринта никуда не денешься. Мне повезло, я попал в войну и благодаря ей в лабиринт. Пусть первый раз останется в первой книге, ведь был и второй.

Ням не менялся, хотя я знал его уже двадцать лет. Разве мог я не приехать третий раз, если все-таки сумел передать его привет Фу Шину. Я пал ниц, уткнувшись лицом в траву возле ног Учителя.

– Ну-ну, – тихо рассмеялся он, шлепнув меня по затылку. – Вставай, Серега, не заставляй нагибаться старика.

На этот раз община была живая, молодые монахи суетились, пытаясь постичь истину. И кто из них понимал, что невозможно понять непостижимое, невозможно увидеть того, чего хочешь, ведь хочешь всегда того, чего нет, тот начинал понимать окружающее, а значит самого себя. Поняв окружающее начинаешь понимать самого себя, поняв самого себя – понимаешь окружающее.

Это не знание, а понимание, прошедшее через законы Школы. Знать – значит забыть, понимать – значит иметь.

В общине было много молодых монахов и от того, что это правило понимало столько юных голов, временами становилось радостно.

– Ученики, – обратился к работающим на станках монахам Ням. – Кто срзится с чужаком?

Желающих оказалось вполне достаточно. Бойцы были молодые и совершенно не страшные. Учитель захотел немного развлечься и заодно посмотреть на меня. Мы работали ладонями по голове и кулаками по корпусу, поэтому у нескольких молодых и легких корейчат на стриженных головах выросли большие, горящие красным пламенем уши. Они злились, нападали, но мой двадцатилетний опыт, хоть и изрядно подпорченный городом, все же был опытом.

– Хек, – громко засмеявшись хлопнул в ладоши Учитель, бой прекратился.

– К Дракону пойдешь? – вдруг без вступления спросил Ням.

Я снова рухнул в ноги Учителю. И сразу понял, что даже не успел подумать об этикете, это сила энергии, идущая от Лабиринта, сбила с ног. Идти к Дракону – это означало еще одну встречу со священным Лабиринтом.

– Жди Юнга, – удаляясь приказал Учитель.

Я бродил по общине разглядывая и вспоминая ушедшую юность.

Новые станки, новые люди и, как всегда, сосредоточенные и добрые лица. Может быть в чем-то и ошибался, разглядывая монахов, город еще не выветрился из моей головы и неумолимо искажал окружающее.

Шел мой второй день в общине, только что была первая встреча с Нямом и вдруг Лабиринт. “Неужели заслужил?”, – несмотря на горящее над головой солнце меня стал бить озноб.

Высокая земляная насыпь, поросшая соснами, прорезана длинным тоннелем, выложенным изнутри обтесанными бревнами. Моя келия была пустой и всегда ждущей, единственное место на Земле, оставленное навсегда за мной. В эту маленькую комнату меня, измученного и напуганного жизнью, привел когда-то Юнг.

Мне неудержимо захотелось выскочить из тоннеля и найти Няма, пока он не исчез, как умел это делать. Захотелось упасть в ноги и умолять, что б оставил в общине навсегда. Но я удержался, потому, что Учитель никогда не запрещал остаться, он только спрашивал, уверен ли я, что не нужен там, откуда пришел?

День прошел, наевшись вместе с молодыми монахами до отвала, я вернулся в свою келию. Вот оно место, где никто не потревожит, не постучит и не станет бесконечно давить в уставшую кнопку звонка.

Я вспомнил кнопки в своем лифте. Это был особенный лифт, в нем отсутствовала одна цифра. Между шестеркой и восьмеркой сверкал пустой металлический кружок, за пятнадцать лет вобрав-

ший в себя тепло разных рук. Магический знак, выбитый на металле, был стерт мягкими человеческими пальцами.

Впереди теплая ночь. Я знал, что маленькая комната в полной тишине и спокойствии забросит в какое-нибудь состояние. Шкура, брошенная на жесткую циновку начала растворяться. Чернота вспыхнула яркими звездами и я стал медленно падать вниз.

Внезапно в мозгу вспыхнула мысль об убийстве. Я четко осознал, что первого врага, с которым нужно было сразиться, рискуя собой и Юнгом, на меня вывел Учитель. Но первая жизнь, которую оборвал, никогда меня почему-то не тревожила, так же как и другие. Я даже описал это в книге “Рецепт от безумия”.

Ученики ни разу не спрашивали, очевидно приняв книгу, другие просто ничего не спрашивали. Странно, но этот эпизод никогда никем не обсуждался, как будто его и не было. Был только раз, когда один из журналистов, вдруг громко вдохнул и на выдохе у него вырвалось: “Ух, сколько крови и это дымящееся мясо, вот это вы выдали”. Вспоминая, я понял, что в нем что-то взорвалось, Больше ничего подобного не было, а во мне после тех боев не осталось даже памяти.

Не знаю почему ко мне пришли эти мысли, наверное потому, что ошибки прошлого ранят в самое сердце. Значит это не было ошибкой, но ведь любое убийство на Земле – ошибка.

Любая причиненная боль, даже чужому человеку, ранила и незаживала. Не говоря уже о близких. Я причинил много боли и матери, и жене, и Терентьевичу, и даже Олечке. Конечно, легче было не причинять, но почему-то не получалось. Все это мучило по ночам, мешало входить в нужные состояния и даже доводило до слез. Из-за этого я всех сперва смущал, а потом замучивал извинениями, доходящими чуть ли не до требований немедленно стать счастливыми.

Убийства перед Лабиринтом Дракона не задержались, не оставили даже крошечной зазубренки на моем беспокойном сердце.

Перед глазами начали появляться подробности прошедшего времени.

Несколько недель в землянке с Кимом и иногда приходящим Юнгом мы учили упражнения и разбирали древние иероглифы.

Юнг часто в поединках жестко избивал меня и, когда я валился без сил, закрывал своей ладонью мое лицо, не давая дышать. Он требовал, что бы я дышал телом и разговаривал с ним у себя внутри. “Говори не про себя, а в себе”, – требовал Юнг.

Потом мы пошли к Учителю. Шли по ночам, Юнг учил нас с Кимом идти в темноте. В период войны молодой монах Ким понял, что он воин. Мы шли в темноте, которая постепенно исчезала, она

становилась серой и прозрачной. Дыхание для глаз оправдывало себя. Снег под Юнгом не скрипел, у меня иногда срывался на треск, Ким шел со звуком. Мне показалось, что он идет один. И тут я вдруг заговорил в себе.

– Юнг, – позвал я мастера.

– Наконец-то. – отозвался он.

– Юнг, ты видишь, что Ким не готов к войне?

– Нет, я слепой, – раздраженно ответил мастер.

– Что же делать? – спросил я.

– Главное, что он делает все правильно. Говоришь не готов? Скажи ему это.

Я понял, что не смогу, и понял, что мой мозг как радиостанция вышел на волну, которой пользуются в общине мастера.

Кима убили этой же ночью.

С Нямом мы встретились следующим вечером. Он был с несколькими старыми мастерами. Все вместе переночевали в землянке.

Наутро выпал свежий снег. Я задумался о чае для мастеров и вдруг увидел троих. Они были чужие. Дротик со свистом разрезал ткань Школьной формы, не задев моего тела. Один из японцев четким шагом направился ко мне. Весь мир вдруг оказался на его коротком и широком мече – Лепестке лотоса. Я попытался и упал, увидев, что Учитель и мастера молча наблюдают за происходящим. Я громко закричал, страх переполнил меня. Я вскочил готовый бежать от смерти. Но вдруг заболела правая рука, мой взгляд упал на нее. Вместо руки оказалась с кривыми когтями и блестящей зеленой чешуей лапа дракона. Именно такой я всегда представлял ее.

– Чего орешь? – услышал я голос Юнга внутри себя.

– Да так, с дыхания сбился, – ответил я.

– Бывает, – согласился мастер.

Я выиграл бой, остальных двоих Юнг взял на себя.

В маленькой келье, которая вместила бесконечные звезды я понял, что это был какой-то ритуал. Наверное, посвящение, для того, чтобы принял Лабиринт. Даже в этой тайной войне враждующие Школы не забывали о учениках.

Потом долгий переход, невидимый не посвященному путь, ведущий к Лабиринту. Больше всего меня удивило и на мгновение загло искру ревности то, что в общине, которая разбросана по всей тайге, были еще двое, пробирающиеся к священному месту, Саша и Юра.

Перед лабиринтом произошло еще одно нападение. Это уже был не ритуал, а обычная война. Тогда я не обратил внимание на свои руки. Но после Лабиринта Дракона произошло нечто.

Нас встречали братья по общине.

Лабиринт принял нас на пять суток, без еды и воды. Каждый в своей гранитной келье получал предназначенные для него знания. Но их еще нужно было суметь взять. Не знаю как другие, но я был почти уверен, что не смогу выйти из своей гранитной комнаты. Успокаивала только одна мысль: “Где-то рядом Учитель”. Через пять суток мы вышли, ослабленные до предела, мое тело почти не слушалось, полученная информация безжалостно рвала мозг.

Нас встретили с подчеркнутым почтением, ведь мы вынесли в мир частицу Верховного Дракона.

Нападение было внезапным. Людей в незнакомой форме гораздо больше нас. Братья по общине умирали на глазах, а мы, сидя на камнях, ничем не могли помочь. Я плача ел сладкий снег, больно обжигаящий засохшие и потрескавшиеся губы. Я был уверен, что в этой жизни знания, даденные священным Лабиринтом, уже не понадобятся.

И вдруг звук, от которого едва не остановилось сердце. Вибрация, коснувшаяся всего окружающего: сердца воинов горящих в огне смертельного боя, величественно затаившихся на зиму серых деревьев, острых камней, снежных кристаллов и даже холодного темно-синего неба. Не знаю, что тогда случилось с моим восполненным мозгом, но именно так я все увидел.

Это не мучит меня по ночам, но если захочу, память может воспроизвести поразительные подробности, включая и то, что было в Лабиринте.

Потом я увидел огромное чудовище – Дракона, стоящего на задних лапах и опирающегося на хвост, на его плечах была человеческая голова с длинными седыми волосами. Дракон вздрогнул и повернулся ко мне лицом Учителя с блуждающим взглядом. Я понял, что Ням контролирует себя с трудом.

Страх ударил в голову, а запах крови, смешаной со снегом, по пустому желудку. Мозг, пытаясь спасти меня, отключился.

Открыв глаза я увидел рядом улыбающегося Няма. Он сохранил частицу Лабиринта, с трудом вынесенную на Землю.

Той ночью в своей маленькой келье я понял, что только после Лабиринта отважился писать свои книги.

И понял, чем еще человек отличается от животного. Ведь только человек способен жертвовать собой. Животное убивает во имя себя. Убийство – одна из самых тяжелых жертв на Земле.

Подо мной внезапно снова появилась мягкая шкура. Тигриная, понял я. Она медленно опустила меня между древними сухими скалами.

Сколько же времени я знал эту легенду? Ее мне рассказывал Учитель. Знать и не понимать, держать и не иметь, есть и не насы-

щаться, пить, умирая от жажды, любить и быть в одиночестве. Быть глухим, слушая о великом даосе – Учителе Учителей.

В городе начался переполох. Жадные торгаши бросали свои бамбуковые прилавки и даже старуха Лян, едва сводившая концы с концами, забыв о своем жалком хозяйстве, с визгом улепетьвала, подобрав выше колен лохмотья. Когда протяжный звук монашеского посоха повторился, базарная площадь уже была пустыней, в которой выросли прилавки с фруктами, овощами и рисом.

С закрывающихся горизонт гор спустился монах. У него не было ничего, кроме толстого бамбукового посоха, служившего голосом идущего и оружием против неприемлимых.

Монах был старый, но годы прибавляли ему силу. Он был из тех даосов, которые считали, что имеют право на убийство. Они освобождали несчастные души от мучающих их тел, вбирая чужую судьбу в свою. И сейчас ходят по земле даосы, которые столько делают для людей и будущих поколений, что убийство какого-нибудь негодяя, которого они определяют безошибочно, в их понимании равняется прихлопнутому назойливому комару.

Этих монахов называют Бессмертными.

Старик подошел к прилавку и начал медленно есть сырые овощи. Через время мертвый базар оживился радостными воплями, наполнившись неугомонной детворой. Забрав посох, дети лупили им друг друга, некоторым монах не дал поиграть своим посохом. И только когда они вдоволь наелись, бамбук попал в их руки.

Неделю назад монах насытился человеком, ему было приятно общение с маленькими людьми, ведь они так похожи на тех, которых задумал Создатель.

Старик шел на север неся в своем сердце то, что внезапно постиг в пещере, в которую ушел много лет назад. Ученики приносили постную еду, она не отвлекала от постижения.

И вдруг человек..

Монах жил в этом мире и понимал, что только сделав переход по земле он сможет поделить своим постижением с братом-воином, который тоже когда-то оставил суету. Монах шел на север. Сухие скалы, не птиц, не зверей. Старик почувствовал скорую смерть, ведь он на земле и пища должна быть земная, хотя бы немного.

И вдруг одинокий путник, старик внимательно посмотрел ему в глаза, поклонился и вышел из своего плаща тигром. Насытившись он снова зашел в плащ и стал человеком.

Даосы не могли менять законы, но свободно менялись в них, никогда не нарушая сотворенного Создателем. Вот и освобождали странствующие монахи страдающие души из телесного ада, который мучил не только их, но и окружающих.

Попрощавшись с детьми и выходя из пустынного города старик, махнув посохом, убил одного из замешкавшихся горожан, ударившего этим утром ребенка.

Это одна из самых сложных и любимых мною легенд.

Лет десять назад мне подарили идеальной формы зуб кашалота, мечту многих резчиков миниатюрной скульптуры. Они всегда в поиске самого долговечного матерьяла. Из зуба родился величественный, в волшебном плаще, ушедший в свое состояние даос. Самой сложной задачей было воплотить его лицо. Мне хотелось, чтобы монах на века застыл в срединном состоянии. Лицо уже не человеческое, но еще и не тигриное. На это ушло три года. С зубом кашалота работал впервые, твердый и вязкий, несравнимый ни с чем. Гордость распирает меня, когда смотрю на Бессмертного в бессмертном материале, которого сделал своими руками. Никогда я еще не был так близок к таинственному даосу.

Солнечные лучи изгибаясь ухитрялись доставать даже мою келию. Надев Школьную форму я вышел из коридора. Вверху по синему пламени медленно плыли белые и прозрачные облака. Солнце стояло почти над головой и не жалея брасало свои лучи во все живое. На площадке со станками работал только один молодой монах, усердно избивая оцетиневшееся острыми кольями бревно.

Станки – прекрасное изобретение воинов. Партнера, ошибившись можно покалечить или убить, о станки, совершив ошибку, можно только убиться.

Остальных не было. Скорее всего утренняя тренировка закончилась и они побежали к океану. Монах остановился и я разговорился с ним, это было нелегко.

Разговорный язык забывается, а говорить в себе, молодой монах был еще не готов, по крайней мере со мной. Хотя чего он хочет и так было понятно. Кому будет приятно, если вчера несколько братьев по общине проиграли бой чужаку.

Разве мог я объяснить, что роднее общины у меня ничего нет. И то, что в моем сердце она живет уже двадцать лет. Монаху на вид было лет двадцать пять – это значит, что я, когда он еще только учился ходить, уже колотил по станкам на этой площадке.

Монах вдруг заговорил быстро и горячо и я вообще перестал понимать его.

И тут с большим опозданием понял, что сегодня придет Юнг, который должен отвести меня в Лабиринт Дракона. Он, конечно, придет, ведь так сказал Ням, но каким увидит меня? Сколько будет искреннего веселья из-за моей разбитой физиономии или полуманых ревер. Наконец-то у меня в голове прояснилось, возвы-

шенное и радостное состояние, навеянное приездом в общину улетучилось.

Рядом стоял молодой, сильный монах, который с утра до вечера как минимум уже несколько лет избивает станки. Стало ясно, он ждал пока я проснусь и хотел только одного – драться. Сразу возникло несколько вопросов: первый – по каким правилам, второй – насколько он невзлюбил меня и третий – насколько силен молодой воин. Мы были одни и неизвесно чем это могло закончиться.

Мне очень захотелось, чтобы Юнг появился прямо сейчас.

Поборов все эмоции я попытался оценить парня. Правильно все понял, он отошел на несколько шагов и уставился мне в глаза.

Передо мной стоял великолепно экземпляр молодого и полного сил воина, в просторных брюках с широким, поддерживающим брюшной пресс поясом. Верхней одежды на нем не было и то, что вырисовывалось над черным поясом, могло привести в уныние любого чемпиона. Казалось, что под загорелой и обветренной кожей его кости были обтянуты стальным тросом. Ни жира или хотя бы какой-то влаги, он казался сухим, как нагретый на солнце камень. Прежде всего, это означало скорость, которая на конце кулаков превращается в разрушительную силу.

Кулаки не были расплющены или еще как-то изуродованы. Они были небольших размеров, без мозолей и треугольные. А становятся они такими не от работы на станках, а от постоянной работы в паре. У парнишки очевидно был хороший спарринг-партнер.

Но больше всего мне не понравилась татуировка на его правом плече, в виде свернутого листа. Это означало, что молодой человек прошел систему под названием – “Кулак дракона”.

Я начал лихорадочно вспоминать, какую технику демонстрировал перед Нямом. Вспомнил, что больше валял дурака, и тут же понял, что те монахи были очень молодые и не такие свирепые. Я начал себя успокаивать. Если монах предложит первые правила боя, то все может обойтись, если вторые, то мне будет совсем плохо, о третьих думать не хотелось.

Казалось, что его свернутый листок, начинает сверлить мне мозг. И вдруг стало смешно, может мне тоже снять верх, подумал я. Вот уж парень повеселится, увидев на моем дряблом и животатом теле наколку в виде самого Ссаккиссо, символ мастера шестой степени, прошедшего смертельные поединки. Пока этот вундеркинд будет смеяться, я его и тресну куда-нибудь.

После этих мыслей меня начала распирает злоба. “Да, – подумал я. – Тебя бы, красавца со стальными мышцами и возвышенны-

ми идеями, в черный город. Тебе бы показать вместо деревянного станка, живую с дрожащими губами женщину и чтобы схватила она тебя за треугольные кулаки и заглянула своими бездонными глазами в твои, преданные Учителю и Создателю. Чтобы с тобой случилось, бедняга, после этого?” Мысли жужжали в голове, как сумасшедшие пчелы.

Внезапно стало обидно до слез, ведь здесь в общине я заработал свою степень с драконом на правом боку и в далеком городе старался как мог: писал книги, растил учеников, любил прекрасных женщин. Я почувствовал, что запросто могу разрыдаться из-за того, что передо мной стоял молодой наглец совершенно не задумываясь, почему я приехал к Учителю и кто я вообще такой. У него были честные и ясные глаза, гордый и независимый вид. Он стоял совершенно уверенный в себе, готовый побеждать, выставив вперед вытатуированный на плече Кулак дракона.

“Ну, тогда держись, – наконец-то решился я и смахнув набежавшую слезу от несправедливого отношения к себе, начал стягивать рубаху. – Сейчас ты получишь всего сполна, – подумал я”.

Для того, чтобы попасть в лабиринт с ясной головой и без переломов, пришлось использовать внутреннюю и внешнюю технику. Став к монаху левым боком я наконец-то сбросил верхнюю одежду и уперся в него взглядом. Парень сперва хмыкнул, а потом на мгновение задумался. Еще бы, мы были одного роста, но я килограмм на пятнадцать тяжелее, и вспомнил, наверное он, как Ням дружески хлопал меня по плечу.

Первый натиск монах выдержал легко. После чего выполнил этикет, который объяснял мне, что боец принадлежит Школе Дракона и поклонился перед боем. Это была моя хоть и незначительная, но все же победа. Она заключалась в том, что монах в этикете предложил первые правила боя. Они означали, что в голову можно бить только открытой ладонью, а по корпусу как угодно. Кулак дракона почему-то решил не пользоваться кулаками. Первые правила были не очень опасные и полностью запрещали добивание попльвшего соперника.

Пришло время второй атаки и я не спеша повернулся к нему правым боком. Узкие глаза парня широко открылись и начали вылазить из орбит в сторону моей татуировки. Я поклонился и стал в позицию, поклявшись себе больше не выходить из тоннеля в верхней одежде. На гордого воина было жалко смотреть, я пожалел, что сразу не показал правый бок, может обошлось бы без боя. Но он быстро пришел в себя и четко выдерживая шаг направился в мою сторону.

Монах дрался как последний раз в жизни, я даже сперва пожалел, что показал свой правый бок. Но через мгновение понял, что страх и уважение, вселившиеся в него, для меня большое подспорье. Парень оказался физически очень сильным, с бесконечным дыханием. Через минуту у меня закружилась голова, пропали резкость и слух. Я от всей души возненавидел этого молодого вундеркинда, пытающегося закрыть мне вход в Лабиринт.

Уже два раза приходилось принимать его чугунную ладонь на лобную кость, я не успевал за такой скоростью. “Это же он лупит меня с уважением”, – думал я, ненавидя себя за редкие тренировки в городе.

И тут получилось то, о чем мечтал более десяти лет. Боковой шаг дракона получился сам, очевидно монах все-таки сделал ошибку и освободил для него место. Никогда так чисто и красиво у меня не получалось. Мы дрались лицом к лицу на одной линии, из правосторонней стойки я шагнул левой ногой за свою спину. Вот и вся техника. Я оказался лицом в том же направлении, в котором он атаковал, но моя правая нога осталась на месте. Споткнувшись о нее парень всей мощью, которую направил на очередную атаку ударился лицом о твердую землю тренировочной площадки. Прождав несколько мгновений я понял, что он лежит без сознания.

Возле входа в туннель раздался знакомый возглас. Сощурившись, чтобы навести резкость, я увидел аплодирующего Юнга. Наткаясь на станки я подошел к мастеру и выполнил полный этикет признания.

– А попал ты на Чуна, Серега, – обнимая меня объяснил Югай.

– И кто этот Чун? – спросил я, растирая пульсирующую гематому на груди.

– Да есть тут один монах, которому я уже два года передаю из рук в руки.

– Ого! – обрадовался я, что легко отделался. – Два года из рук в руки – это серьезный боец.

– Серьезный, вот поэтому и не могу понять как ты с ним справился. Особенно если учесть твою теперешнюю готовность, – смерил меня взглядом Юнг.

Я не выдержал и все рассказал. Один из самых уважаемых мастеров в мире, правая рука Верховного Патриарха общины, рухнул на траву и хохотал без остановки несколько минут. Рядом молча стоял пришедший в себя и Чун.

– Ты понял, что такое шаг дракона? – отсмеявшись строго спросил у него Юнг.

– Понял, Учитель, – ответил монах и рухнул ниц.

– Ну, а теперь иди отмокай, – приказал ему мастер.

Парень вскочил и побежал в сторону океана.

– Еще и бегаешь, – искренне удивился Юнг. Потом, внимательно всмотревшись в мою гемотому, ахнул. – Внутренняя, – покачал головой он, – пошли смажу.

Перед входом в тоннель Юнг открыл маленький погребок и выбрал нужную мазь. Пульсация прекратилась почти сразу, я успокоился.

– Как зрение? – заботливо спросил Юнг.

– Уже налаживается.

– Иди полежи, а потом к океану на наше место.

Мазь начала действовать, приближалось приятное ощущение полного расслабления и сонливости. Я знал, что через несколько часов буду в отличной форме. Даже стало немного жаль моего недавнего соперника, ведь в его распоряжении были только упражнения и волны океана. “Ничего, в следующий раз будет думать”, – решил я и пошел в келью.

– Подъем, Серый, – услышал я голос мастера.

Глаза не разлипались, пальцы стали деревянными и с трудом сгибались.

– Да проснешся ли ты когда-нибудь? – Юнг начинал злиться.

– Сейчас, мастер, сейчас, – взмолился я.

Большим и указательным я сперва разлепил левый глаз, потом правый.

– Ты совсем плохой, – печально констатировал Юнг. – Чем ты занимался в городе?

– Слушай, – вдруг разозлился я. – А сколько раз ты был в городе?

– Бежим, – ответил он.

Мы бежали среди деревьев. Одни сосны – между ними нет кустов. Сосны всегда одни, они ничего не допускают вокруг себя кроме земли, смешанной с песком. И вот он – страшный, потому что бесконечный. Когда я гляжу на океан, мне кажется, что еще немного и он проглотит мир – огромная глотка, глотающая солнце. Гематома проходила, грудь стала черно-лиловой, болела сильно, но уже не пульсировала.

– Давай опустим солнце, – предложил Юнг.

Опустить солнце. На нашей земле миллионы монахов опускают солнце. Из города я попал на солнце. Опустить солнце – это помочь ему уйти за океан. Мы врезались коленями в песок. Мы опускали солнце, без нас оно опустилось бы и само, но мы помогали, зарывшись в песок коленями. И вот солнце коснулось великого океана.

Горизонт вспыхнул, залился кровавым огнем – нужно было устоять. Мозг залился яркой и душистой энергией. Устояли. Я покоился на Юнга – он медленно спокойно дышал. Я пытался дышать вместе с ним, что оказалось очень сложно. Солнце внезапно осветило все: и меня, и Юнга, и сосны, боящиеся подойти к океану, и белый песок.

Мы дышали, мы помогли глотнуть океану солнце. Мы, маленькие и слабые, но мы были перед Лабиринтом, мы верили в огромную силу, данную нам тысячи лет назад.

– Юнг, – сказал я. – Ну все, – посадили. Что дальше?

– Дальше Дракон.

– А что сейчас?

– А сейчас спать.

Я согласился. После солнца делать было нечего.

Келья приняла меня, а сон забрал. Скоро будет Лабиринт. Я помнил путь к Лабиринту, длинный тяжелый путь. Завтра, может быть с Нямом или Юнгом, а может с обоими, я зайду в длинные коридоры и они принесут мне новое. Меня кто-то дернул за ухо.

Открыв глаза я увидел Учителя, вскочив, ударился о потолок и сел. Няма засмеялся.

– Пойдем.

Яркие сосны, вся община, стоящая на коленях, долгий ритуал перед Лабиринтом. Страх ударил – я вспомнил первый Лабиринт. Теперь второй. Тогда была война.

Юнг, Учитель и я – вторая неделя пути. Спасибо Создателю, что не зима и не война. Смешанный лес, после которого какие-то каменные овраги, порода сухая и рыхлая, из нее сыпятся разных размеров молодые грязно-серые агаты. Большое и сложное растение, с редкими и хилыми кустами на камнях. Мы прошли место с невыросшими агатами, и снова смешанный лес, и снова дни, ведущие вперед.

И вот он – Лабиринт.

Из живой и влажной земли, когда-то очень давно появилась гранитная друза в два человеческих роста. Вход знает только Няма. В прошлый раз мы едва не отдали жизни за этот вход. Одна щель между кристаллами гранита, вторая, – они заканчивались ничем. Няма знал где единственная, после двух попыток он нашел вход. Учитель подошел ко мне, прижал к груди и вдруг отошел на шаг. Потом Юнг прижал к груди и тоже отошел. И тут, все поняв, я закричал, схватившись за голову.

– Нет, – вопил я, – Нет!

– Правым плечом вперед, – напомнил Няма.

Первый раз казалось, что километр. Но первый раз я был не один. Сейчас впереди казалась бесконечность. Город не добавил сил, лишний вес. Едва протискивался сквозь узкую щель. Темнота рассеялась – широкий гранитный коридор, ведущий вниз и в глубину. Отдышавшись, я сделал упражнение для видения в темноте. Километров пятнадцать просторный тоннель, может, больше. И вот он закончился.

Я зашел в гранитную залу, квадратную и величественную. Каждая стена метров пятьдесят. Впереди на стене вырезан и отполирован огромный барельеф Дракона – легендарный Ссак-киссо, он почему-то дрожал и был как живой. Под его когтиты-ми лапами вход в следующую залу. На левой и правой стороне по шесть небольших входов, чуть выше человеческого роста. Куда идти – я не знал.

Первый раз Ням показал келью, в которой я впитывал знания. В Лабиринте нас было шестеро. Я встретился с гранитной книгой, которую отдал своей первой бумажной книге.

Куда идти? Пошел прямо, прошлый раз туда уходил Учитель. И вдруг узнал свою комнату. Это было десять лет назад. Все равно вперед. Ведь Ням сказал: “Иди”. Почему же вы меня оставили, Мастера? Один лишь гранит. Снова, как и первый раз, тяжелое и непонятное состояние, все вязкое – и в глазах, и в мыслях.

Я переступил границу коридора, ведущего вперед. Темно, сел на колени, расправил плечи, глубоко вдохнул, выдохнул – это было первое упражнение. Стало совсем светло. После таких огромных размеров коридор Учителя был узкий, можно расставить руки и коснуться гладких шлифованных стен. Один шаг, второй – я пошел. Тяжело, но идти нужно, и я пошел.

Шел, не зная куда и зачем. Я шел, серые гладкие стены и вязкий страх. Он был осязаем, страх прилипал и с трудом обрывался. Можно идти бесконечно. Куда иду, зачем? Только подумал, только испугался и сразу какая-то грязь под ногами. Запах крови. Учитель говорил, что нужно идти. Уже по колени, по пояс. Пояс, грудь, горло – прошел. Появилась мысль, что иду внутри себя, внутри своих вен. Коридор с гладкими стенами и запахом крови. Иду, и ничего.

Куда? Ни холодно, ни темно, ни светло. Захотелось пить. Я подошел к стене и уткнулся в нее. Серая, не холодная, сухая. Я снова пошел вперед. Вниз и вниз. Ничего более – пустота и пустота. Я решил вернуться, нет – это демон, когда-то очень давно, после детства, поселившийся во мне. Хоть бы что-нибудь, лево или право.

Сколько шел – не знаю, начал теряться, мне снова захотелось пить. Вот и вода, тонкой змейкой текущая с потолка. Попил и снова вперед.

Вперед и вперед. Что это? Ничего, нет даже галлюцинаций, ничего. Только серый коридор. Тихий, холодный, серый, полусветящийся, и ничего. “Пятьдесят километров”, – сказал я себе и снова вперед. Какой смысл идти назад? Вперед? Вперед. Снова захотелось пить. Справа, как по заказу, медленно поползла вода, облизал серую стену – и снова вперед.

Я был один, и длинный бесконечный прямой тоннель, который почему-то назывался Лабиринтом. Прямо и прямо, почему Лабиринт? Я сел, сжал виски руками и задумался, может быть на тысячу лет.

– Сережа, Сережа, Сережа, – чей-то очень знакомый, давящийся хрипотой голос.

Издали, шатаюсь и спотыкаясь на каждом шаге, ко мне приближалось что-то лохматое, средних размеров. Внезапно меня охватил ниопикуемый ужас.

Я помнил себя с собачьей будки, с теплого и мягкого собачьего языка. Я узнал суку Тузика.

Она остановилась тяжело дыша и снова пошла, еле переставляя лапы. Шаг, еще шаг, дворняга сначала села в нескольких метрах от меня, потом в ее горле заклокотало и она легла, с неестественно повернутой головой.

Леденящий страх опустил меня на каменный пол. Борясь со своим застывшим телом я медленно подполз к собаке и коснулся ее мохнатой шеи, нащупав с обеих сторон что-то твердое. Тузик захрипела и задрожала всем телом, она была мокрая и липкая. Тряхнув головой, сбрасывая слезы и страх, под правым ухом я увидел широкую стаместку, насквозь проткнувшую собачью шею. “Схожу с ума”, – решил я.

– И не мечтай, – тихо прохрипела, еще больше задрожав, сука. – Ты передатчик, а с ними долго ничего не случается, иначе зачем все это нужно?

На последних словах ее голос заметно окреп. Тузик напряглась и села по собачьи строго.

И тут я вспомнил, что в детстве тоже разговаривал с ней, постепенно забывая обычный язык, переходя на сюсюканье и: “Моя милая собачунечка”.

– Ничего, – более уверенным голосом ответила на мои мысли собака. – Ведь вспомнил.

– Кто? – с лютотой ненавистью вырвалось у меня.

– Это просто закончилась моя длинная, счастливая собачья жизнь, – уже ясным голосом ответила сука.

– Какая счастливая? – удивился я.

– Мне повезло жить рядом с тобой, возле белых хризантем. Я побила все рекорды собачьей жизни – двадцать лет. Один раз даже вырвалась на свободу. Щенков утопили, а потом появился ты. И мне стало незачем перегрызать твердую цепь, ломая зубы, ими нужно было защищать тебя. Я поняла это, когда мы первый раз встретились в будке. Ты жаловался без остановки, а потом уснул, прижавшись ко мне. Тебе было очень одиноко, помнишь? Ты должен помнить, ведь нас за это сильно наказали. Потом, помню, ты приходил в будку, чтобы никто не видел, а потом вырос и перестал в нее помещаться. Когда ты был в доме один, а такое бывало часто, мы подолгу кувыркались на кровати. Я защищала тебя от дедушки Вани, который часами сквозь заборную щель выслеживал шпионов. Один раз я отвлеклась и он чуть не взял тебя в плен.

Я вспомнил все и заплакал. Тузик первая встретила меня в Лабиринте.

– Так что же случилось? – уже спокойнее спросил я.

– Время, – ответила Тузик. – Оно прошло. Ты уехал и защищать стало некого, вот и выследил старый партизан Ваня фашистскую овчарку. Если бы ты видел как он радовался, заколов меня стамеской.

Собака встала и легко запрыгнула в гранитную стену, а я снова пошел вперед.

Поворот вправо. Зал, опять пятьдесят метров на пятьдесят. Такой огромный после коридора. В центре открытая гранитная книга, тонкие листы. Два иероглифа. Я их не помнил и, зачем-то ломая ногти, попытался отодрать лист. И вдруг русские буквы вместо иероглифов: “Если знаешь свое место на Земле, иди вперед”.

Я ощутил состояние счастья. Я знал свое место на Земле. Разве не я пишу книги, разве не я люблю женщин, разве не я тащу своих учеников?

Коридор стал узким. И вдруг я увидел – это была она, потом появилась вторая. Однажды они, когда мне было четырнадцать спасли меня. Лягушата, девочки, лесбиянки. Они пожалев меня, втянули в себя. Я был первый, которого полюбили эти лесбиянки, за слезы над не родившимися птенцами. Узкий коридор, они с протянутыми руками.

Я закрыл глаза, потом пошел. Шел долго, ни на кого не наткнувшись, открыл глаза – пустой коридор. Несколько шагов и снова они впереди с протянутыми ко мне руками. И снова никого.

Захотелось пить. Опять по правой стене потекла вода, нет – кровь, я шарахнулся, ударившись о противоположную стену и закрыл глаза. Когда открыл – опять ничего. Вперед, только вперед.

И вдруг мысль: “Я стал старым”, коснулся к лицу – борода. Как вернуться назад? Уже ничего не хотелось. Да, знаю я свое место, знаю свое место на Земле. Я шел и шел.

Опять зал – он был больше чем первый. Я вдруг понял, что Лабиринт Дракона не имеет границ, это наверное я сам выдумываю бесконечные коридоры. Могут ли в зале быть звезды?

Я шел вниз и вновь гранитный зал, и снова книга. Я подошел и прочел: “Знаешь ли ты свое место под Небом? Если знаешь, иди вперед”.

Знаю ли я свое место под Небом? Как-будто я живу не под ним. Я знаю свое место под Небом! Оно очень похоже на место на Земле, лишь бы это Небо светило. Я даже знаю Бога, которому молюсь. Идти – я иду.

Снова узкий коридор. И вдруг пошли женщины. Я всю жизнь старался не обижать их. У каждой была разорвана грудь, у каждой билось сердце, металось, выбрасывая из себя кровавые брызги. Они были теплые, когда падали на лицо. Кровь почему-то горькая. Кровь – горькая.

Бесконечный коридор. И вдруг с правой стороны прямо на граните сложными иероглифами на старом корейском: “Сделай око Дракона”. Обычное упражнение, которое много раз спасало меня. С безмерной верой я сел, сделал, и снова пошел. И вдруг справа: “Рассыпь звездную пыль”, – рассыпал. Лабиринт засветился. Было светло как днем. И вдруг снова справа: “Сделай Дракона”, я сделал. Эту старую форму Дракона делал много раз, сделал и пошел.

И вдруг Лабиринт кончился.

Вторую свою собаку я застрелил. Она заболела. Самый лучший пес – он заболел и попросил меня. Я взял вертикалку, коснулся его и выстрелил. Когда я взял ружье, жена спросила: “Кого, меня или собаку?” Я молча отвел их в лес и застрелил собаку. Мой черный кобель заболел, начал выгрызать у себя бока, они кровоточили, а он выгрызал, доставая мышцы. Я приставил ему вертикалку ко лбу и выстрелил.

Опять коридор. Они стоят рядом: жена и собака.

И вдруг снова женщины, одетые по разному: юбочки, трусики, разные штанишки и лица: злобные, искривленные ненавистью, столько ненависти не видел никогда, и длинные когти вместо пальцев.

Ведь я же бегу назад, бегу, бегу и больно кричащий в голове вопрос: “Нашел ли ты? Нашел ли ты свое место на Земле? Нашел ли ты свое место под Небом?”. Куда же бегу? Что дальше? Остановился, обернулся – никого.

Захотелось пить – облизал правую сторону стены, сплюнул – кровь. Ничего, вперед. Я снова пошел.

Первый раз Лабиринт дал знания Общины, космические знания. Первый раз Лабиринт дал медицину для спасения людей, много дал.

Что же второй раз? Сколько иду и ничего не имею.

Ко мне медленно подходил Дракон. Он дышал тяжело и глубоко. Проход был узким и его дыхание охватывало меня. Приглядевшись я понял – его нет, и пошел дальше.

С правой стороны иероглифы: “Рассыпь звездную пыль”. “Опять”, – удивился я. Рассыпал звездную пыль долго. Через двадцать шагов появились русские буквы: “Сделай пасть” – сделал.

После пасти появилась жена. Она подошла ко мне, начала целовать, обнимать, ласкать, она говорила добрые слова, нежные, и вдруг я увидел, что у нее нет глаз. Она была обнаженная, но у нее не было глаз, у нее были грудь, руки, ноги, спина, круглые тугие ягодицы, но не было глаз. Я громко закричал.

Нужно идти вперед. И я опять пошел. Когда же будет что-то?

В прошлый раз, в прошлый заход Лабиринт дал мне жизнь, дал знания, дал законы, медицину, цифrogramмы, рецепты. Зачем я пошел в этот раз? Зачем меня в него втолкнули?

Опять кто-то идет впереди. Страшно. Ну вот, мама. Она прошла тихо, спокойно, мимо меня, даже не повернув головы.

И снова кто-то впереди. Отец – молча, потом вереница родственников, знакомых и незнакомых.

И вдруг, мой прадед – старый Баскак. Он остановился, хмыкнул, всмотрелся, махнул рукой и пошел дальше.

Потом, сразу за ним пошло что-то липкое, мерзкое, еле отрывающееся от пола лапы. Я подвинулся и ушел в гранит – оно прошло, я снова вернулся в коридор.

На правой стене появилась надпись: “Подними солнце”. Я сделал это упражнение. Потом, через время, на правой стороне я снова увидел надпись: “Опусти солнце”. Уже не было сил, но я сделал и это.

Через время я вывалился из коридора в звездное небо, зала не было. Понял, что дошел. Среди звезд, в центре непостижимого расстояния снова была гранитная книга. Я протянул руки и ударился о нее. “Если ты нашел себя, иди дальше” – прочел я на гранитных страницах.

Наступая на звезды я пошел назад. Нашел ли я себя?

Все, второй Лабиринт закончился. Хочу к Няму, к Юнгу, к Фу Шину, я хочу домой, я хочу на влажную, душистую землю. Она оказалась рядом. Я вдруг пошел сквозь гранит и увидел Юнга

с Нямом. При виде меня Юнг развеселился настолько, что Ням на него шикнул.

– Демон городской, – сказал Юнг, обняв так, что треснули все кости.

Я вдруг упал, больно ударившись о землю. Мастера подняли меня.

– Что, что, – спросил я.

– Сорок дней, – сказал Юнг.

– Чего, – не понял я.

– Сорок дней, – подтвердил Ням.

– И вернулся, – хмыкнул Юнг.

– Куда от вас денешься, – заплакал я.

Сосны закачались, я снова куда-то провалился.

ГЛАВА 13

Как только появляется возможность, я прощаюсь с биотелевизором. Сегодня он ничего не показывает. Ночь черно-серая. Утро такое же, если не считать Солнца. Оно похоже на маленькую капельку крови, которая растеклась по горизонту, став розовой, а потом снова серый экран. Сегодня он не показывает и не звучит. Сегодня царство тумана, который отгородил меня от всего.

Час назад было явление жены, орущих теток-реэлторов, которые притащили с собой покупателя и Терентьевича. Я снова спрятался на кухне и уставился в пустой экран. Он ничего не показывал и поэтому можно было видеть все что угодно.

Я лежал на полу, разглядывая огромную фотографию старинного замка, приклеенную на потолке. Терентьевич протяжно охал в углу, периодически проклиная свои почки, которые непонятно почему еще работали. В дверь постучали.

– Не пойду-у-у-у, – провыл издатель.

Я промолчал. В дверь позвонили.

– Все равно не пойду, – захлебнулся Терентьевич.

Я попытался встать, с третьей попытки получилось. За дверью стоял ученик, протягивая мне какой-то конверт. Отпустив его я ввалился в комнату.

– Ну, чего там? – спросил, скрипнув шеей, Терентьевич.

Из разорванного конверта выпало какое-то письмо и деньги.

– Я побежал! – радостно взвизгнул Шура и заграбастав бумажки выскочил за дверь.

При виде этого трюка, совершенного моим издателем, я четко понял – мы попались алкоголю в лапы. Состав крови изменился настолько, что возможность влить в кровь дозу, на мгновение давала сил больше чем тогда, когда вливали. Я усмехнулся, заметив, что пока еще понимаю это, значит не все потеряно. Терентьевич пять минут назад, когда я попытался ему все объяснить, наорал на меня, назвав идиотом. И заявил, что в любой момент может бросить пить и подобную чушь даже не желает слушать. Потом, откровенно выругавшись объявил, что в ближайшее время пить и не собирается.

“Куда же он так ломанулся, может за мороженым?” – злобно подумал я. А выпить действительно стоило, резко бросать в таком состоянии нельзя. Загустевшая кровь едва проталкивалась сквозь сердце. Я начал читать письмо и с ужасом обнаружил, что не опохмелившись это невозможно.

Оценив ситуацию удивился, почему Терентьевич еще живой. Ну почему я – это понятно, выдерживал еще и не такие экстремальные ситуации, особенно в Чуйской долине, а Шура...

Сегодня вечером я уезжаю в Киев, поэтому мы с издателем отмечаем необычное событие, денег должно хватить даже для того, чтобы доехать к вокзалу.

А событие действительно необычное.

За двадцать лет, которые я отдал Школе, из квартиры где живу выезжал, может быть, раз пять. Три раза в Общину, один раз в Чуйскую долину, остальные не помню. Спортзал в пятидесяти метрах от подъезда – три раза в неделю и так всю свою сознательную жизнь.

Больных принимал дома, государству как врач не был нужен и вовсе. Потому что в моем лечении присутствовал результат и абсолютная ненужность больниц, хитрых приборов и так далее. Из-за меня одного никто не собирался ломать систему здравоохранения. Я бунтовал, когда был помоложе, застрывал в неприятностях. Но государство в чем-то было право, хоть и не давало мне нормальной возможности воспитывать учеников и развивать медицину.

Куда мне было ездить? Друзья и разные придурки приходили сами. За этот промежуток времени мой космический корабль превратился в огромный театр с тысячами актеров и со мной – маленьким, перепуганным зрителем, который вдруг понял, что ужасы в спектакле натуральные. И я не преувеличиваю, наоборот, стараюсь быть как можно мягче.

Вспомнил одно не большое представление, разыгранное демонами в моем корабле.

В то время, с невероятными муками, но все же Терентьевич принял у меня роды. Результат которых превзошел все ожидания – я разродился книгой со зловещим названием “Рецепт от безумия”. Все это вызвало послеродовую горячку в виде выставки в Историческом музее. Оказывается, более десяти лет назад я зарезил своих учеников миниатюрной скульптурой. Они нарезали целую гору и решили выставиться, но без меня постеснялись, или зная мой горячий нрав, побоялись, потому и пригласили.

Ну что ж, книга, выставка, очень даже неплохо. Вот тут и началось: за мой упорный труд чертовые барабашки решили отплатить сполна.

– Ну, Серый, книга есть, через неделю выставка, кое-что сделали, – радостно потирая ладони, торжественно, как на собрании, объявил Шура.

Тут даже нудный я согласился с издателем.

– А знаешь, есть идея – как стать очень богатыми. Если твоя умная книга прошла, представляешь, каким успехом будут пользоваться твои эротические романы?! Молчу-молчу, – замахал он руками.

– Саша, – обратился я к Терентьевичу. – Ты хоть обратил внимание, что после приезда из долины мы пьем без остановки. Я даже не делаю упражнения, которые дал Фу Шин, а ведь мечтал о них всю жизнь.

– Да все я понимаю, – вдруг став серьезным ответил Терентьевич. – Нужно прекращать.

В дверь постучали громче обычного. Саша нервно хихикнул.

– Может какой телеканал? – со слабой надеждой сказал я.

– Ага, сразу два, – ответил издатель. – Телевидение будет только после музея.

Во мне начал медленно просыпаться один из тех страхов, с которыми невозможно бороться. Протянув руку, я дернул дверь на себя. Очередной замок сломался только вчера.

В прихожую медленно раскачиваясь зашел незнакомый человек. Он поставил большую и грязную спортивную сумку на пол. Из него при выдохе выкатилась тяжелая, с какими-то отвратительными примесями алкогольная волна. Человек был на костылях. Я надолго замолчал, пытаясь вспомнить этого пришельца, заглянувшего в мой космический корабль. И, наконец, вспомнил.

Это был очень непростой человек, по имени Толя. Познакомились мы лет пятнадцать назад и он сразу стал одной из самых сложных загадок. Во времена полного запрета на боевое искусство я сидел в кабинете у своего старого друга – старшего врача Олимпийской сборной по тяжелой атлетике, и тут появился он. Горбатый нос, стремительно выдающейся вперед подбородок, глаза, смотрящие насквозь, нитка сухих губ и тело настоящего бойца.

– Вот, Толя, тебе и повезло, – оживленно сказал доктор.

Мне сразу стало понятно, что он рад избавиться от посетителя.

– Это и есть Сергей Анатольевич, – сделал театральный жест доктор.

– Ладно, пошли, – махнул я рукой, бросив уничтожающий взгляд на доктора.

Доктор жалобно сложил губы трубочкой.

Очень странный оказался этот Толя, одинокий и несчастный. Ему была нужна поддержка и сразу множество советов, в которые

он почему-то совершенно не вслушивался. Выходец из дальнего села, прочитавший огромное количество литературы и даже Фрейда со всеми его учениками и последователями. Он оказался склонным к суициду и депрессиям. Причем все это, как оказалось, Толя получил по наследству. К тому времени его старший брат повесился, а дядя уже несколько лет не выходил из сильнейшей депрессии.

Вобщем, мой друг-доктор был загнан до такой степени, что отважился на настоящую подлость. Впрочем, я на него не обижаюсь, ведь он считал меня мастером, способным справиться еще и не с такими проблемами. Интересно то, что как только Толя выходил из депрессий, то сразу начинал тренироваться как невменяемый. Мог часами без остановки стучать по боксерскому мешку, по стене или по первому попавшемуся дереву, наработав при этом невероятной силы удар правой. Разговаривал он на чистейшем книжном языке, выбрав для этого манеру, в которой писал Дюма. Мало того, он рассказал, что на него был объявлен всесоюзный розыск.

– Я должен тебе признаться, Серж, в том, что меня ищут власти по причине большого количества сломанных челюстей. Но поверь, Серж, они не были теми людьми, о которых стоит хоть как-то печалиться.

Я начинал понимать несчастного доктора, борясь с ненавистью, которая всего лишь за десять минут общения с этим уникалом начала перехлестывать через край.

Толя никогда не улыбался, смеялся редко, по-книжному, – четкое “Ха-ха-ха” было длинным, громким, безэмоциональным и доходя до определенного, извешного только ему усилия, исчезало в пасти с мощным, раздвоенным подбородком. Ему было очень тяжело идти по жизни, из пронзительных глаз выливалась мольба, затопляя все вокруг. Но он никогда не жаловался и от этого становилось еще тяжелее.

Я пытался убедить себя, что все не так печально, как кажется, но сразу убедился в обратном. В то время, в доме нечего было есть и мой новый знакомый предложил съездить за каким-то долгом.

В центре города он открыл газету и начал на ходу читать. Когда я поинтересовался, что это с ним, Толя попросил меня идти в стороне. Я наконец-то понял, он действительно от кого-то скрывается. Мой новый знакомый шел, закрывшись газетой, постоянно натываясь на прохожих, доводя свою конспирацию до абсурда.

В трамвае, закомпостировав талончики, мы поехали в сторону центрального рынка. Будний день, зеленое и жаркое лето, в дребезжащем вагоне чуть более десятка пассажиров. И тут на свое несчастье появился контролер. Это была мерзкая старушка, из тех, которые получают неопишуемое удовольствие от своей работы.

Она без остановки воля проверяла билеты, будет даже правильнее сказать – нагло приставала к людям, причем делала это с сияющей физиономией.

– А ну, быстренько предъявили билетки, – громко завопила жизнерадостная бабушка. – Давай, давай красавица, ишь напудрилась, – прицепилась она к молоденькой девушке лет семнадцати. – А ты, пионер, где твой билет? – набросилась она мальчишку, который на мгновение замешкался.

“Что же она вытворяет в доме, в котором живет?” – с содраганием подумал я. К нам приближался вампир, питающийся отрицательными эмоциями, которые сам же усердно порождает.

– Что, грамотный? – поинтересовалась старушка у читающего Медарда.

Так, после этого случая, в честь главного героя романа Гофмана “Эликсиры сатаны”, я окрестил своего нового знакомого. Медард медленно, с каменным лицом, двумя пальцами залез в карман своей клетчатой рубахи. Билета там не оказалось. Не меня выражения лица, он неспеша принялся искать его в другом кармане.

– Ищи, ищи! – захлебнулась от радости бабушка. – Ищешь то, чего нет, – перешла она на воинственный вопль. – Студенты проклятые, – верещала, брызгая слюной, контролер. – Государство учит вас, степендию платит, родители кормят дармоедов, а вы на трамвае экономите. Плати штраф или в милицию отведу, – вырвала бабушка газету из рук Толика.

Контролер схватила моего попутчика за руку и изо всех своих старушечьих сил начала трясти. Но билет все же нашелся в кармане брюк. Бабушка долго с ненавистью рассматривала сквозь него солнечные лучи, но билет оказался настоящим. Вернув билет она снова принялась измываться над остальными.

– Выходим, Серж, – произнес Медард, направившись к заднему выходу, где в ожидании очередных жертв притаился трамвайный вурдалак.

Как только дверь открылась, мой спутник легонько тронул левой рукой контролера за плечо, бабушка повернула к нему свой злобный лик. И вдруг, сокрушительный прямой обрушился на ее подбородок. Раздался треск и старушка рухнула как подкошенная под ноги пассажирам. Медард с невозмутимым лицом вышел из вагона, за ним, схватившись за сердце, вылетел я. Трамвай вздохнул, вздрогнул и, закрыв двери, тихонечко поплелся дальше, вполне возможно, с трупом контролера.

– Прошу тебя, Серж, не читать мне нотации, – произнес ровным голосом Анатолий. – Никто никому не дал права так обращаться с окружающими его людьми, и я более чем уверен, если

этот монстр выживет, то никогда не позволит себе подобного, ибо это проишествие навечно запечатлится в его извращенном сознании.

– Привет Медард, – поздоровался я с человеком, которого не видел лет шесть.

– Здравствуй, Серж, – ответил он и взяв сумку вошел в комнату.

Постояв какое-то время у порога я заглянул вглубь своего ковра. Там возле перепуганного Терентьевича, закинув руки за голову, на татами лежал Анатолий.

– Ну, как дела, Толик? – поинтересовался я.

В ответ он медленно открыл сумку и вынул из нее трехлитровую банку с прозрачной жидкостью. То, что это не вода я догадался сразу.

– Мы пить не будем, – одновременно вырвалось у нас с Терентьевичем.

И тут я увидел какие невероятные перемены произошли с аккумулятивным Толем. Очень необычное зрелище: оборванный, грязный и старые потрескавшиеся костыли.

– Будете, ха-ха-ха, – по-книжному зловеще рассмеялся Медард. – Или, может быть, вы посмеете не выпить за моего отца, которого я похоронил сегодня утром?!

Отец у Толи на глазах прилип к распределительному щиту, когда воровал электричество. Он похоронил его и поссорился с родственниками из-за имущества и дома прямо на кладбище. А до этого ухитрился побывать в автокатастрофе.

– Можешь представить себе, Серж, как я расправлялся с этими негодьями и какими трусливыми собаками они убегали от меня, прыгая через могилы, – рассказывал он неспеша выливая из чашек зеленый чай обратно в чайник, после чего наполнил их до краев самогоном.

Я хорошо знал Медарда и поэтому живо все представил. Чтобы совершить подобное, костыли не являлись существенной помехой для такого бойца, как он.

– Я понял главное, Серж, – после первой чашки, безапелляционно заявил Толя. – Мое место возле тебя, только так я спокоен и удовлетворен. Ты мудр и ясен, но со мною много лучше. Кто будет обегать, подобно мне, как торжественный сфинкс? – спросил, обращаясь к Терентьевичу Анатолий. – Что нужно этому сфинксу? Места меньше чем в могиле его отца и тарелка горячей еды.

В углу, обхватив голову руками, оцепенев от ужаса сидел Терентьевич. Впервые в жизни мы понимал друг друга, как никогда. Через время бутылек был выпит и страшный гость провалился в тяжелый, прерывающийся бормотанием и криками сон. Мы

с издателем сидели возле биотелевизора, почему-то совершенно трезвые.

– Вот это да, – все, что мог сказать Шура.

– Представь себе, – подтвердил я. – Что же делать? – в отчаяньи грохнул я кулаком о стол.

– Тише, сфинкса разбудишь, – шикнул на меня Терентьевич.

Медард жил у меня уже почти неделю. Судя по всему, он пока еще отсыпался. Только лишь изредка мы успокаивали его агрессивные порывы. Он набирался силы и все настойчивей начинал требовать водки.

И вот, однажды, с утра появился выбритый и наглаженный Терентьевич.

– Ну что, Анатолий, у нас с Сергеем Анатольевичем важное совещание, а ты сходи за водкой.

Медард радостно зарычал, схватил костыли и, вырвав у Шуры деньги, помчался в магазин.

– Ты что, совсем с ума сошел, – выверился я на Шуру.

– Одевайся немедленно, через пять минут будет машина, едем в музей на твою выставку, сегодня открытие.

Я взвыл и кинулся в ванную. Недельная небритость, мокрые волосы, мятую одежду удачно закрыл дорогой, еще несъеденный моллю, габардиновый плащ, оставшийся от дедушки. В дипломате у Шуры оказались дорогие итальянские туфли.

– Высший класс, – остался доволен Терентьевич.

В дверь громко постучали.

– Хочется верить, что не Медард, – выразил надежду издатель.

– Придется его вырубать, – ужаснулся я. – Иначе никак не отвяжемся.

Это был один из старых учеников, которого где-то откопал Шура, толстый, важный и при машине. Захлопнув дверцы БМВ, мы с облегчением вздохнули.

– Держись, Серж, – раздался громовой вопль.

К машине, стуча костылями по асфальту, на огромной скорости, перепрыгивая встречающиеся на пути канавы, с двумя бутылками водки, торчащими из карманов, мчался Медард.

– Вперед, – приказал я, застывшему с открытым ртом водителю.

БМВ оказался проворнее чем наш агрессивный инвалид и мы успешно оторвались от него. Какое-то время ехали молча.

– Смотри, Серый, – Шура протянул мне какую-то бумажку.

Это оказалось Толино направление в психиатрическую лечебницу.

– В пиджаке у нашего горя торчало, – объяснил мне Терентьевич.

– Да, это уже гораздо легче, – согласился я.

Еще немного и Исторический музей. Почему не Художественный? Это чуть позже.

– Анатольевич, – обратился ко мне Шура.

Подобное было достаточно редко и поэтому я удивился.

– Только не ори, – он с ужасом смотрел на панель, в которой были часы.

Стало ясно – очередной парадокс.

– Мы опоздали больше чем на час.

– Почему? – удивился я.

– Моя Татьяна перевела часы.

У Терентьевича тоже была своя Татьяна.

Справка о Татьянах

Тать – на старом русском – это враг, вор. Есть еще такое выражение: “Тать на твою голову”. Тать – я, на меня. Тать я на. Тати не виноваты за свои имена, но их так называли и, наверное, это неспроста.

Тать Терентьевича перевела будильник на час назад. Почему? Да для того, чтобы он стал еще несчастнее чем есть. Чем несчастнее, тем роднее. Как же приятно жалеть неудачника, гладить его по голове и горько плакать.

Они все непонятные эти Тати. А как же им нелегко, если только в детстве звучало: “Танечка, Танюша, Таня”, а потом: “Татьяна”.

– Золушка ты моя хреновая, – хихикнул я.

Приехали мы на два часа позже. Телевидение уже отработало, был сожран фуршет. Нас уже давно не ждали и тут вдруг мы. Это было что-то. Снова телевидение, пошлые интервью и страх, вдруг появится Медард. Старые друзья, ученики, бывшие любовницы, музейные люди, знакомые и незнакомые.

А сколько горя еще принес этот Медард... После выставки мы звали дурдомовскую спецбригаду и с чистой совестью сдали ей Анатолия. Через несколько месяцев он снова появился.

Я открыл дверь и ахнул.

– Серж, у нас все получилось, – торжественно объявил он. – Я принимаю экзамены и в моем отделении нет ни одного, который хотя бы одну главу не рассказывает наизусть.

Толя сбежал из психдиспансера и снова оказался у меня. Я одним движением вытолкнул его из корабля. Два дня Медард лежал в тамбуре. Нога, очевидно, заживала очень плохо, а может ломалась еще, он по-прежнему был с костылями. Мне хотелось верить, что Толя просто к ним привык.

– Серж, – вопрошал он как всегда поставленным голосом. – Скажи, почему я валяюсь здесь как собака. Серж, – продолжал он. – У меня есть деньги. Серж, у меня есть водка. Серж, ну пусти.

Демоны безжалостные и подлые до бесконечности. Я замучил соседей с телефонами, лазая по балконам, чтобы позвонить. Я так и не осмелился открыть дверь, я, маленький и слабый, я понял это в летящем вперед космическом корабле. У Толи в этот раз не было направления, мне не поверили, что он сбежал. Еще через несколько дней Медард исчез. Хорошо, что не умер под дверью.

Выпив с Терентьевичем по стакану водки, я все же прочел письмо. Нина, извиняясь перед моей женой и всем миром, приложила к письму билет.

Через два дня с центрального железнодорожного вокзала я уезжал в Киев. Шура и здесь не смог удержаться от торжественной клоунады. Темно, холодно и мокро, мы подошли к вагону и вдруг огромная толпа провожающих быстро построилась и поклонилась мне по Школьному этикету. Приглядевшись я увидел всю свою жизнь. Это были бывшие больные, старые и новые ученики, знакомые, женщины, когда-то любившие меня, читатели, желающие увидеть автора живьем и просто сбежавшиеся поглазеть.

– А оркестр где? – сердито спросил я, но все же стало приятно.

Все обступили меня и начали желать удачной поездки и завершения второй книги. Я стоял, улыбался, кивал головой и удивлялся как Терентьевич ухитрился за два дня их всех разыскать. Но это был один из его профессиональных секретов.

– Представляешь, Серый, – тронул Шура меня за рукав. – Сейчас подходит время жалоб, дурацких вопросов, амбиций, нытья, а поезд тебя увезет. Впервые в жизни ты станешь для них недосыгаем.

“Ох и драматург этот мой несчастный друг Шура”, – с какой-то необъяснимой печалью подумал я.

А поезд действительно дернулся, руки, уцепившиеся в меня, разжались и я зашел в вагон. Он оказался необыкновенно чистым, удивила прямо по стене бегущая строка с какой-то рекламой. Впрочем, мне были более привычны товарные вагоны, стучащие по Транссибирской магистрали.

Шестое купе, ну что ж, шестое – так шестое. Она сидела в углу как испуганная птица, укутавшись в темноту и голубой плащ. Ярко горящие глаза, я почувствовал – они могут прожечь насквозь. Наместник Господа дрожал, вцепившись в стол длинными, хрупкими пальцами. Медленно проплывающие за окном фонари на мгновение выхватывали тонкий горбатый профиль красивой хищной птицы. Она дрожала, всхлипывая в уходящий вокзал.

– Анатолич, опоздал, – послышался крик за окном. – Передал проводнику.

Кинувшись к окну я увидел догоняющего вагон одного из старых учеников. И сразу же побежал к проводнику. Я хорошо знал, на что способен этот красавец. Проводник уже внимательно что-то разглядывал.

– Это мне, – сказал я, вырвав у него из рук небольшую стеклянную баночку.

В купе я открыл ее и понюхал содержимое.

– Что это? – спросила она.

– Марихуанна, и очень неплохая, – ответил я.

– Давай спрячу, – испугалась Нина. – Меня не посмеют обыскать.

– Меня тоже, – засмеялся я.

– Ну давай спрячу, – снова умоляюще попросила она.

Я понял, что этот вечер слишком непонятен ей.

– Ладно, сейчас покурим, а потом спрячешь, – согласился я.

Она доверчиво разомкнула губы и вдохнула дым, который я выпустил из своих.

– Что теперь будет? – спросила Нина.

– Посмотрим, – ответил я, докуривая сигарету.

Адвокат тихо сидела в углу так и не сняв плащ. Она о чем-то глубоко задумалась, сжав тонкие губы, нахмутив и без того изогнутые брови. Меня конопля занесла в Чуйскую долину, где была полновластная восточной царицей – убивающей, сводящей с ума, лечащей, дающей знания и жизнь.

– У нас даже старики в папиросы забивают, – сказал старший сын Фу Шина, подкуривая одноразовую трубку из тростника. – Это так, тебе, как гостю.

После того как Учитель разрешил снимать кинокамерой в доме, Ахмед нас зауважал.

– А отец курит? – поинтересовался я.

– Ни разу не видел, – честно признался он. – Наверное нет, он даже ест редко, он ведь Учитель.

Азия – это удивительная сказка и если там не был, понять ее невозможно.

Уставший от своих верховных проблем, раз или два в неделю Патриарх приезжал в свой дом поесть. Как его любили, передать невозможно, ведь он был Учителем для всех. Даже для тех, кто его ненавидел. Он выходил из машины, опустив взгляд, чтобы не ранить им кого-нибудь из присутствующих.

А люди ждали всегда, не зная, придет или нет. Они сидели перед стеной, окружающей дом. Эта стена часто заставляла меня за-

думываться. Высокая и крепкая, с широким входом, без ворот, которые можно запереть.

Громко гомонящие азиаты мгновенно затихали и во все свои раскосые глаза с неописуемым восторгом смотрели на Учителя, на свою единственную надежду. А он, немного сутулясь, заходил в залу для гостей с большим каном и садился, скрестив ноги, перед маленьким столиком. Возле него появлялась большая пиала с зеленым чаем, пар которого он долго и неспеша вдыхал.

В гареме женщины часто спорили, кто будет подавать чай и еду, если придет Учитель. В такие дни жена никогда не выходила, она боялась вызвать боль воспоминаний. Выходили по очереди прозрачные жены сыновей. Патриарх улыбался чему-то своему, глядя сквозь них.

Вот выпит чай и пришло время лагмана. Люди заглядывают в окна, в открытую дверь, даже залазят на высокую стену. А если Учитель слишком глубоко задумывается и лагман начинает остывать, женщины легко выходят из положения. Они незаметно запускают на кан годовалую внучку – дочь старшего сына. Мария (так назвал дед) усердно пыхтя, на четвереньках, а то и на двоих добирается к столику и сразу же пытается залезть рукой в горячий лагман. Но никто не боится, у нее этого никогда не получится. Фу Шин быстро выхватывает палочками длинную и толстую макаронину и показывает ей. Мария пытается схватить, смеется, они долго борются за еду, потом наедаются и она засыпает. Поцеловав девочку, Патриарх снова исчезает.

Бедная девочка Таня, за двадцать лет она так и не привыкла ко мне. А как можно привыкнуть к любимому, который постоянно спорит с медиками, заражая себя разными болезнями и что-то этим доказывая.

Не мог я удержаться, когда начиналась эта волна, бегущая по позвоночнику и толкающая на действие, не всегда порою верное. Но разве не она спасла в долине, как могла, от позора и смерти семнадцать человек? И она же переполошила больницу, в которой я долго объяснял тупым врачам, что если человек чист и у него нет благоприятной среды, никакая дрянь не заведется. Я чуть ли не целовался в засос с желтушниками, доказывая, что если у меня нет лишней желчи, значит и разливаться нечему. Медики не понимали, не верили или не хотели верить.

И тут, удача, на тренировке у меня оказалась девочка, котрая год назад проводила своего мальчика в армию. По тем временам в больницу ходить было стыдно и она обратилась ко мне. А я, добрый, повел ее к своим знакомым врачам. Результат – застарелая гонорея, последний подарок дорогого мальчика.

Тогда я поинтересовался, что будет со мной если заняться любовью с этой девочкой? Друзья медики посмеялись и объяснили, что мы с этой девочкой надолго станем их пациентами. Девочка искренне обрадовалась, даже захлопала в ладоши, когда я предложил такой эксперимент. Объяснив все жене, я на неделю отправил ее к маме. Бедное ее сердце, но ведь она всегда знала, что я передатчик.

Через неделю друзья-медики взяли у нас анализы. А через несколько дней, прибежали запыхавшиеся и перепуганные. Они объяснили, что не важно – занимался я любовью с этой девочкой или нет, важно то, что по анализам – меня нет. Мои анализы показали полное отсутствие какой бы то ни было микрофлоры, а это невозможно. Вот такой дурацкий эксперимент.

Ошибка ли это? Татьяна с ненавистью вспоминает об этой измене. Измена ли это?

Белые кудри адвоката вздрагивали под стук колес, она сидела так и не сняв плащ. Это поезд, это марихуанна, это поездка в Киев.

Марихуанна сделала из старшего сына Патриарха желающего обладать ею. Он очень удивился, когда мы выкурили большую папиросу.

– Ты действительно Ло ган кун бай, – засмеялся Ахмед.

– Этой коноплей мы сводим с ума самых надоедливых, которые приезжают к Учителю.

Я встал и поклонился сыну за его отца – Первого Патриарха Земли.

– Завтра приезжает Учитель.

– Спасибо тебе, – вдруг сказал Ахмед. – Ты мне нравишься. Я сильный, и поэтому познакомлю с отцом.

Проснувшись раньше всех я прибежал к Ахмеду. Его двор начинался с плотной крыши винограда, ведущей в летнюю кухню.

– Пошли, – сказал я, влетев в кухню, и вдруг увидел зеленый труп, лежащий возле подноса с киш-мишем.

– Пойдем? – неуверенно спросил я.

– Курить нечего, – откуда-то из глубины прохрипел он.

– Ну почему нечего? – удивился я. – Учитель скоро придет, побежали, – дернул я за руку Ахмеда.

– У меня нечего курить, – прохрипел он. – Я умираю.

– Ты что, дурак, – удивился я. – Давай выйдем во двор, вспомни, сколько у тебя этого бурьяна.

– Представь себе, – задыхаясь сказал Ахмед. – Мы трем коноплю.

И тут я понял, что он почти умирает.

– Серега, соседи нас не поймут, ведь я сын Учителя.

“Вот это да”, подумал я. – “Травка, которую абсолютно принимает Голландия, травка, которую принимают многие штаты в Аме-

рике. Впрочем питье и жратву тоже принимают...” Старший сын Учителя умирал на моих глазах.

– Значит не выйдем и не потрем? – спросил я.

– Серега, самое интересное то, что через полчаса приедет отец, а я его первый сын.

– Ну и, – не понял я.

– Я должен заметать двор. Никто не принес курнуть, а обещали кашкарский – подарок из Китая.

– Брат, приходи в себя, – попросил я. – Сейчас я выйду и натру ручки.

– Серый, ты не успеешь его сделать, – сказал сын Фу Шина.

Он одел спортивные штаны, куртку и поплелся в сторону отцовского дома.

“Вот тебе и легкий наркотик”, – подумал я. Может быть он и легкий, когда по чуть-чуть и никуда не спешишь.

Фу Шин сидел за столом, а его старший сын, по древнему обычаю подметал двор, вылизывая и без того чистый бетон. Учитель с грустью смотрел на его страдания. Ахмед мел. Патриарх зашел в дом, Ахмед мел.

– Хватит, – подошел я к нему.

– Серый, я не могу разогнуться.

Обхватив Ахмеда за туловище я потащил его через весь двор, потом через дорогу к его дому. Дунгане – очень крепкое и рослое племя.

– Шакалы, шакалы, шакалы, – хрипло повторял он по-русски. – Будет им кашкарский, будет им Китай.

Я понял, что даже в Чуйской долине иногда не хватает гашиша.

– Санитарная зона, готовимся, – громкий и скрипучий голос вернул меня в купе.

– Киев, – удивился я.

А казалось, прошло всего лишь несколько минут. Нина так и не сняв плащ сидела с закрытыми глазами.

ГЛАВА 14

Сегодня опять нет восхода. Солнце не может пробиться сквозь жирный серый туман, наверное потому, что его скоро продадут в месте с окном.

Старый Баскак был первым. Я проснулся и застонал. Опять приснился сон. Виноват не я, виноват старый Баскак. Я проснулся мокрый, липкий и глупый. То ли с ним, то ли со мной было три тысячи всадников. А влюбился – то ли я, то ли он, ночью в своем шатре... По утрам я понимаю, что это не просто сон.

Он взял и сказал: “У тебя золотые волосы, а это – сойти с ума”.

Утро, золотое солнце, орда. Еще немного – и бой. Обычай древности. Вот она, белая княжна. Всадники наготове, упершись в стремена, впились глазами в своего первого. Он взял ее, белую, под восторженный визг звереющей перед боем толпы. Кони нетерпеливо топтали землю. Баскак отшвырнул княжну и запрыгнул на вороного. Орда вбила ее копытами в степь и полетела за ним.

У старика впервые в жизни почему-то заныло под сердцем.

Сколько сотен лет, а память стучится в кровь, а кровь бьет по ночам в мое уставшее сердце и голову.

Киев, вокзал. Злобные люди, бомжи и самые дешевые проститутки в мире.

– Чего ты хочешь, милый? – спросила Нина.

“Как много на вокзале нищих”, – подумал я. Нищета – это не тогда, когда нечего есть, нищета – это, когда хочется умереть. Дай силу, Создатель, чтобы закончить эту исповедь, как всегда, не нужную никому. А разве кому-нибудь нужна чужая исповедь?

Я хорошо помню тот поезд и то существо, обреченное правом наказывать, даже смертью, совершая этим еще более отвратительное, чем те, которых оно убивает.

Разве не они придумали и прибили к колодцу фанеру с крупной надписью “Не плюй в колодец”. Я встречал в далеком детстве вдоль дорог такие аккуратненькие колодцы. И уже тогда понял, что написать это может только тот, кто плюет, но не хочет, чтобы плевали другие. Разве ребенок способен без такой надписи захотеть плюнуть? Вот мне и захотелось. Но я сдержался и, наверное,

за этот детский подвиг, возле синего океана получил в награду Учителя, который сотворил чудо – я начал видеть пллюющих.

Память безжалостно швыряет с Дальнего востока в Среднюю Азию – это всегда будет рядом, ведь ошибки прошлого ранят в самое сердце.

Спасибо Учителю, он научил возвращаться в ошибки прошлого. Я счастлив, – хоть и больно. Я снова могу пережить главное и донести берущему. Когда перестану бить по клавишам своего сумасшедшего компьютера, стану обыкновенным – собой.

Старое чудовище-компьютер по-прежнему пугает способностью принимать в себя уродов из чужого нам, людям, измерения. Люди действительно переборщили с искусственными мозгами. Пропадают главы, хотя умные компьютерщики клянутся, что быть такого не может. Пропадет файл, ну это ладно, но как может пропасть одна глава? “Просто чудеса”, – недоверчиво ухмыляются они. Но вчера снова не стало тринадцатой главы, а вместо нее самым крупным шрифтом, и почему-то кириллицей (на моей клавиатуре ее нет) несколько экранов отборнейшего мата с подписью: “А.С.Пушкин”. Ну что ж, придется заново возвращаться в прошлое, ковыряясь в нем до нестерпимой боли. Жаль, не успел переписать хотя бы на несколько дискет, но из них тоже частенько все исчезает. Об этом компьютерщикам не говорю, боюсь чрезмерной жалости, которая может вылиться неизвестно во что.

Может рукописи действительно не горят? Тыкать в клавиши, конечно, гораздо легче и быстрее, но в школе не только учителя не могли понять написанное мною, а и я сам, рыдая от горячих подзатыльников мамы, удивлялся загадочным закорючкам. А ведь первая книга была написана отруки, но, каждый раз, вспоминая как работал еще и шифровальщиком, я начинаю с ожесточением тыкать в раздолбанную клавиатуру. Родители научили читать и забыли, что нужно учить еще и писать.

Мой отец очень строго относился к своему продвижению по службе. А мать кланялась перед каждым его “умным” словом. Я так и не понял своей роли в маленьком концлагере. Я бродил между белых хризантем и видел: как бабушка не видит никого, кроме дедушки и, кланяясь, бежит за ним с подносом, на котором стакан водки, закуска, и обязательно: “Что-нибудь особененькое”. В бабушке бурлила Баскаковская кровь, но разве для таких дедушек. Мама целовала папе руки, заглядывая своими красивыми глазами в его умные. Но все же иногда швырялась тарелками и пыталась расцарапать лицо своему богу, который часто приходил пропахший чужими женщинами. Нас с сухой Тузиком даже иногда забывали покормить.

“Так было нужно”, – улыбаясь говорил мой Учитель из страны сосновых волн. А когда я начинал морщиться, он, снова улыбаясь, говорил, что по другому и быть не могло.

Но бывали и чудеса. Однажды мой папа решил пойти со мной погулять, мама лежала на диване и горько рыдала.

– Сын, идем путешествовать, – громко объявил мой отец.

И я сразу понял, что если мама рыдает, то значит так нужно. Разве женщины не плакали, провожая мужчин? Я уже о таком читал, в книгах. А мне ведь было только шесть лет. За забор выходил впервые. Вот так в моей жизни началась шестерка. А разве могло быть по другому?

Собирался я долго. Взял нож, деревянный пистолет, теплую куртку в самом разгаре лета, наверное, размечтался уйти навсегда из этого маленького сумасшедшего дома. Еще я взял длинную и толстую проволоку, потому, что был абсолютно уверен в изобилии крокодилов, которые будут попадаться на каждом шагу.

Вонючая канава, высоковольтные вышки, земля, заваленная дырчавыми кострюлями, старой обувью и еще какой-то рванью. Сильно огорчило, что отец не разрешил взять в путешествие Тузика. Иногда я прихожу туда – обычная сточная канава, но тогда...

И вдруг, непонятно откуда вынырнувшая стайка мальчишек начала забрасывать камнями рыжую, хромую кошку.

– Смотри какие негодяи, – строго сказал мне отец.

Но почему же мой сильный отец, непобедимый спортсмен, не сорвался с места и не убил их? Этого я понять не смог. Милый мой папа, ведь я в то время прочел уже много хороших книг, да, в шесть лет. Вы научили меня читать и даже не заметили. А может я научился сам?!

Грязная земля, уродливые сорняки и вдруг – раздавленная окровавленная ворона. Я с плачем побежал к своим белым хризантемам – это было первое и последнее гуляние с отцом.

Учитель, сколько же в тебе сил и знаний? Ты усилил мою боль. Что же я имею?

Жену с топором дровосека – ненужными знаниями, которую не вернуть, ни для себя, ни для ее родителей.

Но, Учитель, в отличие от тебя я почему-то не могу сказать: “Так нужно и быть по другому не может”.

И учеников нет. Вернее есть, но не такие...

А родители, они даже не хотят общаться со мной. Отец идет своей дорогой и хотя начальник какой-то типографии, я скитаюсь со своими книгами. Мать потребовала, чтобы я вообще никогда не приходил к ней в дом, хотя он ведь немного и мой. А отец продал дом, в котором родился он и я.

Учитель, а книги, которые ты мне разрешил писать, знал бы ты чего они стоят?

Единственное что умею по настоящему, так это лечить, – хотя порою и нечего жрать.

– Да Киев же, вы что, не слышите, мужчина? – ткнула меня в бок здоровенная тетка такой же круглой сумкой, как и она сама.

– Не трогайте его, – сказала Нина, положив руки мне на плечо.

“Ничего себе, обкурился”, – подумал я.

– Ну, Серега, сегодня покурим настоящей, – объявил мне один из средних сыновей Фу Шина.

Тот, которого Учитель отправлял на учебу в Шаолинь. Китай, придя в себя после культурной революции мечтал получить обратно своего Патриарха. Учитель не согласился, напомнив, что дважды в одну реку не войти. Но, проявив уважение к древним традициям, послал одного из сыновей на год в Шаолинь.

– Ну, так что, настоящего попробуешь? – спросил меня бывший монах.

В то время я вдыхал Чуйскую долину каждой клеткой и откашляться, мне казалось, – ограбить себя.

“Однако, настоящей, – подумал я. – А что же было последний раз?” А последний раз была именно та, которой сыновья Учителя выкуривают надоевших учеников. Они, после такого выкуривания, валяются и не могут встать даже перед Учителем, а потом убегают из Чу от своего позора.

– Сергей, я тебя очень прошу, – вдруг став очень серьезным сказал Искен. – Пожалуйста, только молчи, и все будет хорошо. Я уговорил старшего брата.

Может мы другие люди, и не понимаем мусульман. Мы – круглоглазые, действительно не понимаем их – узкоглазых. Пусть они сумашедшие по своему, пусть они разрушают святыни – те, которые считают чужими. Есть мир и есть они – мусульмане. Мне не хватает своей мамы, отца – я его не знаю вообще. У них, у мусульман, такого нет. Все хорошо знают друг друга. Я кланяюсь им. Мусульмане хотя бы знают это. Так приказал Аллах. И в этом я чувствую Ислам – покорность.

Подошел старший, и мы залезли в большой джип. Та машина, которую дарят за победу. Нашелся один умный, который задал несколько правильных вопросов и стал чемпионом Олимпийских Игр. Вот и получился шикарный джип в Чуйской долине. Вся Чу прибежала посмотреть.

– Ну, едем или нет? – снова спросил младший.

– Да, – ответил я.

В машине мне сразу стало не себе, я понял, что едем в крошечной черноте. Джип, прыгая на ухабах, понесся в сторону Тянь-Шаня. Все это время я был абсолютно уверен, что до хребта километров пять-шесть. Это была серьезная ошибка. Умный японский счетчик показывал, что проехали уже двадцать километров, а до Тянь-Шаня так и оставалось километров пять-шесть. Я тихонечко задышал – упражнение для видимости в темноте.

– Стараешься, – усмехнулся старший.

“Все чувствуют, заразы”, – подумал я.

Горный хребет начал вырисовываться четче, чернота медленно отступила. Джип прыгал огромным железным кузнечиком, не жалея своих рессор. Все, наконец-то, остановились. Я долго всмотрелся и увидел впереди какие-то строения. Мы отдышались и через минуту Ахмед, открыв дверцу, спрыгнул на землю. До Тянь-Шаня так и осталось километров пять-шесть. Низкорослая трава скрывала под собой какие-то дыры, я сразу провалился в одну из них по колено.

– Ахмед, – заныл я. – Давай подьдем, ведь еще метров сто пятьдесят.

– Хочешь чтоб растреляли? – спросил он. – Ведь просили, чтоб молчал.

Я заткнулся, задумавшись над сказанным. В отличие от братьев я все время проваливался, но все же понял, что дырки только там, где трава растет кустами. До небольшого сарайчика и очень большого пространства, которое было непонятно чем огорожено, оставалось метров пятьдесят. Вот тут и случилось то, что останется в памяти навсегда.

Сначала, я не понял, почему начали неметь пятки, но сразу к этому еще и появилась какая-то непонятная слабость в желудке вместе с брожением, переходящим в журчание. Братья шли спокойно, я понял, что им это привычно, поэтому немного расслабился. Мы были окружены здоровенными волкодавами, азиатскими овчарками. Мощных животных было штук шесть. Они плотным кольцом провожали нас к сарайчику. Без лая, только иногда у какой-нибудь из глубины глотки вырывалось глухое клокотание. Собаки шумно дышали, выпуская пар из носа на уровне моего паха, буквально в нескольких сантиметрах.

Ясная видимость начала исчезать, в небе появились холодные звезды. Из небольшого покосившегося сарайчика вышел человек в толстом халате и мохнатой шапке.

– Руска? – громко спросил человек, прижимая к правому боку одностольное ружье.

Большой крючок сверху дал мне понять, что ружье старинное.

– Йок, таге, дунгана, – крикнул Ахмед.

Я заткнулся до конца этой встречи.

Человек в мохнатой папахе что-то тихо сказал и собаки исчезли. Запах был необыкновенный, пахло сыром, необычным молоком и мускусом. Человек поставил ружье к стене ветхого сарая и, поклонившись, подал каждому из нас руку.

– Салам, салам, – сильным голосом, прокаленным ветрами предгорья повторял он.

Мы зашли в ветхое строение: ковер, пара овчарок, головокружительный запах конопли, приготовленной по-особенному. Самые зрелые шишки, прибитые морозом, опускают на некоторое время в кувшин с кумысом. Потом вынимают, отжимают и кладут под солнце, которое несмотря на зиму за несколько часов мокрую кашу превращает в камень. Вот так Чуйская конопля превращается в легендарный и самый дорогой в мире гашиш.

Человек снял мохнатую шапку и поклонился плитке, похожей на кусок черной макухи. Потом достал из-под ковра тростниковую трубку. Прижав плитку к груди, отковырнул кривым кинжалом от нее несколько маленьких кусочков и засыпал их в трубку. Еще он несколько минут что-то бормотал, резко и часто втягивая через чубук воздух. И вдруг из трубки пошел сладкий дым.

Трубка подплыла ко мне. Вкус оказался горький, сладкий, молочный, сперва – как раскаленный металл, потом – ледящийся легкие и вязущий во рту. Вдохнув два раза я передал трубку дальше и вслушался в свое состояние.

Я увидел перед собой старого воина с непокрытой головой, который с закрытыми глазами вдыхал этот таинственный дым. Почувствовал его тело, обладающее невероятной силой, из старого поношенного халата потянулись едва видимые, дрожащие золотые нити. Я перевел взгляд на кривой кинжал, лежащий на ковре и поразился. На старом лезвии были четко видны все зарубины и царапины. В ветхом сарае у подножья Тянь-Шаня я понял зачем употреблялись отдельные сорта гашиша в боевом искусстве. Гашиш обострил восприятие окружающего, как мне показалось, до предела. Я видел все, а стоило на чем-то сосредоточиться, то начинал видеть даже больше. Наверное, при необходимости срочного обучения или перед непредвиденным боем этот уникальный природный психостимулятор и применяли. Но сразу возник вопрос: “Какая двигательная память останется после?” В этом стоило разобраться.

И вдруг в голове взорвалась мысль: “А как же конопля загорелась без огня?”. Трубку держала рука, похожая на когтистую серую лапу беркута.

– Пойдем, – старший брат дернул меня за руку.

Раскланявшись, мы снова оказались на бугристой земле. Я теперь отчетливо видел каждое отверстие, спрятавшееся в кустах. Ни разу не споткнувшись мы подошли к джипу.

– Смотри, сколько отломил, – сказал Ахмед, удобно развалившись на кожаном сиденьи.

Кусок был размерами с толстую плитку шоколада.

– Да, надолго хватит, – согласился я.

– Где там, надолго, – вздохнул старший брат.

– Это почему? – удивился я.

– Вай, всех угощать надо, – снова вздохнул он. – Это ведь особенный, жадничать нельзя, силу потеряет. Човаз ведь не продал, а угостил, значит и угощать придется, – третий раз Ахмед так жалобно вздохнул, что мне его стало жалко.

– Слушай, а что за имя такое странное, Човаз? – спросил я.

– Это по-нашему – Орел, – гордо ответил старший брат.

Я решил не сразу расспрашивать о необыкновенном человеке. Чувствовалось, что здесь присутствует какая-то тайна и братья проверяют меня на сдержанность.

Вдруг, где-то впереди, явно от Тянь-Шаня, начала нарастать непонятная вибрация. Внезапно кожаное сидение джипа задрожало подо мной как живое. Глянув вперед я ужаснулся, к машине со стороны гор приближалось что-то черное, похожее на огромную волну. Через мгновение я четко увидел летящий прямо на нас табун лошадей. Назабываемое зрелище. Еще мгновение, и я увидел несущегося впереди вожака. Перекошенная от ярости морда в пене и ослепительно белые зубы. Он был огненно рыжий и силен. Мое сердце рванулось, больно ударив по ребрам. Когда жеребец с грохотом запрыгнул на капот, я сжался и закрыл глаза, ожидая смерти. Джип грохотал и подпрыгивал под ударами копыт, пока через него не пронесся весь табун. Земля постепенно перестала дрожать.

Я сидел и боялся открыть глаза. Было непонятно, как остался жив, и страшно глянуть на изуродованный джип. А когда представил, что Фу Шин узнал, зачем мы ездили в предгорье, жить расхотелось вообще.

– Серега, – раздался голос Ахмеда.

Я медленно открыл один глаз. Старший брат внимательно разглядывал мою физиономию.

– Что, побежали? – заботливо спросил он.

– Куда побежали? – прохрипел я.

– Откуда мне знать, у всех разные бегают. Это сила гор, первый раз всегда так.

Он вдруг отпрянул от меня.

– Тихо, тихо. Рассказал бы, ты б не поверил, да и вообще проверка есть такая. Значит воин.

– Ах вы, дети своего отца, – заорал я. – Гляди, проверка какая, дать бы вам за такую проверку. Хоть бы возраст мой уважили, я ведь через пару лет аксакалом стану, а сдох бы с перепугу, как бы Учителю объяснили?

– Стой, стой, – замахал руками старший брат. – Возраст здесь не при чем, ведь сам согласился, ты ведь доктор и говорил, что в травах разбираешься. А умереть не умер бы, так, чуть-чуть бы с ума сошел, – успокоил он меня.

После этих ободряющих слов я заметил, что сижу на переднем сидении, изо всех сил прижав руками подбородок к коленям.

– Ну, экспериментаторы, рассказывайте, что дальше будет, – усевшись удоно грозно потребовал я.

– Все, – успокоили братья. – Теперь только хорошее.

И в этот же миг они с интересом уставились в одну точку. Теперь что-то началось для них. Любуясь почему-то красным Тянь-Шанем, я ждал, что будет дальше.

– Вай, – сказал вдруг каким-то чужим голосом один из братьев. – Много мы с Човазом вдохнули. Как домой ехать будем?

– Да, много вдохнули, пожадничали, – потвердил другой.

– Слушай, – сказал Ахмед младшему. – Ты пойдти и поищи следы.

– Какие? – спросил Искен.

– Какие-какие, те, по которым приехали, – разозлился Ахмед.

Теперь уже начал злорадствовать я. Искандер вылез из машины и раздвигая траву усердно искал следы. Его голова светилась ярким зеленым светом как фонарь. Поэтому я не боялся, что он потеряется. Внезапно голова прекратила светиться, младший брат с радостным воплем подбежал к машине и одним движением запрыгнул в нее.

– Смотрите, что я нашел! – он бережно протянул к нам обе ладони.

В одной Искен держал играющий всеми цветами радуги крупный драгоценный камень, другой слегка прикрывал его, и от этого она тоже переливалась.

– Выбрось эту гадость, – заорал старший брат.

“С ума сошел, выбросить такое чудо”, – подумал я.

Искен вдруг сильно вздрогнул и бросил камень в окно. В стекло ударились и упала мне на колени дохлая мышь.

И тут я понял, что нахожусь с двумя молодыми идиотами, которые экспериментируют не только на мне, но и на себе. Они даже

не знали как пользоваться этим опасным галлюциногеном. То, что все не так было – явно, иначе кому нужен такой гашиш? Самое отвратительное то, что переход из нормального состояния в галлюцинацию и обратно был совершенно неуловим.

Я тихонечко взял дохлятину за хвост, она запищала, зашевелила носом и усами, а в черных глазах-бусинках появилась мольба. Мышка была серенькая, с двумя черными полосками на спине и очень симпатичная. Я бережно опустил животное на сидение. Мышка мгновенно прыгнула на пол и исчезла. Так дохлая или нет?

Обернувшись я обнаружил, что нахожусь в машине один. Дверца долго не открывалась. Когда вышел, то сразу провалился по грудь в белую маслянистую массу. Никогда в жизни не прикасался к более омерзительному. Белая слизь приклеивалась к лицу, я отдираал ее, вымазываясь все больше и больше. Мир утратил свой звук, а потом стало невозможно дышать.

– Ребята, – завопил я. – Ребята, помогите, что скажет Учитель?

И вдруг мне стало необыкновенно больно за них. Ведь Учитель любит меня, а они бросили умирать. Я увидел как Он наказывает своих детей и ужаснулся. “Это из-за тебя, – тряс головой и хохотал демон с красной рожей. – Видишь, как ты приехал к Фу Шину?”

– Ребята, братья, – заорал я, необыкновенно остро чувствуя свою вину.

И вдруг захлебнулся. Слизь медленно и вязко потекла в легкие.

– Чего орешь, Серега? – услышал я удивленный голос Ахмеда.

Они сидели на заднем сидении и испуганно смотрели на меня.

– Собаки, – еле выдавил я из себя. – Что дальше?

– Все хорошо, все хорошо, – в унисон забубнили братья.

– Кому хорошо? – потребовал я.

– Нет, правда, все хорошо, – сто раз подряд повторили они.

– Как хотите, но поехали домой, – приказал я.

– Зачем? – удивленно спросили братья.

Стало непонятно. По теории, через время галлюциген должен начать свирепствовать, а кто знает как?..

Братьев не было, я разговаривал с дохлой мышью. Белая слизь, заполнившая легкие, медленно выходила, растворяясь перед глазами. Нужно было искать братьев. Я вышел из джипа, в лицо ударил резкий запах хвои.

Когда Учитель ушел, оставив меня в поселке корейских лесорубов, я ощутил страх голода. Я не был голодным, вокруг не было истощенных людей. Но страх перед голодом имел свою особую силу.

Маленькие узкоглазые люди с большими мозолистыми руками молча сидели вокруг костра. Дети радостно визжа бегали где хоте-

ли и никто не мешал их безудержному веселью. Это было непривычно и пугающе. Взрослые перестали воспитывать детей. Корейцы казались мертвыми, как будто уже наступила весна. Они все отчетливо понимали, что зима обернется белой смертью. Лесорубы не хотели войны, но это был единственный шанс хоть кому-нибудь выжить.

Уже были мертвые японцы и раскуроченная техника. Война между лесорубами переросла в тайную войну древних кланов. Зверь туп, но он никогда не упускает своего.

Возле джипа сидели две огромные азиатские овчарки и, раскачивая головами с ободранными ушами, заунывно пели какую-то древнюю дунганскую песню. Я начал делать упражнения на распределение энергии. Братья пели, медленно раскачиваясь из стороны в сторону, их головы ярко светились. Я не ошибся, окружающее обострилось до невероятных пределов. Но этим нужно уметь управлять.

Загон для овец был огорожен охавками каких-то колючих кустов. Я четко видел небольшие темно-зеленые листья и длинные кривые колючки. И это за сотню метров.

Стало обидно до слез за то, что никогда не сидел за рулем. Затолкав молодежь в джип, я все-таки отважился сесть за руль. Ведь сколько раз водитель при мне начинал все это с нуля. Несколько раз дернувшись мы поехали.

Главное было добраться до трассы. Чувствовал, что начал ехать слишком быстро, по-другому не получалось. И вдруг с размаху налетел на дерево. Лобовое стекло с звонким шорохом рассыпалось, окатив меня блестящим водопадом. Стоп, какое дерево в предгорье. Нет, просто почему-то резко остановился. “Все, – сказал я себе, – хватит”. Откинув переднее сидение закрыл глаза. Оказывается, это единственное, что было нужно.

Я снова провалился к Учителю, на берег Тихого океана.

– Сергей, Учитель просил, чтобы я взял тебя с собой, – сказал Пак.

– Просил? – удивился я.

С Паком мы познакомились два дня назад. У Няма везде есть мастера – ученики Школы. Среди лесорубов и воинов, и даже по всей Земле.

– Куда пойдем, Пак? – спросил я.

– В живое царство, – ответил он.

– Пошли.

Взгляд на ошибки прошлого может различить будущее, вот на что способен живущий в настоящем. Это одна из самых великих триад срединного состояния, которое бесконечно ими.

Привокзальное кафе окончательно привело в себя. Вспомнил, что голоден уже несколько дней, жрать захотелось так, что даже испугался. Но вспомнив, что еще и обкурился, слегка успокоился.

А что моя жизнь? Так получилось, – бесконечная усталость и постоянное чувство голода. Какое-то время мечталось где-нибудь отлежаться и отожраться, хотя бы немного, но потом стало ясно, что в этой жизни не придется. Значит в следующей буду как-ким-нибудь чудовищем, которое жрет и лежит, только это и успокаивает.

– Чего-нибудь хочешь, милый? – ласково спросила Нина.

– Всего, ответил я, усевшись за белый пластиковый столик.

Добрая судья понимающе кивнула и куда-то исчезла. На столе, растопырив обрубленные ноги, появилась большая горячая, золотая курица. По двухлитровой запотевшей пластиковой бутылке с чем-то зеленым стекали тоненькие прозрачные струйки. Маленькую лужицу на столе захотелось слизать, но я удержался. Горчица, кетчуп, картошка, вообще все, чтобы умереть в муках. А ведь всегда хотелось вдоволь наесться нормальной еды, – особенно плова. Ну что ж, перебирать не приходится. У доброго судьи я выпросил еще и бутылку водки, решив, если и умирать, так с полным удовольствием.

– Кушай, милый, – успокаивала меня добрая судья. – Кушай, тебя здесь никто не узнает.

“Вот так они все и живут”, – подумал я. Что-то совершают, прятаясь друг от друга. Несчастные йоги, сектанты и прочие придурки, косящие под какую-то только им ведомую святость. Как-будто, если я сейчас наемся курицы и это кто-то увидит, то мои книги, Школа, Учителя и вылеченные больные исчезнут, либо станут недействительны.

Объяснять что-то умной Нине совсем не хотелось и я начал пожирать бедное животное. Съев курицу почти со всеми костями, я попросил у своего спонсора торт, и желательнее, побольше. Он оказался действительно большим. Доедая торт, в котором меня больше всего восхитили большие жирные розочки, я слегка и незаметно всплакнул.

Вспомнился несчастный и такой же голодный Терентьевич. Потом мама, ненавидевшая мои никому не нужные брошюры, жена, не выдержавшая долины Чу и заболевшая смесью из подозрительности, мании величия и еще чего-то непонятного и многого другого.

Я расстроился и потребовал еще стакан водки. Бедная женщина была так потрясена моими пищевыми подвигами, особенно убийством торта, что выполняла все быстро и беспрекословно.

Этим я пользовался изо всех сил, прекрасно понимая, что подобное ненадолго.

Мужественная женщина, потому, что после того стакана я помню только отдельные ночные мгновения. Они состояли из горячих поцелуев, тяжести судьи, которая безжалостно топталась по мне и душила в объятьях. Еще вспоминался ее горячий, шершавый язык, слизывающий с моего лица слезы, которые потекли бурными ручьями, когда понял, что происходит обычное насилие и никакого понимания. Страхивать с себя судью было незачем, да и не было сил.

Стало понятно, что попал в какой-то очередной поток, но желанье закончить вторую книгу было так велико и казалось таким невозможным, что я закрыл глаза и провалился в темноту и адвоката.

Утреннее пробуждение было как после хорошей тренировки с жесткими боями. Болели ребра и плечи, даже показалось, что вывихнута левая кисть – старая травма. Еще почему-то болели губы, зубы и глаза. Когда вернулось зрение, я увидел свой гонорар за изнасилование. Мокрая, завернутая в полотенце, улыбающаяся Нина и... На маленьком столике возле кровати икра черная, икра красная и так далее, но главное удалось как никогда. В дверь постучали и в руках у справедливого судьи, как по волшебству, появился пузатый графин с коньяком.

– Как тебе, милый? – нежнейшим голосом проворковала женщина.

За все мои сорок лет подобное увидел и испытал впервые. Злая рука демона сжала мне горло, дыхание сбилось, выдавливая предательские слезы. А разве не этого я хотел? “Нет, не этого”, – ответил я себе. Но чего хотелось, так и не понял. Хотелось икры, коньяку, уважения, неприкосновенности и дописать вторую книгу. То, что без Нины книги не будет, было понятно и так. И от этого стало тошно. Я отбросил усталость и попытку хоть что-нибудь понять.

Адвокат щипал меня, щекотал, целовал, кормил икрой, наливал в рюмку коньяк. Я тупо жрал и пил, с ужасом ожидая чего-то тяжелого, неотвратимого, очень похожего на преждевременную смерть. Красивая женщина с белыми волосами казалась страшным пауком, втягивающим в себя. “Куда ты денешься”, – светило в ее серых глазах. А деваться мне действительно было некуда. “Ничего, все обойдется”, – говорил я себе, вглядываясь в ее жадные глаза. Только бы книга, только бы донести долину Чу тем, кому она нужна. Какая непостежимо навязчивая идея или сила Учителей?

Киев. Вот она удивительная и настоящая женщина, удивительная всем – красотой и умом. Мать генерального, женщина, которая нашла в себе мужество и силы выслушать Терентьевича, через него понять меня и мою первую книгу. Я поцеловал ей руку, своей гороскопической сестре, ведь мы одного числа, месяца и года. Женщина одного со мной знака – невероятно. Это значит, что у нее такая же сумашедшая жизнь. Мы выпили кофе, Евгения внимательно посмотрела на меня и Нину. Она все поняла, от этого сразу стало легче. Я прощался совсем не жалея, что не поговорили, я знал – встреча еще впереди. Прощаясь, я снова поцеловал ей руку, она меня в щеку – великая награда от такой женщины.

ГЛАВА 15

Дверь отворилась и в камере появились две новые жертвы. – Слухайтэ, хлопци. Вы не бейте цего, бо вб'ете, гарниш ебить, – объявил надзиратель.

– Кого? – крикнул с нижней нары Длинный.

– Розбэрэтэсь, – и дверь с грохотом захлопнулась.

Первая семья, скатившись с нар, окружила новеньких. Один – худенький, перепуганный, но не потерявший еще достоинства очкарик с очень интеллигентным лицом. Второй – пожилой лысый мужчина огромного роста. Он сразу упал на колени.

– Только не бейте! – лицо и руки дрожали.

Сразу стало ясно, что его бросают из камеры в камеру, и везде безжалостно избивают и гонят. Лицо было синее, в кровоподтеках и рваных ранах.

– Только не бейте! – хриплым шепотом кричал он. – Все делать буду! Только не бейте! Я уже не могу! – и мужик упал на грязный пол, сотрясаясь от рыданий.

– Не переживай, разберемся! – радостно потирая руки, заявил пахан. – Ну-с, начнем с вас, товарищ! – Он обратился к интеллигенту в очках.

Через несколько минут Кот махнул рукой и указал проворовавшемуся торговому работнику место возле педерастов.

– Иди, чума! – пахан пнул его под зад.

Торговый работник интереса не представлял. Разве что его будущая дачка с копченым салом и другой жратвой.

– Ну, пидор, рассказывай!

Все с интересом уставились на мужика.

История оказалась безумной. У мужика было с собой обвинительное заключение, которое он боялся уничтожить. Еще бы, такая важная государственная бумага, вдруг суд без нее не состоится. Но на суд его почему-то не забирали. И он с этим обвинительным заключением таскался из камеры в камеру.

В этой камере, как он всех убеждал, ему очень повезло. Да и кому он был нужен, избитый, грязный, пожилой, лысый, тем более, что в камере была куча петухов и даже один любимый.

Обвинительное заключение изуродованного мужика убило меня наповал. Оно гласило, что три года назад сошлись двое разведенных, женщина, имеющая пятилетнего сына, и мужчина, имеющий тринадцатилетнюю дочь. Три года они прожили вместе, как утверждала жена, нормально. Муж работал начальником цеха и был достаточно уважаемым человеком. В результате, уже подросшая дочь рассказала историю своей мачехе. Она была умная женщина и поэтому, трясясь от страха, но все же проследила и убедилась в действиях мужа. Медицинская экспертиза установила, и показания потерпевших бесспорно подтверждали, что он уже несколько лет близок со своей дочерью, которую ухитрился запугать, а маленького пасынка с пяти лет приучил к оральному сексу.

Можно ли этого больного сажать в общую камеру? Стреляйте их, сжигайте, закапывайте заживо, так нет же – вам, создающим законы, на все наплевать. Хотя наверное, нет, скорее всего вы такие же извращенцы, только более утонченные. Вы уродуете чужими руками, или вы не знаете, что происходит в затхлых камерах? Какое же состояние вы должны испытывать, зная все наперед, и все равно посылая больных на истязания? Не вижу отличия между вами.

Мужик на был интересен первой семье. И Кот, махнув рукой, обратился к лежащей рядом на нижней наре второй семье.

– Ну что, пацаны, решайте. И, я думаю, вы поступите справедливо.

Я без труда догадался: самое жестокое, что есть в камере, – вторая семья. Потому что она – такая же как и первая, но все же обделенная.

Несколько дней я провел как в тумане, глядя на издевательства, которыми был доволен пожилой извращенец. Он все время отбивал поклоны и благодарил за то, что его не бьют.

Бить людей в этой камере просто устали. Вступать в половую связь с этим мужиком не додумался никто. Да и зачем? Несколько раз пытались заставить, чтобы это сделал кто-то из петухов. Те старались изо всех сил, но, так как были ослабленные и перепуганные, ничего не вышло. Да и вообще секса в этой камере было достаточно. И тут вторая семья придумала истинное, как им казалось, развлечение и наказание.

Теперь счастливый извращенец жил на параше. Параша в камере была высокая, почти по пояс. На нее нужно было заходить по ступенькам. В центре, утопленный в цемент, стоял унитаз. Извращенец пил только из него и, когда в коридоре начинали греметь баландеры, он руками выгребал дерьмо, бросая его в бак для бума-

ги. После кто-нибудь из второй семьи брал из кормушки миску и переливал ее в чью-то петушинную. Обиженный брал свою миску и выливал в унитаз. Пыхтя на краю, извращенец ложкой хлебал свою пайку. Вот так он питался.

Извращенец начал потихонечку отходить, раны заживали. Он уже спокойно сидел на параше несколько дней, выполняя приказания второй семьи. Ел бутерброды с дерьмом, которое намазывал на хлеб по первому же требованию. Камера уже несколько дней искренне развлекалась, почти забыв о несчастном хлопце, которого недавно изнасиловали.

Я понимал, что не воздержание мучит их! Им необходима смена психического состояния. Отвлечься от собственных ужасов они могут только таким способом.

– Чайку налить? – обратился к извращенцу один из подонков, и тот, сидя на параше, с готовностью подставил кружку.

Подонки помочились в нее. Извращенец жевал бутерброд, запивая его из кружки.

Уже сутки, захлебываясь, хохотал проворовавшийся торговый работник. Его никто не трогал, потому что и так было ясно, он не заткнется, пока в сознании. Торгаш сам залез в стойло к петухам и, втершись между ними, хрипло хохотал. Наверное, чувствовал, что туда его никто не полезет бить. Да и обиженные были не менее испуганы, периодически переходя на нервный смех.

– Спасибо, ребята! – радостно хлопая руками по обвисшим ляжкам, приговаривал мужчина. – Мне у вас лучше всего.

Потом вдруг попросил еще “чайку”.

– Ладно, не жалко! – усмехнувшись, сказал Кот и подошел к параше, расстегивая ширинку.

Извращенец, протянув кружку, ждал. В первое мгновение никто ничего не понял. С диким ревом мужик кинулся на Кота и оказался сверху. Кот, ударившись об угол железной нары, уже был без сознания. И вдруг, зарывав, мужик с хрустом перекусил пахану кадык. Камера захлебнулась и затаила дыхание. А тот, громко урча и пуская кровавые пузыри, вгрызаясь все глубже.

Я руками закрыл глаза, камера одновременно дико закричала. Семьдесят глоток орала так, что дрожала тюрьма.

Дверь отворилась и влетела толпа надзирателей с деревянными киянками, которые у них сразу же выпали из рук. Сверху на пахане с разорванным горлом извивался извращенец. Голова Кота лежала в луже крови. Мужик начал обкусывать ему лицо. С проклятиями их вытащили в коридор, и дверь мгновенно закрылась.

Через время в кормушке показалось искаженное лицо надзирателя с трясущимися губами.

– Паскуды, бляди, суки! – вырывалось из дергающихся губ. – Если через пять минут кровь не уберете, всех поубиваем! – кормушка с треском захлопнулась.

Педерасты медленно вылезли и начали одеждой собирать кровь. В камере стоял тяжелый запах.

Длительное ожидание собственного конца полностью меняет и уродует человека. В этой камере сидели люди не зная, что получат от судьбы: либо солидный срок, либо расстрел. А что еще может быть, если ждущие семьдесят человек загнаны в четыре стены и почти сидят друг на друге.

Обиженные вытерли кровь несколько раз, через время напряжение начало спадать. На свободе, случись такое, вряд ли отошли бы так быстро. В камере начали говорить о Коте.

– Все равно, – махнув рукой, сказал Длинный, – пахану грозила вышка. Вот и вышло...

Пришло время выбирать нового пахана. Камера оживилась. Первая и вторая семья рассуждали, высказывая предположения. Вновь нарастало нездоровое, напряженное веселье, в котором участвовало всего лишь человек двадцать-двадцать пять. Остальные в страхе ждали. Потому что были так называемые “кресты”. Их было гораздо больше, но страх за собственную шкуру разъединил. Очевидно, по сути своей эти люди не были уголовниками. Первая и вторая семья, несмотря на вражду, были очень сплоченными. Ничто не могло нарушить их единства.

– Так кто будет паханом? – раздалось из первой семьи.

– Пусть Длинный будет! – раздался хриплый голос из-под нары.

– Чего? – спросил Длинный и, завернув матрац, заглянул под нару. – Может, я тебе нравлюсь? – Длинный заржал.

– Да, нравишься, – раздалось из-под нары.

– И чем же? – заржала вторая семья.

– Длинного хочу! – снова послышался голос из-под нары.

– Вовик, а, Вовик, – Длинный еще больше отвернул матрац, – расскажи, чего ж ты так меня хочешь?

– Хочу – и все! – упрямо произнес тот.

– Ну, тогда вылазь, – предложил ему Длинный, – иди и хорошенько помойся.

Запах крови еще стоял в камере.

“Что же он делает? – подумал я. – Совершеннейший скот!”

Вовик привычно и спокойно взял мыло и вылез из-под нары.

– Сейчас, я быстренько! – сказал он и пошел к крану возле параше.

– Давай, зайнька, давай! – подбодрил его Длинный.

Казалось, камера еще больше сошла с ума.

– Послушай, Вовунчик, ты уже чистенький, – Длинный снова отогнул матрац. – А я совсем забыл о тебе. Давай, родной, пока так, – И, спустив штаны до колен, он лег животом вниз на щель между железными полосами.

Около минуты Длинный блаженно сопел, но внезапно, второй раз за день, камеру огласил дикий животный вопль. Длинный задергался на наре и, когда перевернулся на бок, то окружившие его увидели вместо паха кровавое месиво.

Камерный воздух, люди и даже вши, ползающие по матрасам, казалось, сошли с ума.

“Не верю! – твердил я себе. – Это сон!”

В камеру сразу же заскочили надзиратели.

– Ну что, опять, падлы! – громко заорал один из них.

Надзиратели на мгновение оцепенели, даже для них это было слишком.

Потерявшего сознание Длинного вместе с Вовиком, утащили на санчасть. После этого камера замолчала. Все тупо и сосредоточенно начали искать у себя вшей. Полная тишина, лишь сопение и треск между ногтей. Это была уже не тюремная камера, это была камера с сумашедшими.

Вот так память иногда бьет по мозгам. Попробуй только задремать во время восхода, который показывает биотелевизор. Восход, который двадцать лет подымался перед моим окном наконец-то продали. Завтра я еду смотреть новый космический корабль. Тоже истерзанный, но по-другому. На большее не хватает ни денег, ни ума.

Нужно продолжать.

Киев остался позади. С Ниной расставались долго, целовались и обнимались.

Я стучался уже более часа. Тишина, которая разъедает мозг. Еще через время понял: что-то случилось. В тамбур зашел Терентьевич. Я выдохнул воздух и внимательно посмотрел на него. Потом снова вдохнул и ударил бедром в дверь. Вот оно и случилось. На татами сидела совершенно пьяная Татьяна. Вокруг нее плохо знакомая толпа. Они с криком: “Не бейте женщину!”, кинулись ко мне.

– Сергей Анатольевич, мы все знаем, – предвкушая редкостное развлечение заверещала толпа.

– Они знают все, – подтвердила Татьяна.

– Что случилось, – удивился я? – Что они знают, объясни-ка, Тать?

И сразу понял, что впервые в жизни так назвал жену. “На, смотри, – сказал я себе. – Вот твоё творение, которого больше всего в жизни ты боялся”. После того, как в Чу я испугался за жизнь жены и оборвал её седую прядь волос, вмерзшую в землю. Татьяна разгадала мой страх. Она поняла, что я ощущаю свою вину. И этот топор дровосека теперь постоянно метил в мою голову. Вот она, гороскопическая мания. Татьяна нашла способ делать мне больно. С этого момента и началась её бесконечная охота. Что бы ни случилось с ней, окружающие с радостью обвиняли меня. Совершенно забывая, что я обычный человек и передатчик. Впрочем нет, большинству нравится травля. Вот она и началась.

– Мы знаем, что всему вас научила жена. Мы даже знаем, что от вас отказались в Чуйской долине, а все секреты передали ей, – заявил мне незнакомый мужичек с коричневой физиономией.

Глянув на окружающих я понял, как им этого не хватает.

– Мы не дадим её бить, – завизжала какая-то женщина и подскочила ко мне, выставив свою грудь.

– Вы собрались её защищать? – спросил я.

– Да! – дружным хором ответили все.

– Вон из моего дома и защищайте её на улице, – приказал я.

Обворованная на зрелище толпа взяла Татьяну под руки и повела к выходу. Под глазом у жены светился фонарь. “Сколько же всего ещё будет?” – с ужасом подумал я. А ведь я вложил ей этот топор в руки. Неужели она никто, нет, она женщина и этим сказано многое... Имел ли я право, что-то решать? Уникальная процессия удалась. Да, эту птицу ранил я, но с каким желанием она подставила грудь. Ведь она радостно бросилась в новое. Но разве она не была тогда человеком?

Интересно, кого в тот миг я оправдывал: её или себя? Можно было обвинять кого-то угодно, можно было упереться в нескончаемый софизм. Пришло время что-то решать, но это что-то было ещё дальше и недоступнее чем острые верхушки Тянь-Шаня, подпирающие небесный океан.

Все вылеченные люди стали вдруг ничтожно малы на фоне бессилия. Лица учеников, всегда стоящие перед глазами, начали медленно расплываться. В тот миг случилось самое страшное, что могло случиться в Школе. Знание, умение влиять на людей для их лечения, на моих глазах были обращены против этих же людей. Самый близкий человек использовал силу для достижения выгоды, и силу не малую. Знания, которые я с верой отдавал человеку, женщине, ученику, жене, теперь будут использованы против меня.

То, что эффект будет невероятной разрушающей силы сомнений даже не возникало. Я ощутил тяжелое дыхание взрослого, как никогда, Зверя, в лице своей жены, с которой прожил почти двадцать лет. Что же я упустил? Голова казалось взорвется от наступающей трагедии.

Можно постараться и пережить без особых затруднений много. Но как признаться себе, Учителю, друзьям, больным и всем читающим первую книгу в своей слабости?

Но ведь она всегда хотела быть со мной. А разве я имею право, что-то кому-то запретить или разрешить. Няма еще с самого начала объяснил, что я могу только предложить. Все другое бессмысленно и преступно. Знания – не таблетки, которые заставляют или убеждают пить. Знания можно только предложить.

И все равно я сильно испугался тогда под яблоней. Я был уверен, силы настолько оставили ее, что она решила уйти. Но тогда, почувствовав беду, я нашел ее и взял на руки, оборвав седые волосы, которые уже успели намертво вмерзнуть в схваченную льдом долину. Имел ли я право помешать ей умереть?

Когда это случилось в следующий раз после долины в подъезде, она долго плакала. И призналась, что нет ничего радостнее для нее видеть мои страдания, видеть как мне больно. Оказывается ее всегда поражало мое стойкое отношение к окружающему безумию. Испуганный и растерянный я казался ей таким нежным и незащищенным, как наказанный ребенок. Я просил прощения, для нее это было высшим бажением.

Ночами я долго рассматривал гексаграммы и гороскопы, но уже было поздно. Я пренебрег звездами и был за это наказан.

Я начал бояться Татьяну. Эти действия повторялись все чаще и чаще. Я сидел в комнате и боялся кухни. Я сидел в кухне и боялся комнаты. Я ждал, когда раздастся звук упавшего тела. Опять бутылка, она была где-то спрятана, но уже валялась рядом пустая. Татьяна без сознания и разбитое лицо. Она не стеснялась такой выходить из дому, это личная сила, личное безумие, долина поселила в ней демонов.

Через время поползли слухи, что мастер, врач, автор “Рецепта от безумия” самый безумный из всех. Люди приняли это очень радостно. И я вернулся от Школы к самой прописной истине, о которой совсем забыл.

Умным профессорам, когда они задавали сверхумные вопросы, Фу Шин отвечал всегда одинаково. Корова выбрасывает под себя лепешки, а коза – горошек. Смущенные умники согласно кивали головами, а когда Учитель спрашивал: “Почему?”, пожимали

плечами. “Так вы не знаете, – удивлялся Патриарх, – а про звезды спрашиваете”.

Я вернулся назад еще дальше. Люди обрадовались и начали травить меня так, что вспомнились строки детства, совсем уже забытые. “Ах, моська, знать она сильна, коль лает на слона”. Моська оказалась конченной сволочью, это и так понятно, а величественного, обгавканного слона стало жалко до слез. Не слишком ли много для подтверждения Моськиной тупости?

Вот такой он, бесконечный Космос, постоянно меняющийся и всегда остающийся собой. И что бы мы не городили в своих умных головах, великий космический хаос всегда будет переходить в гармонию и наоборот.

И вот дождался: какая-то немыслимая секта собралась прилюдно сжигать мою первую книгу и объявила это по всему городу.

У меня появились враги и друзья. Я смеялся и плакал по ночам, осознавая, что все это породил я. Я не понимал, почему долина сперва дала силу и понимание, а потом все забрала.

Но однажды понял, что это просто следующий этап, но уже гораздо выше. Ведь я пытаюсь стать Воином Света, чего же тогда хочу? Еще понял – дальше будет тяжелей и больше ответственности, но легче уже не будет. Только идущий осилит Путь, и это знают все.

Пропустив все эти мысли через себя и увидив их по-новому, я решил вспомнить всех своих знакомых мастеров. Я был поражен, почему же раньше не видел этого. Стало стыдно.

Большая часть мастеров занимала жен до встречи с Учителями. Либо сразу после непродолжительного общения с Ними. Таких даже больше. Ведь когда вступаешь в Школу повышается энергия и личная сила. Становишься как мед для жужащих от желания мух. Это только потом женщин отпугивают знания и слишком большая сила. Они начинают просто хотеть мастера. Но не быть рядом с ним всю жизнь. Для этого нужно быть особенной женщиной, той, которая сознательно выбирает себе нелегкую жизнь. Ведь у более взрослого мастера прямо на лбу написана будущая жизнь женщины.

Вот потому идущему можно взять жену только в сорок лет. А ведь я знал это и пренебрег. Не понял или не захотел, нет, не понял, тогда было не до этого. В те далекие и страшные времена любые знания, не вписывающиеся в законы, созданные судьями-Нинами карались зонами и даже отнятием жизни. Поэтому я слишком спешил, вот и поспешил.

А когда до меня дошло, что почти у всех мастеров жены по имени Татьяна я уже и не знал: то ли плакать, то ли смеяться. Вот и на мою голову пришел тать. А я наивно верил в чудо, которого

и в природе то нет. Вот так встретили меня демоны в начале пути. А я, сильный и напыщенный, рассказывал жене о том, что мужчина формирует женщину и дает ей веру в жизнь, в себя и будущих детей. Женщинам – да, но не демонам в их облики. Он появился внезапно, очень сильный и взрослый, из самого близкого человека на земле. И от него, как тогда показалось, не освободиться никак.

Я знал, что не смогу избавиться от Татьяны, я был абсолютно уверен, что она всегда будет рядом. Разве ей интересно быть на расстоянии, ведь туда не будет долетать крик моего отчаянья. Она знала, что никогда я не посмею с кем-то поделиться своим ужасом. Не потому, что стыдно, а потому, что жаль ее, потому, что не хватит жестокости.

Иногда я бывал уверен, что демон, которого в своих книгах я называл тупым, оказался сильнее и умнее меня в тысячу раз. “Но ведь зверь туп”, – рыдая напоминал я себе, и это сказал не я.

А еще впереди нужно было писать добрую и честную книгу о Патриархе Фу Шине. “Как это сделать”, – часто думал я, со страхом прислушиваясь к звукам на кухне. Потом, услышав знакомый стук, вставал и шел к неизбежному. Она пьяная хохотала, плевалась, кусалась, бросалась драться, желая только одного, увидеть в моем лице поселившийся страх. Все поменялось в этой жизни: я начал страдать как раньше страдала она. Но она страдала от жизни, которая окружала меня.

Еще тогда, в самом начале, жена часто говорила, что очень хочет оказаться со мной на каком-нибудь далеком острове. Потом она придумала, что очень хочет ухаживать за мной больным, не вставшим с постели.

Я проглядел в молодости ее гороскоп и манию, которую нес. Знак абсолютной собственности. Да и Школы тогда было совсем чуть-чуть. Но я обрел свой путь, а она его возненавидела. Этот Путь отдалял меня от нее. Так ей казалось. Я все восстанавливал в памяти и ужасался тому, из какой нелепости это родилось.

Потом я научился, не вставая с места, четко определять где спрятана бутылка, несущая мне очередную порцию боли и страха. Я удивлялся, как быстро овладел этой техникой, которая не приносила никакого проку. Но все равно собирал бутылки, растыканные уже по всей квартире.

Потом все усложнилось, жена перешла на улицу: там наши игры в жмурки затягивались на долгое время, порою даже на несколько дней. Я находил ее, а она презрительно оттопыривала губы. И старалась плюнуть мне в лицо. Я никому не жаловался, ведь в этом не было смысла.

И вот, пришло то время, когда я четко ощутил страх за состояние своей психики. Да, зверь туп, я подтверждаю это, но он бьет изнутри. Конечно это неблагородно, нечестно и необыкновенно больно. Но ведь он же зверь. Мы думаем о свете и хотим света. Не огненных слепящих брызг, а мудрого света, не красивых эмоций, о которых я много пишу, а треугольника, позволяющего оглядеться вокруг. Нельзя забывать в красивых Школьных поединках о главной войне жизни, в которой властвует он – тупой, жадный зверь.

Мне нужно было жить и писать дальше: по первой книге я убедился, что это необходимо, и не только для меня. Книга оказалась нужна людям и совсем не нужна зверю.

Однажды из жены выплеснулось что-то незнакомое: схватив два столовых ножа она двумя руками нанесла удар вперед. Я успел опустить голову. Лезвия ударили над правым глазом и соскользнули вниз. Жена улыбалась, глядя как кровь заливает мое лицо. Мой дом – единственное место, где должен быть спокоен, стал местом, где нужно опасаться удара.

Первая книга, наверное, всполошила весь ад. Но он все равно пропустил свое время потому, что самоуверен и туп. Первая книга – жила, даже если бы и не было второй. Школа поделилась своей силой, я не провалился в яму и не напоролся на гвоздь и демоны, наверное, удивились. Во вторую я и сам верил с трудом. Дом был забит сумашедшими почитателями, которые при ближайшем рассмотрении оказывались моськами, гавкающими на меня, измученного и жалкого слона.

Я вырвал с корнем звонок, висящий на двери, вторую дверь придавил компьютером и упал на татами.

Возле колодца, который всем объявлял привязанным к нему сухим желтым кустом, что он последний перед пустыней, остановился запыхавшийся юноша. Несмотря на молодость, у него была густая курчавая борода непонятного цвета, очень темная кожа, изодранная повязка и стертые сандалии. Огромные черные глаза беспокойно бегали по бескрайней пустыне, казалось, они хотят заглянуть за край земли. Еще немного и можно было подумать, что он заблеет как потерявшийся ягненок.

– Неужели Учитель далеко? – пробормотал юноша, отбросив за спину потоки длинных вьющихся волос и начал вытерать свое мокрое беспокойное лицо пустым и грязным мешком, таким бесполезным в начале пустыни.

Солнце медленно набирало огненную силу. Ученик взрогнул и бросил взгляд в сторону колодца. Под сухим кустом лежало горячее нагое тело и умоляюще протянув руки просило напиток.

Порывшись в мешке молодой человек вынул оттуда кусок сыра и швырнул его просящему, потом громко всхлипнув бросил в него и ненужный мешок.

Он не понимал и ненавидел этих людей. Последнее время они стали попадаться чаще, кому молятся – было не понятно. То ли их считали нечистыми, то ли они себя, пили из луж как собаки, ели с земли. “Кто смотрит на тебя, пей, – думал ученик. – Воду им нужно подавать, но ведь она не еда, которую нужно зарабатывать. Кто видит тебя”, – излишняя честность сейчас раздражала как никогда. Может они придумали просить воду, чтобы просить и еду? Вот так и швыряют им из жалости. А кто обидит такого, зачем?”

Ученик вдохнул как перед прыжком и побежал, хлопая ремешками развалившихся сандалий по начинающим раскалываться камням пустыни. Разомлевшие ящерицы шарахались, скорпионы раздраженно поднимали свои ядовитые крючки. “Лишь бы ничего не случилось”, – думал ученик. “Почему так холодно, – удивился он. – Хоть бы я заболел. Пусть моя болезнь, только бы ничего с Учителем”. Юноша остановился, холодно, он поежился, передернул плечами и снова побежал вперед.

“Зачем я остался в этом селении, а как же не остаться, ведь я его люблю, ведь его нужно кормить. Вот ведь, странный какой”, – улыбка скользнула по лицу бегущего. – Даже самые правильные слова мало дают, лечит и то не по-человечески, мертвых поднимает – ничего себе лечение. Спасибо, хоть камнями за это не забрасывают. А сколько еще всякого. За что еды просить? А тут, как хорошо получилось. Слепому от рождения глаза мазью помазал, а тот взял и прозрел. Плясать все начали, знали бы, что это за мазь. Хорошо, хоть никто не видел как он плевал в пыль и размазывал ее на ладони. За это и еды не грех взять. И вдруг на тебе: “Идем, идем”. А кто с ним поспорит. Вот голодные и пошли. Да чтоб они все, собаки, подошли. Его бы накормить”.

“Догоню, догоню”, – повторял себе задыхающийся юноша, бегущий между раскаленных камней.

“А ведь мешок какой был, – он чуть не заплакал, – еле тащил”. Да и сам не поел. Ну не есть же под солнцем. А в хлеву оказалась эта девчонка – голодная, чумазая, а как она вцепилась белыми зубами в кусок сыра, а тут и кувшин вина в мешке. Да и не был никто никогда против вина. Выпили, схватил все и снова бежать. А она: “Чем тебя отблагодарить?”

Вот тут мешок и выпал: “Чем ты, чумазая, можешь отблагодарить”. Он вдруг остановился и ахнул, схватившись за голову. Вот и отблагодарила. Сколько спал после благодарности, не помнил. Проснулся – мешок пустой, да кусок сыра в нем. Юноша заплакал,

вытирая черные глаза, хороша была девчонка, кусалась даже. “Учитель”, – снова ахнул он, и сломя голову побежал вперед.

Навстречу бегущему из раскаленного марева выплыл небольшой караван. Поблуждав какое-то время глазами по неспеша идущим лошадям, он кинулся к старику, сидящему в богатой повозке. Хозяин был почтенным, с длинной седой бородой, в белой чалме, позади него еще более важно восседал слуга с широким опахалом. Юноша упал в пыль, повозка остановилась.

– Дайте ему напиток, – тихо приказал хозяин.

– Нет, – ученик вцепился руками в край повозки. – Где Учитель? – ногти впились в сухое дерево.

– Не о том ли ты – худом и рыжем, окруженном грязными оборванцами?

– Это тот, который от него, – прохрипел теряющий силы юноша.

– Не тот ли это, кого ищут убить? – покачал головой старик.

– Он сам говорил, что не пришел еще его час, – испугался ученик.

Подошедший слуга облил юношу из ведра водой.

– Говорите, почтенный, – задрожал ученик.

– Кто знает, когда придет его час, – пожал плечами старец.

– Говорите, – юноша уперся лицом в быстро высыхающую грязь.

Число три вдруг вспыхнуло в мозгу у ученика. “Учитель всегда говорил, что это шесть. Ему тридцать три, а ведь это тоже шесть. Неужели я потерял его, – подумал юноша. – Ведь шесть плюс шесть – это двенадцать, а один плюс два – это снова три”. Цифры обрушились на его раскаленную голову, не давая никаких объяснений. Стало страшно, как-будто скорпион уколол своим крючком прямо в сердце.

– Уже наложили руку, – с сожалением покачал головой старец.

– Когда? – закричал юноша, ощутив порыв ледяного ветра в раскаленной пустыне.

– Там, – старик кивнул головой в сторону своего прошедшего пути, – такое же селение, как и впереди. Я часто здесь езжу. Они что-то украли.

– Собаки, собаки, собаки, – взвыл юноша. – Он ничего не украл. Это они, собаки.

– Не знаю, что хотели сделать люди, – продолжал старик, – но когда оборванцы начали разбегаться, женщина упала на колени и сказала, что он спас ей жизнь. “Разве можно отнимать жизнь у того, кто спасает жизни?” – причитала она. Женщина кричала, что ее хотели побить камнями за прелюбодеяние, а он сказал, что

бросить камень может только тот, кто безгрешен. Люди закричали, что это ложь и она обвинила их в каких-то не существующих грехах. А она все клялась и клялась, закрывая его собой. Вот и побили ее вместе с рыжим. – покачал головой старик.

Повозка скрипнула и медленно пошла своим путем.

Силы вдруг вернулись к ученику. “Собака”, – закричал ученик. Он катался в пыли, бился головой о горячие камни. Потом, вскочив, бесстрашно с хрустом давил размахивающих хвостами скорпионов, гонялся за ящерицами и тоже топтал их ногами. “Собака, продажная тварь, женщина”, – кричал он на всю пустыню. Падая, катался в пыли, раздирая себе лицо, снова вскакивал и гонялся за ящерицами и скорпионами. “Час не пришел, – причитал он. – Еще не пришел его час!” – кричал он. И вдруг затих на долгое время. “Ах воры и собаки”, – придя в себя и качая головой шептал он.

Старое засохшее дерево, окаменевшее под огнем пустыни, вдруг поманило его к себе голыми кривыми ветвями. Обнажившись, он начал раздирать свою повязку на узкие полосы, помогая зубами, ногтями, прижимая к горячей земле окровавленными сандалиями от раздавленных ящериц. Ну вот, последний. Он залез на качающуюся пирамиду из натасканных камней. Крепкая ветка и петля. “Я все не правильно понимал, – думал юноша, перебирая пальцами веревку. – Пойду, спрошу, хоть и грех. Но быть рядом и не понять – это грешнее”, – решил ученик. Пирамида закачалась, но чьи-то крепкие руки подхватили сзади. Юноша отчаянно брыкался, а когда все-таки с него содрали петлю, то увидел стоящего рядом Учителя.

– Ты? – удивился Учитель. – Не болен?

– Видите, – он обратился к оборванцам, – а вы говорили: “Догонит”.

– Живой, – с блаженной улыбкой прошептал ученик. – Проклятый старик, – и повалился к ногам Учителя.

Солнце ушло сжигать дальние земли, оставив на время ученика с Учителем. Серый вечер оживился миллионами малых жизней в ожидании ночной прохлады. Пустыня зашевелилась, зазвучала, таинственно зашуршала, громко и жалобно засвистела.

Покосившееся жилище приняло под свою ветхую крышу измученных бродяг. Учитель не уставал, а прошедшим огненным днем родился еще один, навсегда забывший об усталости. Бродяги, называвшие себя учениками, повалившись на пол спали глубоким дерганным сном.

– Так значит еще не время? – с надеждой спросил юноша.

– Время уже пришло, – ответил Учитель.

– А как же я?

– У тебя это только начало, – с грустью ответил Учитель.

– Меня мучают цифры, – признался ученик.

– Какие?

– Я понял, что три – это не главное, я понял, что три это всегда шесть. Ведь потому тебе и тридцать три. Ведь, правда, – он с надеждой посмотрел Учителю в глаза.

– Но Бог един, – строго ответил Учитель.

– Я знаю, что Он триедин, – радостно заявил ученик. – Знаю и понимаю.

– Правильно, – усмехнулся Учитель. – А хочешь, я сейчас покажу тебе Бога?

– Да, – испуганно ответил ученик.

– Видишь, вон Вера, – Учитель кивнул в сторону совсем маленькой девчушки, которую развлекала более старшая сестра. – Она живет верой, она верит, протягивая свои крохотные руки на встречу любому. Потом проходит время и веру сменяет Надежда. Она надеется, что люди все-таки люди. Разве не видишь, ведь ее сестра уже Надежда. Обратись к ней и она со страхом и надеждой посмотрит в твои глаза. А вон, матери помогает готовить еду для спящих Любость. Она уже начинает понимать, что главное – это Любовь. Любовь – единственное, что осталось для нее и для всех в этом мире. Нельзя постичь Любовь не постигнув однажды Веру и Надежду. Она помогает матери, вот все они и есть Господь.

– Но ведь их четверо, – в отчаянии воскликнул ученик. Я путаюсь, – жалобно пробормотал он.

– Их трое, – засмеялся Учитель. – Триединство, а мать, это София – Господня премудрость, создавшая их, начало начал. Ведь Господь един в трех ипостасях. Ты сам говорил, что понял это.

Ученик встал и торжественно поклонился Учителю. Возле пустыни, в ветхой лачуге рождался обычный ученик.

Он снова бежал по еще не горячей пустыне. Пройдет немного времени и на раскаленных серых камнях застынут одни скорпионы и ящерицы. Позади осталась лачуга, приютившая спящих и вечно голодных учеников с Учителем, время которого уже пришло. Ученик торопился навстречу кровавому морю – начинающемуся рассвету.

Слова Учителя из прошедшей ночи глубоко засели в мозгу, безжалостно разрывая его. Казалось, что навстречу солнцу бежит сумасшедший, спорящий с кем-то невидимым, кричащий на кого-то невидимого. Он то останавливался, то снова бежал, грозя кому-то кулаком, ударяя ногами по острым камням, снова и снова выкрикивая какие-то непонятные слова.

– Самый сильный, я самый сильный, да, я самый сильный, – со смехом повторял ученик. – А сложно быть сильнее этих ленивых, грязных, голодных, вечно спящих собак? Ах, как почетно быть лучше их. Я не самый сильный. Зачем он обидел меня. Я даже не самый умный. Я просто люблю его. Вот и все, – выкрикивал юноша, вытирая на бегу слезы.

– Да, пришло его время. “Иди и спасай то, во что веришь”, – сказал Он. Разве Его могут схватить и осудить? – закричал на всю пустыню юноша. – А Он говорит: “Так будет”. Но разве могут спасителя, поднимающего мертвых и больных, осудить? А Он говорит: “Могут, ведь это люди, которые делают, а понимают потом. Неверящие будут кричать: “Осуди”, – говорил он, – и спасенные будут кричать: “Осуди”, – повторил он. Неверующие – из-за неверия, а спасенные – из-за нежелания видеть счастливыми других”. И тот, который любит людей, такое говорит, – хохотал на всю пустыню юноша.

Он вдруг остановился и схватился за голову: “Но ведь только так они поймут кого убили, – взорвалась еще одна страшная мысль. – Неужели смерть Учителя поможет кому-то?”

Ученик бежал навстречу показавшемуся вдали городу. “Не верю, – говорил он себе. – Не верю, что поднимется рука хотя-бы у кого-то. Не верю”, – говорил он себе, но уже знал, что именно так и будет.

– А я, – снова заплакал он, – я всегда теперь буду с ним. Вспомнят его и сразу вспомнят меня. Ну и пусть. Ведь я давно уже болтаюсь на сухом дереве. Вспомнят его, сразу же вспомнят и меня, – как сумасшедший повторял и повторял он. – Неужели убьют, неужели живем в мире, где убивают за доброе?

– Убьют, – согласился юноша, – Потом напишут книгу о том как убивали и будут целовать ее, молиться ей и назовут самой умной книгой на Земле. А напишут те грязные собаки, проспавшие эту страшную ночь.

Он схватил камень и швырнул в приближающийся город. “Вот вам, проклятые”, – с ненавистью прошептал ученик. Город и солнце неумолимо надвигались на бегущего, и никакая сила не могла отменить встречу с убийцами.

– Отлично, отлично, – радостно потирая пухлые ладони, повторял жирный разодетый человек. – Ты хороший гражданин, – он брезгливо похлопал по плечу измученного солнцем ученика. – Сколько ты хочешь за этого смутьяна, будоражащего чернь?

– Тридцать, – вырвалось у ученика.

– Почему так мало? – удивился жирный человек.

– Не знаю, – снова вырвалось у юноши и он вдруг опомнился. – Я честный гражданин и не хочу наживаться на смерти. Поэтому мне хватит на женщину и кувшин вина.

Жирный захохотал и погрозил ему пальцем.

– Возьми больше, – он снова полез в кошелек. – Купишь себе женщину подороже.

Ученик зажал в руке тридцать монет и замотал головой.

– Нет, я не привык к дорогим женщинам, тридцать достаточно. “Действительно, почему тридцать? – мелькнула мысль в голове.

– Как хочешь, – пожал плечами толстяк. – Но как мы узнаем, что это именно он?

– Я подойду и поцелую его, – сказал юноша.

Это особенно понравилось толстому человеку, он долго еще хохотал в спину уходящему ученику.

... Сухо выстрелила щеколда, заскрипела дверь, прохладная, но вонючая тюрьма проглотила еще одного человека. В ней уже было трое смертников, Учитель оказался четвертым. Двое преступников сидели, опершись о стену, уныло опустив головы на грудь. И только лишь чернобородый великан несколькими шагами от стены к стене, как маятник, отсчитывал оставшееся время.

– Я узнал тебя, – вдруг остановился он. – Ты тот, который воскрешал мертвых и изгонял болезни из умирающих. Ты дарил жизни, а я отбирал, но нас обоих казнят. Разве мы делали одно и то же? Что скажешь ты, мудрец, или мудрость от страха перед смертью покинула тебя?

– Страх перед смертью нет, так же, как нет и самой смерти. Человек убивает от страха перед смертью. Все преступления человек совершает от страха перед смертью. От страха перед тем, чего нет. Идущий во мраке боится своей тени. Есть только один страх, страх сделать ближнему больно, – тихо ответил Учитель.

Двое сидящих на полу подняли головы.

“Почему тридцать”, – мучался ученик. Он швырнул одну из монет, ее догнала ящерица, но есть не стала. Юноша подобрал блестящий кружок. “Почему же тридцать, – продолжал мучиться он. – Десять и так три раза. Три раза по десять”. В десяти оказалось три тройки и одна монета. Он пытался десять разделить на три и получившаяся бесконечная тройка почему-то поразила в самое сердце.

– Всю жизнь считал деньги, таскал ящик с деньгами, а не умею считать. Я просто не умею считать, – ненавидя себя бормотал, раскачивая головой ученик.

“Нет, я просто не умею любить и понимать”, – в отчаянии проклинал он себя. “Вот цена вашего предательства, люди”, – плакал

ученик, отбрасывая от себя как можно дальше каждую монету и так тридцать раз. Потом он встрепинулся и побежал туда, где скоро должны убить Учителя.

“Убьют предателя, – вдруг осенило ученика. – А Его отпустят. Я понял, – осенило бегущего юношу. – Нужен предатель, чтобы все все поняли. Почему Учитель не сказал всю правду? Ах да, он думал, что я испугаюсь. А я ведь понял – смерти нет”, – радостно плакал на бегу ученик. “Люди убьют предателя и тюремщиков”, – ликовал прозревший юноша. Он очень спешил, он боялся опоздать на свою казнь.

– Спасибо, Учитель, – преклонив колени плакал бородатый.

– Учитель, – протягивали к нему дрожащие руки остальные.

– Ведь мы пойдем с тобой? – с надеждой спрашивали трое преступников. – А там ты все объяснишь, – умоляли они. – Мы верим, мы верим, – твердили раскаявшиеся. – Мы не боимся смерти, мы не боимся того, чего нет. Ты только не оставь нас.

– Все будет, – печально улыбнулся Учитель. – Ведь вы дороже всех праведников на свете.

– А вот, Учитель, – вскочил с пола бородатый и у него мгновенно высохли слезы. Какое-то время не хватало смелости, но для него это было важно и приговоренный решился.

– Можешь иметь сразу нескольких жен? – тревожно спросил великан.

– Можешь иметь – имей, – улыбнулся Учитель.

Бородатый облегченно вздохнул.

– Смотри, улыбаются, – удивился один из стражников, вталкивающий в повозку связанных грешников.

Океан людских тел с бушующей пеной рук. Учитель с интересом смотрел на людей: кого узнавал, кого нет. Ликование перед праздничным зрелищем, не понятная ненависть и крохотные островки сострадания. Он улыбнулся плачущей женщине, но не узнал ее.

И вдруг, толпа протяжно завывала. Еще через несколько мгновений, чернобородого убийцу выбросили из повозки. Стражник взмахнул ножом и связанные за спиной руки повисли как плети. Учитель медленно удалялся от ошарашенного великана. Стражник, опершись на копьё, с улыбкой что-то объяснял ему. Чернобородый закричав, с невероятным усилием пробившись сквозь толпу вцепился в повозку и задержал ее.

– Не оставляй, Учитель!

Идущие около повозки стражники захохотали.

– Я верю тебе, но неужели мои грехи так велики, – рыдал убийца. – Я боюсь только одного – потерять тебя. Не оставляй меня.

Стражники с хохотом начали бить копьями по его пальцам.

– Я буду всегда с тобой, – крикнул ему Учитель и чернобородого великана втянула гудящая толпа.

Уже несколько часов ученик доказывал людям, что это он предал святого человека. Кто просто отмахивался от него, кто отгонял ударами, все были увлечены казнью, стараясь ничего не пропустить. Не было видно только лишь учеников, которые всегда на перебой клялись в преданности.

“Как одинаково трещат кости и как одинаково кричат люди”, – уткнувшись лицом в пыль, подумал юноша. И тут он увидел три столба. Потом увидел три застывших в воздухе человеческих тела с широко раставленными руками, как-будто пытающиеся защитить Землю.

ГЛАВА 16

Сегодня окно показывает синее небо и начало лета. В некоторых местах трава уже подняла куски серого асфальта, там где его нет зеленые кусты уже отцветшей сирени колышутся от легких порывов ветра. Деревья набрали силу и вздрагивают яркими листьями.

Через несколько часов за мной приедет жена с орущими реэлторами, все требуют, чтобы я посмотрел будущий дом. Впрочем они, наверное, правы.

За окном раздался знакомый лай, старый водолаз Бенья выбежал пощипать травки и обтыкать черным носом ближайшие стволы деревьев. После Бени появится буль Вова, наконец-то хозяева поняли друг друга и выгуливают собак по-очереди. Я заварил чай. А вот и хриплый лай Вовы. После этих двух чудовищ пойдут болонки, пикинесы, пуделя и вся остальная мелочь.

Вот хлопнула дверь и зарычал мотор, мне не нужно выглядывать из окна, я знаю этот старенький “Жигуль”, но в нем не Рома. Наверное, стоит вспомнить о нем.

Рома был самым добрым и безотказным человеком в мире. Этим, конечно, многие пользовались, в том числе и я. За это и еще многое Ромку любили и уважали.

На первый взгляд и даже на второй в его семье было все чудесно. Жена, двое детей, квартира, машина. Но работал только он один. Дети называли его просто Ромой, очевидно, приученные к этому в детстве. Но через время это выглядело отвратительно. А как может выглядеть здоровенный, не работающий, ничем не интересующийся парень, развалившийся на диване, зовущий пожилого отца по имени? Еще такая же, не менее обнаглевшая дочь, использующая своего безотказного и любящего Рому. Да и с женой последнее время стало, не очень. А Рома пахал и пахал на свою семью, полностью смирившись со своим положением. Последнее время он начал сильно уставать на работе, хотя никакой болезни в нем не замечалось.

И тут я понял, что знаменитая теория переходит в страшное практическое доказательство. Я позвал его к себе домой и долго

как мог объяснял причину его состояния. Рома не поверил, долго смеялся и сказал, что когда станет совсем плохо, обязательно прибежит ко мне, благо, бежать через дорогу. После этого я собрал его друзей и родственников, семью не отважился. Я кричал, махал руками, доказывал, но все оказалось бесполезно. Страшно, когда один видит то, чего не хотят видеть другие.

А все было очень просто. Двое его детей обнаглели до того, что не желали работать или учиться, а Рома прислуживал им как собака. Любовь и безотказность по отношению к своим детям дошла до абсурда. В его доме поселилось безумие. Взрослые дети ели, лежали возле видеомонитора и отдавали приказания. Любовь залила глаза моему другу.

Я объяснял, то скрипя зубами, то переходя на крик. По всем законам Космоса мой друг должен был умереть. Это единственное, что могло повлиять на детей и жену. Тем более две молодые личности деградировали с огромной скоростью. Только Ромкина смерть могла заставить их встать с дивана. Родственники пожимали плечами, друзья пригласили нас с Ромой на пиво. А Ромка, смеясь, снова побещал, если что, прибежать сразу ко мне. Прощаясь, я заглянул ему в левый глаз, зрачок оказался даже слишком крохотным. Ромке оставалось дней десять.

Я очень любил его, но ничего так и не смог сделать. Законы Космоса неоспоримы, не стало одного, но были спасены трое. Крайности всегда убивают. Вот и пришлось сбежать. Может это и есть малодушие? Но что разбираться. Я сбежал к Андреевичу и пробыл у него десять дней. Он подерживал меня как мог. Когда приехал домой, Ромку уже похоронили. Как все-таки страшно бывает знать больше чем окружающие. После этого его родственники и друзья шарахнулись от меня навсегда.

Жигули, фыркнув несколько раз, растворилось в звуках окружающих мой двор.

Как же много я оставляю в этом родном дворе. Деда Вову по кличке “Дай сигарету”, друзей и знакомых, детей, забегавших ко мне посмотреть на коллекцию бабочек. Юных девочек, живущих во дворе и дающих силу тем, что не теряют ко мне интерес. Любая из дурочек готова выйти за меня замуж. И даже тезка, даун Сереня, сидящий зимой и летом на лавочке возле подъезда уже никогда не покажет свой длинный и острый язык, который показывал мне пятнадцать лет подряд.

А вот все и приехали, громкие голоса, сейчас начнут стучать в дверь. Так стучат только реэлтеры. Так стучат только те, которые способны по твоему желанию продать все, что угодно, даже кусок жизни.

Казалось, сон оставил навсегда. Я перекатывался по татами в бесполезном поиске удобного места. Наверное, только через час понял, что впервые за много лет остался один.

Четыре года как попрощался с Фу Шином, но еще ни разу не прикоснулся к Подаренной им силе. Четыре года – вот оно распутье, распутье, ведь сейчас я прямо на нем, – дошло до меня. Хотя уже есть первая книга и половина второй, но, что дальше?..

В долине был случай, когда вышел из тела и ощутил Божественную сущность, поэтому и выжил. До долины пытался выходить, но каждый раз неудача.

Сейчас много пишут о выходе в астрал, но это слишком серьезно. Стать Богом, выйти из храма и стать Божественной сущностью, из храма, который нас держит, из храма, который хочет всего, но только не выпустить. Ничего себе рекомендации дают пособия по выходу в астрал. “Главное, не испугайтесь, и все будет хорошо”. Да, если не испугаешься, все будет хорошо. Но как не испугаться – об этом не говорит никто.

В долине мне помог Ким, потом получилось само. До этого было примерно так. Татьяна спала, я лежал рядом. Долго расслаблялся, делал дыхание, искусственно умирал, но, когда понял, что не получится, потянулся своим застывшим телом, вытянув руки далеко за голову. И вдруг с ужасом вспомнил, что лежу на полу, а за головой стена, потом увидел свое тело. Вот тут и случилось страшное.

“Не пугайтесь, – рекомендуют в пособиях по выходу из тела, – и все будет хорошо”. Звук был неопишуем, так низкие сущности не пускают, не дают стать лучше и выше себя, не дают разобраться в окружающем. Слишком силен становишься, если оторвешься от своего земного храма. Звук был действительно неопишуем. Что-то среднее между хохотом, ревом, тоскливым воем и необъяснимыми вибрациями. Мозг и сердце сжались в крошечный комок, кровь застыла. За мгновение похудел на несколько килограмм, как-будто вышел из реки и не вытершись сразу лег на простынь, ее можно было выжимать. Больше до Чуйской долины я даже не пытался заниматься подобным.

“Вот что мне надо”, – мелькнула мысль, когда очередной раз перекатился с одного места на другое. Уверен, получится. Может это спасет как когда-то спасло в долине. “Наверное нет того звука или того крика, который способен испугать. Может ли что-нибудь испугать меня теперь”, – думал я, медленно расслабляясь, начиная умирать от кончиков пальцев ног. Что увидел потом? Ужас, которого я не испугался, потому что понял увиденное.

Крика не слышал, увидел бегущее детство, двор с белыми хризантемами, любимую суку Тузика, все это мелькало, не давая сосредото-

читься, и вдруг – стоп. Учитель Ням, прощаясь он говорил: “Займись своей силой, ты пережил двадцать пять лет, но ты пренебрегал Школой. Людей твоего знака обязательно за что-то убивают. Это не значит, что убивают люди, – убить могут и эмоции! Могут убить страх, любовь. Телу тяжело выдержать два Огня. Школа помогла тебе, но удерживаться от контактов с женщинами ты должен сам. Ты ведь знаешь, ученик, случайно не бывает ничего. Школа дала тебе одну женщину. Обрати на нее внимание так, как должно! Но и у нее не бесконечное терпение, так же как и у Школы. Если ты сожжешь еще кого-нибудь, то Школа направит твой Огонь против тебя. Это было опеределено изначально. Вот так, Сергей!” Учитель впервые назвал меня по имени. “Уничтожь в себе сексуальную силу, и сила Школы войдет в тебя. Это самое тяжелое испытание в твоей жизни”.

И вдруг перед глазами появилась первая книга, а ведь в ней все это дословно. Одно из предложений огромными пылающими буквами засветилось перед глазами: “Обрати на нее внимание так, как должно.” Все исчезло. Эти слова Ням сказал почти двадцать лет назад.

Я увидел свое тело, такое ненужное, жалкое, безжизненное. Прожитая жизнь с женой стала понятна до болезненной простоты. Я жил с ней, защищал, терпел, хотел чего-то непонятного. Вина и постоянная боль. Я брал на себя слишком много, я вообразил себя Богом. Она говорила, что ей плохо, а я винил себя за это. Она постоянно пыталась себя убить, но почему-то ни разу не убила. Почти двадцать лет Школы, больных, учеников, поиск особенной женщины и какая-то несуществующая вина.

“Обрати на нее внимание, как должно”, – снова прозвучала фраза Учителя. Она ненавидела меня, проклинала, но двадцать лет везде ходила за мной, бесконечно твердя о своей лютой ненависти. В ней была какая-то огромная сила. И вдруг до меня дошло, что не какая-то, а обычная демоническая сила. Сколько раз она пыталась убить себя, но каждый раз я успевал помешать. Несколько раз пыталась убить меня, я находил под ее подушкой в постели ножи, разные острые предметы. Она делала все, чтобы я оступился, чтобы со мной что-то случилось и ни разу не попыталась уйти по-настоящему. А я не пропускал ни одной женщины и нес на себе этот груз безумия.

Все стало ясно до смешного. Сколько же во мне было огненной силы, которую я тратил на постоянную борьбу с демоном. Он почти двадцать лет назад поймал меня, молодого и глупого, в обличье Татьяны, и за двадцать лет прижился рядом, пытаясь уничтожить даже саму Школу. Как же я привык к ней.

Огромное растущее лицо Татьяны, огромное на весь мир лицо Татя с медленно стекающей вниз кожей. Под ней не было черепа,

под ней было другое лицо – там прятался демон. Какое испытание, я остался жив. Ну здравствуй, демон, я оглядывался, я искал тебя, я высматривал тебя вдалеке, а ты был рядом. Ты готовил мне пищу, касался меня руками и губами, ты страдал вместе со мной, ты плакал вместе со мной, но ведь кроме страданий и слез, кроме того, что ты прощал меня, кроме всего этого хоть раз, хоть как-то помог ли ты мне? Я вспомнил слова, которые однажды вырвались у тебя в порыве любви и ненависти, в порыве ревности и ослепляющей ярости. “Как я хочу, чтобы ты был болен и не вставал с этой постели, – кричал ты, показывая на лежащие в углу татами две подушки. – Ты был бы только мой”.

Демоны, достающие через близких, иногда становятся близкими. Это страшно вдвойне, потому что из невозможно увидеть.

Двадцать лет в состоянии сумашедшего Бога, берущего вину на себя. “Обрати внимание на нее, как должно!!!” – сказал мне Учитель. Двадцать лет – ничего себе.

Через какое-то время я пришел в себя и вновь с невероятной силой на меня обрушилось сострадание, боль, жалость, привычка, любовь. Чрезмерная боль, чрезмерная жалость, чрезмерная привычка, чрезмерная любовь. Я не Бог, я передатчик, я знаю, что глуп и беззащитен, но это была моя победа, демон терял силы. Вопль, окруживший меня уже не был страшен. Я кланяюсь своим Учителям. Но знать и понимать это слишком мало, нужно идти дальше.

Снова вспышка, особенно яркая, тишина, и через несколько мгновений – Община. Сосновые волны, законы шестерки, соединение ян и инь. Боль пылающей молнией прожгла все тело, вот она – память. Ведь Учитель говорил о демоне, говорил как в женщине можно распознать его. Где же был я эти двадцать лет?

В основе женщины лежит, конечно же, поиск мужчины, ведь ее цель – это продление жизни. Именно за этим она приходит в жизнь. Мужчина приходит за тем, чтобы найти разум и передать его детям. Мужчина приходит за пониманием жизни. Очень они разные эти инь-ян, продолжающие жизнь на земле.

Все религии стоят на главном фундаменте, на девственности, на первой брачной ночи, о результатах которой должны знать все. Конечно, ведь женщина – инь, она вбирает в себя информацию и возвращает ее. Мужчина – ян, он отдает информацию. Каждая женщина мечтает иметь первого и единственного мужчину – учителя и защитника. И если она поддалась демону, то когда она находит того, единственного, и рождает от него дитя, с ужасом замечает, что оно похоже не на желанного, а на всех, которые были в ней.

Сперма – частица мозга, несущая информацию. Смешавшись, информации порождают в женщине демона. Женщина перестает

быть женщиной, а становится разрушителем семьи, ненавидящим все окружающее. Она перестает любить даже себя и желает только одного: поработить мужа и ребенка. Женщина даже не замечает этого.

Вот так рождается демон. Все стало на свои места. Мне внезапно стали понятны многие догмы религии. Какой? Да ведь она всегда была одна, как и сам Господь, что бы не придумывали великие выдумщики-люди.

С татами встал другим. В дверь постучали, отодвинув ногой компьютер, я пошел открывать.

– Привет, Серега, – споткнулся о порог пьяный Терентьевич – единственный человек, на которого я мог хоть как-то рассчитывать.

Но как, если от него остался только один казачий нос и тот красно-синий? Даже руки тряслись вместе с буйной головешкой.

– Все, Шура, садись и слушай, – очевидно у меня получилось очень грозно, так грозно, что Терентьевич даже перестал трястись. – Ты знаешь, что зверь туп? – поинтересовался я.

– Ну и? – совсем протрезвел Шура.

– А то, дорогой, что я не призываю тебя воевать.

– Ну, хоть это успокаивает, – прошептал настороженный Терентьевич и в его глазах мелькнул тот огонек, который меня всегда слегка пугал.

– Поэтому, – продолжал я. – Воевать не будем, но может начнем хоть немного сопротивляться, а? – предложил я.

Шура задумался надолго.

– А как? – вдруг испугался он.

– Книгу дописать нужно? – спросил я.

– Дурацкий вопрос, – ответил мой издатель.

– Сколько осталось у нас денег?

– У нас? Это очень громко сказано, – захихикал издатель.

– А ты знаешь, что издатель должен кормить писателя? – зарорал я на Шуру.

Это меня всегда очень возмущало. Ведь у Шуры не получалось кормить даже себя. Работать эта гадина нигде не хотела, вернее не могла. А ведь предлагали, и это святая правда. Он делал только то, что хотел и это обходилось мне всегда очень дорого. Во сколько можно оценить собственные нервы? Но это еще не все. Я был абсолютно уверен, что без него невозможно жить. Хоть и прожил без него пол-жизни. Вот такая загадка. Вот он, Шура, который попал в нужное время и в нужное место.

Как мы, порою, не хотим менять свою жизнь, а если не хотим, может стоит задуматься – почему? Ну очень мне хотелось увидеть и почувствовать реакцию на наши с Учителем книги. Потому, что

эта реакция самая интересная. Я знал, что все делаю правильно, зачем тогда что-то делать? Но первая реакция определяет последующую волну. Все это дает заглянуть в то время, которое еще очень далеко. В то время, которое уже не будет совершенно интересно после ухода с земли.

Я попался на искуителя, но ведь я передатчик, не теряющий связь с людьми. Если честно – собачья должность. Охраняешь, предупреждаешь, лечишь от болезней и за все это получаешь ногой в морду. А может ли быть по другому? Кто я? Да никто и фамилия моя никак. “Мусоропровод, передатчик”, – говорил мастер Юнг.

– Заткнись, Серый, – заорал на меня Издатель и я почувствовал, что Шура тоже не очень легко.

Все это творится с моего согласия, поэтому и виноват, как всегда, я. Нет, у меня все же мания величия.

– Что будем делать? – в отчаянии спросил Шура.

– Слушать меня.

Еще было тепло, через несколько минут в долине должен был выключиться свет. Именно так и случается, кто-то нажимает бесшумный выключатель и солнце падает за Тянь-Шань.

Что я имел? А ведь прошло уже два месяца. Андреич оказался более чем прав, он сделал так, чтобы все пришли в себя. Думаю, что с молчаливого разрешения Фу Шина. А имел я уже почти сошедших с ума учеников Андреича и своих, такую же жену, Чуйскую девочку, которая влюбилась в меня и ни одного разговора с Учителем. Почему Учитель должен разговаривать со мной? Ну Андреевич, ты даешь, попробуй с тобой расслабиться хоть на мгновение. Вот ты и оставил нас наедине с нашим главным в жизни.

Перед тем как внезапно погасло солнце я увидел ее, дочь Искена.

Вчера ко мне приезжал Андреевич, мы не виделись шесть лет, столько прошло после Чуйской долины. Вчера я узнал, что Искена больше нет на Земле.

– Послушай, Ло ган кун бай, объясни, почему ты все это терпишь? – надув щеки сердито спросила дочь воина.

Христианство невероятно зашифрованная Школа. Его главный ключ заключается в том, что ключа практически нет. Есть образы, которые нужно принимать почти реально, а все ринулись искать что-то глубинное и тайное. Учитель Ням – Патриарх, спрятавшийся для очищения и понимания мира в глубине сосновых волн, говорил о том, что все прошедшее через людей становится слишком людским – заумным. Мудрый язык – язык глупцов. Вот поэтому и прошло время тайн. Тайным Школам пришлось время показать свое лицо. И нам, измученным прошлым, придется все это

объяснять юным. Они все равно поймут по своему, но ведь кто-то должен начать?! Ням просил передать привет Фу Шину.

Мусульманка, дунганка спрашивала у меня почему я такой, мешая русские слова с дунганскими. Да и сама она была удивительной. Мать русская, а отец – один из величайших воинов. Вот и попробуй поговорить!!!

– Почему ты их терпишь? – сердилась Сашка.

Да, терпеть их – это был христианский подвиг. Если б я знал почему терплю, то сразу бы прекратил терпеть. Были даже такие, которые плакали, прячась в замерзшем саду, а ведь считали себя воинами и когда-то не боясь говорили об этом.

Почему я их терпел? А зачем я терпел жену, которая поехала со мной? Зачем я вообще взял ее с собой? Тогда я больше всего испугался именно этих вопросов, а не того, что уже целых два месяца не мог поговорить с Фу Шином. Андреевич поставил меня впереди безумия, невежества и хамства. Однако и проверочка, а тут еще и Сашка.

В огненных объятиях азиатской красавицы я иногда так ослаблялся, что она начинала хохотать как безумная и утверждать, что я отбил у нее навсегда желание иметь детей.

– Зачем они? – хохотала Сашка. – Зачем мучаться, рожать, страдать, стареть, если, пожалуйста, у меня уже есть все, что я хотела. Слабый ребенок, сексуальный маньяк, гордый воин и даже просто дурак.

Когда ехали в долину, ребятам объявили, что у них будет все. А возможность была – Учитель отдал всю долину, отдал лично и объявил об этом. Я боролся с глупостью перепуганных людей. А Сашка обижалась и все не могла понять: почему мне так хорошо с ней и почему я до сих пор не взял ее второй женой. А ведь Андреевич перед отъездом даже погрозил пальцем: “Смотри, корец, – жестко по-отцовски предупредил он. – Это тебе не родной город и с женщинами здесь лучше никак”. Легко сказать никак, это с Сашкой никак? Никак с такой огромной любовью? Если бы он еще объяснил – как это сделать. Вот и зверел я, разгуливая по предгорьям, совершая ошибки во многих упражнениях, и если бы не Ням, иногда появляющийся из далеких сосновых волн, не знаю что б и было.

Страх – самая страшная бактерия из всех, которых я встречал в своей жизни. Вот и приходилось пугать и без того испуганных, начавших воровать и предавать друг друга. Демон страха сделал свое дело и, как мне казалось, ликовал, хлопая своими черными крыльями над долиной. Страх переходил в слепую ненависть, в безумный голод, нежелание что-то делать и даже жить. Страх

рождал сумашествие, измену, обман, жадность и все остальное. Страх – это начало полного подчинения демону. Все черное рождается в страхе, это я понял раз и навсегда. Понял еще, что Андреевич оказался Учителем, познакомившим нас со страхом. Для многих из приехавших иероглиф, означающий Гун-фу – Свободное время, исчез навсегда. Я никогда не скажу, что среди нас были подлые или ничтожные люди, но страх объяснил все.

Конечно, Чуйскую долину было тяжело удивить боевым искусством, но разве не знали об этом те, которые приехали из далекого города. Вот так и началась среди учеников паника. Многие даже боялись выходить из дому, а не то что тренировать детей по школам.

Мы начали медленно слабеть из-за нехватки еды, незнакомая болезнь нанесла основной удар. Но это могло быть только из-за неправильной подготовки, вернее из-за нежелания ограничивать себя в городе, хотя предупреждены были все. Сказывалось употребление консервантов, сладкого. Стало понятно, что многие не верили в самое главное. Одно не понятно – как они смели учить кого-то в городе?

Мы приехали к Фу Шину, Учитель должен был ощутить наше присутствие, ощутить, что Школа обретает силу. Это значит: утро начинается с дыхания, с подъема солнца, день – работа, мы ведь приехали жить Школой, мы приехали постигать ее. И каждый постигал, как должно было ему.

Те, у которых хватало сил, вставали в шесть утра с трудом разгибали и разминали суставы, пили чай, если он был, и за двадцать километров шли, чтобы тренировать школьников. Отдать Школу Фу Шин мог только через нас. В Долине, в которой смешались все народы и традиции, начали приживаться киг-боксинг, каратэ и бокс.

Я понял одно, что если в долине возле Патриарха, происходит такое, то мир покосился и начал медленно переворачиваться на голову. Нам стоило побороться с хамством и остальными демонами. А ведь в шесть утра ноль градусов, через двадцать километров – плюс восемь. После тренировки мы шли усталые, как всегда голодные, под пылающим солнцем.

Чуйская зима начала забирать людей. Один из учеников вдруг заявил, что он фотограф и что у него очень много работы. Когда мы только приехали, демоны совершили самую страшную шутку – все деньги проелись, прогулялись, потратились на восточные сувениры и сладости, а потом наступил голод. Просить было не у кого, да и заработать невозможно, путь назад был отрезан.

Вобщем, среди нас появился фотограф. На последние деньги к своему фотоаппарату он купил все, чего не хватало. Откуда на

Чуйском базаре могли появиться кривые ванночки, допотопный увеличитель? Вобщем, демоны постарались и у нас появился свой фотограф.

Дальше было еще страшнее. Фотограф объявил, что теперь стал самостоятельным, что боевое искусство совсем не для него. Вобщем оказалось, что он давно себя ощущал фотографом и теперь всегда будет заниматься фотографией. Мало того, накопит денег на поездку домой. Это был наш первый сумасшедший.

Фотограф хирел на глазах, отказался есть со всеми, что-то грыз, закрываясь в сарае, инстинкт самосохранения оставил его. И было жутко смотреть как наш парень фотографирует чинно восседающего на ишаке азиата, который позволил ему это сделать. Но когда фотограф начинал требовать деньги и объяснять мусульманину, что завтра принесет фотографию и это будет память для его детей ... Киргизы что-то громко крича уходили, дунгане и уйгуры часто били, но ничего уже нельзя было изменить. Да и обвинять тоже было некого.

Долина – я понял, она совсем не волшебная община, а заколдованное место. Вот так в безумном колдовстве, мы с трудом узнавали себя.

Многие из учеников, не скрывая слез, в открытую обвиняли меня и Андреевича, убеждая друг друга в том, что Фу Шин не учитель. Только никто так и не смог объяснить кому нужен этот обман. Еще через месяц все начали гнить. Демон, в которого они не верили, теперь смеялся прямо в лицо. Поняв, что нужно выживать, они начали уничтожать друг друга. Каждый начинал искать более слабого, чтобы поработить, ведь от этого собственная боль и страх становятся более невесомы.

Мне нужно было написать о Чуйской долине, ведь я обещал тем, кого безгранично любил. И я решил, пусть демоны ссорятся между собой. Я решил демона познакомить с демоном. Мне пришлось пойти на обман, а обманываешь прежде всего себя. Но я решился.

ГЛАВА 17

Слушай меня, Шура, внимательно, – потрянул я Терентьевича за плечо.

– Больно, – поморщился он.

– Слушай, – повторил я. – Все, силы закончились, я спрячусь от всех и дописываю книгу. Пойми, ведь я обещал двум Учителям, а время идет. Мне даже бывает страшно переходить дорогу, вдруг не дадут дописать.

– Да, это серьезно, – нервно хихикнул издатель. – Только скажи мне, где есть такое место? После этих слов я уже начинаю сомневаться в твоей нормальности. Так где же это место, – задумчиво повторил Шура, не рассчитывая на ответ.

– В аду.

– Где? – побледнел Шура.

– В аду, который я создал. Там и закончу работу. В самом центре моего ада мало людей, даже демонов только двое, но они страшны. Не смотри ты так на меня, – вздохнул я. – С головой нормально. Слишком большая роскошь сойти с ума.

– Ну тогда будь другом и объясни хоть что-нибудь, – попросил обалдевший издатель.

– А что объяснять, несколько недель назад я выбросил с балкона Татьяну.

– Что!? – на Шуру снова стало страшно смотреть. – А как же она выжила и почему никто ничего не знает? Да ты с ума сошел, – зарорал уже не на шутку испуганный Терентьевич. – Это ведь седьмой этаж, да и зачем выбрасывал, если она осталась живая?

– Да успокойся, успел поймать за ногу.

– Ужас, – схватился за голову Шура. – Ты отдал ей двадцать лет и такое.

– Ладно, не ной, она отдала столько же.

– А ты представляешь, сколько было бы радости нашим врагам. А наша работа, а Учителя, Школа, – он перешел на вопль. – Да ты давно уже сумасшедший, – продолжал бушевать Терентьевич.

– Вот поэтому дальше, для пущего спокойствия, будем работать в аду.

– Так где же твой ад? – вдруг шепотом спросил издатель.

– Вот телефон Нины, – Я выгашил из кармана визитку нашего судьи. – Иди позвони, узнай адрес и скажи, что сейчас приедем.

Мой издатель протрезвел окончательно, его губы превратились в тонкую белую полосу.

– Идиот, – прошептал он и мужественно направился на поиски телефона.

Идти за неутомимым Паком было настоящим мучением. Тем более, что он ничего не говорил о загадочном месте жизни. На тайгу начали опускаться синие крылья вечера. Среди молодых смешанных деревьев мы наткнулись на Учителя. Ням, стоя на коленях, молился. Учитель поднялся примерно через час. Я понял, что упражнение для видимости в темноте сделал не зря.

– Быстрее, – сказал Ням.

Он взял какой-то корень, лежащий рядом, завернул его в кусок ткани, положил возле сердца и стремительно направился вперед. От усталости ночь снова почернела, но наступающий рассвет спас измученные глаза.

Впереди показалась маленькая землянка, почти нора. Возле нее лежали, уткнувшись лицами в землю, пять человек. Их головы были покрыты черными покрывалами. Учитель задрожал, подо мной задрожала земля и ближайшие деревья. И вдруг, без единого порыва ветра среди тихого рассвета ожили окружающие нас деревья. Они начали двигаться, потом низко гнуться, трещать, как во время бури, на мгновение день стал нестерпимо яркий, потом снова наступила чернота и снова рассвет.

Стало ясно – случилось нечто великое и непоправимое. Пак рухнул ниц, я продолжал идти за Нямом. Пак знал больше меня и был сильнее, но по уровню считался ниже. Ведь я приезжал в общину пробивая черные стены далеких городов. Я прижался лицом к земле у входа в землянку, возле пятерых монахов. Что-то заставило меня снять куртку и накрыть ею голову. Начали бить молнии и пошел крупный ледяной дождь.

– Когда умер? – с невыразимым отчаянием в хриплом голосе спросил Учитель.

– Вчера, – ответил кто-то из монахов.

Дождь сменился таким крупным градом, что моя голова, несмотря на куртку сложенную вдвое, все равно оказалась разбитой до крови. Внезапная тишина ударила тяжело и непривычно. Мне показалось, что пролежал вечность. Я призывал сон, готов был потерять сознание... Нет, полная ясность и бесконечная память. Среднее состояние, как сложно принимать решения. И как легко изуродовав правду стать терпимым.

Что-то заставило меня выпрямиться. Через несколько минут из узкого отверстия землянки выполз Ням.

– Все, – обратился он к сидящим на земле монахам. – Давайте оставим это место, Учителя больше здесь нет.

Мое сердце чуть не остановилось. Патриарх говорил о своем Учителе, значит эти пятеро – главы остальных общин.

– Нужно идти, это место стало земным.

Пятеро монахов встали, распрямились и упали перед Учителем ниц.

– Я взял и должен предъявить, – усталым голосом произнес Ням. – Я опаздал, но Учитель дождался меня.

Один из монахов что-то протянул Нямю. Он посмотрел на маленький лесной орех и взял его. Внимательно посмотрев на него, Ням раскрыл ладонь и вдавил упавший орех ногой в землю.

Падающий лист с дерева – это дракон. Лист падает на землю по разному. Какая из четырех стихий преобладает, так и падает. Земля, вода, воздух и солнце влияют на его падение. Стихий четыре, исчезнет хотя бы одна, исчезнет и та жизнь, к которой мы привыкли.

Учитель постиг и пробудил в себе стихии. Учитель сделал Учителя. Я видел как Учитель завершил ученика и сделал из него самого дракона. Верховный дракон может быть только один, я видел как Он ходит по земле. За шестьдесят секунд орех стал деревом, сбросил плоды и высох под солнцем, набравшись его силы, чтобы вспыхнуть пламенем.

– Ну что, пошли? – спросил Терентьевич.

Я посмотрел на него: уставший и измученный. Наверное, впервые в жизни я понял, что моей вины в этом нет. Шуре это тоже было очень нужно. Непонятно только, что именно: то ли бесконечное беспокойство, а может книга, рожденная Школой. Какая разница, главное, что я был не один, а это уже гораздо легче.

– Куда пошли? – в свою очередь спросил я.

– Машину ловить, – сердито ответил Шура.

– А деньги?

– Расплатится, – хмыкнул издатель, – потому, как очень ждет.

“Вот и все, началось”, – подумал я и вышел из своего издерганного космического корабля.

– Пидурок, дверь закрой, – заорал Терентьевич.

– Да ну это все, – махнул я рукой.

Я брел по леснице, оставляя за собой все. Шура молча зашаркал по ступенькам за мной.

Начало вечера показалось никаким. Я снова повел себя в неизвестность. Шура плелся сзади и что-то ныл о незакрытой квартире

ре. Я был почему-то совершенно уверен, что ни у одного живого существа не хватит сил переступить порог сумасшедшего корабля. Но самое отвратительное – это ощущение демона, который настолько был близко, как-будто уже принял в объятия.

Я всегда плакал, когда было больно, радовался, когда было радостно, боялся за свою жизнь, когда было нужно, зимой мерз, а летом изнывал от жары. Но этого оказалось мало или окружающих слишком много.

Мне вдруг стало ясно как в цветном сне. Тебе никто не запрещает любить, сказал я себе. Но ведь никто и не запрещает быть честным перед самим собой. Дракон никогда не нападает, ведь он очень силен. Он отталкивается от ненужного и остается собой.

Я вдруг понял, что ради Учителя я напишу о Чуйской долине, не разу не вздрогнув сердцем.

Зеленая раздолбанная “Волга” катила нас с Шурой по бесконечной набережной, с застывшими и дрожащими от холода черными деревьями. Поездка была серая и бесконечная. Адреса, который был нужен, конечно же, не оказалась. Но зная все эти штучки, мы убедили перепуганного шофера еще немного покатаваться. Потом шофер кричал, бил себя руками в грудь, что не меньше пяти раз уже проезжали по этому месту.

– Ну вот ведь адрес, – тыкал пальцем в угол дома не на шутку разозлившийся Терентьевич.

– Но ведь его же не было, – размахивал руками шофер.

– Но ведь сейчас есть, – орал на него Шура. – Значит все хорошо.

– Но ведь не было, – вдруг жалобно, чуть не плача прошептал шофер.

– Вот тебе залог, – ткнул пальцем в мою сторону Терентьевич и скрылся в подезде.

Водитель с нескрываемым страхом посмотрел на меня.

“Бедняга, – подумал я, – Зачем ему все это?”

– Сейчас выйдут, – ободряюще кивнул я головой.

И вот они побежали вниз. Их бег я почувствовал за несколько этажей до земли. Шофера обласкали, обнадежили, дали денег. И тут начал падать снег. Снежинки были круглые и твердые, да и женщина была, я уже рассказывал какая.

И вдруг, седьмой этаж. Смешно. Но число семь – самое прекрасное из чисел, божественное и такое же число, как и мой этаж. Не знаю, как мне везет с числами, но с этажами стопроцентно. Не доходя этаж, я вдруг вспомнил.

– Нина, Нина, ведь у тебя же есть муж.

– Что ты, маленький, – усмехнулась она, – Разве бы я посмела пригласить тебя в чужой дом? Ты идешь в свой дом.

Я, задолбанный и уставший, глянул на Терентьевича. Шура развел руками.

– Ну, – обратился я к Нине.

– Успокойся, Серенький, – задрожала она. – Наши проблемы я решила вчера.

– В каком смысле, – не понял я.

– Да знала я, что приедешь. И поэтому все очистила для тебя.

– Я поговорила со своим, он все понял и еще вчера ушел. Я ведь знала, что ты позвонишь, я ведь знала, что мы будем вместе.

– Слушай, девочка, а кто твой? – задрожал я. – Наверное, тоже начальник.

– Да ну, – ответила она.

– А кто твой? – еще больше испугался я.

Когда она ответила, мне действительно стало дурно.

– Ну все, я остаюсь у тебя. Ты ведь этого хотела?

– Да, да, да, – испугалась она.

– Ну что, Терентьевич, пошли домой.

Толстая, бронированная дверь со сверхумным замком. Нас встретила сука-овчарка, потом дочка. Ну и квартира – свеженькая, двухкомнатная, никакая. Портретики, фотографии, плюшевые игрушки, смешные открытки, классные обои, полный набор электроники, которую можно слушать и смотреть. Когда мы зашли, Нина загнала дочку в комнату, схватила Шуру за руки и потащила на кухню. Из холодильника выдала ему кучу продуктов, которую нужно было жарить-парить, оттаивать и отмачивать.

– А сейчас я тебе покажу где мы будем жить.

Это была не единственная ее квартира, но идеальная, они приспособились. Именно они. Мама, дочка, папа, который не прижился. Я долго считал и понял: шесть, ровно шесть месяцев.

Комнатка была великолепная.

– Давай отпразднуем, – сказала Нина.

С грохотом отпала дверца бара. Она выхватила оттуда бутылку Шампанского и, ах, я увидел коллекцию, которую должны были собирать, как минимум, лет двадцать. Не скажу, что специалист, но виски и Бургундское я все-таки заметил. А было там бутылок сто. Нина сделала глубокий шаг в мою сторону. В дверь постучал Терентьевич. Судья подскочила и рванула ее на себя.

– Все уже готово, – театрально объявил Терентьевич.

Мы ели какую-то потрясающую рыбу. Я был без компьютера, без сумасшедшей жены, хорошо, хоть был издатель – стар и сумасшедший. Мы надолго ушли в рыбу.

Мы трещали рыбьими костями, развалившись в центре главной комнаты. Я был уставший до бесконечности и поэтому уже

тысячу раз просил прощение перед всем сущим. Я сделал бездарно пошлый цыганский вариант.

– Ой, Нина, – всплеснул я руками, – У тебя что-то совсем никак, у тебя что-то есть совсем нездоровое внутри.

Нина вдруг закопошилась и сказала, что она была в ДТП и уже два года передержала пластину в кости. Мне сразу стало легче, ничего плохого я не делал. У нашего адвоката было огромное количество проблем и совершенно не было времени убрать пластину. Я бегал по квартире, хватался за голову, я объяснял, что необыкновенно ее люблю. А как можно не любить такую тетку? Хамскую и вывернутую наизнанку из-за своего хамства. Ее боялись все: адвокаты, судьи, следователи. А кто их учил в нашем городе всемо? Конечно она – старая бессовестная тетка. Вот и боялись. Главное то, что мы с Терентьевичем определили ее в больницу, где нужно было удалить пластину, вросшую в кость.

– Нина, я волнуюсь, если хочешь быть лучше, будь здорова.

На второй день она легла в больницу, оставила нам денег на прожитие, то есть мне, Терентьевичу и доченьке Насте. Через время должна была прийти Нина, новая, без металла внутри. Может быть через дней семь, восемь. В запасе у меня было море гуляния – неделя, а потом книга, долина, Фу Шин. Но демонов оказалось гораздо больше, чем я, наивный, предполагал. А дочурка, которую совсем не учел, а собака, которую воспитывали как хотели, вернее никак. У доченьки, конечно, была подружка и это еще не все. Я знал, что главное выжить, я знал, что это последнее испытание в жизни.

– Шура, будь добр, подойди ко мне, – строго выговорил я после того, как мы благополучно проводили Нину в больницу.

Мы с ним были одни, доченька Настя убежала в никуда. Я стоял возле легендарного бара, оперевшись на него рукой.

– Давай, старый, – почему-то вдруг шепотом сказал я. – Разграбим, ведь здесь пол-мира.

Все оказалось просто и, как всегда, пошло. Появилась дочка с подружкой, какое-то время они были очень скромные. Потом, все по той же уже надоевшей программе. Главный шок для них был после. Напившись, мы с Шурой наперебой и даже со слезинкой начали им объяснять, как не права современная молодежь. “Все, – мелькнуло у меня в голове. – Это либо старость, либо мы стали окончательно и бесповоротно культурными”. Дочка долго сопротивлялась, но мы были еще крепки и смогли убедить ее.

Бардак, так и не начавшись, резко закончился. Хотя, если быть честным до конца, в предпоследний день в баре остались уныло стоять несколько бутылок какой-то сладкой гадости. И мы решили попросить денег у Нининой дочки.

Девочка была как раз из тех, на которых обрушиваются грехи родителей. У нее был повышенный интерес ко всему отвратительному и запрещенному. Она не умела ни читать, ни писать, но была твердо уверена, что как и мать будет судить людей. А пока ее интересовал только секс и алкоголь. К сожалению, мы совершенно не оправдали ее надежд.

Она в открытую потребовала секса, меня хватило только на то, чтобы налить ей. Я долго объяснял, что мама – это свято, а она с удивлением смотрела на двух престарелых, но еще, очевидно, не потерявших привлекательность идиотов. После наших лекций дочка пожалала плечами и с огромным сожалением напомнила, что мама скоро вылетит. После чего, махнув рукой, взяла собаку и куда-то ушла.

– Серый, – задумчиво произнес опохмелившийся Шура. – А ведь это только начало.

– Все нормально, – подбодрил его я и хлебнул какой-то зеленой и сладкой гадости из длинной бутылки.

Загрохотала дверь и в квартиру ввалилась дочка с собакой.

– Привет, новый папа, – захохотала она. – Ну мама и дает.

Она оказалась интересной девочкой, схватывающей все на лету, каким-то глубоким животным чувством. Она не была обычной, да и быть ею не могла. Нинина дочь поняла, что со мною бесполезно косить под невинного ребенка и стала такой как есть. Даже собака все поняла и не пыталась меня пугать. Это был жестокий и реальный мир. Дочь могла играть только на материнских чувствах. А мать, зная это, все равно попадалась, ненавидя себя.

Время бежало без остановки и нужно было спешить. Нина выпилась из больницы, пластина была удалена. Уже прошли стоны по поводу уничтоженных бутылок и я решил действовать. Ах, как все же я умел строить себе непостижимые препятствия, но как я преодолевал их.

Первое, что меня угнетало, это ненасытность судьбы в сексе. Но я уговаривал себя, что хотя бы пол-года выдержу. Эта ее жажда была страшна и очень смахивала на патологию. По настоящему я испугался тогда, когда сделал ей траву для очищения организма.

Люди за жизнь накапливают огромное количество шлаков и даже разных паразитов. Я гордился, что умею приготавливать очистительный сбор, который удаляет из организма все бродящее и гниущее, и это в среднем пять-семь килограммов веса только из одного кишечника. Выходят полипы, размываются даже плюсткани. Вобщем, люди приходят в шок, когда обнаруживают выпадающие из себя плотные и крупные волосяные клубки, которые накапливались в каком-нибудь изгибе кишечника годами по воло-

ску. Для всего этого больной отпрашивается с работы и в течение четырех дней находится возле унитаза, не удаляясь от него даже на небольшое расстояние. Потом отдыхает несколько дней и снова такие же тяжелые четыре дня. В день, в среднем, у таких страдалцев получается по десять-пятнадцать забегов и очень часто только выскочил – сразу приходится заскакивать обратно.

Это только потом я узнал, что все знакомые Нины ласково называли ее Стальным влагалищем, вот только второе слово в этом веселом названии для благозвучия пришлось немного изменить. За двумя зайцами действительно бегать бесполезно, а как я мечтал и вылечить ее и одновременно на время избавить себя от неприятных обязательств. Ведь многие люди еще долго не приходили в себя после подобных экзекуций. Но только не мой Стальной судья.

А если без шуток, то у Нины была огромная воля и сила с полным отсутствием элементарной совести. Она считала, что как женщина добилась многого и теперь нужен муж. Он должен быть молодой, сильный, добившийся еще большего, необычный и полностью подчиняющийся. Абсолютный бред сумасшедшей тетки, привыкшей за долгие годы подчинять, пугать и уничтожать. Я с горечью открыл, что всех людей она считает ничтожными тварями. Вот такая выпала мне честь, Нина зажелала видеть во мне своего мужа.

Еще через несколько дней я понял, что попал в настоящий, а не в какой-то выдуманный ад. Она занималась сексом с каким-то нечеловеческим рыком и если закрывал глаза, казалось, что попадаю между дерущимися за кость собаками. Судья отпила траву, поправила здоровье и мой завтрашний день должен был стать чуточку легче. После двухнедельного перерыва ее снова ждала работа.

Время шло а я все никак не мог приступить к главному, ко второй книге.

– Что с тобой, котик? – всполошилась Нина.

Я задремал и вздрогнул так, что ногой перевернул стул.

– Все, не могу, – заныл я. – Сегодня ухожу домой.

– Почему? – злобно вырвалось у судьбы, но она вдруг спохватилась и перешла на нежный шепот ненасытного зверя.

– Ниночка, – всхлипнул я. – Ведь там дома Татьяна, она, наверное, уже вернулась. Пойми, она с ума сойдет. Ведь мы прожили почти двадцать лет, и вдруг я пропал.

– Да, – задумчиво протянула она. – Это действительно серьезно.

Был ли я искренен? Скорее всего да, очень хотелось как можно быстрее завершить этот этап.

– Хорошо, – решительно заявила она. – Сегодня вечером приезу, поживем вместе и посмотрим, как быть дальше.

Она не сомневалась в своей победе и решила держать все под абсолютным контролем. Это было то, чего я больше всего хотел. Все получилось даже очень легко. И все-таки что-то было в этой женщине. Ровно пятнадцать минут, она одета и накрашена.

– Все в холодильнике, – раздался из прихожей грудной голос и загрохотала бронированная дверь.

В холодильнике было действительно все.

Мой первый Чуйский снег. Зима в долине была необычная, как и все остальное. Снежинки падали огромные, такие в городах продают в магазинах, чтобы украшать праздничную елку. Все искрилось и вспыхивало до боли в глазах. Плывущее над Тянь-Шанем по синему хрупкому небу солнце было из золотого льда.

Живой, кроваво-красный розовый куст в кристальном панцире, казался вышедшим из сна, который не отпускал еще не остывшую на холоде голову. Реальность всегда приходит неожиданно. Попытавшись шагнуть снова, рухнул как подкошенный с высокого порога. Проехав на спине через весь двор я остановился возле умирающего розового куста. Встать оказалось почти невозможно. Примерно так я уже падал вчера, но сегодняшнее утро отражалось во льду как в зеркале. Скользя на четвереньках к дому, я радовался, что меня никто не видит.

Но кто мог увидеть? В наш дом давно пришла беда. Страх, тот страх, который приносит с собой немощь, предательство, болезни и разъедающих тело вшей. Я много раз убеждался, что вшей приносит именно страх. Обмотав обувь матерчатыми полосками я снова вышел под холодное солнце.

Мир уже не был так прекрасен, в мозг вонзились старые проблемы. Нужно было как-то жить дальше, вернее выжить. Потому что мысли о Школе и Тибетских тайнах давно покинули окружающих меня людей. Демон страха принял нас в свои объятия. Осторожно ступая по скользкой улице я увидел быстро и умело семенившую навстречу Сашу.

– Здравствуй, Ло ган кун бай, – поклонившись по этикету обратилась она ко мне.

– Прекрати, – зашипел я на нее.

– Обращаюсь как положено, – надув губы обидилась она. – Может кто смотрит со двора. Так положено.

“Эх, девочка, – с горечью подумал я. – Знала бы ты, что у нас сейчас творится”.

– Прогуляемся, – предложила девушка. – Тем более, Учителя сегодня не будет.

– Пошли, – вздохнув согласился я. – Куда пойдем?

– Пойдем, я ведь знаю, что тебе нужно.

Девушка была необыкновенно красивая: белая меховая шапочка, из-под которой выглядывала бахрома черных до синевы косичек, разноцветный халат с тонким поясом, короткие синие брючки, верблюжьи сапожки, обшитые кожей. Мне захотелось взять ее за руку, но, вспомнив где мы, я пришел в себя, таких вольностей мусульмане не допускали.

Ах, Сашка, Сашка, сколько боли ты причинила мне и Татьяне. Жене и так понятно почему, но, милая, как я понимаю, что даже в мыслях этого у тебя не было. Моя боль была от слабости, которую ощутил как никогда ясно. Попрощавшись с Учителем, нужно было хватать тебя и увозить от отца, от традиций. А как ты ждала этого. А я, как-будто смелый, а вот взял и испугался. Сам не знаю чего. И была бы у меня самая удивительная, покорная и красивая жена на свете. Но видно не был готов к такой непостижимой любви, к черным глазам.

Единственное, что успокаивает, ты не затаила на меня обиду, ведь Ло ган кун бай для воинов – это свято. Хрупкий воин в синих коротеньких брючках. Дочь великого воина, пожелавшая продолжить путь отца. Она выбрала самый тяжелый путь женщины Азии. Путь, почти невозможный. Отец не отдавал свою Школу, ведь он мог породить предателя. Женщина-мастер, влюбившись, становилась предателем. Таковы законы родовых Школ. А Сашка все равно постигала знания, выхватывая их всеми правдами и неправдами у разных Мастеров. Благо, в долине их было больше, чем во всем мире.

Пройдя несколько улиц мы подошли к ветхому дому, стоящему возле самого предгорья. Подойдя к порогу она стала на колени и поклонилась, коснувшись лбом застывшей под сверкающей коркой льда земли.

– Ого, и куда же это мы пришли, – спросил я, проделав то же самое.

– Увидишь, – прошептала в ответ Александра.

Дверь была открыта, но в доме никого не оказалось и мы снова вышли во двор. Из-за маленького, такого же ветхого как и дом сарайчика вышел древний старик, держа в руках большую охапку конопли. Это растение долго еще будет сниться по ночам. В долине почти нет травы, только одна она. И если хотя бы слегка запустить огород, в нем тоже будет только она одна.

Александра снова выполнила немудреный этикет, который начал полное признание. Я повторил тщательно, зная, что Сашка ничего просто так не делает. Старик что-то сердито пробурчал и, совершенно не реагируя на нас, зашел в дом. Конечно же, в этом был виноват я – чужак. Сашка подмигнула и потащила за руку к закрытой двери.

В одной из комнат, скрестив ноги, на кане, уже без теплого халата с недовольным видом сидел седой старик. Мы снова повторили этикет. На этот раз, уткнувшись лбами в пол ждали, что скажет Учитель.

– Кого притащила, каймынча? – хриплым голосом по-русски спросил старик.

То, что употребилось незнакомое слово, было явным показателем недовольства. Мастера никогда не позволяли себе говорить так, чтоб гость не понимал. Мы поднялись с пола. Ее кончики ушей, выглядывавшие из-под шапочки, были красней спелого помидора.

– Да ведь это Ло ган кун бай, Учитель, – снова рухнув на пол сказала девушка. – Позволь ему побыть с нами, – уже совсем жалобно попросила она.

– Ло ган кун бай, – хмыкнул старик. – Ну пусть побудет.

После разрешения Сашка вскочила и куда-то умчалась, оставив меня наедине со странным стариком. То, что это великий мастер я почувствовал сразу, в висках давно так не ломило и страх навалился с необыкновенной силой.

“Да, – подумал я, – к нему привыкнуть не просто”.

Старик явно начал потешаться, еще немного и я должен был потерять сознание.

“Вот противный бабай, – почти не владея собой со злобой подумал я. – Совсем доконать решил”.

Дверь отворилась и в комнату залетела Сашка, в руках у нее был поднос с чайником и тремя пиалами.

– Вот и тсха, – чересчур торжественно объявила девушка.

И схватив лежащую на кане коноплю снова выбежала из комнаты. Превозмогая тяжесть в ногах и боль в висках, я на полусогнутых начал прислуживать расшалившемуся деду. Из кухни повалил едкий запах конопли.

“По-моему она ее жарит”, – с удивлением подумал я. Внезапно я почувствовал себя нормально.

– Ты кто? – спросил мастер.

– Хей Лунг, – не задумываясь ответил я.

– А чего хочеш? – глядя на меня спросил Мастер.

– Чумогви бай лунг.

Старик долго и внимательно рассматривал меня, потом хмыкнул и его руки ожили. Сперва они вздрогнули, потом, сжавшись в кулаки, стали гибкими, соединившись в едином плавном движении, бесконечном и совершенном. И вот снова белый дракон, измененный временем, местом, мастером, но узнаваемый и прекрасный. На кане сидел великий мастер, его руки, превратившись

в белого дракона, плыли, унося меня далеко от земли в необъяснимый восторг. Восторг от того, что в мире хаоса существует гармония, пробуждающая в теле душу, гармония, проходящая сквозь любую преграду: будь-то камень либо металл. Мудрый не может быть слабым, сильный не может быть глупым. Руки медленно приблизились ко мне, я окаменел.

В комнату с подносом залетела Сашка.

Жареная конопля имела слишком специфический вкус, но оказалась вполне съедобной. Я слышал, что существует и такой наркотик, приготовление которого самое простое. Коноплю не нужно было даже сушить. Меня неприятно поразило, что мастер, не смущаясь, предложил это нам. Саша, слегка морща нос, ловко орудовала палочками. Но больше всего в дунганских семьях поражали маленькие дети. Представьте себе малыша, которому чуть больше года, он совершенно без напряжения ест палочками. Я уверен, что внимательность и ловкость к таким детям приходит намного раньше.

“Интересно, – думал я, – что это за новое испытание, на которые так щедры жители долины”. Даже Сашка, несмотря на всю свою любовь и уважение, частенько издевалась надо мной.

В долине, оказалось, действительно, как и предупреждал Андреевич, большое количество Школ и мастеров. А это – напряженная обстановка, которая в любой момент могла взорваться. Школы не уживаются в мире, хотя идут к одной и той же цели, но пути разные. Нет, мастера не воюют, воюют их беспокойные ученики. Истинные Учителя давно уже мечтают о Вселенском Кунг-Фу.

Есть в долине один день в году, самый напряженный – это День рождения Патриарха, его отмечают все по разному. А чаще всего требуют доказательств от учеников Фу Шина, что они его ученики и происходят в долине кровавые поединки. Патриарх, улыбаясь, принимает гостей со всего мира, зная и чувствуя, что в это время предгорье дрожит от этикетов, традиций и демонстраций разных Школ. И, наверное, нет такой силы, которая могла бы остановить то, что длится уже много тысячелетий. Сила порождает вокруг себя силу и противоречия. Но все же традиции побеждают, только вот дунгане и уйгуры иногда нарушают законы и заводят бои в неподходящих местах. Это вечные соперники, история которых уходит еще в Троецарствие. До сих пор в Китае борются с этими воинственными племенами.

– Хочеш, самую главную легенду расскажу? – поставив на кан пиалу неожиданно спросил старый мастер.

– Хочу, – Я почтительно поклонился, хотя в душе и разозлился на такое обращение. “Смотри, главную”, – со злостью подумал я.

– Жил дед и баба, – торжественно начал старик, что-то непонятное: то ли насмешливое, то ли веселое сверкнуло у него в глазах. – И было у них яйцо, – в руках у мастера неизвестно откуда появилось белое куриное яйцо. – Бил он яйцо, старался, а оно не разбивалось. И она била, а яйцо не разбилось. Тут мышка пробежала, – старик радостно всплеснул руками. – Хвостиком зацепила, яйцо и разбилось. Долго они потом плакали. – Учитель трагически развел руками и всем своим видом показал, что главная легенда и аудиенция закончились.

Я стоял и, захлебываясь злобой, смотрел на противного бабая, который только что пересказал мне “Курочку Рябу”.

Но вдруг обида исчезла и я четко понял главную легенду. А ведь они хотели разбить это несчастное яйцо, так почему же плакали? Как часто люди проживают жизнь в невероятных усилиях. Ведь баба с дедом от того и плакали, что порою нужно нечто тонкое и неуловимое как мышинный хвостик.

Я поклонился мастеру и ослепленный внезапным озарением, вышел из ветхого дома. В центре ледяного двора Сашка громко, никого не боясь, со вкусом чмокнула меня в щеку.

– Ты что, – испугался я. – Увидят.

Сашка испугалась не меньше. В глазах закололо, предательские слезы. Это было невыносимо, это был истинный подарок мусульманской царицы. Сашка улыбалась до ушей и выглядела очень счастливой.

– Ты чего? – удивился я.

– Да ведь ты же понял Учителя. – радостно пискнула она.

Сашка радовалась моей удаче, она была счастлива оттого, что я шевельнулся на своей ступени, радовалась тому, что я на мгновение придвинулся к истине. Это было впервые, такое я видел впервые. Обычная детская радость. В тот далекий момент я понял: все демоны очень далеко от нас. Понял, что зверь туп, он просто не заметил сегодняшнего утра. Примерно так Сашка расчищала мне дорогу к Фу Шину.

– Ладно, понял, – гордо произнес я. – Учитель называется, не успели придти, сразу наркотой накачал.

Александра вздрогнула, подошла ко мне и глубоко заглянула в глаза. Я сразу вспомнил, что она мастер, хоть и молодой, потом, что она женщина. Мне стало страшно.

– Послушай, девочка, – начал я разряжать обстановку.

Слово “девочка” всегда почему-то делало слабым загадочную азиатку.

– А что такое каймынча? – с умным видом поинтересовался я.

Давящий на меня столб агрессии, причем с очень сильной энергетикой, мгновенно исчез. Лицо Сашки запылало как красный китайский фонарик, она даже закрыла глаза. Казалось, еще немного и Сашка упадет в обморок. Та самая Сашка, у которой я не смог выиграть Клей горных духов с первых секунд.

Она резко развернулась и пошла к трассе, бегущей бесконечной тонкой змеей у вмерзшего в воздух Тянь-Шаня. По ее походке я понял, что нужно молча идти за ней. Нам повезло почти сразу. Игрушечную телегу тащил такой же маленький ослик. Мне стало не по себе. Осел казался таким маленьким и несчастным, что я понял, если умещусь со всеми на тележке, буду вспоминать этого осла с чувством вины всю жизнь. Но меня все-таки уговорили. Тележка была полностью загружена какими-то плотными мешками. Оказалось – мука. Все стали белыми. А сверху четверо совсем не маленьких людей.

Солнце медленно начинало нагревать предгорье. Километров через тридцать мы простились с мусульманами и героическим осликом. Воздух стоял на месте, выпукло и ярко освещая землю, скованную льдом. Но все оказалось еще интересней.

Попадались небольшие поляны из незнакомой плотной, ярко-зеленой травы. Попадались даже кусты, пушистые, с красивыми резными листьями. Увидев поляну, возле такого куста я не выдержал.

– Все, стоп, – четко приказал я.

– Погоди, – нежно попросила Саша.

– Ну посмотреть можно? – слегка смутившись от ее перехода в мягкое состояние пробормотал я.

Солнце уже почти набрало всю свою силу. На траве, с которой сошел на короткое время тонкий лед сидели несколько кузнечиков и одинокий паук. Это был один из редких и крошечных островов на скованной камнями и льдом земле.

Один из самых крупных кузнечиков был размером с мою деревянную расческу, которая рвет каждое утро мои уже отросшие волосы. А приехали все лысые, конечно, кроме Андреевича и спонсора. Неужели действительно накапливают таким способом тепло. Но что рассуждать не специалисту. Размерчики у них действительно были непривычные. Паук был вялым, но я помнил, что дикий. Размеры тоже ничего. Он был не на много меньше моих ручных птицеведов, но ведь они росли в аквариумах, в которых я старательно устроил тропики. От хорошей жизни, понятно, будешь большим. Не холодно, еды валом, лежи и балдей, а вот этот вариант смущал своей не полной ясностью.

– Давай поваляемся, – предложил я Сашке.

– Пойдем поваляемся. – согласилась она. – Тут не далеко.

Мы растегнулись, Сашка сняла шапку, начинало становиться жарко. Мне показалось, что к этому, как и к океану, тоже невозможно привыкнуть. Я снова вспомнил далекие города, и в них мне не по себе. Это, наверное, и есть передатчик, Ло ган кун бай.

– Слушай, – переходя на тихий шаг задумчиво сказала Саша. – Сейчас к долине подбирается голод. Самые бедные даже не имеют жира.

Она имела в виду длинные ленты бараньего жира, который застывает даже в тепле. Жир сматывают в рулончики и от этого кажется, что весь прилавок завален грязными больничными бинтами.

– Здесь у людей нет ничего и чтобы как-то выжить, едят жареную коноплю. Она, мой Учитель, – поклонилась мне Саша, – очень питательная.

– Но ведь это наркотик, – вырвалось у меня.

– Может и наркотик, но у нас для бедных это шанс пережить зиму. Ее едят даже дети.

– Ну и как? – поразился я.

– Все нормально, – усмехнулась девушка. – Было время привыкнуть, а вот что с тобой сейчас будет, посмотрим.

– Точно, – вспомнил я и понял: девушка специально завезла меня подальше, чтобы смог спокойно разобраться в чем-то новом.

– Пойдем, – поторопила меня Саша.

Мы медленно поднялись на невысокую земляную волну. Когда спустились, это была действительно волна, которая застыла над землей. По дней оказалось почти жарко. Какой-то плотный и мягкий мох.

– В ту сторону не ходи, – указала Саша рукой. – Там влажно и можно встретить какую-нибудь кусучку. Здесь, если кого встретишь – не бойся, здесь не кусаются.

– Какую кусучку? – насторожился я.

– Лубую, – строго ответила Александра.

Мы разделись, мох был теплый и сухой. Для меня все казалось чудом, после ледяного предгорья попасть в теплое с мягкой зеленью лето.

“Действительно, места нужно знать”, – подумал я.

– А почему Учитель питается коноплей, разве ученики не помогают?

– Нет у него учеников, – грустно ответила девушка. – Не нажил.

– Что, Дракону учиться не хотят? – удивился я.

– Все хотят, – усмехнулась Саша. – А он сказал, что уже никогда своего ученика не дождется.

Бедная девчонка. Отец мастер и вокруг столько мастеров. А учиться, наверное, у Фу Шина мечтает. А толком ничего и не получится – женщина. Хотя, кто знает?..

– Так что же такое каймынча? – снова грозно спросил я.

Сашка одним движением прижала мою голову к своей круглой груди.

– Каймынча – это молодая верблюдица, которая хочет любви, – горячо выдохнув в мое ухо прошептала девушка.

Я улыбнулся, сладко потянулся и тут все началось. Пришло время зеленой каши, которой нас угостил Учитель.

Я вспомнил те страшные пол-года, которые оторвали меня от белых хризантем и будки Тузика.

Мне было лет десять, когда мать с отцом на небольшое время вошли в какую-то, непонятную даже им, гармонию. Почему так случилось – не знаю, но целых пол-года папа прибегал с работы рано. Шесть месяцев пытки. После школьных ужасов, теперь меня ждали ужасы новые. Трамвай и троллейбусы, неспеша раскачивая из стороны в сторону, медленно, через весь город, везли меня в секцию баскетбола. Меня, низенького, толстого и перепуганного, теперь мучала целая баскетбольная команда во главе с тренером. Я помню только его голос, лицо было очень высоко. Зато мама с папой, пока надо мной потешались баскетболисты, бродили, держась за руки, по городским аллеям. Страшные были времена, хоть и пол-года.

Воспоминания о детстве исчезли очень быстро, сменившись волшебством Александры. В ней было то, чего я ни разу не чувствовал ни от одной женщины, – неуловимо сладкое материнство.

ГЛАВА 18

Чужой дом, чужой колодец, чужой сад. Мой железобетонный кубик и волшебный экран на кухне исчезли навсегда, остались только в памяти.

Пожевав всего понемногу я закрыл холодильник. По квартире, прогуливая школу, бродила Настя. А я ждал. И вот появились они.

Таня и Нина были очень серьезные и как старые приятельницы обсуждали будущую работу моей жены. Пока они будут вдвоем на кафедре, Татьяна собирается принимать больных, а Нина защищать преступников. Потом у нас в центре города будет квартира и каждый будет заниматься своим делом. Абсолютный бред, но даст мне время закончить книгу. Не знаю, на сколько их хватит, но тетки крепкие и каждая захочет казаться лучше. Может безумие жены отойдет или может она хоть немного повзрослеет. Самое смешное то, что Татьяна уже проиграла первый бой. Она поверила в хорошую жизнь и пошла на нелепое.

Судя по серьезным физиономиям женщин, они согласны меня делить, но как, еще не решили. Вот и обнажилось у Татьяны лицо зверя, она решила отдать кусок меня за спокойную и сытую жизнь. Татьяна забрала меня у Сашки, закрывшись фальшивой любовью, любовь не ко мне, а к себе, забрала у самой прекрасной женщины в мире и оторвала кусок для мерзкой богатой тетки. Глядя на них я понял, что всегда был один.

В тот вечер понял еще, что не вправе затягивать в свою жизнь женщин. В тот вечер во мне начал умирать сумасшедший охотник, стреляющий в пролетающих птиц.

Нина убедила жену, что все будет хорошо и выпросила у нее медовый месяц. Они вместе ходили на работу, возвращаясь, рассказывали о успехах, а я с раннего утра и до вечера уходил в книгу. Нина удивлялась, почему так сверкают мои глаза. А как они должны были сверкать, когда вспоминаешь о главном?

Потянувшись и открыв глаза я обнаружил, что лежу голый на мягком верблюжьем одеяле. Скатанная в плотный валик одежда удобно заменила подушку. Резкий запах мха, которым заросло все пространство под земляной волной, был приятен. Легкая слабость

и удивительно приятное ощущение во всем теле. Сашки рядом не было и от этого захотелось заплакать. Я вспомнил старика, легенду о Курочке Рябе, жареную чуйку и все видения, которые она принесла. Вспомнились многие эпизоды из жизни и даже самое раннее детство.

Я начал неспеша одеваться, голова кружилась, слегка тошнило, но состояние все же было приятное. Выйдя из-под земляной волны ощутил, как холод набросился на меня. Он кусался как собака и когда я забежал обратно под теплую, дающую покой волну, то понял, что это еще не прошли ощущения от угощения мастера. Боль в тех местах, куда укусил холод не проходила минут пятнадцать. За все искусственные удовольствия нужно платить – это я понимал прекрасно.

Через время я снова выглянул из своего убежища. Оказывается, было раннее утро и солнце только собиралось брызнуть лучами через замерзшие грани хребта. Еще через какое-то время понял, что прекрасно вижу в темноте, хотя упражнений не делал.

Угощение старого мастера еще не потеряло свою силу и конечно же нужно было ждать сюрпризов. Но страшно не было, я был уверен, что мастер не экспериментировал на мне, как сыновья Учителя.

Захотелось поговорить с Сашей, но она почему-то не приходила. Мне опять стало стыдно за ту любовь, которую я позволил себе по отношению к девчонке. Опять хотелось забрать восточную красавицу в свою жизнь. “Это невозможно”, – постоянно твердил я себе, хотя и не знал почему. Тогда еще не умел делать то, чего хотел, а ведь это главное. Внезапно осредоточился на себе, вернее на своем теле. Жировая прослойка исчезла, тело стало упругое и гибкое. Интересно, сколько времени провел я под этой волной и почему не хочется есть?

Снова проснулся от того, что солнечный луч пробрался сквозь ресницы. Холодно, но нужно идти домой. Ждали ребята, жена, они уже тогда были не нужны, но я взял на себя непосильное, я спасал их, возмнив себя богом. Ведь им и так все было дадено, что еще можно сделать? Что можно сделать насильно? Мне иногда кажется, что прожил несколько жизней. Иногда кажется, что устал и не смогу сделать больше ни шагу. Иногда кажется, что счастливее человека нет на свете.

Я дождался, пока солнце наберет полную силу, и снова вышел из своего удивительного убежища. Холод такой же беспощадный. Стало ясно, что внутри меня произошли какие-то непонятные изменения. “Вот бы пришла Сашка”, – размышлял я.

Снова захотелось спать, но что-то заставляло идти в поселок с прекрасным названием Чунь-тянь, где ждали голодные и перепуганные дети. Они ухитрились за это время стать моими уродливыми детьми, которых нужно постоянно спасать от самих себя.

Завернувшись в теплое одеяло я брел по слегка оттаявшему на пару часов предгорью. Когда вышел на трассу, то обнаружил, что совершенно не знаю куда идти. А когда вспомнил расстояние, стало дурно совсем. За спиной был величественный Хребет, а впереди высокие земляные горы. Нужно было выбирать: лево или право, но как?

Примерно через час с правой стороны показалась машина, появился шанс хотя бы спросить, в какую сторону идти к поселку. Узнав джип старшего сына Фу Шина, я сорвал с себя одеяло и начал крутить им над головой.

Джип затормозил, за рулем сидел Патриарх. Одеяло вылетело из рук, а я рухнул ниц. Какое-то время мы с Учителем ехали молча.

– Женщина – создание очень тонкое, хотя и кажется необыкновенно стойким. Это не так, – услышал я голос Фу Шина внутри себя. – Тот мир, из которого ты приехал, превратил женщину в безумного демона и только очень немногие из них остаются собой. Учитель Ня не мог объяснить тебе этого полностью, так как не соприкасается с этим миром в упор. Именно поэтому он и хотел, чтобы ты передал мне поклон, иначе передатчиком не быть. Ты это знаешь, но еще не понимаешь.

Смысл обрядов, направленных на девственность, думаю понимаешь? Ведь это попытка сохранить род и его чистоту информации, которую несет сперма – частица мозга. А девственность – это одно из доказательств пустоты, готовой принять в себя информацию и передать ее ребенку. Женщины всегда были в какой-то степени невольницами и это всегда спасало человечество. Были и такие, которые ни разу в жизни не выходили из дому. Женщина берет от мужчины информацию и передает ее ребенку. Если даже замужняя женщина пообщается с мужчиной с более глубокой информацией, то ребенок способен стать похожим на него. Кстати, ваша древняя, но переведенная в пошлость мудрость: “Не в мать, не в отца, а в заезжего молодца”. Вот откуда в самой молодой религии, Исламе, и, естественно самой агрессивной, появились все эти ужасы и переборы. Даже к новорожденному долго не подпускают чужих и сильных мужчин. “В доме скверна”, – говорят путнику и он смиренно проходит мимо, а ведь путник – это свято.

В женщине спит великий демон. Есть такие, которые это называют божественной силой. Вот так и появились мужчины, не отпускающие от себя женщин даже на шаг. Нельзя забывать, что две

информации, соединившись, в женщине порождают безумие, от которого страдают все близкие. Хочу повторить, что восток не идеален, особенно в наше время, время черного демона.

Люди сделали уже все для того, чтобы демон оседлал Землю. Ты знаешь, с того момента, как на земле ослаб ян, и начались все эти разрушения. Для этого и существуем мы – передатчики. Демон заставил людей найти ложное милосердие, вот с этого все и началось. Начались преступники, проститутки, дети-калеки, не приспособленные к жизни. Все не приспособленное обрело право на жизнь.

Но все же, самое главное – это женщина. Она многого не понимает и от этого заражается безумием сама и заражает окружающих. В ней огромная сила, но она создана Господом для продления рода и только в этом женщина может найти истинное успокоение и счастье.

Но сейчас женщина стала великой страдальницей, ее сила, которая не менялась тысячелетиями, столкнулось со слабостью мужчин. И женщины отказываются продлевать слабость, пытаются вложить свою силу во что-то другое. Вот это и есть тот черный демон, которого из глубины тысячелетий увидели наши предки. Мудрость Земли ждет, когда это поймут люди.

Для этого ты и оказался здесь, инструктор по подготовке Учителей.

Это, конечно, было оскорбление еще то, но что обижаться, если все именно так. Приезжающие больные рассказывали, что во многих странах, даже на Святой Земле тренируют мои ученики. Создано огромное количество международных федераций от моей, я подчеркиваю, моей и только моей Школы. Может быть это и жадность, но Школа действительно моя. Сейчас все очень просто, встретился грузин с армянином и, если подружились, то создали международную федерацию.

Один раз в родном городе я зашел в большой зал на соревнования. Бойцы из всех сил лупили друг друга, но рядом не было ни обычных судей, ни главных. Все оказались в туалете. И еще оказалось, что они когда-то тренировались у меня, но учениками я их не называл.

На Фу Шина я обиделся не очень.

Машина остановилась. Солнце отражалось от верхушек Тянь-Шаня и слепило глаза.

Я понимал это, но слова Учителя с какой-то особенной болью поразили в самое сердце. Это были самые огромные в мире ошибки прошлого. Человеческие ошибки.

– Самое тяжелое выпало Александре, – помолчав сказал Учитель. – Ее отец нес в себе величайшее мастерство, о котором еще

долгое время будут ходить легенды по нашей земле. Саша не смогла быть обычным наблюдателем и пытается взять на себя непосильную ношу. Искен молод, но его путь оборвался. Пытаясь избавиться от невыносимой боли, он пошел наиболее легким путем. Но слезы Господа оказались сильнее великого воина. Было два способа избавиться от боли, которая обрушилась на воина. Первый – упражнения: путь трудный, но самый верный. Второй – опиум: легкий, но опасный, очень немногие вырывались из его плена. Но самое болезненное оказалось то, что сыну не нужны древние знания, а для дочери они оказались главным в жизни. Александра мне очень дорога, – задумчиво произнес Учитель, – но ей предстоит самый тяжелый путь, который только способна пройти женщина. Сашка одна из удивительных женщин – женщин, несущих Школу.

С трудом верилось, что заслужил еще одну встречу с Фу Шинном. Жареная конопля как-то помогала, но как, я не понимал. Она каким-то образом вывела на беседу с Учителем. Встретиться с Патриархом было практически невозможно, за все время это был всего лишь третий раз, но этот был наедине.

В голове билась вопросы, но я уже понял, что этот раз нужно только слушать. Где-то глубоко внутри себя я почувствовал, что Фу Шин этим доволен. К тому времени я знал, что на свои вопросы уже способен ответить сам. Нужно слушать, не теряя невидимую, но ощутимую силу при каждом слове Патриарха. Как только вспомнил об этом.

Что-то вздрогнуло: то ли машина, то ли мир, окружающий меня. Я чувствовал движение. Все, что видел до этого, превратилось в блестящий вихрь: то ли уносящийся, то ли наступающий. В этом серебрянном вихре мелькали обрывки моей жизни – те, которые уже были и будущие.

Мать, внимательно и долго всматривавшаяся в меня, заплакала, потом зарыдала и с криком, с нескрываемой ненавистью бросилась лупить дрожащими руками по моим щекам. Так сильно я напомнил ей отца. Я долго не мог избавиться от ужаса, особенно после того, как она бесконечно целовала и вымаливала прощение. Что может быть страшнее непонятого, особенно если ты мал и беззащитен?

Первая церковь. Тишина, страх и непонятная боль, они ощущались, они парили под золотым куполом. Темные лица, глядящие с огромных икон. Сотни рук, объятые страхом и мольбой, тянущиеся к суровым ликам. Я никогда еще не видел сразу столько просящих людей. Все они просили у окровавленного, замученного, мертвого человека, прибитого гвоздями к перекладине. В шест-

надцать к Иисусу меня зачем-то привела одна из первых моих женщин. Она была испугана и тоже чего-то просила. А есть ли на земле хоть один человек, считающий, что страдал меньше Иисуса?

Большой и толстый мальчишка по прозвищу Барабан, он выискивал меня на всех переменах, чтобы жестоко бить до самого звонка на урок. Я боялся его, именно так он боялся своего отца. Вот и бил меня, несчастного, такой же несчастный Барабан, чтобы понять – за что его бьет каждый день отец.

Видения, проносящиеся в серебрянном тумане, были просты и понятны.

Дети Патриарха с врожденными качествами, обреченными безжелания на них. О чем думает маленькая Джизгуль, когда все думают, что ей только шесть лет?

Мой отец, умоляющий мать на все лады, просящий прощение за свою ошибку. И слышащий в ответ, что все равно он будет только ее.

Татьяна, в очередной раз прощающая.

Девушка по имени Оля, прижимающая мою голову к своей груди, не говорящая при этом ни единого слова. Возвращающая молчанием уходящие силы.

Учителя, глядящие на нас.

Голубые подснежники. Я так и не решился ходить по этому ковру после городского асфальта.

Старик, незаметно подбросивший в трубку с гашишем тлеющий уголек. Меньше будет приставать и без того напуганная старым колдуном молодежь.

Учительница биологии, страстно сжимающая в объятьях восьмиклассника, нашедшая бесконечное количество разных видов и подвидов оправданий этому, всего лишь одному своему поступку.

Психиатр, который стал знаменитым психологом. Я его полюбил однажды, в знак благодарности он долго мучил меня и все же ухитрился влезть в самое сокровенное. Объясняя, что то уютное пространство, в котором я лежу свернувшись в комочек и которое часто снится мне и даже порою видится на яву, ни что иное как материнская утроба. А большие и добрые глаза, возникающие в этой темноте, глаза самого Господа. Неугомонный психиатр доказывал, размахивая руками и терминами. Пугал пониманием моего сознания и подсознания. В серебристом потоке я четко увидел старую будку и такого же старого Тузика с добрыми зовущими глазами. Я помню себя с собачьей будки и, если единственная цель детства – спрятаться в ней от всего мира и прижаться к понимающим глазам, то в чем не прав этот дотошный психиатр?

– Когда рождается мальчик, на Востоке радуются, – сказал Учитель. – Каждый народ по-разному, но всегда праздник.

– Знаю, – кивнул я.

– Нет, не знаешь, – оборвал меня Учитель. – Все это делается, чтобы обмануть злобных демонов. Хотя уже многие забыли истину этой традиции. Когда рождался воин, в душе всегда плакали, потому что воин в любой момент мог отдать жизнь и осиротить близких. Когда рождалась девочка, в душе радовались, а плакали, чтобы запутать глупого демона. Ведь девочка может родить десять воинов.

“Сколько же будет еще нового выходить из того, что как-будто знаешь. Сколько еще нужно понять”, – подумал я.

Серебристый поток был бесконечным, я помню каждое мгновение и каждый образ. Обязательно когда-нибудь напишу о нем книгу – сказку и посвящу всем детям на Земле.

Я вышел из машины и упал ниц. Тарахтение мотора растворилось, впереди ждал дом, переполненный безумием, невежеством и хамством.

Во дворе происходила революция, которой руководил очередной неудовлетворенный гитлерчик.

– Достаточно, – орал сумашедший юноша. – Сколько можно этих мук, сколько еще нас будут унижать.

– Не знаю, – удивился я. – Меня здесь никто не унижает.

Революция в смущении притихла.

– Конечно, мы живем в удивительной стране, слава Алаху, что еще никто не знает о вашем воровстве. Потому, что за него в этой удивительной стране отрезают яйца. Но вы умницы, вы даже воровать боитесь. А ну-ка расскажите, сколько раз работали за одну жратву? Да лучше бы воровали – почетнее. Непонятно вообще, зачем вы здесь? Ишак работает за еду. – злобно хмыкнул я и зашел в дом.

Толпа поплелась за мной. Через несколько минут в дом влетел еще один урод, он сиял.

– Козлы, ха-ха, – визжал парень. – Труссы дешевые, только один я осмелился, вот так, козлы. Я пришел к этому чурке и спросил, сколько еще он будет мучить нас.

– К какому чурке? – не понял я.

– Да к вашему сраному учителю. Понял, нет? – наехал он на меня.

– Понял, понял, – я успокоительно развел руками – ну-у-у, началось.

– Конечно, он никакой ни Учитель, – радостно завопили все. – Ну, ты ему высказал?

– Да, – проорал придурок. – Я все ему сказал.

– Что? – выдохнула толпа.

– Да все класс, – он вынул доллары и помахал ими. – Дал деньги как миленький, и поезд у меня скоро.

Долина не отпускает просто так. Революция умерла и начала вытерять соплю. Вот они, агрессивные и гордые дети города.

Время шло не касаясь нас.

Снова появился счастливец. Он, торжественный, как перед парадом, с показной брезгливостью держал двумя пальцами одежду, в которой жил в долине. Длинный огород привел всех к знаменитому туалету. Почему знаменитому? Неделю назад страдальцы так достали меня своим нытьем, что пришлось их заставить выкопать новую яму. Я был зол и она получилась глубиной метров пять. Счастливец театрально выбросил свою тибетскую кожу в яму и, еще раз обозвав всех дураками, исчез в чуйском тумане, который каждый день появлялся в зимней долине.

Все печально заплыли в дом.

Через час или два во дворе раздался истошный вопль. Вот и случилось то, что должно было случиться. Главное, что не страшное, а смешное. Покинувший нас возвратился и бегал по двору с выпученными от ужаса глазами.

– Деньги где? – орал он. – Деньги!

И вдруг, схватившимся за голову, сел рядом с почерневшей розой, горько заплакав. Через несколько мгновений он снова сорвался с места и с торжествующим криком ринулся в сторону туалета. Мы побежали за ним. Оказывается, деньги остались в одежде, которую он выбросил. Если бы я не успел вовремя схватить нашего горемыку, то пришлось бы вылавливать и его. Длинная палка в предгорье Тянь-Шаня была почти чудом. Зато в одном из сараев нашлась старая, потрескавшаяся от времени бамбуковая удочка. Игрушечный домик от мощного пинка горемыки задрожал и повалился набок. Пришло время долгой рыбалки, прерывающейся иногда тоскливым воплем.

– А-а-а, сука, опять сорвалась, – в очередной раз кричал рыболов, размахивал удочкой и злобно топал, извлекая из замерзшей земли звенящий стон.

Ребята, сидя на корточках, подавленно наблюдали за мучеником.

Испуганный человек становится намного темнее лицом и телом, грязь начинает приставать как-то по-особенному быстро. Ногти чернеют и растут тоже в два раза быстрее. Так же быстро растут и волосы. Глаза, в них только страх. Чуть позже приходит голод, он присутствует даже тогда, когда вдоволь еды. Человек, поддавшийся страху, все время мучается от голода и холода. Нет такой пищи, от которой он может насытиться и нет таких одеял,

способных согреть тело, в которое проник страх. А если человек не в состоянии дать себе отчет, чего он боится, он начинает умирать. Согнувшись как от боли, медленно и бесцельно ходит вокруг места, где иногда без отдыха лежит в напряженной позе. Потом и вовсе перестает вставать. Его приходится кормить на месте и выводить по надобности. Человек ест в огромных количествах и худеет на глазах. Такие в нашем доме уже были.

Фу Шина что-то гулко ударило в лоб. Не открывая глаз он поймал большую и мохнатую ночную бабочку. Как раз такая, о которой вчера рассказывал Фэй. До поднятия солнца еще оставалось время и молодой воин решил рассмотреть удивительное существо.

Красивая, на коричневом фоне неровные капли синего неба, в центре широких крыльев крупные красные глаза. Наверное, даже кошка способна испугаться такого взгляда. А живет только семь дней и ни разу в жизни не ест, даже рта нет. Успевает продлить только свой род.

Фу Шин вгляделся в бабочку и увидел жирную гусеницу, которая начала сворачиваться, затвердевать и превратилась в куколку, под ее тонкой, но крепкой коркой едва ощутимо колебалась густая зеленая жидкость. Течение зелени прекратилось, она замерла. Потом куколка треснула, из нее медленно начало вылазить жалкое существо, похожее на помятый осенний лист. Лист уверенно распрямился и превратился в прекрасную бабочку.

Так видеть молодого воина совсем недавно научил Фэй. Еще Учитель рассказал, что видеть можно не только прошедшее, но и будущее. Фу Шин в это почему-то не верил.

Крылья у бабочки вздрогнули и она бросилась продолжать свой короткий путь, оставив в руке ученика горсть маленьких и круглых, как бисер, яиц. Фу Шин долго и старательно перекалывал пальцем на ближайший камень кладку, которую доверила ему предрассветная гостья.

Наступило время поднимать солнце. Двенадцать лет молодой мастер должен был поднимать и опускать его. И если бы хоть раз опоздал к началу, можно было заново и не начинать. Подняв руки ученик ждал, когда появится край Драконьего глаза. Он медленно помогал просыпаться Дракону и только тогда начал снова принадлежать себе, когда солнце полностью оторвалось от горизонта. Точно так же он помогал закрыть глаз великому отцу.

Только на седьмой год Фу Шин соединился с Драконом. При вдохе молодой мастер наконец-то увидел и почувствовал то, о чем говорил Учитель. Однажды от солнца отделилась тонкая нить и он начал вдыхать ее. На выдохе она оборвалась и змеей

свернулась внизу живота. С тех пор ученик каждый раз начал вдыхать частицу солнца и каждый раз эта нить становилась все тяжелее и горячее. Солнце наполняло его спокойствием и уверенностью, но, самое главное, удары Фэя перестали быть нестерпимо болезненными.

Однажды, лежа на спине и глядя на звезды молодой мастер почувствовал, что может передвигаться не меняя положения тела. Удивившись Фу Шин попытался разобраться в своем открытии. Сложив руки на груди и вытянув ноги он легко и быстро начал двигаться вперед. Тело молодого мастера каким-то образом само поняло два принципа движения змеи, которая способна двигаться зигзагообразно и по прямой.

После того случая Фу Шин часто начал делать удивительные открытия. Небесный Дракон принял его.

Подняв солнце ученик пошел к небольшому водопаду, впереди было одно из самых жестких упражнений. Недалеко от водопада он увидел Учителя.

Фэй был явно в приподнятом настроении, он выполнил работу ученика, приготовив все для костра и утреннего чая. Фу Шин понимал, что Учителю просто захотелось разжечь костер, но все же почувствовал себя как-то неудобно.

В Поднебесной ходили легенды, что Фэй бессмертный и имеет право по собственному решению отобрать жизнь. Так же, как мог и подарить, изгнав из человека любую болезнь. Но пока ученик видел только, как Учитель спасает жизни, исцеляя любых, даже самых безнадежных больных, и легко может победить сразу нескольких воинов. Он даже видел, как к нему пришли Крылатые тигры самого императора и пали ниц, ожидая, пока тот допьет чай и позволит подняться хотя бы на колени. Многие говорили, что Фэй невозможно победить и Фу Шин не сомнивался в этом, особенно после того как увидел беседу Учителя с охраной императора.

Фэю не нужно было ничего и поэтому он имел все. Знающему далеко до любящего, любящему далеко до радостного. Фэй был радостным.

Тогда Фу Шину было не понятно: почему одни при виде Учителя с ужасом убегали, а другие спешили навстречу. Еще не понятно: почему спешащих на встречу к его доброму Учителю было гораздо меньше.

Выполнив перед Учителем этикет полного признания, ученик зашел в водопад. Ледяная вода была обжигающей и тяжелой. Одежду нужно было высушить почти мгновенно собственной энергией. Через минуту одежда была сухая и теплая, Фэй похвалил за скорость.

Больше всего Фу Шину нравилось, когда Учитель менял структуру материи. Фэй с громким треском ломал сухие веточки и каждый раз из них вырывался сноп искр, как из бенгальских огней.

После чая молодой мастер растворялся в мудрости Учителя, исходящей из слов и движений. Правда, она иногда прерывалась подзатыльниками и ворчанием, может быть и бессмертным, но Фэй был человеком. Все это не мешало Фу Шину считать его Богом.

Это были чудесные дни отдыха. Учитель учил ученика и никто не прерывал этого великого таинства. Уже целую неделю не было просителей, как-будто у людей исчезли проблемы или они перестали болеть. В этот день Учитель был в особенно хорошем настроении и слегка побаловал молодого мастера чудесами.

– Сегодня будем обедать золотыми фазанами, – объявил Фэй. – Я видел с утра молодую парочку.

Ученик поклонился и уже начал озираясь, чтобы насобирать горсть удобных для охоты камней. У него был рогач с широким и новым кожаным ремнем, выбросив из него камень, Фу Шин мог легко убить с приличного расстояния даже волка.

– Смотри, – Фэй вынул из мешка горсть риса и рассыпал его на плоском камне, после чего сел возле и закрыл глаза.

Через несколько секунд Фу Шин почувствовал исходящую из Учителя незнакомую энергию. Некоторые виды энергии ученик узнавал сразу. И вдруг ученик увидел две точки, летящие над самой землей, которые через несколько мгновений вспыхнули и превратились в сверкающих золотых фазанов. Таких красивых птиц он еще не видел. Хлопая крыльями они опустились на камень и с жадностью начали клевать рис. Фу Шин залюбовался необычным зрелищем, он был от птиц всего лишь в шаге, а они хватили зерна, ничего не замечая вокруг.

Ученик глянул на Учителя и увидел, что тот сердито вращает глазами. Опомнившись, Фу Шин схватил птиц за их нежные шеи.

– Красивые, – смущенно пробормотал он вставшему с земли Учителю.

После мясного обеда на обоих опустилась приятная расслабляющая дремота.

Уже целую неделю ученик с трепетом ждал обещанного. Фэй сказал, что покажет соединение Тигра с Драконом, а ведь это великая мечта учеников всего мира.

Тигр – инь, Дракон – ян, их соединение в бою рождает гармонию и неуязвимость. Учителя не стоит подгонять, нет ничего более ценного чем мастер, желающий передать состояние ученику. Можно передать технику и последовательность движения,

но главное – это состояние. То божественное и незримое, которое порождает качество.

До Фу Шина внезапно дошло, что прилетевшие фазаны и есть начало встречи Тигра с Драконом. Ведь очень редко Учитель позволяет отнимать жизни и тем более есть мясо. А ведь это была пара, инь и ян. Фу Шин улыбнулся, он на мгновение стал счастливым, что не пропустил начало.

Ученик не ошибся, день начался техникой под названием Тигр встречается с Драконом. По древней легенде Дракон наконец-то нашел себе достойного соперника, ян соединился с инь. Ученик был поражен техникой движения и исходящим от них энергетическим состоянием.

Фу Шин перестал понимать Учителя, невозможно было предугадать ни единого движения. Каждое движение Фэя было не в ту сторону, в которую он ожидал. Через несколько минут ученик, который мог бежать без остановки целый день, выдохся, потеряв все силы. Он вступил в бой не с чем-то невидимым, не с призраком – это был Учитель, к которому, как казалось, привык, которого знал. Фэй не поражал энергией, не сбивал с ног с невероятной силой, но когда Фу Шин был совершенно уверен, что Фэй, защищаясь, шагнет влево, тот уходил вправо. Все атаки ученика попадали в пустое место и казалось, что выброшенная в никуда энергия, возвращаясь, безжалостно била своего хозяина. Ученик уже несколько минут избивал самого себя, а Учитель, улыбаясь, ходил рядом, внимательно рассматривая это безобразие. Фу Шин со стоном сел на землю, обхватив гудевшую голову руками. И снова движения, и снова Тигр, встречающийся с Драконом. Небо плавно становилось серым.

– Все, – объявил Учитель Фу Шину.

На молодого мастера страшно было смотреть. Он еле дышал, одежда покрылась слоем пота, смешавшегося с пылью, в некоторых местах пот превратился в блестящие кристаллы, похожие на чешую легендарных Драконов. Пыльное лицо выражало неопишное отчаяние, смешанное со злобой. Фэй не выдержал и расхохотался так, что цикады, начавшие дружно встречать вечер, замолчали.

– Стоп, – спохватился Фэй. – Ах, как нехорошо подводить старика Лю. Ведь он просил сегодня одного из моих лучших учеников. Как-будто у меня их целая куча.

– Лю? – удивился ученик. – Зачем я ему?

– Да не ты, а один из моих лучших учеников, – хмыкнул Фэй. – Может какая-то помощь нужна или какого бойца проверить хочет.

Старый Лю действительно был старик, но когда-то под его руководством была охрана императора. Ходили слухи, что он даже

затеял какой-то мятеж и за это император отселил его подальше, хотя гораздо проще было казнить. Еще интересно то, что у старика много детей, а младшей лет шесть. Вот такой старик. Это все, что знал Фу Шин. Еще он знал, что Фэй его за что-то очень уважает.

– А как же его искать? – удивился ученик. – Ведь уже темно?

– Искать, – усмехнулся Фэй. – Спускаешься с горы и в ту сторону, – махнул он рукой, – дом самый богатый.

Дом действительно смахивал на замок, особенно странно это смотрелось на фоне обычного убогого и маленького селения. Ворота открыли сразу, после третьего удара, как-будто ждали. Толпа мужчин и женщин – это слуги. Все остановилось перед огромным каменным порогом, на который из дома в белых одеждах вышел сгорбленный годами и беспокойной жизнью старик. Фу Шин выполнил перед ним полный воинский этикет, ведь Лю был из тех воинов, о которых народ складывает легенды. Человек, победивший медведя и тигра одними руками. Спустившись с крыльца, Лю по отечески обнял Фу Шина, испачкав свою белоснежную шелковую рубаху.

“Ой, старая лиса”, – испугался Фу Шин.

От иногда приходившего на их гору Лю, ничего кроме насмешек не получал. Не в лицо, конечно, но намеки были даже слишком откровенные. Что-то все-таки удерживало молодого мастера поспорить со стариком, ведь Лю ему был никто, а Фу Шин – ученик Бессмертного. Он помнил, как однажды старик поправил его неправильные движения, а рядом был Фэй – его Учитель. Скорость Лю была огромной, но по настоящему испугала сила, которая исходила от старика. Сила оказалась непостижима. Со скрипом в сердце Фу Шин признавался себе, что даже в учебном бою проиграет. Проиграть почему-то не хотелось, по крайней мере не хотелось с этого начинать. Может и есть смысл в проигрыше, скорее всего именно так, но даже думать о проигрыше не хотелось.

– Здравствуй, ученик, – торжественно произнес Лю.

В разговоре с Фэем слово “ученик” обычно заменялось словом “собака”. Хотя однажды Фу Шин понял, что этим словом он называет всех людей. А через время понял, что так старый Лю отзывается о всех живых существах.

Лю поклонился Фу Шину так, как кланяются ученикам раз в сто лет. Как Лю считает его своим учеником? Фу Шин так не считал, но было очень приятно.

“Все, – внутренне задрожал Фу Шин, – будет какая-нибудь страшная шутка”. Рассказывали, что лет восемьдесят назад, когда

Лю начал стареть, он приобрел манеру потешаться абсолютно над всеми. Сейчас, на своей территории Лю мог сделать с ним что угодно.

Этикетом старик владел гораздо лучше.

– Я слышал, мой сын, что ты сегодня устал, – пугающе дружелюбно произнес почтенный воин.

Сказать: “Нет”, значит – плохо работаешь у Учителя. Сказать: “Да”, значит слабый. В голове что-то завертелось. Фу Шин пожалел, что рядом с ним не два тигра сразу, а один Лю.

– Пойдем, сын, я покажу тебе место отдыха, – мягко пропел Лю, взяв ученика под руку. – Окажи честь старому воину, который начал забывать о битвах.

Опустив голову, с такой же покорностью как овца на привязи, молодой мастер, поддерживаемый старцем, побрел вперед.

Левое крыло на втором этаже было явно не для гостей. Это был первый настоящий дом, который видел ученик. Длинный коридор освещен одним небольшим светильником. Маленький, золотой луч пламени растекался на тысячи дрожащих светлых нитей, заканчивающихся бледным серебристым туманом, из-за которого коридор казался еще длиннее и загадочнее.

Лю остановился возле входа, завешенного плотным зеленым верблюжьим ковром, обшитым по краям толстыми серебряными нитями. В центре ковра была вышита красная албарда, пронзившая какую-то сказочную птицу. Старик пропустил ученика в просторную комнату, в одном из углов которой тускло светились благовония и исчез.

Луна, улыбаясь, внимательно смотрела вниз с прозрачного ночного неба, звезды зажглись еще не все. На стенах комнаты можно было разглядеть нарисованных важных чиновников, чинно общающихся с нарисованными драконами. Не было привычного кана, зато в центре стояла, как комната меньших размеров, прямоугольная кровать. Чтобы лечь на ее перину из лебединого пуха, нужно было завернуть край расшитого красно-золотыми тиграми занавеса. Его проводил в комнату для сна сам хозяин и сейчас осталось только одно: лечь в пыли, которую он собрал чуть ли не с целой горы, на белые простыни. Не стоять же всю ночь возле кровати, сторожа неизвестно что. Фу Шин задумался, махнул рукой и упал на простыни.

Тревожный сон медленно окутывал уставшего ученика.

– Ты куда побежала? – послышался грудной женский голос.

“Снится”, – решил Фу Шин. Но когда совсем рядом послышался детский визг, а потом громкий смех. До молодого воина дошло, что сон еще не приходил.

– Сейчас поймаю, – снова раздался приятный женский голос, который изо всех сил пытался быть строгим. – Вот расскажу отцу, какая ты непослушная.

На несколько мгновений шум затих, потом раздался женский смех и легкая дробь, вылетающая из-под бегущих детских ног. Ковер, защищающий вход в комнату, зашуршал, закрывающий кровать зановес дал трещину и в ней появилась веселая круглая мордашка с сотней торчащих тоненьких косичек.

– Ты кто? – удивленно и строго потребовала ответ мордашка, округлив свои пронзительные черные глаза.

– Дракон, – растеряно ответил мастер.

– Настоящий? – восторженно взвизгнула девочка.

– Конечно, – обиделся в свою очередь Фу Шин.

Девочка залезла на кровать и с нескрываемым интересом начала разглядывать молодого мастера. Такого она еще не видела никогда, а слуги и остальные домашние за шесть лет уже порядочно надоели. Девчушка явно воспитывалась в воинском духе, потому что сразу с размаха треснула Фу Шина кулаком в живот.

– Настоящий, – согласилась девочка и скривившись потеряла ушибленную руку.

Не долго раздумывая она прыгнула на воина и вступила с ним в шутивную борьбу.

– Ф-у-у, вонючка ты, а не дракон, – поморщилась девочка и вдруг еще раз внимательно принялась к воину. Руки девочки уперлись воину в грудь, потом она пробежала ладонью по его одежде и надолго задумалась. – Я сейчас, – девчонка спрыгнула с кровати и ненадолго исчезла.

Появилась она с большой мыской, наполненной теплой водой и переброшенным через плечо полотенцем.

Фу Шин лежал сам не свой, он совершенно не знал, что делать. Наконец она с трудом все затащила на кровать, стянула одежду с умирающего от стыда воина и, размазывая грязь по белым простыням, неспеша и аккуратно вытерла его мокрым полотенцем. Девочка вдруг стала взрослой и серьезной, как никогда, а мастер лежал, боясь шевельнуться. Ему очень не хотелось обидеть ее.

– Спи, дракон, – лаского и строго сказала девочка. – И я пойду спать, потому что уже пора и папка будет ругаться. А завтра что-нибудь расскажешь, я приду к тебе утром, – девочка, спрыгнув с кровати, выскользнула из комнаты.

Придя в себя, Фу Шин с ужасом огляделся: он лежал голый в центре кровати на мокрых и грязных простынях, рядом стояла пустая мыска с черным полотенцем. Одевшись и выпрыгнув в ок-

но со второго этажа молодой мастер, ничего не понимая, направился обратно к Учителю.

Фэй долго смеялся над рассказом ученика, потом столько же качал головой: “Эх, старый жадный пройдоха, не хочет отдавать дочь даже после смерти. Только где она найдет такого как ты? А другого уже не захочет”.

ГЛАВА 19

Проснулся от совершенно нового чувства. Ноги замерзли, а голова нагрелась так, что чуть не растеклась по кану. Только через какое-то время понял где нахожусь. Да, китайцы придумали гораздо умнее. Они пропускают тепло под каном, используя его как дымоход. От форсунки стена нагрелась как в сталеплавильном цеху. А ноги начали замерзать.

Новый дом, новые проблемы. Опять форсунка как двадцать лет назад, но та была в самом центре города. А здесь воздух, сад и тишина. Рядом спит мокрая от горячей стены жена, уже настоящая, ведь мне сорок два. Только в сорок два я увидел своими глазами ту, которая понимает и чувствует не только травы, но и больных. Какое счастье, когда есть кому передавать самое дорогое – понимание трав. Я понял, что не стоит бороться за ученика, или за женщину, они просто должны быть. Любая борьба приводит к разрушению, нужно просто быть. Жаль, что многие этого не понимают. Не трогая полусваренное тело жены, вышел во двор.

Ничего себе орех. Мощное дерево, нависшее над двором. Листьев – по колено, завтра выгоню свое юное чудо подметать. После сада – огород, сад маленький или большой, не знаю. До конца огорода не добросить камень и застывшие от холода сорняки. Вдали чернее обычного – это ночной лес.

Я снова зашел в дом. В центральной комнате перевернул спящую красавицу с раскаленной головой, теперь у нее будут нагреваться пятки – это безопаснее. Действительно, красавица, вся тонкая и белая. Представил ее с лопатой в огороде – стало смешно. Все равно, что Пушкинскую русалку с курносим крошечным носиком загнать в огород. Интересно, чего эта дура поперлась за мной.

Решил, послало и начну продолжать дальше, нужно чаще писать, да где возьмешь – это свободное время. Все, спать, потом за работу.

Тюремное начальство невзлюбило меня окончательно, за что и пообещало сгноить. Пройдя несколько коридоров, я, с двумя

здоровенными охранниками, остановился возле искореженной зеленой двери. Она была древняя и казалась ровесницей самой екатериненской тюрьмы. Погромыхав с минуту замком, две крепкие руки зашвырнули меня в камеру. После очередного карцера устоять не вышло.

– Вот вам пахан, – громко крикнул в спину один из охранников.

Поднявшись с пола, я увидел, что нахожусь среди детей. Они обступили меня, внимательно разглядывая. Худые, грязные со злыми как у диких зверят заостренными лицами. На мгновение я забыл, что нахожусь в тюрьме.

“Малолетки”, – через какое-то время дошло до меня. Вот они, страшные звери, о которых на тюрьме рассказывают разные ужасы. И не дай Бог попасть к ним на растерзание, эта кара считалась самой тяжелой. У того, что стоял ближе всех, под серыми жидкими волосами, на лбу жирными буквами было что-то написано. Резким движением я поймал его за голову. “Раб КПСС”, засветилось на бледном лбу. От надписи пытались избавиться, но ядовитая синева въелась навсегда.

– Как же это? – удивился я.

– А вот так, – вырвался из моих рук пацаненок.

Рассмотрев второго, я ужаснулся. Рот ребенка был в три стежка зашит медной проволокой.

– Кто тебя так? – кинулся я к нему.

Вся камера дружно и злобно рассмеялась.

– Да сам он себе зашил! И еще червонец отдал попкарю за проволоку. Протестует, – гордо объяснили мне.

О тюрьмах и малолетках я слышал много, вот и увидел.

Малолетки начали медленно меня окружать, тюрьма не давала ни минуты покоя.

– Да успокойтесь, придурки, сказал я и лег на нару. – Посмотрите, сколько во мне еще осталось тела, вдруг убью кого-нибудь, зачем мне это? – и, не выдержав всей этой тяжести, засмеялся.

– Э-э-э-э, – сказал малолетка с наколкой на лбу. – По-моему, у нас наконец – то появился пахан, смотрите, и даже не грузит. Можно жить. Чего хочешь, пахан?

– Спать, – честно признался я.

Они укрыли меня двумя одеялами и я проспал весь день.

– За Ленина – учителя, за Сталина – мучителя, за Гитлера – освободителя – Зит Хайль! Зит Хайль!

С перепугу я чуть не упал с нары.

– Вы что, придурки!

Тюрьма, гудела, как бочка. Вся часть малолетки перед отбоем выкрикивала этот бред. Я онемел. Дверь отворилась. В камеру ворвались молотобойцы.

– Смотри, – сказал один из них. – Да здесь же старшаковский пахан. А чего орут?

– Чего орут? – снова спросил один из них. – Что, не знаешь? А может, не слышал? – Он заржал. – Нельзя! Пропаганда! Шо кричат, слышал? – талдычил он мне. – Смотри, шо с ними за это делают.

Ударив несколько раз киянками мальчика с буквами на лбу вышибалы вышли. Когда дверь снова закрылась, я склонился над лежащим пацаном. Рядом сидел, шмыгая носом, мальчик с зашитыми губами. Малолетки кинулись на меня внезапно, как стая сумасшедших волчат. Они кусали, рвали, пинали. Камера затихла, я стоял посредине, оглядывая лежащих на полу детей.

– Ребята, – слезы лились у меня из глаз, – ребята, да что вы?!

Малолетки очухались. Они были счастливы, что казалось еще большим безумием.

– Да вы что, сучата! – я не знал, что говорить. – Да что вы, мальчишки?! Чего вы орали?

– А что, не правильно? – с уважением, но вызывающе спросил один из них.

– Чего ты? Что тебе надо?

Из двадцати десять – убийцы. Убийцы без матерей и отцов. Стремление к убийству проснулось в детдоме. Животные инстинкты. В детдоме нужно было выживать – вот и вся философия! Они кусались, грызлись, забирая куски хлеба друг у друга, не говоря об остальном. Голод – самый страшный убийца, который убивает все чувства. Какая любовь, какое понимание? О чем можно говорить, о каком состоянии, если хочется есть? Я слышал о них, и вот увидел живьем.

Не давая себе отчета я закричал и начал колотить по кормушке. Один из ударов вывернул ее из гнезда. Минут через пять влетела бригада вышибал. Один из них ударил меня киянкой в лицо.

– Читай! – на одной стороне киянки было написано: “Димидрол”. На другой: “Анальгин”. – Я тебя сейчас как жажну! Чего орешь?!

– Жажни! – попросил я. – Жажни столько раз, сколько хочешь!

Били долго, потом ушли. Из последних сил я встал и снова начал колотить в кормушку.

– Ты шо, дурак?! Шо нада? – снова заглянул один из надзирателей.

– Жрать принеси детям, или будешь бить пока не забьешь.

В глубине камеры стояли, сбившись в кучу, перепуганные малолетки. Я не знал – зачем это делаю, а что было делать? Кормушка захлопнулась. Дети с плачем набросились на меня и скрутили, не давая больше стучать. Через время кормушка открылась. Пять буханок хлеба. Я был счастлив, а ударов получал бывало и больше. Победа над детьми оказалась сладкой. Обожравшись, малолетки заснули. Даже проестующий ухитрялся засовывать кусочки хлеба между проволокой.

Ранним утром меня вывели из камеры. “Кто-то из надзирателей заложил своего”, – понял я.

– Блатуйте, черти, и дальше, – крикнул я пацанам, а что было говорить.

Прошли всего лишь полтора коридора, очень узкая дверь открылась, и я, после толчка в спину, влетел в какую-то щель.

Это было первое столкновение с пеналом. Сперва, усмехнувшись и ничего не поняв, я огляделся. Квадратная комната. В ней можно сесть и упереться коленями. Вокруг шуба. На стену наброшен цемент, застывший острыми пупырышками. Опустившись на присядки, я уперся коленями в шубу. Спине тоже было больно. Через пять минут спина и колени дико заныли. Я встал. Простояв минут двадцать, понял, что нужно изменить позу. Лег на спину – от угла в угол и задрал ноги вверх. Через пять минут стало понятно, что так можно умереть. С криком и застывшими вверху ногами, от которых отошла кровь, ломая ногти все-таки встал. “Что делать?” – на сколько времени оставили, неизвестно. Я постоял, походил, полшага назад и обратно, и вдруг понял, что попался.

Я не помнил, сколько времени прошло в пенале. Я полувисел обмякший, с растекшимся и онемевшим телом. Как-будто открылась дверь. Потом волокли за ноги, обдирая затылок.

Ошибки прошлого ранят в самое сердце. Я часто думаю: писать ли эту память, но ведь она моя и все это было со мной.

Нина с Татьяной, о чем-то совещались на кухне. По коридору растекались запахи, от которых путались мысли. За последнее время я отяжелел, думаю, сумоисты приняли бы в какой-нибудь клан.

Меня уже успели поздравить с Днем рождения, который должен быть почти через год. На моей толстой шее висела тощая, но длинная золотая цепь, зато на пальце – перстень размерами с грецкий орех. А эти волшебные бутерброды с красной икрой. Они поверили, что я поддался и вокруг меня на время появилась непробиваемая стальная стена.

Шампанское, мороженое и гусь, размерами с моего издателя, от которого у меня тоже появилась возможность отдохнуть. Оторваться от книги было сложно, потом сложно от гуся. Единственное, чего Наверное не сумел описать – это состояние голода, соединенного со страхом. Нина, оказалась удивительной женщиной. Она считала себя не просто умной, а самой умной.

Гусь, Шампанское и мороженое медленно перетекли в бархатный вечер. Нервный огонек душистого от имбиря светильника и две женщины. Каждая хотела быть лучшей, даже без собственного желания. Это был обычный космический закон, который не спрашивает разрешения – быть или не быть.

Судья видел меня на балконе выпиливающим по фанере. Видела не выходящим из дома, она не понимала, что сразу же возненавидет такого. Эта судья оказалась еще безумней моего знакомого психиатра. А безумие жены оказалось предательством. Нет ничего сложнее, чем быть среди людей.

Я понял, что за ночь впереди... Было смешно, противно и интересно. А оказалось отвратительно, никогда пусть не повторится подобное. Две женщины соревновались друг с другом, совершенно не обращая на меня внимания. Соревнование получилось очень жесткое, они занимались со мной любовью, не задумываясь о моих силах. Они не восхищались мной и друг другом, они терзали меня, показывая свою силу. Так в пионерском лагере происходит соревнование по перетягиванию каната, только ему совсем не больно и не обидно. Растерзав меня и удовлетворившись собой, женщины успокоились.

Я смотрел на спящих насильниц и самые невероятные мысли проносились в голове. Жена скрипела зубами, уткнувшись в подушку, а Нина во сне разговаривала с ней на повышенных тонах.

За глубокой ночью в комнату все же пришла тишина. Компьютер, тревожно гудя, снова унес в прошлое, которое ранит в самое сердце.

В темной комнате начали появляться деревья и я понял, что попал в ночной лес. В тот лес, где меня нашли две молоденькие девочки, обиженные всем миром. Очень жаль, что нежность так беззащитна.

Не зная друг друга, девочки, похожие на лягушат, окончили школу, обожглись на любви, вернее на мужском хамстве и бросились в постижение окружающего. Но в государственный университет на факультет физиологии человека и животных поступить не получилось, а получилось два работника кухни в спортивном лагере ДГУ. Спортсмены напугали их еще больше, по-

этому всю свою нежность они обрушили на меня, маленького и несчастного.

Я так и не понял: то ли они лесбиянки, то ли просто испугались мужчин. Так или иначе, лягушата нашли друг друга, а потом нашли и меня. Вот так вместо одной лесной птицы, в четырнадцать лет я встретил двух ангелов, жадных к нежности. Закрывшись в игрушечном домике из прессованной тырсы, я с ними учился нежности и постигал премудрости физиологии человека и животного. Конечно же, в этом много было от животных, чистых и искренних.

Я бродил по лесу с лягушатами, все дальше и дальше удаляясь от комнаты с похотью и предательством. Мои глаза, которые смотрят на окружающее более сорока лет, понимали все по-другому. Застывшие образы оживали, становясь более понятными чем тогда, в испуганном детстве.

И вдруг, снова ясно и ярко вспыхнули тревожно спящие женщины. Непобедимый сон обнажил все.

Железный судья оказался немолодой женщиной. Еще красивой, но уже измученной тем, что в молодости казалось увлекательной игрой в справедливое возмездие. Что происходит во сне, что говорят ей, измученные ее справедливостью души? Сейчас она голая и незащищенная. Красное шелковое одеяло сползло, тусклый светильник выхватил из мрака изгиб бедер и спины. Грудь, выкормившая непутевого ребенка, затаилась на скомканной подушке. Тонкий орлиный нос, хищный и жалкий, глаза и губы спрятались в тени. Я знаю, она умеет спать с открытыми зелеными глазами и ртом, от этого иногда становится жутко. Как-будто даже во сне хочет еще кого-нибудь съесть. Рядом лежит Татьяна, борьба двух тел окончилась – она держит Нину за руку. Сейчас две самки следят за своими душами. Что снится им?

А там вдали, среди ночных сосен ждут лягушата, испуганные своей любовью, не испорченные, нежные и жадные. Пойду к ним, а когда нагуляюсь по лесу своего детства, вернусь к этим двум. Знаю, попрошу прощения, а потом подарю себя. Подарю не любовь, а силу, даденную Школой. Силу, которая им так нужна, силу, которая никогда не будет принадлежать им. Я буду просить прощение за то, что попался на их пути. А они будут любить и ненавидеть. Какой потрясающий хаос, но ведь именно из хаоса появляется долгожданная гармония. Та гармония, которую ждет каждый. Я помахал лягушатам рукой и смело пошел к ним навстречу по горячему ночному лесу.

Утром, как всегда, проснулся один. Включив компьютер, понял, книга о долине подошла к концу. А может и нет, но шесть месяцев

истекли, стены приютившей меня квартиры таяли на глазах. Весна растворила железобетон, он начал пропускать солнечные лучи и пробуждающуюся жизнь. Птицы перестали бояться быть громкими. Надвигалось мое сорокалетие.

Снова мой разбитый, но еще летящий корабль. Окно узнало меня сразу. Я долго пытался протереть его, оказывается – это не просто.

Опять пришло сумасшедшее время. Время править книгу, а это значит умолять, пугать, ругаться и иногда даже заниматься рукоприкладством с каким-нибудь умным редактором, великолепно знающим знаки препинания, но почему-то желающим переставить слова в моей выстраданной книге. Я так и не понял, зачем это кому-то нужно. Снова и снова приходится уходить в память, – конечно не легко. Но многое все же вспомнил. Не знаю только как увидеть это для других, как описать, чтобы было понятно? Деваться некуда и если это вообще никому не нужно, все равно не имею права не писать. Кто посмеет умолчать о том, какие они: Учителя Света.

Книга уже есть, осталось положить на бумагу. Еще не один месяц мучаться и выслушивать высказывания Терентьевича. Он иногда помогает, даже подсказывает неплохо. Но руки чешутся и на этого умника, ведь на белых листах все мое и только мое.

Спасает зал, но добрая Нина скоро выгонит взащей – это и так ясно.

Вобщем, жена и судья начали прибегать в мой корабль по очереди. Поздно, книга почти готова и никакой демон уже не в силах ее сожрать. Удивительные и загадочные женщины, то гордые до не могу, то плачущие в ногах. Вот и плачу иногда с ними, жалко, но они не нужны.

С Татьяной прожито почти двадцать лет и вдруг – жалость исчезла. Даже не думал, что такое возможно. Скоро она это поймет. Немного страшно, а что делать? Жалость умерла в комнате, в которой внезапно вырос лес. Впервые в жизни стало жаль себя, какое удивительно новое чувство, как-будто спас что-то очень нужное.

Я не могу отвечать за все. Но ведь женщина – это отражение мужчины. Ох уж эти кривые зеркала. Виноват, но ведь плохого не делал, после второй книги откуда-то появилось это новое чувство. Каждое утро, просыпаясь в своем скрипящем на легу корабле, знал, что иду навстречу новому и совершенно незнакомому. И вот это случилось, то, что изменило окружающий меня мир. Случилось то, во что абсолютно не верил.

Оказывается, я никогда не любил и всегда был одинок. Оберегал, жалел, выдумывал, но не любил. Любил людей, иногда верил им, жалел жену и женщин. У меня никогда не было любимой.

Я полюбил, сперва настороженно, испуганно, а потом, потом ничего не случилось. Я перестал быть одиноким.

Это самое сложное, но очень хочется поделиться, чтобы никто никогда не прошел мимо любви. Я наконец-то знаю какая она. Она очень легко узнаваемая. Это когда тебя любят. Любят ничего не требуя взамен. С меня впервые за любовь не потребовали платы.

Однажды, вместе с ребятами, после тренировки поехали в мой корабль. Среди учеников была незнакомая девушка. По дороге мне все время казалось, что она может оступиться и упасть. Она была тоненькая и хрупкая как тростинка, дрожащая от стремительно летящей воды в Чуйском конале. Была в ней еще какая-то непостижимая загадка, я постарался понять, что же меня удивляет, но это было невозможно.

Только через время я понял этот секрет. Белая как молоко кожа, розовый рот, темные брови и при этом длиннющая умопомрачительная шея. Капризно выдающаяся вперед челюсть, ровные зубы. Крохотулечка носик, на котором неизвестно как сидят очки. Она оказалась выше меня, хотя это нетрудно. А талия пятьдесят шесть сантиметров, ее всегда замечали даже самые тупые, ведь бедра и грудь были девяносто шесть. А под очками жили глаза, сияющие серо-голубой с зелеными лучиками грустью. Описал сам не пойму что. Она действительно была прозрачной, с такими бедрами и грудью, она скользила над землей. А эти светлые волосы, она всегда злится на них, как птичий пух. Злится не сильно, по-другому не умеет, зато умеет принимать решения. Вот такое существо скользило в мой корабль.

Тихая ночь с бабочками, застывшими в ящиках на своих иголках, затаившаяся в раковинах, разбросанных по комнате. Любознательные ученики, вопросы, еще не слетевшие с губ. Но главное – это спокойные глаза, глаза, в которых рождается вера, однажды уже убитое чувство. Мне радостно и неспокойно. Она слушает с разомкнутыми губами и сразу понятно, что они, и без того тонкие, всегда крепко сжаты. Так она защищается от непонятного ей мира.

Я был почти уверен, что это сон, еще немного и прозрачная девушка исчезнет, оставив меня наедине со студентами. Она не исчезла и я бессовестно размечтался. Ведь таких нежных у меня еще не было. Какие только не были, но чтобы такие белые и по-настоящему прозрачные – никогда. Я даже задумался, зачем они

нужны, если ветер способен сломать или унести, а дождь растворить в себе? Очередной взгляд на ее губы вырвал откуда-то издали тайну. Я понял, что это самое темное место на ее теле.

Измученное в последнее время всякими коварствами сердце вздрогнуло. Действительно, таких еще не было, неужели такая может быть обычной злой теткой. Вот она загадка, которую нужно срочно решать. Казалось, что если немедленно не решу, то случится непоправимое.

Я держался изо всех сил, чтобы не потащить ее на кухню для выяснения сразу всех загадок. Утро как всегда пришло вовремя. Студенты со слипшимися глазами потащились спать в свои общежития.

– А вы сейчас куда? – поинтересовался я у прозрачной.

– На работу, – улыбнувшись, так нежно ответила она, что мне стало дурно.

– А как вас зовут?

– Я Ольга, а работаю секретарем-референтом, – и она назвала какую-то мудренную итальянскую фирму.

Захотелось сразу узнать, сколько ей лет, где живет и что такое референт? Потом заколола ревность, ведь секретарь, в моем отсталом понимании было слово неприличное. Когда все разошлись, я сел возле биотелевизора и задумался.

Такой скромности от себя просто не ожидал. Ведь всегда хватался двумя руками за то, что нравилось или казалось необычным. Очень мало в моей беспокойной жизни попадалось подобного. А тут – на тебе, такое редкое и удивительное проплыло мимо. Мне даже показалось, что я сошел с ума. “Может постарел”, – со страхом подумал я? Но потом с облегчением вспомнил, что мастера заводят семьи и делают детей именно в моем возрасте.

Сомнений больше не осталось, в жизнь ворвалось нечто загадочное. Оно оказалось в виде необычной женщины. Снова задумался, вспомнил ее формы и поразился еще больше. Как же она ухитрилась быть плавущей, нежной и прозрачной. Я почему-то заранее был абсолютно уверен, что это чудо не в состоянии быть нудным или сварливым. Был уверен, что она не способна закричать, сказать грубость или пошлость. Она не могла быть жадной или что-то делать назло. Перед глазами начало вырисовываться что-то уж совсем неправдоподобное, похожее на проделки демона. Нет, все-таки это был не он, уж слишком хорошо мы с ним знакомы. Да и вообще, он для этого слишком туп, тут было что-то другое. Но что?

Два дня до следующей тренировки прошли как годы, в какой-то горячке. Температура то поднималась до сорока, то падала до

тридцати пяти. Обычно, подобное происходило в экстремальных ситуациях, когда нужен был взрыв или отдых.

Прошли первые два дня ожидания. На тренировку спешил так, что внезапно поумневший транспорт начал уступать дорогу. Я шел быстрым шагом, здоровенный мужик вскрикнул и пролетев пару метров влип в кирпичную стену магазина. Какое-то время постоял, подобная концентрация последний раз была в долине Чу. С Ольгой тоже должно что-то происходить, я был уверен. Все пропало, тренировка началась, а ее нет.

Зал грохотал, ученики разминались, а я стоял окаменев. Меня кто-то дергал за руку, а я стоял раздавленный, как-будто потерял самое главное.

Мне сорок лет, а я уже успел пережить все безумие, невежество и хамство. Видел предательство и преданность, любовь и ненависть. Я лично знаю демона. А это? Что может быть это? Опять, температура под сорок.

Меня снова кто-то дернул за руку, рядом стояли Нина с Татьяной. Я шарахнулся от них и выскочил из зала. В груди полыхало пламя, но оно не было адским. Только лишь возле своего корабля я обнаружил у себя в руке медную ручку от дубовых дверей спортзала.

Еще два дня одиночества. Я так мечтал о нем и вдруг возненавидел. Опять в моем спортзале пустота, одиночество. Я начал различать запахи, я вспомнил как пахнет она.

Во мне что-то росло, огромное и незнакомое, от зверя и человека. Я никогда так ясно не чувствовал присутствие обоих одновременно. Мне казалось, что знаю о них все.

Я понял, о чем говорил Фу Шин. Я не жалел жену я боялся признать себе, что просто бессилён. Боялся признаться в этом и окружающим, двадцать лет безжалостно не отпуская ее. Нашел для себя утешение в ее ложной беспомощности и любви. Заботой и любовью мы порожаем чудовищ. Мы забываем, что сперва должен быть знающий, а только потом любящий, который обязательно станет радостным. Имеющим вдоволь солнца. Знающему далеко до любящего, а любящему до радостного. Я понял, что заслужил ее, ведь так хочется коснуться не той, которая все время прощает, а той – которая не обвиняет. Наверное, все же сошел с ума и решил, что заслужил в этом мире хотя бы мгновенье женской любви. Ведь я монах странствующий в миру – Ло ган кун бай, так называли меня старые мастера.

На кухне я воткнулся в биотелевизор и в тысячный раз начал прощаться со своим двором. Двор, изрытый, оцетинившийся огрызками проволоки и труб. Весна разукрасила его еще и пестры-

ми пеленками, болтающимися на ветру. Украсила юными мамами, которые с печальными лицами читали книги. Они были везде, почти возле каждого дома. А я как весенний демон смотрел на все это с седьмого этажа и злорадствовал. В мыслях зародилось желание выдать каждой из них по своей первой книге. Но до подобного все же не дошел, до этого додумался мой издатель Александр Терентьевич. Мамы сперва его пугались, уж слишком красивая была книга, такая же, как и сам издатель, а это уже было слишком. Но потом все же брали и читали. Птички пели, солнце брызгало, придурковатый тезка Сереня неслишком злобно пускал слюни, попугивал мам тем, что гыгыкал в их сторону.

Жизнь была прекрасна до головокружения. Где же ты, прозрачная? Я вспомнил как пахнут ее волосы и шея, и этот запах вливался в мой взбунтовавшийся весенний мозг. Впервые во мне был не зверь – это было животное, застывшее в тоске возле немьтого окна.

В дверь кто-то нагло и громко постучал, впервые мне совершенно было не ясно, кто это.

– Приветик, – влетел, лихорадочно размахивая руками, жизне-радосный издатель.

– Ну? – подозрительно посмотрел я на него.

И вдруг он моментально разобрался в моем состоянии.

– Ну вот, тут книгу править, а он с ума сошел, – жалобно заныл Терентьевич.

Разбирался он долго и тщательно. Иногда у него это здорово получается. Тем более за зиму основательно соскучился по приключениям, еще и такая весна.

– Ах, – дошло до издателя. – Та толстожопенькая, – он захихикал.

Я зарычал и схватил Терентьевича за горло: “Не кощунствуй”.

– Понятно, любовь, – пропел тенором Шура и исчез.

Не было его не знаю сколько.

Весна за окном начала растворяться, только небо иногда бросало последние узкие лучи солнца. Деревья тонули в вечере, трава серела, с седьмого этажа казалось, что она превращается в асфальт.

– Сейчас придет, – толкнул меня в бок Терентьевич.

– Как? – удивился я.

– Ногами, – изрек издатель и сразу же спохватился. – Ну ты и странный, что же тут удивительного. Позвонил в самую крупную мебельную фирму, позвал референта и сказал, что сегодня еще одна лекция на дому.

В дверь постучали, начали сходитья люди.

– А эти откуда? – спросил я у издателя.

– Извини, по демонизму у нас главный ты.

Я сидел на кухне и глядя в биотелевизор, слушал звуки, мой ко-рабль снова наполнялся чужими людьми. И вдруг, в растущем ве-чере увидел бегущую ее, таких спеша плывущих женщин видел только во сне. Сперва оцепенел, потом вскочив, рванул дверь и столкнулся с ней. Схватил за руку и потащил на кухню.

Она сидела возле окна и ничего не понимала.

– Я влюбился.

– Со мной часто делятся своими переживаниями, – с грустью ответила она.

– Да нет, – замотал я головой. – Влюбился в тебя.

Ее глаза широко открылись.

– Скажи что-нибудь, – попросил я.

– А что сказать, я люблю тебя с одиннадцати лет, – она вздохнула, улыбнулась и уже спокойнее посмотрела на меня.

– Как?! – захлебнулся я и вытаращился на ее.

– Четырнадцать лет назад я услышала, как мама с подругой го-ворили о загадочном докторе. Они так часто и много говорили о тебе, что я влюбилась в этого доктора. Потом выросла и начала искать, ходила на все нетрадиционные лекции. Где же ты был все это время? – вздрогнула она тонкими плечами.

– В городе, – чуть не плача ответил я. – Правда, уезжал иногда.

– Недавно мама прочла книгу и узнала тебя, вот я и пришла. Ес-ли нужна, забирай, – это было сказано тихо и просто.

– Ну ведь поздно уже, – вздохнул я.

– Почему? – искренне удивилась она.

– Да поздно, – вздохнул я.

– Нет, – уверенно покачала головой Ольга

– Почему нет? – удивился я такой уверенности.

– Потому что нашла тебя, – она посмотрела на меня и за-смеялась.

“Дождалась!” – дошло до меня и я ахнул.

– Девочка, – вырвалось у меня и, зарывав от нахлынувших же-лания, счастья и весны я кинулся на нее.

Так несчастная итальянская фирма потеряла единственно-го, кто в ней работал. Правда из нее не раз прибегали, ныли, за-путывали, вообще вносили в нашу нелегкую жизнь хоть какое-то веселье.

Еще случилось невероятное, насильницы исчезли, они не смогли смотреть в обычные, ничего не требующие глаза, они испугались, чуть ли не до смерти. Еще четырнадцать лет назад маленькая девочка победила демонов. Школа сжалилась надо мной.

Я смотрел на спящую Ольгу, мокрую от раскаленной стены. За окном был чужой сад и ночь. Рядом молчал, измученный моей памятью, но еще живой компьютер с книгой, которую невозможно дописать.

В ночное окно громко постучали, но ведь мы убежали от всех. Я понял – это бесконечность.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ЧАСТИ

2003 год

ПЕРЕД ПОСКРИПТУМОМ

– Чего хочешь? – улыбаясь спросил Фу Шин.

– Мне бы справку, – само вырвалось у меня.

Вот уж действительно безостановочная головная боль, ведь тренировать в большом городе я так и не имел права. Нужно было сдавать экзамены людям, которые когда-то от меня первого узнали о существовании боевого искусства. Я до сих пор тренировал почти подпольно и каждая противная сущность запросто могла вышвырнуть нас из любого спортзала. Нужно было ехать в столицу нашей родины, там кому-нибудь понравиться и только потом создавать федерацию. Столько хлопот, что легче тренировать подпольно.

За несколько часов до поезда в мою комнату тихо вошла Джизгулька. Без грохота и топота, тихая и печальная Джизгулька.

– Папаня зовет, – прошептала она, не поднимая на меня своих чудесных глаз.

С Сашкой я уже простился.

“Сидит, наверное, на холодных тополиных коленях”, – подумал я.

– Держи, Серега, – Фу Шин протянул мне какой-то бумажный лист.

Это было разрешение – Фу шин позволял мне тренировать.

И эта справка оказалась недействительной, вот уж действительно удивительная страна. Во всем мире Верховный – это Верховный, а у нас все равно нужно пересдавать.

Вот так до сих пор и живу в подполье.

ПОСКРИПТУМ

Просыпаясь, я всегда хотел знать больше.

Просыпаясь, я был счастлив, что знаю больше.

Просыпаясь, я однажды испугался, что понял больше.

Литературно-художественное издание

Сергей Соболенко-Баскаков

НАСТОЙКА ОТ ХАМСТВА

Редактор:

Дикарев Юрий

Тел.: +38 050 908 82 59

Оригинал-макет:

Григорук Игорь

Благодарим за помощь:

*Григорук Анастасию Витальевну
Фейзопуло Станислава Александровича
Зубарева Константина Николаевича
Завгородского Алексея Валентиновича
Кузнецова Сергея Ивановича*

Издательство “Вольф”

Украина, 04073, Киев, ул. Сырецкая, 28/2

Отпечатано в типографии “Вольф”

Бумага мелованная. Формат 64x45/16. Усл. печ. л. ????

Заказ № ??????. Тираж 1050 экз.

Украина, 04073, Киев, ул. Сырецкая, 28/2

т/ф: (044) 464-4009